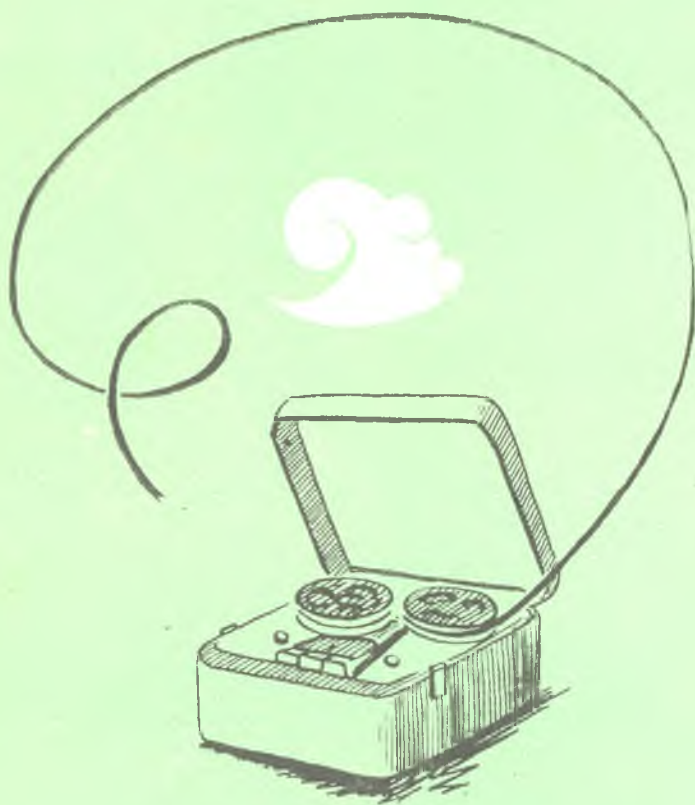

УС(Бур)
И 899
8787

Академия наук СССР
Сибирское отделение
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Исследование БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

ВЫПУСК II

Академия наук СССР
Сибирское отделение
Бурятский филиал
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

Выпуск 2

-8787-
УДК
1987
19 85

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Улан-Удэ 1968

Гос редакция Ц. Б. Цыдендамбаева и И. Д. Бураева

ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

В ы п у с к 2

(Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР,
выпуск 2, серия языковедческая)

Редактор БФ СО АН СССР *З. А. Рутковская*
Редакторы издательства *Ю. П. Болдонсв, И. Х. Оширова*
Технический редактор *Д. Б. Батоцыренова*
Корректоры *Р. П. Моисеева, М. Д. Жигжитова*

Слано в набор 4|IV-1967 г. Подписано к печати 25|VI-1968 г.
Заказ № 1630. Тираж 1000 экз. Печ. л. 17,15. Уч.-изд. л. 18,92
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Н-04582 Бум. типограф. № 2 сорт I. Цена 1 р. 29 коп.

Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР,
г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 21.

Бурятское книжное издательство, ул. Каландаришвили, 23.

Б. В. МАТХЕЕВ

ОЧЕРКИ ЭХИРИТ-БУЛАГАТСКОГО ГОВОРА

Общие замечания

Изучаемый говор распространен на территории Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского бурятского национального округа Иркутской области. Крайними точками распространения эхирит-булагатского говора на северо-востоке являются улусы Шардай, Минзан, Горхон, Хогот. Наблюдения показали, что речь коренных жителей указанных населенных пунктов обладает некоторыми чертами, которые не характерны для эхирит-булагатского говора. Например, *огоо* вместо эх.-бул. *угаа* (очень), *соол* — *бээжэ* (печь), *маатар* — *тура* (дом), *гооронсо* — *таһалга* (комната), *биисгэй* — *миисгэй* (кошка), *торой* — *гахайн хүбүүн* или *поршоонхо* (поросенок).

Эхирит-булагатский говор примечателен во многих отношениях. Далекие предки носителей этого говора — племена икерасы и булагачины — известны по древнейшим письменным памятникам истории монгольских народов. О них упоминается в монгольской исторической хронике «Сокровенное сказание» (XIII в.)¹, а также в сообщении персидского историка Рашид-ад-дина (XIV в.)² Это были наиболее крупные племена из всех племен, обитавших в те времена в районе Предбайкалья. Эти племена вместе с другим крупным племенем — хори-туматами (предки наших хоринских бурят) образовали ядро, вокруг которого происходила консолидация племен, обитавших в бассейне Ангары и Лены, по восточному побережью Байкала и в низовьях реки Селенги³, в конечном счете приведшая к формированию бурятской народности³.

Носители этого говора сохранили богатое духовное наследие прошлого бурятского народа — произведения всех жанров устного народного творчества, начиная от песен до героического эпоса, в том числе такие шедевры народной поэзии, как «Гэсэр-Богдо», «Аламжи-Мэргэн» и др., представляющие, по выражению академика Б. Я. Владимирцова, «величественную эпопею».

Эхирит-булагатский говор своеобразен и в языковом отношении, резко выделяясь среди прочих бурятских говоров. Так, например, только этот диалект среди всех диалектов монгольских языков, кроме тех, которые связаны с ним исторически или территориально (баргузинский, боханский), имеет в начальной позиции среднеязычный *j*, соответствующий

¹ См.: С. А. Козин. Сокровенное сказание. Т. I, М.—Л., АН СССР, 1941.

² См.: Рашид-ад-дин. Сб. летописей. Т. I, кн. I, М.—Л., АН СССР, 1952, стр. 77—78.

³ См.: «История Бурятской АССР». Т. I, изд. 2, Улан-Удэ, Бургуз, 1954, стр. 49.

щий *дж* или *ж* других диалектов в положении перед ранним общемонгольским гласным *i*¹. Некоторые специфические особенности речи эхирит-булагатских бурят были отмечены еще первыми собирателями бурятской народной словесности².

Изучение эхирит-булагатского говора представляет интерес и в том отношении, что этот говор сыграл определенную роль в процессе формирования добайкальских говоров (боханского, аларского, унгинского). Сказанное выше дает основание полагать, что описание данного говора будет иметь значительный научный интерес.

Эхирит-булагатский говор до сих пор не был предметом специального исследования. Некоторые сведения о нем содержатся в работах Д. А. Алексеева, Т. А. Бертагаева, Г. Д. Санжеева, Ц. Б. Цыдендамбаева³. Настоящий очерк представляет собой попытку описать в более или менее систематизированном виде различные (фонетическую, морфологическую и лексическую) стороны эхирит-булагатского говора в плане сопоставления с литературным языком. Такая работа могла бы послужить в дальнейшем необходимым источником при изучении более общих проблем диалектологии и истории бурятского языка. Думая так, автор целиком разделяет мысль одного из первых исследователей живых монгольских языков и диалектов Г. И. Рамstedта, который в начале XX века писал: «Самым прочным основанием для исторического изучения всех языков является исследование живых наречий и говоров, то же надо сказать о монгольском языке, и остается пожелать, чтобы эта точка зрения была наконец усвоена всеми монголоведами»⁴. Работа может также иметь и некоторое практическое значение для преподавателей бурятского языка, работающих в школах Эхирит-Булагатского района.

В работе особое внимание уделено случаям расхождения между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком. Проф. Г. Д. Санжеев указывает на то, что «в работах по диалектологии (сравнительной в особенности) главное внимание должно быть обращено на установление и разъяснение тех явлений, которые отличают одни наречия или говоры от других, то есть на выявление различий, а не общностей»⁵.

В основу работы легла прежде всего бытовая разговорная речь. Фольклорная речь (язык песен, сказок, улигеров и т. д.) использована сравнительно слабо⁶.

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. т. 1, М., АН СССР, 1953, стр. 50.

² См.: «Образцы народной словесности монгольских племен». Т. 1. Произведения народной словесности бурят, вып. III, Пг., Типография Российской Академии наук, 1918, стр. XII.

³ См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ, № 98, серия востоковедческих наук», вып. 1, 1949, стр. 161—202; Г. Д. Санжеев. «Сравнительная грамматика...» стр. 51; Т. А. Бертагаев. Западно-бурятский диалект на материалах лексики. «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру», XIV, М.—Л., АН СССР, 1935, стр. 143—164. Е. Г. Же. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961; Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, стр. 111—117.

⁴ Г. И. Рамstedт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908, стр. 11.

⁵ Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., АН СССР, 1931, стр. 6.

⁶ Работа написана в основном на материале, собранном автором в результате личных наблюдений во время неоднократных поездок в район распространения эхирит-булагатского говора. Автором использованы также опубликованные источники.

Звуковой состав эхирит-булагатского говора в общем мало отличается от фонетической системы хоринского говора, легшего в основу литературного языка. В этом, вероятно, сказывается общенародность языка в его материально-звуковом выражении¹.

Отличительной чертой рассматриваемого говора в области фонологической структуры является наличие в нем фонемы *ө*. Исследователи бурятского языка отмечали, что в одних говорах звук *ө* отсутствует, в других — он существует как позиционный оттенок фонемы *ү*². Эхирит-булагатский говор сохранил звук *ө* как самостоятельную фонематическую единицу, качественно отличную от фонемы *ү*. Фонема *ө* — звук мягкого ряда, широкий, слабоогубленный, краткий; проявляется в двух основных оттенках. Первый оттенок — слабонапряженный звук, смешанного ряда, примерно четвертой ступени подъема, слабоогубленный, употребляется в первом слоге мягкорядных слов, например: *хөл* (нога), *дөрбөн* (четыре); второй оттенок — ненапряженный гласный, центрального ряда, более открытый, чем предыдущий оттенок, и почти с полным отсутствием огубленности, употребляется в непервых слогах мягкорядных слов при условии, если в первом слоге находится оттенок этой фонемы или соответствующая огубленная долгая фонема *өө*, например: *бөлө* (двоюродный брат по матери), *өөрө* (своеобразный, оригинальный). В речи носителей эхирит-булагатского говора фонемы *ө* и *ү* различаются достаточно четко. Для сравнения приведем ряд примеров: *өлдөхө* (проголодаться) — *үлдэхэ* (гнаться), *хөрөхө* (остывать) — *хүрэхэ* (достичь, дотронуться), *өрө* (долг) — *үрэ* (плод), *дөрөхө* (гореть) — *дүрэхэ* (макать), *өдөхө* (размножаться) — *үдэхэ* (зашивать), *өһөө* (мечь) — *үһээ* (потолок), *өнөр* (благополучие) — *үнэр* (запах). По тому, какой гласный, то есть *ө* или *ү*, употреблен в первом слоге, зависит состав гласных непервых слогов. За гласным *ө* первого слога следует *ө* или *өө*, но не *э* или *ээ*, которым в эхирит-булагатском говоре, как правило, предшествует фонема *ү*. Ср., например: *өдөр* (день) — *үхэр* (бык), *төмөр* (железо) — *түргэн* (быстрый), *төмөрөөр* (железом, из железа) — *түргээр* (быстро), *дөрбөөр* (за четыре) — *үрээ* (необученная лошадь).

Основные расхождения в системе звуков между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком касаются соответствий в позиционных употреблениях фонем, обусловленных, в конечном итоге, фонетическими процессами на ассимилятивной и диссимилятивной основе, а также историческими закономерностями развития звуковой стороны языка. В области гласных наиболее распространены следующие соответствия между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком:

ө || *э* — *зөмөлхө* || *зэмэлхэ* (обвинять), *өндөхө* || *эбдэхэ* (ломать), *сөмө* || *сэмэ* (сукно), *шөнөһө* || *шэнэһэн* (лиственница), *зөмһөн* || *зэмһэн* (гостинец, подарок);

¹ Смелость такого утверждения основана на экспериментальном исследовании хоринского говора, проведенном И. Д. Буряевым («Звуковой состав бурятского языка». Улан-Удэ, 1958).

² См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка, стр. 167; Г. Д. Санжеев. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. «Зап. ГИЯЛИ», вып. 2, Бурмонгиз, 1939, стр. 7—23; Е. Г. Же. Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания. стр. 43; Т. А. Бертагаев. Записки лингвиста о хоринском говоре. «Зап. ГИЯЛИ», Бурмонгиз, 1936, стр. 5—7; Е. Г. Же. Флексия основ в агглютинативных языках. «Сб. тр. по филологии», вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—120.

у || о — *дубуун* || *добуун* (бугор, возвышенность), *шургалзан* || *шоргоолжон* (муравей);

о || у — *хотиго* || *хутага* (нож), *одигон* || *удаган* (шаманка), *годоһон* || *гутал* (унты), *јоргоон* || *зургаан* (шесть);

э || ү — *мэшэн* || *мүшэн* (звезда), *јэндэ* || *юундэ* (почему), *бэрэ* || *бури* (каждый);

ү || э — *хүдэн* || *хэдэн* (сколько), *гүдэһэн* или *гүтэһэн* || *гэдэһэн* (кишечник), *гүдэргээ* || *гэдэргээ* (назад).

ээ || ии(ы) — *түрээ* || *түрии* (голенище), *һэјээ* || *һэеы* (войлок), *дүл'ээ* || *дүлии* (глухой), *үгээ* || *үгеы* (нет), *хэрэнсээ* || *хэрэнсы* (крыльцо), *хэлтгээ* || *хэлтгэы* (кривой), *бэлтээлгэхэ* || *бэлтылгэхэ* (выпучить глаза).

Изредка наблюдаются и такие соответствия: у || э — *бушуурхаха* || *бэшуурхэхэ* (чуждаться), у || а — *булиан* || *балсан* (мускул), *мујаа* || *маяа* (кривоногий), ай || аа — *майраха* || *маараха* (блеять), *айлаар* || *аалаяар* (тихо), *дайр* || *даари* (натертое место на спине лошади); ой || оо — *мохой* || *мохоо* (тупой).

В области согласных характерными являются следующие соответствия:

л' || ж(з) — *јаргал* || *жаргал* (счастье), *јалга* || *жалга* (овраг), *јабар* || *жабар* (холодный ветер), *јорон* || *жаран* (шестьдесят), *јэл* || *жэл* (год), *јүтхэхэ* || *жүдхэхэ* (тянуть, тащить), *јэрхэ* || *жэрхи* (бурундук), *јэбэн* || *жэбэ* (ржавчина);

ј || г — *дол'јоон* || *долгин* (волна), *зал'јаха* || *залгиха* (глотать), *гонјонохо* || *гонгинохо* (гнусавить), *өөрјөө* или *өөрјэјөө* || *өөрынгөө* (свое).

ш || с или с || ш — *хүшэн* || *хүсэн* (сила), *шэхэ* || *сэхэ* (прямо), *шолоохой* || *солоохой* (щель), *саазгай* || *шаазгай* (сорока), *һэсхэлгэй* || *һэшхэлгүй* (бессловесный);

з || ж или ж || з — *эзы* (женщина) || *эжы* (мать), *зыхэ* || *жиихэ* (вытягивать), *гээзгэндэхэ* || *гэжэзгэн үүлхэ* (щекотать); *эжэн* || *эзэн* (хозяин), *зажалха* || *жажалха* (жевать);

х || г — *хагнаха* || *гагнаха* (паять), *бахана* || *багана* (столб), *дахаха* || *дагаха* (следовать);

ш || х — *тамшан* || *тамхин* (табак), *шалар* || *хилар* (косоглазый), *дашан* || *дахин* (снова), *һальшан* || *һалхин* (ветер), *шуруу* || *хюруу* (иней); р || л — *бар'уур* || *барюул* (ручка, рукоятка), *аршуур* || *аршуул* (тряпка), *тармуур* || *тармуул* (грабли), *хэрүүр* || *хэрүүл* (ссора).

Из спорадических соответствий согласных отметим: з || д — *газаадахи* || *гадаадахи* (наружный), *забиалха* || *дабиалха* (сидеть, поджав под себя ноги), м || б — *намтар* || *набтар* (низкий), *шэмнэхэ* || *шэбэнэхэ* (шептать), г || б — *гүрэлгэ* || *бүрэлгэ* (закуска), *гүбэнэхэ* || *бүбэнэхэ* (бормотать), н || м — *өндөн* || *үмдэн* (брюки), д || г — *даһан* || *гаһан* (курительная трубка), г || х — *гулда* || *хулда* (лунь — птица), н || ж — *хэмнэхэ* || *хэмжэхэ* (измерять).

Как на весьма характерную особенность эхирит-булагатского консонантизма можно указать на соответствие твердых согласных данного говора палатализованным согласным литературного языка. Приведем наиболее типичные примеры: р || р' — *хүрэн* || *хүрин* (коричневый), *хүргэн* || *хүрьгэн* (зять), д || д' — *үрдэхэ* || *үрдихэ* (опережать), н || н' — *наагаһан* || *няагаһан* (гной в глазах); б || б' — *һабаһагай* || *һабяһагай* (кокетливый, невыдержанный), х || х' — *хүрээ* || *хюрөө* (пила).

В эхирит-булагатском говоре встречаются и другие фонетические явления. Так, например, имеют место случаи выпадения согласных: *гасааша* вм. *гасааниша* (несговорчивый), *айшан* вм. *айлиан* (гость), *ээжээн* вм. *ээлжээн* (очередь), *сөмө* вм. *сэмбэ* (сукно), *јама* вм. *ямба* (почесть),

зумара в.м. зумбараа (суслик); перестановка согласных: шуһама в.м. хюм-хан (ноготь), боһого в.м. богохо (порог).

Одной из особенностей эхирит-булагатского говора является слитное произношение отдельных слов в потоке речи. Этот процесс сопровождается заметными изменениями первоначальной звуковой структуры подвергшихся стяжению слов. Чаще всего при этом происходит выпадение гласных. При «столкновении» кратких гласных обычно исчезает начальный гласный последующего слова, а конечный гласный предшествующего слова сохраняется. При стечении краткого гласного с долгим, как правило, первый вытесняется вторым. Примеры: Уһанда-рхо тэргэ-рээд-жэр-лаа из уһанда орохо тэргэ эрээд эрэ лаа (Сходи, попроси телегу, чтобы съездить за водой), Шамай хархадаа өрөбдэнэм хүрнэ из шамайе харахадаа, үрэ үбдэнэм хүрэнэ (Смотрю на тебя — жалко мне тебя).

При стяжении соединительных и разделительных деепричастий и вспомогательных глаголов, а также при некоторых обстоятельственно-временных сочетаниях имеет место выпадение согласных звуков на стыке стягивающихся слов. Примеры: һуужа-айна из һуужа байна (сидит), хараад-айна из хараад байна (смотрит), зэргэлээд-айна из зэргэлээд байна (стоит рядом).

При стяжении устойчивых глагольных и именных сочетаний наблюдается также выпадение слогов, например: хажгээд из хайшан гээд (как, каким образом), хатчам из хаана ошогишом (куда идешь?), ожроорой или одьроорой из оро жо ерээрэй (зайдешь), хүхэсэгээ из хүхэ сэсэгэй (трясогузка), голта из гол таһа (совершенно, совсем).

Из приведенных примеров видно, что стяжению подвергаются те слова, которые по отношению друг к другу представляют компоненты целых, сравнительно устойчивых, словосочетаний. Это и понятно, ибо в основе подобных словосочетаний обычно лежит относительное единство как грамматического, так и лексико-семантического порядка. Однако характер фонетического оформления словосочетаний в различных языках и диалектах проявляется по-разному. Так, например, в современном бурятском литературном языке отдельные компоненты словосочетаний в фонетическом отношении во многих случаях отличаются известной самостоятельностью, выступая как отдельные слова со своими фонетическими границами. В эхирит-булагатском же говоре, наоборот, наблюдается четко выраженная тенденция к слиянию отдельных слов словосочетания в одно фонетическое целое.

О словесном ударе н и. В изучаемом говоре четко намечается различие в степени напряженности звуков. Гласные звуки наиболее напряженную артикуляцию получают в первом слоге слова, что обуславливает максимальную четкость и ясность гласных этой позиции. Во всех остальных позициях они являются менее напряженными. Слабая напряженность эхирит-булагатских гласных в непервых слогах при определенных условиях приводит к качественной и количественной их редукции. Так, например, в трехсложных словах эхирит-булагатского говора, если все три слога открыты, гласный второго слога всегда сильно редуцирован, а в ряде случаев он просто исчезает. Например: , хэлхэ (говорить), абха (взять), гарха (выходить).

Степень напряженности является оттенковым признаком, а не фонематическим. Следует отметить, что долгие гласные в непервых слогах по сравнению с соответствующими краткими гласными являются более напряженными. Напряженность произношения гласных может служить одним из признаков определения словесного ударения. Наибольшая напряженность артикуляции гласного первого слога, о чем говорилось выше, дает основание говорить о наличии ударения в эхирит-булагатском

говоре на первом слоге слова, которому свойственна более слабая напряженность по сравнению с ударением в русском языке. Такой характер ударения, вероятно, присущ и другим основным диалектам бурятского языка¹.

Кроме указанного ударения, в изучаемом говоре имеется еще музыкальное ударение. Оно, как правило, падает на последний слог слова. Гласный в этой позиции по силе и напряженности артикуляции, не отличаясь от гласных других непервых слогов, выделяется высотой тона.

Таким образом, для эхирит-булагатского говора характерно два типа ударения: напряженное начальное-слоговое и музыкальное конечное-слоговое. Причем второе ударение обычно требует некоторой длительности звука для своего проявления. Этим объясняется, в частности, отсутствие количественной редукции гласного в конечном слоге в словах данного говора, в отличие от некоторых монгольских языков, например, халхаского и ойратского, где количественная редукция гласных звуков в непервых слогах привела к исчезновению этих звуков.

Оба типа эхирит-булагатского словесного ударения в силу постоянной позиционной закреплённости, неподвижности и слабовыраженной характеристики не играют в речи фонематической роли, то есть не могут служить целям семантической дифференциации слов и морфем (как, например, напряженное количественное ударение в русском языке).

Однако следует отметить, что музыкальное ударение иногда, оказавшись внутри слова, что возможно в результате сложения двух лексических элементов, может выполнять фонематическую функцию. При этом оно приобретает значительную интенсивность, выражающуюся, насколько это можно определить при слуховом методе исследования, в большем повышении музыкального тона. Учитывая эти особенности музыкального ударения внутри слова, мы выделяем его в особую разновидность под названием внутрисловесного музыкального ударения.

Внутрисловесное музыкальное ударение имеет сравнительно ограниченное употребление. Оно используется, например, в видовых глагольных формах на *-ша* (*-шэ*, *-шо*)². При этом ударение падает обычно на слог, непосредственно предшествующий суффиксу вида. Примеры: *унта^а-шаха* ¹ (заснуть), ср. *унтаха* (спать); *хара^ашаха* ¹ (увидеть), ср. *хараха* (смотреть); *у^ауша^а* ¹ (выпить), ср. *ууша* (легкие); *бо^оошо* ¹ (задушить) ср. *боошо* (бочка); *на^ачша* ¹ (зацепиться), ср. *нашха* (караулить).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Материал, предлагаемый в настоящем разделе, представляет собой специфически диалектные данные о морфологическом строе изучаемого говора. Эти сведения даются в аспекте сравнительного рассмотрения их с морфологической системой бурятского литературного языка.

¹ См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. вып. Г. Опыт исследования. Пг., 1913—1914, стр. XXXII—XXXIII; А. М. Хамгашалов. Опыт исследования бурят-монгольского стихосложения. Улан-Удэ, 1940, стр. 20—21; Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М., 1941, стр. 7—8; В. И. Золхоев. О трех типах ударения в монгольских языках. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 6, серия истор.-филол., Улан-Удэ, 1961, стр. 105—115.

² Суффикс *-ша* (*-шэ*, *-шо*) восходит к глаголу *ошохо* (отправиться).

³ Для отличия музыкального ударения от напряженного в работе употребляются специальные диакритические знаки: музыкальный знак четверти «¹» для музыкального ударения с относительно небольшим интервалом, музыкальный знак половина «q» для музыкального ударения с относительно большим интервалом.

Множественность как грамматическая категория в эхирит-булагатском говоре морфологически представлена формативами: *-д*, *-ууд* (*-үүд*), *нууд* (*-нүүд*), *-гууд* (*-гүүд*), *-һууд* (*-һүүд*), *-над* (*-нод*, *-нөд*, *-нэд*).

Употребление того или иного формата множественности зависит от характера конечного звука основы единственного числа соответствующих имен. Иногда формы множественного числа могут оказаться совершенно различными, несмотря на то, что их основы единственного числа будут иметь одинаковые конечные звуки. Это объясняется тем, что в образовании отдельных форм множественного числа играет роль не характер конечного звука основы, а лексико-семантическое содержание слова, его структурно-семантическая соотнесенность; в некоторых же случаях эти факты не поддаются объяснению. Например, трудно объяснить, — по крайней мере на основании только данных одного диалекта, — почему слово *дэгэл* (шуба) имеет форму множественного числа *дэгэд* (шубы), а слово *гэрэл* (стекло оконное) — форму множественного числа *гэрэлүүд* (стекла). Ключ к объяснению такого рода примеров, по-видимому, следует искать путем изысканий в области исторической морфологии монгольских языков¹.

Рассмотрим каждый из приведенных аффиксов в отдельности.

А ф ф и к с *-д* употребляется, как правило, при образовании множественного числа от именной основы, если последняя оканчивается на: а) долгие монофтонги, исторически восходящие к дифтонгоидам, например: ед. ч. *нохой* (собака) — мн. ч. *ноход* (собаки), ср. лит. *нохойнууд*, бох. *нохойһууд* или *нохойд*; ед. ч. *гахай* (свинья) — мн. ч. *гахад* (свиньи), ср. лит. *гахайнууд*, бох. *гахайһууд* или *гахайд*; ед. ч. *толгой* (голова) — мн. ч. *толгод* (головы), ср. лит. *толгойнууд*, бох. *толгойһууд* или *толгойд*; ед. ч. *малгай* (шапка) — мн. ч. *малгад* (шапки), ср. лит. *малгайнууд*, бох. *малгайһууд* или *малгайд*; ед. ч. *могой* (змея) — мн. ч. *могод* (змеи); б) согласные *р*, *л*, если именная основа является названием людей, их одежды, животных, например: ед. ч. *нөхөр* (товарищ, друг) — мн. ч. *нөхөд* (товарищи, друзья), ср. лит. *нүхэд* или *нүхэдүүд*; ед. ч. *үхэр* (бык) — мн. ч. *үхэд* (скот, но не «быки»), ср. лит. *үхэрнүүд*; ед. ч. *тугал* (теленок) — мн. ч. *тугад* (телята), ср. лит. *тугалнууд*; ед. ч. *дэгэл* (шуба, пальто) — мн. ч. *дэгэд* (шубы), ср. лит. *дэгэлнүүд*; в) неустойчивый *н* при любой семантике основы, например: ед. ч. *морин* (лошадь) — мн. ч. *морид* (лошади), ср. лит. *морид* или *моридууд*; ед. ч. *јамаан* (коза) — мн. ч. *јамаад* (козы), ср. лит. *јамаад* или *јамадууд*; ед. ч. *тэргэн* (телега) — мн. ч. *тэргэд* (телеги), ср. лит. *тэргэнүүд*; ед. ч. *мэшэн* (звезда) — мн. ч. *мэшэд* (звезды), ср. лит. *мүшэд* или *мүшэнүүд*.

Как показывают приведенные примеры, образование множественного числа от основ с дифтонгоидами на конце сопровождается качественным и количественным изменением конечного звука — переходом его в краткую фонему соответственно сингармоническому ряду вокализма в слове. При образовании же множественного числа от основ с конечными *р*, *л* и *н* последние полностью вытесняются аффиксом множественности. Нарушение звуковой целостности основы, вызванное присоединением суффиксов множественности, является отклонением от обычного

¹ Исследования академика С. А. Козина «К вопросу о показателях множественности в монгольском языке» (см.: «Уч. зап. ЛГУ, серия филол. наук», вып. 10, Л., 1946, стр. 120—136) и Д. А. Алексеева «О некоторых показателях множественности в бур.-монг. языке» (см.: «Сб. тр. по филол.», вып. 1, Бурмонгиз, 1948, стр. 121—135), к сожалению, не дают еще полного объяснения этим фактам.

принципа конструирования грамматических форм в монгольских языках, принадлежащих к языкам агглютинативного строя.

В литературном языке аффикс *-д* менее употребителен. Он образует множественное число, как правило, от основы, оканчивающейся на неустойчивый или конечный исконный переднеязычный согласный *н*.

А ф ф и к с *-ууд* (*-үүд*). Посредством этого аффикса образуется множественное число от именной основы, оканчивающейся на согласный, кроме сонантных *н*, *р*, *л*, а также от основы с конечным *н*, *р*, *л*, если она семантически выражает, как правило, неодушевленный предмет. Например: ед. ч. *ураг* (родственник) — мн. ч. *урагууд* (родственники), ед. ч. *сэсэг* (цветок) — мн. ч. *сэсэгүүд* (цветы), ед. ч. *хадам* (отец жены, родственник по жене) — мн. ч. *хадамууд* (родственники по жене), ед. ч. *төрхөм* (родина, родственник жены) — мн. ч. *төрхөмүүд* (родные жены), ед. ч. *тэнэг* (глупец) — мн. ч. *тэнэгүүд* (глупцы), ед. ч. *гэр* (дом, юрта) — мн. ч. *гэрүүд* (дома, юрты), ед. ч. *тармуур* (грабли) — мн. ч. *тармуурүүд* (грабли), ед. ч. *гол* (река) — мн. ч. *голууд* (реки).

Употребление этого аффикса в литературном бурятском языке отличается от его употребления в эхирит-булагатском говоре тем, что в литературном языке он не присоединяется к основе, оканчивающейся на *л*, *р*, *п*, кроме того, может употребляться при основе с конечным исконным переднеязычным *н*, например: ед. ч. *хүн* (человек) — мн. ч. *хүнүүд* (люди), ср. эх.-бул. *хүүд*.

А ф ф и к с *-һууд* (*-һүүд*) употребляется в случаях, когда именная основа оканчивается на долгий гласный. Например: ед. ч. *буу* (ружье) — мн. ч. *бууһууд* (ружья), ед. ч. *буруу* (телка) — мн. ч. *бурууһууд* (телки), ед. ч. *эл'ээ* (стервятник) — мн. ч. *эл'ээһүүд* (стервятники).

Данный форматив исторически является составным и восходит к формативам *-с + -ууд* (*-үүд*), что в бурятском языке дало *-һ + -ууд* (*-үүд*).

В эхирит-булагатском же говоре, по-видимому, шел и до сих пор еще идет процесс выпадения звука *һ* в интервокальной позиции, о чем в настоящее время свидетельствует довольно четко выраженная тенденция к выпадению *һ* в составе указанного выше аффикса множественного числа. В некоторых случаях при основе с долгими гласными на конце, наряду с обычным аффиксом *-һууд* (*-һүүд*), употребляется аффикс *-ууд* (*-үүд*). Такие случаи встречаются при условии, если исключена возможность фонетического совпадения формы множественного числа имени на *-ууд* (*-үүд*) с какой-либо другой грамматической формой, то есть при отсутствии возможной грамматической омонимии. Так, например, можно сказать *тах'ааһууд* и *тах'ааууд* (куры), но не говорят *бууд* вм. *бууһууд* (ружья), так как слово *бууд* представляет собой побудительную форму глагола от слова *буудаха* (стрелять).

В литературном языке аффикс множественного числа *-һууд* (*-һүүд*) не употребляется. Ему соответствует суффикс *-нууд* (*-нүүд*), ср., например, эх.-бул. *бурууһууд* и лнт. *буруунууд* (телки-однолетки).

А ф ф и к с *-н у у д* (*-н ү ү д*) образует множественное число только от имен прилагательных, причем употребляется он при любой основе. Например: ед. ч. *хара* (черный) — мн. ч. *харанууд* (черные), ед. ч. *боро* (серый) — мн. ч. *боронууд* (серые), ед. ч. *бага* (малый) — мн. ч. *баганууд* (малые), ед. ч. *јэхэ* (большой) — мн. ч. *јэхэнүүд* (большие), ед. ч. *тэбхэр* (прямоугольный) — мн. ч. *тэбхэрнүүд* (прямоугольные), ед. ч. *халамгай* (пьяный) — мн. ч. *халамгайнүүд* (пьяные), ед. ч. *хүштээ* (сильный) — мн. ч. *хүштээнүүд* (сильные).

Употребление в эхирит-булагатском говоре аффикса *-нууд* (*-нүүд*) обнаруживает некоторые черты сходства с ордосским диалектом, где,

по сообщению А. Мостэра, этот аффикс образует форму множественного числа от основ с конечными гласными, обозначающую масть животных, и местоимений, например: *харанут* (черные), *джиронут* (иноходцы), *биданут* (мы)¹. Однако в исследуемом нами говоре рассматриваемый аффикс выступает в более абстрагированном виде, чем в ордосском диалекте, употребляясь с качественными именами вообще и притом независимо от конечного звука основы.

В литературном бурятском языке функции рассматриваемого формата множественности еще более расширены по сравнению с эхирит-булагатским говором. Здесь он употребляется не только с качественными, но и с предметными именами, основы которых оканчиваются на гласные и согласные *р* и *л*, а в заимствованных словах — на мягкие согласные, шипящие и сочетания из нескольких согласных. Например: *арганууд* (способы), *далайнууд* (морья), *гарнууд* (руки), *галнууд* (огни), *пунктнууд* (пункты), *гаражнууд* (гаражи), *фонарьнууд* (фонари).

А ф ф и к с *-г у у д* (*-г ү ү д*) употребляется, так же как и в литературном языке, при именной основе с исконным заднеязычным *н*, который при образовании множественного числа, как правило, сохраняется. Поскольку слов, оканчивающихся на исконный заднеязычный устойчивый *н*, мало, формы множественного числа на *-гууд* (*-гүүд*) относятся к наименее употребительным грамматическим формам. Примеры: ед. ч. *булан* (угол) — мн. ч. *булангууд* (углы), ед. ч. *сан* (жестянка) — мн. ч. *сангууд* (жестянки).

А ф ф и к с *-н а д* (*-н э д*, *-н о д*, *-н ө д*) употребляется, как правило, при основах имен, являющихся названиями родства людей и оканчивающихся на гласные. Например: ед. ч. *аха* (старший брат) — мн. ч. *аханад* (старшие братья), ед. ч. *дүү* (младший брат) — мн. ч. *дүүнэд* (младшие братья), ед. ч. *бөлө* (двоюродный брат) — мн. ч. *бөлөнөд* (двоюродные братья), ед. ч. *абга* (дядя по отцу) — мн. ч. *абганад* (дяди по отцу), ед. ч. *нагса* (дядя по матери) — мн. ч. *нагсанад* (дяди по матери).

Небезынтересно отметить, что при присоединении к этому аффиксу падежных окончаний и частиц притяжания гласный, находящийся в его составе, сильно редуцируясь, выпадает: аффикс *-над* превращается в *-нд*. Примеры: *Нагсандтаа айшалжа ошоо* (Уехал в гости к дядям по матери), *Зээндни олыма* (Много у меня племянников), *Абганднай манаараа зэргэлээд нуудагыма* (Дяди живут по соседству с нами), *Бэрэндтээ юу өхөблээб?* (Что же мне дать своим невесткам?)

Аффикс *-над* в эхирит-булагатском говоре не употребляется с местоименными основами, чего нельзя сказать в отношении литературного языка, где нередко встречаются формы *маанад*, *бидэнэд* (мы), *таанад* (вы).

В литературном языке наряду с аффиксом *-над* существуют идентичные по значению, но менее употребительные суффиксы *-аалин* и *-нар*, которые в эхирит-булагатском говоре отсутствуют. Например: лит. *аханар* (старшие братья), *эгэиэнэр* (старшие сестры), *таанар* (вы), *багшанар* (учителя), *вождьнор* (вожди), *базаалин* (свояки). Возможно, что аффикс *-нар* некогда существовал в эхирит-булагатском говоре, если учесть, что аффикс *-над* представляет собой контаминацию суффиксов *-нар* и *-д*².

¹ См.: А. Мостэрт. *Textes oraux Ordos, Peiping*, 1937, p. XXI—XXIV

² См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., стр. 132; Д. А. Алеев. О некоторых показателях множественности..., стр. 124.

О суффиксах собирательности

По своей грамматической природе к аффиксам множественности приближаются так называемые специализированные показатели множественности, или, по нашей терминологии, суффиксы собирательности. В эхирит-булагатском говоре к ним относятся аффиксы *-шуул* (*-шүүл*), *-тан*, *-н*, *-раг*. От обычных аффиксов множественного числа они отличаются тем, что наряду с указанием на количественный признак слова придают последнему еще некоторый дополнительный семантический оттенок, приближаясь с этой точки зрения к суффиксам словособразования.

Суффикс *-шүүл* (*-шүүл*) служит средством субстантивации имен прилагательных. Субстантивировавшиеся прилагательные обозначают людей и употребляются в собирательном значении. Например: *залуу* (молодой) — *залуушуул* (молодежь), *јэхэ* (большой) — *јэхэшүүл* (взрослые), *этлөһөн* (старый) — *этлөвшүүл* (старики), *һайн* (хороший) — *һайшуул* (лучшие люди), *золтой* (счастливый) — *золтойшуул* (счастливы).

Суффикс *-тан* (*-тэн*, *-тон*, *-төн*). Употребление этого суффикса в эхирит-булагатском говоре ничем не отличается от его употребления в бурятском литературном языке и других диалектах.

Он образует имена с собирательным значением, обозначающие названия животных и людей. Например: *амин* (душа) — *амитан* (люди), *араан* (коренной зуб) — *араатан* (хищники), *һаншаг* (влассы на висках у женщины) — *һаншагтан* (женщины), *бэһэ* (пояс) — *бэһэтэн* (мужчины), *абга* (дядя) — *абгатан* (дядя и его семья).

Суффикс *-н* употребляется при именной основе с суффиксом *-ша* (*-шэ*, *-шо*, *-шө*). Например: *загаһаша* (рыболов) — *загаһашан* (рыбаки), *бэшэ* (другой) — *бэшэн* (другие), *хөдмөршө* (трудолюбивый) — *хөдмөршөн* (трудящиеся).

С исторической точки зрения, возможно, было бы более правильным суффиксы *-ша* (*-шэ* *-шо*, *-шө*) и *-н* рассматривать как единую морфему *-шан* (*-шэн*, *-шон*, *-шөн*). Г. Д. Санжеев пишет, что «...в монгольских языках форма *-ч || -ша*, как форма единственного числа, сложилась позднее: первоначально имена с окончанием *-чин* обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*керемүчин* «керемучины» от *керему* «белка», *булагачин* «булагачины» от *булага* «соболь» и т. д.) и лишь потом, путем отсечения или выпадения конечного *н*, образуется форма единственного числа на *-ч || -ша*»¹.

Сказанное выше кажется особенно вероятным, если учесть, что в эхирит-булагатском говоре в ряде случаев формы единственного числа соответствующих имен на *-ша* совершенно отсутствуют, тогда как формы множественного числа (вернее, собирательности) от данных же именных основ бытуют. Это свидетельствует о том, что слова, имеющие в своем составе форматив *-шан*, иногда оказываются употребительными только в форме множественного числа, составляя, таким образом, своеобразную группу *pluralia tantum*, то есть категорию слов, совершенно не характерную для монгольских языков. Например, есть формы: *туришан* (те, которые уехали в город), *өтлөвшөн* (старики), *хосроошон* (несчастные, обреченные), *архидаашан* (гуляющие), но нет форм единственного числа этих слов — «*туриша*», «*өтлөвшэ*», «*хосроошо*» и т. д.

Суффикс *-раг* употребляется при именах, обозначающих родовые, семейные подразделения людей. Например: *мингараг* (минганов-

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., стр. 133.

ские), *хамр'уураг* (хамрюевские, то есть род или семья Хамрюев), *бутхараг* (бутхановские), *балтхараг* (балтахановские), *башилхараг* (башелхановские) и т. д. Суффикс *-раг* — это усеченная форма слова *ураг* (родственник, родня). В литературном языке данный суффикс не бытует.

Приведенный перечень аффиксов показывает, что эхирит-булагатский говор по способу выражения категории множественности и собирательности не имеет принципиальных отличий от бурятского литературного языка, однако имеет некоторые частные своеобразия, относящиеся, главным образом, к сфере их употребления и отчасти к их составу. Следует отметить, что в изучаемом говоре слова не принимают удвоенные показатели множественности, как это имеет место в литературном языке.

Об особенностях аффиксов падежей

Склонение слов в бурятском языке является однотипным, то есть все слова, независимо от своей принадлежности к той или иной части речи, принимают в основном одни и те же падежные аффиксы. Г. Д. Санжеев отмечает, что в отношении систем падежного склонения в монгольских языках и диалектах можно «...полностью отвлечься от рассмотрения форм падежей отдельно по частям речи, как это совершенно необходимо при изучении падежных форм и отношений во флективных языках»¹.

Различные вариации форм в пределах одного и того же падежа в бурятском языке вызваны лишь звуковой структурой отдельных слов — качеством конечного звука основы (или корня). По этому признаку в нормативной грамматике современного литературного языка различают пять типов склонения. Для того чтобы более отчетливо показать имеющиеся в системе склонения отличия эхирит-булагатского говора от бурятского литературного языка, остановимся на характеристике этих типов склонения.

К 1-му типу склонения относятся слова, оканчивающиеся на твердый согласный, за исключением *н*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*; ко 2-му типу склонения относятся слова, оканчивающиеся на гласные *а*, *о*, *э* и согласные *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* или на две-три согласные; к 3-му типу склонения относятся слова, оканчивающиеся на гласный *и* или (в заимствованных словах) на *я*, *ий*, *ь*; к 4-му типу склонения относятся слова, оканчивающиеся на исконный заднеязычный *н*, дифтонги, долгие; к 5-му типу склонения (*тусхай зохилдол* — особое или смешанное склонение) относятся слова, оканчивающиеся на исконный переднеязычный устойчивый и неустойчивый *н*.

Различия между этими типами склонений выражаются, главным образом, в формах трех падежей, а именно: родительного (*хамаанай*), винительного (*уйлын*) и орудного (*зэбсэгэй*).

1-е склонение в род. п. имеет аффикс *-ай* (*-эй*, *-ой*), в вин. пад. — *-ые*; в ор. п. — *-аар* (*-ээр*, *-оор*, *-өөр*); 2-е склонение в род. пад. имеет аффикс *-ын*, в вин. и ор. п. — те же, что и 1-е склонение. 3-е склонение в род. п. имеет аффикс *-ин*, в вин. п. — *-ие*, в ор. п. — *-яар* (*-ээр*, *-ёор*); 4-е склонение имеет в род. п. аффиксы *-гай*, *-н*, в вин. п. — *-гые*, *-е*, в ор. п. — *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*, *-гөөр*); в 5-м (смешанном) типе склонения, если слова оканчиваются на устойчивый *н*, они склоняются в общем по 1-му склонению, но в вин. п. чаще всего принимают окончание 3-го склонения *-ие*; если слова оканчиваются на неустойчивый *н*, во всех указанных выше падежах они принимают аффиксы 1-го склонения с сохранением не-

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., стр. 127.

устойчивого *н*, но в вин. и ор. п., то есть в тех случаях, когда *н* отпадает, аффикс присоединяется в зависимости от гласного, находящегося перед неустойчивым *н*. Другими словами, в вин. и ор. п. присоединяются аффиксы 2-го склонения, если перед *н* стоит краткий гласный, и 4-го склонения, если перед *н* стоит долгий гласный.

Остальные три косвенных падежа не знают вариаций форм по характеру последнего звука основы. Для всех склоняемых слов дат. п. имеет аффикс *-да* (*-дэ*, *-до*), или *-та* (*-тэ*, *-то*), совм. п. *-тай* (*-тэй*, *-той*) и лишь иногда *-лаар* (*-лээр*, *-лоор*, *-лөөр*) для слов, оканчивающихся в им. п. на согласный, в том числе на неустойчивый *н*, который сохраняется.

Таковы в общих чертах аффиксы, представленные в нормативной школьной грамматике бурятского литературного языка.

Специфическую черту склонения в эхирит-булагатском говоре составляют аффиксы родительного, винительного, исходного и отчасти орудного и совместного падежей в пятом или так называемом смешанном склонении. Остановимся на оформлении указанных падежей в отдельности.

Родительный падеж оформляется: 1) аффиксом, состоящим из краткого гласного *-и* или *-а* (*-э*, *-о*, *-ө*); 2) аффиксом, состоящим из долгого гласного, согласно сингармоническому ряду слов, плюс *н*: *-айн* (*-ойн*, *-ээн*); 3) аффиксом *-н*; 4) аффиксом *-ји*; 5) аффиксом *-иин*.

Аффикс *-и* или *-а* (*-э*, *-о*, *-ө*) употребляется с основой, оканчивающейся на согласный, кроме *г*, *н(г)*, при этом конечный согласный основы всегда палатализуется, что в известной степени идет вразрез с принципами агглютинации, то есть присоединение аффикса приводит к нарушению качества конечного звука основы — переходу твердого согласного в мягкий. Таким образом, этот аффикс соответствует литературному *-ай* (*-ой*, *-эй*) в 1-м склонении. Примеры: эх.-бул. *гали* или *гал'а* — лит. *галай* (огня); эх.-бул. *морни* или *мор'но* — лит. *мориной* (лошади); эх.-бул. *дэгэли* или *дэгэл'э* — лит. *дэгэлэй* (шубы).

Следует отметить, что при данной основе в этом падеже возможен параллельный вариант, совпадающий с соответствующим оформлением в литературном языке. Этот вариант встречается, главным образом, в песнях, но не исключена возможность его употребления и в других жанрах фольклорной речи¹. Приведем запись одной песни-четверостишия:

Мориной хураданда
Монголдоо ошојо;
молодой залуудаа
хөмсөмоол болојо.

Пока конь еще быстр —
поедем в Монголию;
пока еще молодые —
вступим в комсомол.

Совпадение родительного падежа при данной основе с таковым литературного языка имеет место еще и в случае, когда форма родительного падежа выступает в предложении в предикативной роли. Например: *Энэ хубуун манай* (Этот мальчик наш), *Энэ м'ахан ухрээ* (Это мясо говядье).

Кроме того, форма с этим аффиксом употребляется с темпоральным значением, обозначая обстоятельство времени в прошлом. Синтаксически она сочетается обычно с глагольными формами прошедшего времени. Например: *Намарай јүү хэжэ байһимта?* (Что же вы делали осенью?).

Аффикс *-айн* (*-ойн*, *-ээн*) употребляется с основой, оканчивающейся на краткий гласный, который сливается с аффиксом, потеряв свое пер-

¹ Так, например, эпос нередко начинается словами: *Урайнай уринда, урин сагай түрүүндэ...* (Давным давно, на заре доброго старого времени...).

воначальное значение. Этот аффикс соответствует литературному *-ын* во 2-м склонении. Примеры: эх.-бул. *ахайн* — лит. *ахын* (старшего брата), эх.-бул. *шонойн* — лит. *шонын* (волка), эх.-бул. *нэрээн* — лит. *нэрын* (имени).

Аффикс *н* употребляется с основой, оканчивающейся на долгий гласный дифтонгического происхождения. Форма родительного падежа, образованная посредством этого аффикса, полностью совпадает с соответствующей формой литературного языка. Примеры: эх.-бул. *шарайн* — лит. *шарайн* (лица), эх.-бул. *нохойн* — лит. *нохойн* (собаки) и т. д.

Аффикс *-ји* употребляется с основой, оканчивающейся на долгий гласный недифтонгического происхождения, исконный заднеязычный согласный *н* и согласный *г*; этот аффикс соответствует литературному *-гай* (*-гой*, *-гэй*) в 4-м склонении. Примеры: эх.-бул. *тах'ааји* || *ташааја* — лит. *тахяагай* (курицы), эх.-бул. *анји* — лит. *ангай* (зверя), эх.-бул. *булаји* — лит. *булагай* (ключа, ключевая), эх.-бул. *худаји* — лит. *худагай* (колодца, колодезная).

Соответствие *-ји* литературному *-гай* (*-гой*, *-гэй*) объясняется тем, что соединительный согласный *г* в аффиксах литературного языка в эхирит-булагатском говоре переходит в *ј*. Следовательно, здесь мы имеем по существу расхождение не в аффиксе, а только лишь в согласном, который соединяет падежный аффикс с основой.

Аффикс *-шин* употребляется с основой, оканчивающейся на гласный *и* с предшествующим палатализованным согласным. Это же наблюдается и в литературном языке. Примеры: эх.-бул. *хөдмөрийн* — лит. *хүдэлмэрийн* (работы), эх.-бул. *хүнийн* — лит. *хүнийн* (ночи).

И с х о д н ы й п а д е ж в рассматриваемом говоре имеет аффикс *-на* (*-нэ*, *-но*, *-нө*). В литературном языке ему соответствует *-наа* (*-нээ*, *-ноо*, *-нөө*). Например: эх.-бул. *гална* — лит. *галнаа* (от огня), эх.-бул. *моринно* — лит. *моринноо* (с лошади), эх.-бул. *эрјэнэ* — лит. *эрьһэнэ* (от берега).

Из падежей ограниченного употребления в изучаемом говоре имеет с а п р а в и т е л ь н ы й падеж с формативом *руу*, например, *хада руу* (под гору). Сфера употребления этого падежа ограничена словами, имеющими пространственно-локативное значение. Форматив *руу* неполностью срачивается с предыдущим словом, сохраняя интонационную самостоятельность. В этом говоре употребление направительного падежа с формативом *руу* и конструкции с послелогом *тээши* семантически дифференцировано: *гэр руу* (направление в юрту), *гэр тээши* (направление к юрте). *Руу* отличается от *соо* тем, что первое показывает направление, а второе — местонахождение: *гэр соо* (в юрте), *гэр руу* (в юрту), *гэр тээши* (к юрте).

О степени качества имен прилагательных

Для выражения различных степеней качества в эхирит-булагатском говоре, так же как и в литературном языке, употребляются специальные аффиксы, наречные слова-усилители, частицы, редупликаты (повторы) и падежные формы в определенном синтаксическом сочетании.

Суффиксы сравнительной степенн: *-шаг* (*-шэг*, *-шог*, *-шөг*), *-бтар* (*-бтэр*, *-бтор*, *-бтөр*), *-хан* (*-хон*, *-хэн*, *-хөн*). Первые два суффикса функционально однозначны: обозначают недостаточную степень качества или наличие качества в слабой степени. Различие между ними заключается только в способе употребления их: первый суффикс употребляется с прилагательными, выражающими семантику цветов, второй — со всеми

остальными прилагательными. Примеры: *хара* (черный) — *харабтар* (черноватый), *бага* (малый) — *багашаг* (маловатый).

В литературном языке имеются эти же суффиксы, но употребление их не дифференцировано по семантике основ. Например: *түхэрэзбтэр* (кругловатый) при *түхэрэн* (круглый), *залуубтар* (моложавый) при *залуу* (молодой), *хатуубтар* (твердоватый) при *хатуу* (твердый), *хүхюубтэр* (веселенький) при *хүхюу* (веселый), *хүндэбтэр* (тяжеловатый) при *хүндэ* (тяжелый).

Суффикс *-хан* (*-хэн*, *-хон*, *-хөн*) обозначает усиление или уточнение того или иного признака, выраженного основой. Например: *сэбэр* (прекрасный) — *сэбэрхэн* (прекраснейший), *сар'уун* (замечательный) — *сар'уухан* (замечательнейший), *муу* (плохой) — *муухан* (плохонький), *залуу* (молодой) — *залуухан* (молоденький), *нарин* (тонкий) — *нар'хан* (тоненький), ср. лит. *наришхан*, *сагаан* (белый) — *сагахан* (беленький), *нэгэн* (один) — *нэгэхэн* (один-единственный), *хојор* (два) — *хојорхон* (всего лишь два).

При употреблении с наречиями этот суффикс получает конечную огласовку. Например: *дээрэхэнэ* (чуть повыше), *дорохоно* (чуть пониже), *хажсудахана* (совсем рядом), *ойрохоно* (совсем близко).

В эхирит-булагатском говоре суффикс *-хан* с именами существительными не употребляется; в литературном языке он нередко образует уменьшительно-ласкательную форму имен существительных. Например: *шубуун* (птица) — *шубуухан* (птичка), *хото* (желудок) — *хотохон* (желудочек).

Частицы-редупликации употребляются для выражения превосходной степени. По морфологическому оформлению они могут быть двоякого типа: а) состоящие из первого слога данного слова плюс *б* или *д*; б) состоящие только из первого слога данного слова. По характеру употребления эти модели редупликации отличаются друг от друга. Первый тип употребляется преимущественно с прилагательными, обозначающими признак по цвету или масти, второй — с описательными (или образными) прилагательными. Примеры: *сагаан* (белый) — *саб сагаан* (совершенно белый), *хара* (черный) — *хаб хара* (черный-пречерный) или (совершенно черный), *улаан* (красный) — *уб улаан* (красный-прекрасный, алый), *хүхэ* (синий) — *хүб хүхэ* (синий-синий), *шара* (желтый) — *шаб шара* (желтый-желтый), *шэнэ* (новый) — *шэб шэнэ* (совсем новый), *бүрэнхээ* (пасмурный) — *бүд бүрэнхээ* (совсем пасмурный), *арбагар* (ветвистый) — *ара арбагар* (очень ветвистый), *төрхөгөр* (круглый) — *төр төрхөгөр* (очень круглый).

В эхирит-булагатском говоре редупликативные формы от прилагательных *сагаан* (белый) — *саб сагаан*, *хара* (черный) — *хаб хара*, *шара* (желтый) — *шаб шара*, помимо превосходной степени качества, обозначают еще цвет лица (кожи) человека: *саб сагаан бэјэтээ хүн* (белокожий человек), *шаб шара басаган* или *шабшар шарайтай басаган* (девушка с белым лицом, блондинка), *хабхар хүүн* (чернокожий человек, или человек с черным лицом). В изучаемом говоре слово *хабхар* означает — темный, темно; *саб сагаан* — светлый, светло, отсюда происходят сочетания *хабхар болоо* (стало темно), *сабсагаан болоо* (стало светло, рассветло).

В исследуемом нами говоре синтаксический способ образования сравнительной степени посредством падежных форм, слов-усилителей типа *угаа* (очень), *эгээн* (самый), *ајаар* (несравненно), а также послелога *рходоо* не отличается от литературного языка. Правда, в эхирит-булагатском говоре такие наречия-усилители, как *тон*, *маша* (очень), *һураггүй* (несравненно), не употребляются.

Личные местоимения. В фонетическом отношении некоторые местоимения эхирит-булагатского говора отличаются от соответствующих местоимений бурятского литературного языка. Местоимения 1-го и 2-го лица ед. ч. *би*, *ши* в исследуемом говоре произносятся с кратким гласным, тогда как в литературном языке, как правило, с долготой — *бии*, *шии*. Личное местоимение 1-го лица мн. ч. в говоре произносится с палатализованным *д*, в литературном языке принято произносить его с твердым *д*: эх.-бул. *бид'э* — лит. *бидэ*.

Произношение местоимения 2-го лица мн. ч. *таа* в литературном языке и в говоре не имеет различия. Также одинаково произношение местоимения *ман*, употребляющегося и в говоре, и в литературном языке в форме номинатива только лишь в сочетании с послелогом. Например: *ман шэнји* (как мы, вроде нас).

Сочетание местоимений *бид'э* (мы) и *таа* (вы) со словом *хојөр* (два) в эхирит-булагатском говоре дало соответственно *бодигоор* (мы с тобой, мы вдвоем), *таатагоор* (вы вдвоем, вы оба). Ср. тунк. *бидагоор* (мы двое), *татагоор* (вы двое)¹.

В данном говоре не употребительны бытующие в литературном языке местоимения *бидэнэр*, *маанар*, *маанад* (мы), *таанар*, *таанад* (вы). В нем, так же как и в литературном языке, нет специальных местоимений 3-го лица ед. и мн. ч. В их роли употребляются указательные местоимения.

Так же как и в бурятском языке в целом, в эхирит-булагатском говоре наблюдается процесс абстрагирования указательных местоимений *тэрэ* (тот) и *тэдэ* (те). Как известно, слова *тэрэ* и *тэдэ*, *энэ* (этот) и *эдэ* (эти), кроме обобщенного указания на предмет, заключают в себе также и пространственно-локативную его характеристику, что конкретизирует их, соотнося с пространственным представлением о дальности или близости предмета по отношению к говорящему лицу. Так, слова *энэ* и *эдэ* употребляются в тех случаях, когда речь идет о предмете, близко (или рядом) находящемся от говорящих, а слова *тэрэ* и *тэдэ* — когда речь идет о предмете, отдаленном на значительное расстояние от говорящих. В этом смысле указательные местоимения *энэ* и *эдэ*, с одной стороны, *тэрэ* и *тэдэ* — с другой, являются антонимичными. В силу их соотносительности с предметами в пространстве, указанные местоимения синтаксически выступают чаще всего в атрибутивной роли. Например: *энэ хүүн* (этот человек), *энэ зон* (эти люди), *тэрэ гэр* (тот дом) и т. д. Однако в современном бурятском языке местоимения *тэрэ* и *тэдэ* во многих случаях выступают как местоимения 3-го лица, которым не присущи пространственные значения. При этом они синтаксически выполняют роль подлежащего, но не определения. Например: *Тэрэ юу хэжэ байнаб?* (Что он делает?).

Указательные местоимения. В эхирит-булагатском говоре основа указательных местоимений во всех косвенных падежах имеет краткий гласный во втором слоге, между тем, как в бурятском литературном языке в большинстве случаев косвенные падежи имеют два варианта основ — основу с долгим гласным во втором слоге и с кратким; причем более употребительными являются формы с кратким гласным, за исключением орудного падежа, имеющего в литературном языке долгий гласный во втором слоге основы.

¹ См.: К. М. Черемисов. «Заметки по бурят-монгольскому языку». III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. „Зап. ГИЯЛИ“, вып. 3—4, Бурмонгиз, 1941.

Разнобой в основах указательных местоимений в литературном языке, по-видимому, является отражением диалектных особенностей. Поэтому с точки зрения унификации некоторых дублирующихся форм, имеющих место в современном бурятском литературном языке, следовало бы, на наш взгляд, за литературную норму принять один из этих двух вариантов основы указанных местоимений.

В эхирит-булагатском говоре употребляется местоимение *туун* (тот) в форме род. п. *тууни*. Например: *тууни хажууда* вместо *тэрэни хажууда* (около того, или около него). Но основы *туун*, *тэрүүн*, *эдуун* как самостоятельные словоформы в данном говоре отсутствуют.

Склонение личных и указательных местоимений в эхирит-булагатском говоре в основном совпадает со склонением этих местоимений в литературном языке. Склонение личных местоимений как в говоре, так и в литературном языке является супплетивным, то есть основы именительного и косвенных падежей не совпадают в 1-м и 2-м л. ед. ч. и в 1-м л. мн. ч.

Однако, в отличие от литературного языка, местоимение *бид'э* (мы) в эхирит-булагатском говоре употребляется только в именительном падеже, тогда как в косвенных падежах употребительны формы от основы *ман*. Главные отличия в склонении личных местоимений в исследуемом говоре имеют место в родительном, винительном, орудном, совместном и исходном падежах и носят такой же характер, как и отличия, имеющиеся в склонении эхирит-булагатских имен существительных.

Так, например, основы *ман* и *тан* в родительном падеже изменяются соответственно в *мани* и *тани* вм. лит. *манай* и *танай*. В эхирит-булагатском говоре образования *мани* (наших) и *тани* (ваших) отличны от притяжательных местоимений *манай* (наш) и *танай* (ваш), которые в литературном языке полностью совпадают с родительным падежом личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. В винительном падеже от основ *ман* и *тан* в говоре употребительны *мани* и *тани*, но не *маниие* и *таниие*, как в литературном языке. Эти же основы в орудном и в совместном падежах употребляются в виде *манаар* (нами, с нами) и *танаар* (вами, с вами).

Склонение указательных местоимений в изучаемом говоре также не имеет больших расхождений с литературным языком. В родительном, винительном, совместном и исходном падежах эти местоимения склоняются с такими же отличиями от соответствующих форм литературного языка, с какими склоняются и личные местоимения. В говоре указательные местоимения в орудном падеже вместо окончания литературного языка *-ээр* принимают окончание *-хээр*, редко *-хүүр* (в пространственном значении): вм. лит. *энээгээр* и *тэрээгээр* в говоре мы имеем *энээхээр* или *энэхүүр* (этим местом, по этому месту, здесь) и *тэрээхээр* или *тэрэхүүр* (тем местом, по тому месту, там).

Из вопросительных местоимений в эхирит-булагатском говоре употребляются следующие: *хэн* (кто — вообще), *хэм* (кто — в данный момент речи), *јуун* (что — вообще), *јуум* (что — в момент речи), *хэр* (как), *јамар* (какой), *анин* (который), ср. лит. *алин* в том же значении, *хэзээ* (когда), *хаана* (где), парн. *хаана јаана* (повсюду, везде), *худы* (сколько), ср. лит. *хэды* в том же значении, *хүд'хэ* (который по порядку), ср. лит. *хэдыдэхи* в том же значении.

Из выделительных и обобщительных местоимений¹ в эхирит-булагатском говоре отмечены: *зариман* (некото-

¹ Впервые в монголоведении термины «выделительные», «обобщительные» местоимения были приняты в работе Ц. Б. Цыдендамбаева «Местоимения в монгольских языках». (См. автореферат, М., 1951, стр. 9).

рые), *заримайн* (часть), например, в сочетании *заримайн абаадай* || *абаад* *јэрэ* (возьми часть и принеси сюда), *зариманишни* (некоторые, некоторая часть), *бэшэ* (другой), *баран* (все), *эжэ бэрээ* (каждый), *хуу* (все), *ондоо* (другой, иной), *нөгөө* (другой), *доло* (все), *барни* (все).

Местоимения *бусад* (другие), *бүхы* (все), *булта* (все), бытующие в литературном языке, в эхирит-булагатском говоре не известны.

В о з в р а т н ы е м е с т о и м е н и я: *өөрөө* (сам), *өөнэн* (он, он самый), *өөнэд* (они, они самые), *өөнэдөө* (их), ср. лит. *өөнэдөө* (сами), *өөрјөө* (свое), ср. лит. *өөрынгөө* в том же значении, *бэјээрээ* (сам), *бид'ээрээ* (сами).

О лично-притяжательных частицах

В эхирит-булагатском говоре, в отличие от литературного языка, более употребительны усеченные формы лично-притяжательных частиц 1-го и 2-го л. ед. ч. *-м* и *-ш*; полные формы *-мни* и *-шни* употребляются редко. Например, чаще говорят *гэртэши* (у тебя дома), *ахам* (мой старший брат), чем *гэртэшни*, *ахамни*. В 3-м лице частица личного притяжания *-н* произносится всегда твердо. Например, *нохойн* (его собака), *дүүн* (его младший брат), ср. литературно-письменные *нохойнь*, *дүүнь* с теми же значениями.

О частицах возвратного притяжания

В эхирит-булагатском говоре имеют место те же частицы возвратного притяжания, что и в литературном языке, но с некоторыми видоизменениями, обусловленными фонетической особенностью этого говора. Так, например, в род. п. в.м. лит. *-гаа* || *-нгаа* в говоре употребляется *-јаа* (и далее по гармонии гласных): ср. лит. *ахынгаа* и эх.-бул. *ахајаа* (своего старшего брата), лит. *моринойгоо* и эх.-бул. *моријоо* (коня своего) и т. п. Следовательно, частицы возвратного притяжания в говоре присоединяются к основе, как бы вытесняя падежные форманты. В настоящее время эхирит-булагатцы, например, говорят *шамтајаа* в.м. лит. *шамтайгаа* (с тобой), *хэнтэјээ* в.м. лит. *хэнтэйгээ* (с кем), *бөлтөјөө* в.м. лит. *бүлэтэйгөө* (со своим двоюродным братом), *зонтојоо* в.м. лит. *зонтойгоо* (со своим народом).

Имя числительное

Количественные числительные в эхирит-булагатском говоре не имеют каких-либо отклонений от литературного языка. Как отмечает А. Д. Руднев¹, лишь при счете количественные числительные в хори-бурятском диалекте, произносятся без конечного *н*, что не характерно для эхирит-булагатского говора.

П о р я д к о в ы е ч и с л и т е л ь н ы е образуются от количественных при помощи суффикса *-д'ха* (*-д'хэ*, *-д'хо*, *-д'хө*); ср. лит. *-дахи* (*-дэхи*, *-дохи*), реже *-дугаар* (*-дүгээр*). При их образовании конечный *н* количественных числительных выпадает. Например: *нэгэд'хэ* (первый), *хојорд'хо* (второй), *арбад'ха* (десятый), *гушад'ха* (тридцатый) и т. д.

Т а к н а з ы в а е м ы е р а з д е л и т е л ь н ы е ч и с л и т е л ь н ы е со значением «по, около, приблизительно» образуются так же, как и в литературном языке, при помощи суффикса *-аад* (*-ээд*, *-оод*, *-өөд*). При этом в основе слова наблюдаются чередования согласных *г-ж*, *ј-ш*, *н-г*; *нэгэн* (один) — *нэжээд* (по одному), лит. *нэгэ нэгэ*; *хојор* (два) —

¹ Д. А. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 1, стр. XII.

хошоод (по два); *гурбан* (три) — *гурбаад* (по три); *дөрбөн* (четыре) — *дөрбөөд* (по четыре); *зууд* (сто) — *зуугаад* (по сто, около ста).

Не отличается от литературного языка образование *с о б и р а т е л ь н ы х ч и с л и т е л ь н ы х*, например: *гурбуулан* (втроем). Множительные числительные образуются при помощи присоединения к основе количественных числительных слова *дахин* (снова, раз). При этом конечный *н* основы не выпадает, тогда как в литературном языке он исчезает, или в нем эти числительные образуются при помощи суффикса *-та* (*-тэ*, *-то*), присоединяемого к основе количественных числительных (при сохранении конечного *н*).

Глагол

И з ъ я в и т е л ь н ы е ф о р м ы. Глаголы на *-ба* (*-бэ*, *-бо*, *-бө*), которые в литературном языке считаются формами прошедшего времени, в эхирит-булагатском говоре могут употребляться в значении действия, совершающегося в данный момент. Например: *јэрэбэ* (идет сюда), *ошо-бо* (идет туда). Такое значение они имеют и в хоринском диалекте.

Форма настоящего времени на *-на* (*-нэ*, *-но*, *-нө*) в эхирит-булагатском говоре употребляется, так же как и в литературном языке, в двух значениях: для обозначения действия, происходящего в данный момент речи, и для обозначения действия, совершающегося безотносительно к моменту речи. Однако в говоре эти глаголы нередко употребляются лишь со значением обычно совершающегося действия (настоящего общего). Например, *дуулна* (поет вообще, но не в данный момент). Настоящее время со значением действия, происходящего в данный момент речи, у этих глаголов образуется аналитическим способом, путем сочетания формы соединительного деепричастия с настоящим временем глагола-связки. Например: *дуулжа байна* (поет в данный момент), *нааджа байна* (играет в данный момент).

П о в е л и т е л ь н о - ж е л а т е л ь н ы е ф о р м ы. Пропозитивная форма (или форма желания) 1-го лица на *-хуу* (*-хүү*) употребляется всегда с лично-предикативной частицей. Например: *ошохууб* или *ошо-хуум* (схожу, схожу-ка), *ябахууб* или *ябахуум* (пойду, пойду-ка). В литературном языке эту форму можно встретить без личного окончания. Например, *байза амархуу* (досл. постой, отдохну).

Повелительно-пригласительная форма 1-го лица на *-а* (*-э*, *-о*, *-ө*) характерна в основном для фольклорной речи и употребляется в песнях, улигерах и т. д., где требуется произношение слов в полном стиле. Например: *Сэлэнгэјээ ојоорһо сэгээн шулуу бэдэрјэ...* (На дне Селенги поищем голубой камень...). В разговорно-бытовой речи носителей изучаемого говора эта форма образуется посредством суффикса *-ы*, что, вероятно, является результатом фонетического развития предыдущего суффикса. Например: говорят *ошы* (пойдем), *хэлы* (давай скажем).

Суффикс обещательно-заверительной формы, как правило, употребляется только с частицами личного притяжания; в 1-м л. ед. ч. — *-м*, мн. ч. — *-мди*, в 3-м л. — *-н*. Например: *хэлсүүжэм* (поговорю), лит. *хэлсүүжэм*, *хэлсүүжэб*; *хэлсүүжэмди* (поговорим), лит. *хэлсүүжэбди*; *хэлсүүжэн* (пусть поговорит), лит. *хэлсүүжэ*, *хэлсүүжэн*.

Во 2-м лице единственного и множественного числа в эхирит-булагатском говоре различаются две формы обращения: обращение с оттенком настойчивости, принуждения, выражаемое в ед. ч. суффиксом *-шаам*, во мн. ч. — суффиксом *-тайм*, и обращение с оттенком просьбы, выражаемое в ед. ч. суффиксом *-ыш*, во мн. ч. — суффиксом *-ыт*. Например: ед. ч. *јэрэгшаам* (приходи — с оттенком просьбы), мн. ч. *јэрэгтайм*

(приходите — с оттенком просьбы); ед. ч. *јэрыш* (приходи — с оттенком настойчивости), мн. ч. *јэрыт* (приходите — с оттенком настойчивости). Употребляются также формы обращения 2-го л. мн. ч. на *-штуун* (*-штуун*) без модальных оттенков. Например: *һуугтуун* (садитесь).

Желательная форма обращения в данном говоре имеет суффикс *-ааһай* (*-ээһэй*, *-ооһой*, *-өөһөй*) вместо литературного *-һай* (*-һэй*, *-һой*). Например:

эх.-бул.	лит.
1 л. <i>ошооһойб</i>	<i>ошоһойб</i> (ушел бы я)
2 л. <i>ошооһойш</i>	<i>ошоһойш</i> (пошел бы ты) ушел бы ты
3 л. <i>ошооһой</i>	<i>ошоһой</i> (зашел бы он) ушел бы он

В эхирит-булагатском говоре бытует опасательная форма во всех трех лицах ед. и мн. ч. на *-гшаб* (*-гшэб*, *-гшоб*, *-гшөб*). Например: *тэргэлэгшэб* (как бы он не сбежал), *һажагшэб* или *һажабаш* (как бы ты не задремал), *мэхэлэгшэб* (как бы он не обманул). К этой форме по значению приближается форма предостережения на *-лай* (*-лэй*, *-лой*, *-лөй*), употребляющаяся также в трех лицах ед. и мн. ч. Например: *уналай* (смотри, как бы он не упал), *уналайш* (смотри, как бы ты не упал), *уналайт* (смотрите, как бы вы не упали) и т. д. В речи старшего поколения до сих пор сохранилась повелительно-желательная форма 3-го л. на *-тгайг* (*-тгайг*, *-тгээг*), ср. монг. *-тугай*, например, *хэлтгээг* (пусть скажет). Этот факт был отмечен еще в работе Д. А. Алексеева «Диалекты бурят-монгольского языка». Во всем остальном формы повелительно-желательного наклонения совпадают с соответствующими формами литературного языка.

Причастные и деепричастные формы. Предельное деепричастие образуется при помощи суффикса *-са* (*-сэ*, *-со*, *-сө*), которому в литературном языке соответствует суффикс *-тар* (*-тэр*, *-тор*). Примеры: эх.-бул. *өтөлсөө* — лит. *үтэлтэрөө* (до старости, пока не постареет) при *өтөлхө*, орф. *үтэлхэ* (стареть); эх.-бул. *бусалтарнь* (пока не вскипит, до кипения) при *бусалха* (кипеть). В некоторых говорах (например, в селенгинском) наряду с литературным суффиксом *-тар* (*-тэр*, *-тор*) употребляется его «сибилянтный вариант *-сар*»¹.

В эхирит-булагатском говоре имеет место образование деепричастия при помощи суффикса *-сара* (*-сэрэ*, *-соро*, *-сөрө*). По своему значению эта форма приближается к уступительному деепричастию. Например: *гээсэрэн* (хотя он сказал; несмотря на то, что он сказал), *һуусаран* (хотя он снел) и т. д.

Предварительное деепричастие в исследуемом говоре имеет суффикс *-мсар* *-мсэр-*, (*-мсор*), которому в литературном языке соответствует суффикс *-мсаар* (*-мсээр*, *-мсоор*, *-мсөөр*). Примеры: эх.-бул. *јабамсар* (как только уйдет) — лит. *јабамсаар*, эх.-бул. *хэлэмсэр* (как только скажет) — лит. *хэлэмсээр* и т. д.

В этом говоре, как и во всех западно-бурятских говорах, отсутствует форма причастия прошедшего времени на *-нхай* (*-нхэй*, *-нхой*).

О служебных словах

Послелогои. В эхирит-булагатском говоре употребительны все послелогои, имеющиеся в литературном языке, за исключением послелогов *дотор* (в), *бүхэн* (каждый), *шахуу* (почти, около), *тула* (чтобы, из-за).

¹ Д. Д. А м о г о л о н о в. Деепричастие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1948, стр. 58.

Послелог *тухай* (о, относительно) в исследуемом говоре употребляется обычно с родительным падежом, в литературном языке он сочетается с основой имени. Например: эх.-бул. *ман'а тухай* — лит. *ман тухай* (о нас). Вместо лит. *тула* в эх.-бул. говоре употребляется послелог *төлөө*, который управляет родительным падежом. Послелогу *бүхэн* в эх.-бул. соответствует послелог *бэрэ*. Например: лит. *айл бүхэндэ* (в каждой семье) — эх.-бул. *айл бэрэ* (в каждом улусе). Вместо лит. послелога *шахуу* в эх.-бул. употребляются послелог *барта*, *шэнээн*. Например: лит. *нэгэ адха шахуу* — эх.-бул. *нэгэ адха барта* (с одну горсточку). В эхирит-булагатском говоре имеется послелог *тама*, употребляющийся только с глаголом в форме причастия будущего времени¹. Этот послелог выражает кратность действия. Например: *Ууха тамал удайдаа дурлааб* (Каждый раз, когда пью, все больше испытываю желание пить). В литературном языке этому послелогу соответствует послелог *бүри*, употребляющийся как с глаголом, так и с именами.

Частицы. Вместо вопросительной частицы литературного языка *гү* в эхирит-булагатском говоре употребляется частица *-уу* (при словах твердого ряда), *-үү* (при словах мягкого ряда). При присоединении этой частицы к словам, оканчивающимся на краткий гласный, последний выпадает: *шэнэ* (новый) + *-үү* — *шэнүү* (новый?), ср. лит. *шэнэ гү?* После слов, оканчивающихся на долгий гласный, эта частица становится краткой, образуя вместе с гласным основы дифтонгоид. Например: *ерээ* (пришел) + *үү* — *јэрээү?* (пришел?). Частица *үлэ* (не) в эхирит-булагатском говоре не употребляется. Вместо лит. *бү* (не) употребляется частица *бэ*. Например: *бэ хэлэ* вм. лит. *бү хэлэ* (не говори), *бэ яба* вм. лит. *бү яба* (не ходи)².

Модальные частицы в эхирит-булагатском говоре и в литературном языке особых расхождений не имеют. Следует отметить, что в исследуемом говоре не встречаются такие частицы, как *-лтай* (предположение), например, *унаалтай* (кажется, упал); *-шуу* || *-шүү* (вероятность), например, *адлишуу* (как будто бы похоже), *ерэһэншүү* (как будто пришел); частицы *-бтар* || *-бтэр* || *-бтор* (предположение) употребляются в сочетании с причастием будущего времени, например, *унишажа шадахабтар* (похоже, что может читать). Кроме того, в эхирит-булагатском говоре употребляются такие частицы, которые в литературном языке отсутствуют, в частности: *-гхиим* (подтверждение), например, *нохойгхиим* (ведь это собака); *-һиима* || *-һиимэ* || *-һиимо* || *-һиимө* (утверждение), например, *ја-баһиима* (шел), *һураһиима* (учился), *хараһиима* (видел), *дүүргэһиимэ* (окончил). Эти частицы весьма употребительны в повествовательной речи, особенно если повествование ведется в прошедшем времени. Не менее характерна для речи носителей эхирит-булагатского говора частица подтверждения *-гаа*, употребляющаяся обычно в возвратно-притяжательной форме 3-го лица. Например: *тэрэнгаа* (тот, та, то), *доронгаа* (внизу у него), *урайнгаа* (впереди него), *моршингаа* (лошадь его), *хабаргаа* (весной), *хурагаа* (дождь), *саарһангаа* (бумага) и т. д.

* * *

Из сказанного выше о грамматических (морфологических) особенностях эхирит-булагатского говора можно заключить, что: 1) в данном говоре нет особых, отличных от литературного языка морфологических

¹ См.: К. М. Черемисов. Несколько замечаний о тункинском диалекте, стр. 134.

² См.: Д. А. Алексеев. Грамматическая категория отрицания в монгольских языках. «Вестн. Ленингр. ун-та», № 8, Л., 1957, стр. 115.

категорий; 2) способы выражения грамматических значений в основном также совпадают с литературным языком; 3) в говоре редко наблюдаются формы, отсутствующие в литературном языке; причем специфический характер грамматических форм диалекта объясняется в ряде случаев не столько собственно морфологическими или этимологическими факторами, сколько фонетическими; 4) в грамматических значениях одних и тех же форм, как, например, в глагольных формах, встречаются некоторые расхождения.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВОЕОБРАЗИЯ

В разделе делается попытка дать некоторое общее представление о тех разногласиях, которые существуют между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком в области лексики. Поэтому описываемый нами материал охватывает в основном ту часть диалектной лексики, которая имеет расхождения со словарным составом литературного языка. Что же касается лексики, общей для эхирит-булагатского говора и литературного языка, то рассмотрение ее не входит в задачу настоящей работы.

Для выявления необходимого материала был предварительно проведен сравнительный анализ словаря диалекта и литературного языка путем сличения нашего материала по лексике исследуемого говора с «Бурят-монгольско—русским словарем» К. М. Черемисова и «Русско—бурят-монгольским словарем» под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. При этом имелось в виду, что указанные словари еще не являются нормативными словарями современного бурятского литературного языка, хотя в них в значительной степени и отражается литературная лексика. Там, где пользование этими словарями оказывалось нецелесообразным, литературность (или нелитературность) того или иного слова приходилось проверять непосредственно по текстам художественных произведений. Частично был привлечен сравнительный материал из других бурятских диалектов, монгольского языка и некоторых тюркских языков.

Приведенный материал распределен нами по следующим лексикотематическим группам: 1) названия частей тела человека; 2) болезни и их лечение; 3) термины пола, родства, возраста; 4) названия, относящиеся к физиолого-психическому действию, состоянию и свойству человека; 5) названия некоторых элементарных действий человека; 6) названия некоторых понятий, вытекающих из общественной природы человека; 7) названия кушаний и напитков; 8) названия утвари, предметов домашнего обихода; 9) названия построек, жилища; 10) названия средств передвижения; 11) земледельческая терминология; 12) термины животноводства; 13) терминология ремесла; 14) названия зверей, птиц; терминология охоты; 15) названия рыб; термины рыболовства; 16) названия насекомых; 17) названия растений, ягод; 18) названия рельефа местности; 19) астрономические и метеорологические названия; 20) названия месяцев и времен года; 21) изобразительные, звукоподражательные, междометийные слова; 22) названия локально-пространственных и временных понятий; 23) фразеологические единицы.

Названия частей тела человека

Манжалай (лоб); в литературном *магнай* (лоб, чело, перен. передовой), например, *магнай сэргэ* (передовые войска, авангард), Ч БС 306; аг. *сохо*—то же; алар. *махай* || *манглаа*—то же, Б ЛМЯ 13, 67; башк. *манлай* — то же, К РБС 233; каз. *мандай* — то же, С РКС 319. Слово

духа (лоб) употребляется только в речи старшего поколения. В литературном языке оно принадлежит к активной части лексики; аг. *духа* (затылок); монг. *дух* (звездочка на лбу, диал. затылок), РКМС 79; стпм¹ *духу* (затылочная выпуклая кость, задняя часть черепа), ГМС 122; даг. *дох* (затылок), П ДН 77.

Хөмөдхө (веки), РО НИИК, 1725 ДД. *Гээгэ* (затылок, лит. коса). *Үһэн* (волосы на голове), лит. — то же. *Хүмхээ* (кадык), РО НИИК, 1728 ШЛ. Слово *сааж* (коса) встречается в фольклоре, главным образом в песнях; в литературном языке и в восточных говорах оно отсутствует. *Гүрлээ* (коса), РО НИИК, 1728 ШЛ.

Детские игровые названия пальцев: 1) *бад баалай* (большой палец), 2) *батан туулай* (указательный палец), 3) *өндөр үйлэ* (средний палец), 4) *өлөн төмөр* (безымянный палец), 5) *бишайхан шуудай* (мизинец); ср. Ч БС 711.

Все остальные наименования частей тела человека совпадают с таковыми литературного языка. Любопытно отметить, что различия между диалектом и литературным языком в данной группе слов ограничиваются названиями частей головы.

Болезни и их лечение

Нахуу (болезнь), в отличие от стилистически нейтрального *эбиэн*, имеет стилистическую окраску некоторой корректности: *нахуу хүрхэ* (недомогать, приболеть); лит. *нахуу* вет. (сап, мыт); хор. *нахуу* (дифтерит), Ч БС 652, ср. *хоолойн хаалта* — то же, Ц РБС 126; монг. *сахуу* вет. (сап), *хоолойн сахуу* (дифтерит), РКМС 179.

Бэжээ халха (болеть — о детях); в литературном языке такое фразеологическое сочетание отсутствует, ср. лит. *халуурха* (быть в жару, иметь повышепную температуру), Ч БС 542. *Јара* (язва, болячка); лит. *јара* (1) гноящаяся рана, язва, болячка, короста; 2) сифилис, Ч БС 758. *Түүхэй јара* (экзема, короста); в литературном языке отсутствует, ср. лит. *зохолтой эшэргэнэ*, то же, Ц РБС 735, *түүхэй* (короста, золотуха), Ч БС 461. *Шишхан* (чирей, фурункул); лит. *хадьха* — то же, Ч БС 535. *Зохолхой* (чесотка); лит. *маажуур* — то же, Ч БС 305. *Иихээ* (болезнь губы — растрескивание губы посредине с внутренней стороны); ср. лит. *ульхы*. *Шашха* (болячка в области рта и подбородка); ср. лит. *садьха*.

Гал намарһан (воспаление кожи, рожа); ср. *намарһан* (прыщ, струп, струнья), Ч БС 337. *Ёлмо, гал садьха* (рожа), *Ёлмотохо* (заболеть рожей), Ц РБС 559; тунк. *гал намарһан* — то же (чесотка), Ч БС 337. *Хэлхээтхэ* (заикаться); лит. *ээрэхэ, ээрүүтэхэ* — то же, Ц РБС 156.

Арга (лечение); ср. лит. *эмнэлгэ, аргаламжа* — то же, Ц РБС 248, *эмшэлгэ* — то же, Ч БС 732. *Аргалха* (лечить вообще, также делать припарки, ставить компресс из внутренностей — легких, печени, сердца, кишок — животных, преимущественно овец, коз); ср. лит. *эмнэхэ, эмшэлэхэ, аргалха* — то же, Ц РБС 248, парн. *аргалха эмшэлхэ* — то же, Ч БС 63.

Мэнјэр (туберкулез), РО НИИК, 2704 БВ. *Гэм* (молочница — афта, появляющаяся во рту у детей), в литературном языке в этом значении слово *гэм* отсутствует. *Олог* (внутренние болезни в области живота); в литературном языке это слово не встречается. *Шашха* (лишай), *элдэн* (круглый лишай), лит. *эдин* — лишай, *хиргаг эдин* (стригуший лишай), Ц РБС

¹ стпм — старописьменный монгольский язык.

251; алар. *сатьха* — то же (из материалов автора). *Халуу намархан* (крапивница).

Эбэр (внутренняя боль от побоев, ушиба): *эбэр орохо* (получить ушиб живота, печени); лит. *бэртэхэ* (изувечиться, искалечиться, ушибиться, надорваться); *нюргаа бэртэхэ* (надорваться от поднятия тяжести), Ч БС 146; бох. *эбэрхээ* по значению одинаково с эх.-бул. *эбэр* (из материалов автора). *Гайхай* (оспа), РО НИИК, 728 Ш. Л. *Балта* (тесто из пшеничной муки, приготовленное для прикладывания к больному месту); в литературном языке это слово отсутствует. Слово *балта*, вероятно, заимствовано из русского языка, ср. рус. «болтать» в значении «взбалтывать» (уст.), например, болтать лекарство, У ТС, стр. 169. *Балталха* (лечить путем прикладывания теста к больному месту); в литературном языке слово *балталха* также отсутствует.

Человек, названия родства, пола, возраста

Хуун (человек). В эх.-бул. корневой гласный этого слова во всех случаях сохраняет свою долготу, тогда как в некоторых диалектах бурятского языка он может быть и долгим, и кратким. *Амитан* (люди); лит. *амитан* (живые существа, животное): *гэрэй амитан* (домашние животные); даг. *амитан* (всякий), П ДН 68. *Зон* (народ, люди), парн. *амитан зон* — то же; кроме слова *зон*, в литературном языке употребительны *улад* (люди), *хун түрэлхитэн*, *хун түрэлтэн* (люди, человечество), Ч БС 718.

Ураг (родня, родственник), парн. *ураг тариг* собирательно (родственники, родня вообще): *ураг таригаа хонаха* (скучать по родным); ср. лит. *ураг* (родственник по невестке), парн. *ураг садан* (близкие родственники, родня), *ураг эльгэн* — то же. Слово *төрбөли* (родня, родственники по крови) употребляется редко, причем преимущественно в речи старшего поколения; ср. лит. *түрэл* (родство, родня, родственники): *түрэл болохо* (родниться), Ч БС 459; ср. эх.-бул. *ураг болохо* — то же; монг. *төрөл* (1) родство, родня; 2) род; отрасль, область): *төрөл бүрийн* (разного рода, всех родов); ср. эх.-бул. *зөһөн бэрийн* — то же. *Гарбали* (происхождение; родственник по крови), син. *төрбөли*, парн. *гарбали төрбөли* — то же, собирательно (родственники вообще); ср. лит. *гарбал* (родной; происхождение), парн. *уг гарбал* (происхождение), Ч БС 163, Ц РБС 496.

Баабай (отец, папа); ср. лит. *аба* — то же, сел.-цонг., джид. *баабай* (старший брат), мух.-шиб., бич. *баабай* (старшая сестра), Ч БС 777; монг. *ав* (папа, отец), Р КМС II; даг. *бааба-бабаа* (папа — детское слово), *а'ч'а'* (отец), П ДН 69; башк. *бабай* (дедушка), К РБС 22; эх.-бул. *баабайшалха* перен. (умереть, отправиться к праотцам), *баабай болохо* (стать отцом), перен. (стать взрослым, возмужать). *Төө баабай* (дед, бабушка по отцу); ср. лит. *хүгшэн аба* (или *баабай*), *үбгэ эсгэ* — то же, Ц РБС 118; тунк. *таабай*, алар. *тоо баабай* — то же, Ч БС 419. *Хольшо баабай* (дедушка по матери); ср. лит. *нагаса аба* или *баабай*, *үбгэ нагаса* — то же, Ц РБС 1182; бох. *холхи баабай* — то же, Ч БС 577; тунк. *нагса таабай* — то же, Ч БС 419.

Төөдээ (бабушка по отцу, повивальная бабка); ср. лит. *хүгшэн эжы* (бабушка), Ч БС 445; бох. *төөбии*, *төөдэй* — то же; алар. *хайхан төөдэй* (повивальная бабка), Ч БС 445, *төө ззы* (бабушка), Ч БС 725; оронг. *нама* (бабушка); цонг. *эмгээ* — то же, БЛМЯ 83. *Хол'шо төөдээ* (бабушка по матери); ср. лит. *хүгшэн эжы* — то же; бох. *ибии*, *холхи ибии* — то же, Ч БС 577.

Хурайха (муж, супруг), ср. лит. *нүхэрынь*, *үбгэниньэ* — то же,

Ц РБС 28. *Хөгшөн* (старый; муж); лит. *хүгшэн* (старый, престарелый; старушка), Ч БС 602; в некоторых бурятских диалектах это слово употребляется в значении «супруга, жена»; алар. *хүгшэн* (старый; жена); монг. *хөгшөн* (старость, старый — о животных, людях), Р КМС 270.

Маамаа (мать, мама), устар. *иибии* — то же; ср. лит. *эжы* (мать, мама, матушка); загуст. *иибии* — то же, Ч БС 292; алар. *иибии* (матушка — в обращении, подобно русскому слову «мама»), С СГМЯ 47, нижнеуд. *эбэ* — то же, С НГ 49, Б ЛМЯ 49. *Үргэнэ маамаа* (мачеха), ср. лит. *хойто эхэ* — то же, Ц РБС 263. *Гаргаһа маамаа* (родная мать).

Эзы (женщина, жена); лит. *эжы* (мать, мама, матушка), Ч БС 725, *эхэнэр* (женщина); зап. *хатагтай* (жена, супруга, женщина), Ч БС 560; монг. *эжи* (мама, матушка), Р КМС 325. *Абга эзы* (тетя, сестра отца); ср. лит. *абга эгшиэ* — то же, Ц РБС 652; *абга эзы* — то же; закам., тунк. *төө эзы* (тетка, тетя; жена дяди или старшего брата), Ч БС 725. *Нагса эзы* (тетка по матери); ср. лит. *нагаса абгай* — то же, Ц РБС 632.

Һамган (жена, супруга, иногда женщина); ср. лит. *һамган, эхэнэр, нүхэр* — то же, *убсанса* (супруга высокопоставленного лица), Ц РБС 640; дарх. *һамаган* (старуха), С ДГФ 49. *Хатабай* (высокопарно «супруга»); в литературном языке этого слова нет.

Хадам (тесть, отец мужа), лит. *хадам, хадам эсэгэ, хадам аба* — то же, Ц РБС 652; монг. *хадам* (родня по мужу, жене), *хадам ах* (старший брат мужа или жены, теща), *хадам эцэг* (свекор, тесть), Р КМС 252. *Хадамха* || *хадамхэ* (теща, свекровь); лит. *хадам эхэ* (или *эжы*) — то же, Ц РБС 563; монг. *хадам эх* — то же, Р КМС 252.

Сааштай (девушка, девица, барышня); в литературном языке это слово отсутствует; ср. зап. *шаастай* (девушка, девица), эхир. (замужняя старшая сестра); алар. (сестра), Ч БС 682. *Дүүхээ* (девушка, барышня) употребляется преимущественно в фольклоре, например, в песнях: *ангир шара дүүхээ* (девушка-блондинка в знач. «красивая девушка»); ср. *дүүхэй* (девушка), устар. (барышня, симпатия), Ч БС 229. *Ухин* — пренебрежительное (девица, девка), употребляется обычно в сочетании *муу үхин* (плохая девка); лит. *заа үхин* (девчонка), Ц РБС 118, *үхин* (девушка, девица); бох. *үхин* (ребенок), Ч БС 521, монг. *охин* (дочь, девочка), *охин дуу* (младшая сестра), Р КМС 161. *Басаган* (девушка, дочь; ласкательное — дитя, деточка, ребенок — независимо от пола)¹; в литературном языке употребляется только в нейтральном значении «дочь, девочка, девушка, невеста», Ч БС 97.

Тээли (средний сын), *бэсэгэн* (самый младший сын), *одхон* (младший сын); в лит. — то же; ср. халх. *осуken* — отгон (мальчик), стпм. *odcigin* *odtigin* (огонь-княжич — младший сын хана) (см.: Б. Я. Владимирцова. По поводу древнетюркского *otyken yes*. ДАН.-В. № 7, 1929).² *Шөргөө хубуун* (добрачный сын), РО НИИК, 1725 ДД. *Бүүбээ* || *бүүбай* (ребенок, дитя — ласковое название), *уубай*, РО НИИК, 2704 ХБ; ср. лит. *балшар, нилха* — то же, Ц РБС 126, *бүүбэй* (бай-бай, баю-бай): *бүүбэй-бүүбэй-бүүбэйхэн* (баю-баюшки-баю), Ч БС 139; тунк. *бүүбэй* (люлька, колыбель), Ч БС 139. *Гутаари* (прапраправнук).

Ахай (ласковое обращение к старшему брату или сестре; иногда к дяде, тете по отцу, жене старшего брата); лит. *ахай* (старший брат), Ц РБС 42, (почтительное обращение к старшему брату), Ч БС 71; устар.

¹ См.: «Сб. тр. по филологии». Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, вып. 1, стр. 105—106; см. также Ч БС 97.

² Проф. Т. А. Бертагаев не совсем правильно генетически связывает современное бурятское *үсөөхэн* (малочисленный) со словом *odcigin*, опровергая мнение Б. Я. Владимирцова. Точка зрения акад. Б. Я. Владимирцова представляется более правильной (см.: Б ЛМЯ, 66).

доревол. — «господин», зап. по Ч БС — «юноша, кавалер; ухажер»; заг. — «старшая сестра»; цонг. — «жена брата; тетка»; бул., сел., оронг. — «отец»; мух.-шиб. — почтительное обращение к старшему брату или к его жене, а также вообще к старшим, Ч БС 71. *Ахадай* (юноша), РО НИИК, 2704 ХБ.

Нагсхай || *нагса ахай* (тетка, сестра матери), ср. лит. *нагаса абгай* — то же, Ц РБС 652, (сестра, сестрица — обращение к самой младшей из старших сестер), Ч БС 633. *Нагса зы* (жена брата матери); ср. хор. *нагаса абгай* — то же (из материалов автора). *Хаахай* — ласковое обращение к старшей сестре; ср. хор. *хээтэй* — то же (по материалам автора), *хээтэй* (сестра, сестрица), Ч БС 633.

Абга (дядя по отцу), устар. фольк. — почтительное обращение к женщине. Например: *jэрэн таба наһатай Jэрэнсээ jэхэ үбгэн Утан Дурай абга хоёр* (девятидесятилетний старик Еренсей и госпожа Утан-Дурай), ПНСБ П 215; лит. — также почтительное обращение к старшим; унг. (тетка по отцу), Ч БС 25. *Абгай* — почтительное (дядя по отцу); ср. лит. *абгай* (старшая сестра, жена старшего брата; почтительное обращение к старшей сестре, вообще к старшим), Ч БС 25; Ц РБС 562; мух.-шиб., сел. — «старший брат»; мух.-шиб. — почтительное обращение ко второму по старшинству брату; сел.-цонг. в сочетании *заа абгай* (второй по старшинству брат); сел. *хадлм абгай* (шурин), Ч БС 25; *абага* (супруга — вежливая форма), С ДГФ 44.

Хунгэрээ — ласковое обращение к ребенку; в литературном языке это слово отсутствует. *Бодоо* — обращение к детям, РО НИИК, 2704 ХБ. *Jэхэсгээн* || *jэхэ эсэгээн* (взрослый, взрослая): *jэхэсгээн хубүүн* (взрослый парепь), *jэхэсгээн басаган* (взрослая девушка), *jэхэсгээн хүүн* (взрослый человек); *багасгаан* || *бага эсэгээн*; в литературном языке это слово отсутствует; ср. сел. *ехэ эсээ* (дед), Ч БС 241. *Бодо* (взрослый, совершеннолетний): *бодо зон* (взрослые люди); ср. лит. *бодо* (крупный — о скоте), *эбртэй бодо мал* (крупный рогатый скот), Ч БС 104.

Гэрлээн (бракосочетание); лит. *гэрлэгэ* — то же, Ц РБС 42. *Гэршин хүүн* — вежливая форма (жена, дословно — домашний человек, домохозяйка); в литературном языке, а также в восточных говорах (по устному сообщению) оно не употребляется. *Нуулдаха* (жениться, бракосочетаться), *эзы асарха*, *гэрлэхэ*, *һамга абаха* — то же; лит. *гэрлэхэ*, *гэр мал болохо*, *һамга абаха* — то же, Ч БС 644, 664. *Һайн болохо* (дружить с девушкой); лит. — то же, кроме того, употребляются синонимы *ханилха*, *ушарлахл*, *үелхэ*, Ц РБС 137.

Остальные слова этой группы, зафиксированные у носителей эхирит-булагатского говора, семантически совпадают с соответствующими словами литературного языка. Например: *эрэ* (самец; мужчина, муж), *эмэ* (самка; женщина, жена), *эхэ* (мать), *эсээ* (отец), *хубүүн* (мальчик, сын), *үхибүүн* (дети, ребенок), *хурим* (свадьба), *төрө* — лит.-орф. *түррэ* (пир, свадьба), *хүргэн* — лит.-орф. *хурьгэн* (зять), *нагса* — лит.-орф. *нагаса* (дядя по матери), *база* (мужья родных сестер), *эжэн* — лит.-орф. *эзэн* (хозяин), *үjээлэ* — лит.-орф. *үеэлэ* (двоюродный брат или сестра по отцу), *бөлө* — лит.-орф. *бүлэ* (двоюродный брат, двоюродная сестра по матери), *зээ* (племянник по женской линии), *аша* (внук, племянник по мужской линии), *төрхөм*, *төрхөмүүд* — лит.-орф. *түрхэм*, *түрхэмүүд* (родители, родные жены; отцовский очаг), *эгшэ* — лит.-орф. *эгшээ* (старшая сестра), *залуу* (молодой), *өбгөн* — лит.-орф. *үбгэн* (старый; старик), *аха* (старший брат), *дүү* (младший брат или младшая сестра), *гуша* (правнук), *элинсэг* (прапраправнук), *үхэр дүү* — лит.-орф. *хүр дүү* (младший брат или сестра жены); *аха дүү* (братья и сестры), *үрэ* (потомство).

Названия, относящиеся к физиолого-психическому действию, состоянию и свойству человека

Һанаан (душевное состояние; дума); *һанаа орохо* (прочувствовать), *һанаа оруулха* (дать прочувствовать, заставить прочувствовать); лит. *һанаан* (мысль, дума, намерение; моральное состояние, настроение), парн. *һанаа бодолго* (мысли, думы, помыслы), Ч БС 646, *һанал* (мнение, мысль); *олоництын һанал* (общественное мнение), парн. *һанал бодол* (мировоззрение), Ц РБС 282, син. *сэдхэл* (мысль, дума, помыслы; намерение, настроение), парн. *һанаа сэдхэл* (мысли, думы), Ч БС 415; монг. *санаан* (мысль, дума; намерение; настроение, моральное состояние), *сэтгэл* (мысль; настроение), Р КМС 177. *Һанаалха* (намереваться, метить, зариться на что-либо), ср. лит. *һанаархаха* — то же, *һанаалха* (думать, задумываться), Ч БС 645. *Шүүбэри* (мысль, дума, размышление, иногда совет); *Шамһа шүүбэри һурхажаа жэрээб* (Пришел посоветоваться с тобой; досл. Пришел спросить совета у тебя); ср. лит. *һанал, һанал бодол, һанаан* — то же.

Аянга (поведение, нрав): *аянга наараа оло жо жадаха* (быть в затруднительном положении); ср. лит. *аяг* — то же, парн. *аяг зан* (обращение, обхождение; манеры, привычка; нрав, поведение, характер), Ч БС 75; *аян* (обыкновение, привычка; поведение, характер), Ч БС 76; монг. *аяг* — то же, Р КМС 24. *Зан* (характер; обычай, традиция): *зан буруу* (о плохом характере), парн. *ан зан* (обычай, согласно которому люди спрашивают друг у друга о новостях), *ан зан хэлсэхэ* (взаимно спрашивать о новостях при встрече); лит. *зан* (нрав, характер, поведение; повадка, замашка; привычка, обычай, традиция), Ч БС 264; лит. *абари* (поведение, поступок, нрав, характер), парн. *абари зан* (поведение, поступок, нрав, характер, темперамент), Ч БС 23, *зан заншал* (привычка), Ч БС 264, (характер), Ц РБС 703; монг. *ан зан* (нрав, характер, привычка; обычай, традиция), Р КМС 99, *авир, авир зан* (нрав, характер человека), Р КМС 12.

Ајагой (неудобно, неловко) употребляется очень редко. Эхирит-булагатскому говору не свойственны такие литературные выражения, как *досоогоо аягуй болохо* (чувствовать себя не по себе, чувствовать себя неловко), *намда аягуй байба* (мне было неловко, мне было неудобно); в данном говоре им соответствует по смыслу приблизительно сочетание *ајагалжа жадаха* (испытывать неловкость; смущаться, конфузиться); ср. лит. *аягуйрхэхэ* — то же, Ч БС 75. Слово *ајагалишагой* обозначает то же, что и слово *ајагой*, но с более экспрессивным оттенком; причем в отличие от предыдущего слова оно более употребительно.

Уур (злоба, гнев, ярость), *сухал* — то же; эти слова имеются и в литературном языке, но больше всего употребляется последнее, тогда как в эхирит-булагатском говоре, наоборот, слово *уур*; слово *сухал* отдельно почти не функционирует, употребляясь обычно в парных сочетаниях *уур сухал*. Это же различие между эхирит-булагатским говором и литературным языком имеется в употреблении производных от них глаголов *уурлаха* (сердиться, гневаться) и *сухалдаха* с тем же значением, *ууртай* и *сухалтай* (сердитый); в эх.-бул. гов. имеется сочетание *шара уур* (очень злой), в литературном языке этого сочетания нет. *Зандаха* (ругать, окрикивать); лит. *зандаха* (упрекать, ругать; бить, наказывать палкой), Ч БС 265; монг. *зандах* (накричать, обругать; окрикнуть; бить, наказывать палкой), Р КМС 100.

Залан (прямой, бесхитростный; честный; прямо; честно); в литературном языке это слово отсутствует. Ср. адеkv. *үнэн сэхэ* (или *шударга*), *сэхэ сэбэр, сэхэ, үнэншэ; үнэн сэхээр* (или *шударгаар*), *сэхэ сэбэрээр*, Ц РБС 720.

Нүгэл (хитрость, коварство; грех): *нүгэлээ гаргах* (хитрить, лукавить); ср. лит. *нүгэл* (грех, прегрешение; порок), парн. *нүгэл шэбэл* (грехи, пороки), Ч БС 350; монг. *нүгэл* (грех, прегрешение), *нүгэл шивэл* (грех), Р КМС 147. *Нүгэлтэй* (хитрый, коварный, лукавый, редко греховный); лит. *нүгэлтэй* (грешный, греховный); монг. *нүгэлтэй* — то же, Р КМС 147.

Шэжэ (волшебство, лукавство, коварство); ср. лит. устар. *шэди*, парн. *эди шэди* (чары, волшебство), Ч БС 712. *Шэштэй* || *шэжэтээ* (лукавый, коварный, неискренний), РО НИИК, 1725 ДД: *хүитэн шэштээ* (недружелюбный; скрытный), *шэжээ гарагха* (лукавить), *шэжэн шэжэһэ саагуур* (слишком лукавый); ср. лит. *шэдитэй* (магический, волшебный, чудесный), Ч БС 712.

Шуумар (быстрый, энергичный), РО НИИК 1728 ШЛ. *Јоро буруу* (вредный). *Јоро буруу хүүн* (человек, имеющий плохой характер); в литературном языке это сочетание слов отсутствует. Ср. адеkv. *хара һанаатай, муу ёртой*, Ц РБС 76, присущие эхирит-булагатскому говору.

Гасааша (несговорчивый; упрямый, строптивый); лит. *үсэд, зүрюу, хэдэр* — то же, Ц РБС 636, 686; ср. вост. *гасаанша* (насмешливый, насмешник), Ч БС 165. *Гасаа бал аалдах* (противоречить, перечить, упрямиться); лит. *зүрилдэхэ, зүриэхэ, зүрихэ, үһэрилдэхэ, үсэрэлдэхэ, үсэрхэ, арсах*, *хэрэлдэхэ* — то же, Ц РБС 506, 636, 686.

Шэрихэ (опасаться, остерегаться, побаиваться); в литературном языке это слово отсутствует. *Буһалагха* (дебоширить), ср. лит. *буһалха, буһалгах* (поднимать бунт, бунтовать), Ч БС 132. *Бурах* (буянить, дебоширить, скандалить); в литературном языке — отсутствует; ср. адеkv. *уймаха*, Ч БС 477; алар. *уймаха* (болтать что-то про себя; бормотать), Ч БС 477. *Бураа* (буйный, склонный к буйству, буян); ср. лит. *огсом, доихон, зайруу, салшаа* — то же, Ц РБС 44, *уймар* (сумасбродный, безрассудный; шаловливый), Ч БС 477.

Шэлээрэгхэ (испытывать неудобство, считать неудобным; стесняться); ср. лит. *шэлээрхэхэ* (чувствовать себя плохо, недомогать), *шэлээрхэнги* (усталый; чувствующий недомогание, нездоровый), Ч БС 713. *Шэлээтээ* (надоедливый; неудобный): *шэлээтээ үхибүүн* (надоедливый ребенок); *Өдөрдөн танда ошохон шэлээтээ* (Неудобно пойти к вам днем); ср. лит. *аягүй* — то же, Ч БС 75. *Шэлээгэй* (беспечный, незадачливый); в литературном языке — отсутствует; качуг. *һайгүй* (незадачливый), Ч БС 639.

Зөрхөлдүүтай (надоедливый), *зөрхө алдах* (досл. потерять сердце, лениться); ср. лит. *хашарха* (испытывать отвращение; быть ленивым, лениться, отлынивать), Ч БС 565, *залхуурха* (лениться, лодырничать, быть нерадивым; томиться, тяготиться), Ч БС 263. *Зүрхэтээ* (волевой; трудолюбивый), син. *хөдмөришө*; лит. *зүрхэтэй* (решительный, смелый, отважный), сочетание *дээрэ зүрхэтэй* (экспансивный), *доро зүрхэтэй* (хладнокровный, уравновешенный), Ч БС 285; в эхирит-булагатском говоре эти сочетания отсутствуют. *Зөрхөгөй* (ленивый, безвольный), син. *толто үгээ*; лит. *зүрхэгүй* (несмелый, робкий, боязливый, нерешительный; малодушный), Ч БС 284; ср. лит. *залхуу* — то же.

Дээгүүр (надменный, гордый, высокомерный); ср. лит. *дээрэлхэг, дээрэлхүү, ехэмгы, ехэмсэг* — то же, РБС 94; Ч БС 238, *омог доруун* — то же, Ц РБС 107. *Һээлээ* (повеса, франт, ветренный), РО НИИК, 1725 ДД. *Налгай* (беспечный, спокойный); ср. лит. *налгай* (обходительный, вежливый), Ч БС 336; Ц РБС 51. *Һулайбтар* (нерасторопный, беззаботный, медлительный); ср. лит. *һалиргай* (нерасчетливый, непрактичный), *һалихай* (перасчетливый, расточительный, непрактичный, легкомысленный), Ч БС 643. *Нозоо* (тихий; неповоротливый), РО НИИК, 1927 ШЛ.

Һархуу (щедрый, нерасчетливый); ср. лит. *һархуу* (задиристый; не останавливающийся перед расходами; расточительный), Ч БС 651. *Улуу-тай* (сумасшедший), *бөөлэлэн хүүн* (сумасшедший человек), РО НИИК, 1725 ДД.

Бид'аараг (задира, задиристый), в сочетании *шара бид'аараг* (чрезмерный задира); в литературном языке — отсутствует. *Һуудгой* (легкомысленный, нерасчетливый, невыдержанный); в литературном языке отсутствует, в нем встречается *хүнгэмсэг, хүнгэн бодолтой, бодолгүй*, Ц РБС 245. *Элэнжэр* (смышленный — о ребенке); в литературном языке отсутствует. *Хэрүү* (робкий, нелюдимый — о ребенке); лит. *хирүү*.

Һайри (умница, молодец); ср. лит. *хүйхэр, хүйхэр хубүүн, салгиар эрэ* — то же, Ц РБС 276; Ч БС 606. *Муури* (глупец; дурак); в литературном языке они адекватны *тэнэг* (имеющийся и в эх.-бул. гов). *дунгяа, тэн-шүү*, Ц РБС 104, 138.

Атаарагха (подражать, следовать чьему-либо примеру); лит. *атаар-хаха* (завидовать; ревновать; недоброжелательно относиться к кому-нибудь), Ц РБС 151; Ч БС 70; монг. *атаархах* (завидовать), Р КМС 22. *Эшхээлдэхэ* (передразнивать; подражать, копировать); ср. лит. *һа жааха* — то же, Ч БС 638. *Хэрэхэхэ* (обращать внимание); в литературном языке отсутствует; ср. *анхарха* — то же, Ч БС 59; бох. *хэрэгшээхэ* — то же (из материалов автора).

Таалаха (ласкать, нежить); ср. лит. *таалаха* (целовать, Ц РБС 713, иногда ласкать, нежить, Ч БС 419); монг. *таалах* (ласкать, нежить; целовать; сочувствовать; благоприятствовать), Р КМС 191. *Озохо* (целовать); ср. лит. *озохо, таалаха, үнэхэхэ* — то же, Ц РБС 713; монг. *ожих* || *озох* — то же, Р КМС 153.

Салин (сумасбродство, безумие); в литературном языке отсутствует; ср. *уймаршалга, бодомжогуй ябадал* — то же, Ц РБС 81. *Салин-тай* (помешанный, сумасбродный, безумный); в литературном языке отсутствует; ср. лит. *хиштэй, үбэштэй* (сумасшедший, безумный, помешанный).

Названия некоторых элементарных действий

Харайха (бежать), син. *гүйхэ*; ср. лит. *харайха* (скакать, прыгать), Ч БС 552, син. *һүрэхэ*; монг. *харайх* (скакать, прыгать, перепрыгивать), Р КМС 258. *Обоордохо* || *боортхо* (бросать, кидать); в литературном языке отсутствует; ср. лит. *шэдэхэ* (бросать, кидать, швырять, метать) — редко употребляется и в эхирит-булагатском говоре, Ч БС 712.

Гэтэхэ (пристально смотреть); ср. лит. *шэртэхэ* (сосредоточить взгляд, пристально смотреть, всматриваться, следить, не спуская глаз), Ч БС 717. *Шунгаха* (купаться); лит. *шунгаха* (нырять, погружаться в воду), Ч БС 703; оронг. *шунгаха* (купаться); ср. лит. *оймохо* (переходить или переезжать вброд), алар. *тамаржа ойможо ябаха* (плавать), Ч БС 703; монг. *шунгалах, шунгах* (нырять, погружаться, окунаться в воду), Р КМС 321.

Мэндэхэ (спешить, торопиться); ср. лит. *мэгдэхэ* (прийти в смятение, переполошиться, спешить, растеряться), Ч БС 326. *Шангалха* (торопиться, спешить); ср. лит. *шангалха* (укреплять, усиливать; требовать; торопиться, спешить), Ч БС 690, *шамдаха, яараха* (торопиться, спешить), Ч БС 688. *Түдэхэ* (растеряться, прийти в смятение); ср. лит. *тэбдэхэ* (спешить, торопиться; суетиться, горячиться), Ч БС 462.

Тэхэрхэ (возвращаться, вернуться); ср. лит. *бусаха*, редко *тэхэр-рихэ* — то же, Ц РБС 66; монг. *буцах* (возвращаться, идти домой, идти обратно, вернуться), КМС 38, редко *тэхрэх* — то же.

Тээхэ (нагружать, грузить); ср. лит. *ашаха* (в эхирит-булагатском говоре иногда употребляется в значении «навьючивать»), *ашаалха*, редко *тээхэ* — то же, Ц РБС 112; монг. *ачих* (грузить, навьючивать, нагружать). *Зэргэлүүлхэ* (сравнивать, сопоставлять); ср. лит. *сасуудхаха*, *сасуулха*, *жэшэхэ*, редко *зэргэсүүлхэ* — то же, Ц РБС 624; монг. *зэрэгцүүлэх* — то же, Р КМС 115. *Тушааха* (встречаться), РО НИИК, 1725 ДД; ТТ.

Названия некоторых понятий, относящихся к общественной сущности человека

Хуур (слово, молва): *хуур гарагха* (пустить молву); ср. лит. *үгэ* (слово, речь), Ч БС 498, парн. *үгэ хуур* — то же. *Зугаа* (разговор, беседа, иногда веселье); в литературном языке отсутствует; ср. *хөөрөөн*, *хөөрэлдөөн*, *яриан* — то же, Ц РБС 33; бох., алар. *зугаа* (веселье, гулянье; песня), Ч БС 276. *Зугаалха* (беседовать, разговаривать, иногда веселиться; петь); в литературном языке отсутствует; ср. *хөөрэлдэхэ*, *яриха* — то же, Ц РБС 33; бох. *зугаалха* (петь, веселиться); унг. «беседовать» (из материалов автора).

Хөдөлхө (двигаться, работать, трудиться); ср. лит. *ажаллаха*, *хүдэлмэрилхэ*, *хүдэлхэ* — то же, Ц РБС 514; 515; 665. *Хөдөлмөри* (работа, труд); ср. лит. *ажал*, *хүдэлмэри* — то же, Ц РБС 565, 514.

Дуудаха (звать, подзывать, вызвать; читать); ср. лит. *дуудаха* (звать, вызывать), Ч БС 222; *уншаха* (читать), устар. рел. «заклинать», Ч БС 482; монг. *дуудах* (вызывать, звать; громко читать), *униших* (читать), РКМС 78, 233. *Зураха* (чертить, писать), ср. лит. *зураха* (рисовать, чертить), *бэшэхэ* (писать), Ч БС 278. *Зураг* (рисунок, изображение); ср. лит. *зураг* (рисунок, картина; снимок, фотография, портрет), Ч БС 278; монг. *зураг* (рисунок, картина; портрет; чертеж); *газрын зураг* (географическая карта), Р КМС 109.

Нураха (спрашивать; учиться; привыкать); ср. лит. *нураха* (учиться, обучаться; привыкать к чему-либо; спрашивать, задавать вопрос); монг. *асуух* (спрашивать, задавать вопросы), Р КМС 22. *Шаганха* (слушать), ср. лит. книжн. *соносохо* — то же, Ц РБС 600; монг. *сонсох* (слушать, услышать), *чагнах* (слушать, внимать, прислушиваться), Р КМС 102, 302.

Хахарха (решать задачу, вычислять); в литературном языке отсутствует, ср. лит. *тоо бодохо* — то же; бох. *нахарха* — то же (из материалов автора). *Хахарга* (решение задачи, вычисление), в литературном языке отсутствует, ср. лит. *бодолго*, *тоо бодолго* — то же, Ч БС 104, Ц РБС 556; бох. *нахарга* — то же (из материалов автора).

Нахалтаха (оказаться в невыгодном положении; проиграть), ср. хор. *нахалаадтаха* (быть в накладе, потерпеть убыток).

Названия кушаний и напитков

Ид'ээн (еда, пища); в лит. наряду со словом *эдеэн* в том же значении употребляется еще слово *хоол*; ср. эх.-бул. *хуул* (питательность): *хуултай ид'ээн* (питательная пища), *хуултай өбһөн* (сено хорошего качества); монг. *хоол* (пища, кушанье), Р КМС 266. *Ид'элгэ* (питание; взятка): *Ид'элгээр наймди* (С питанием у нас хорошо); ср. лит. *эдилгэ* (взятка), Ч БС 723.

Талхан (мука, иногда арца); ср. лит. *талхан* (мука, тесто, хлеб), Ч БС 425; сел. *гурил* (мука), Ч БС 176; монг. *гурил* || *гулир* (мука), Р КМС 56. *Гоожомол* (блин, блины), ср. *гоо жохо* (течь, литься, вытекать — о жидкости); в литературном языке отсутствует. *Урдахамал* (блин, блины), ср. *урдаха* (течь, протекать); в литературном языке отсутствует.

Хатаамал (сушеные лепешки), ср. *хатааха* (сушить); в литературном языке отсутствует; ср. *бообо* (печенье величиной с большую лепешку), Ч БС 113; *бох. хатаамал* (сушеная конина — из материалов автора). *Хутр'уухай* (калач), ср. *хотр'уу* (кривой, изогнутый); в литературном языке — отсутствует; ср. алар. *хотируухай* (баранка, бублик, калач), Ч БС 585.

Сагаалха (угощаться, отведать кушанье); лит. *хүндэлхэ* — то же, Ц РБС 675, ср. лит. *сагаалха* (праздновать праздник белого месяца).

Хиима || *шиима* (вареная колбаса из рубленного мяса); в литературном языке отсутствует. *Морсоог* (соленый чай, заправленный сметаной и кусочками хлеба); в литературном языке отсутствует. *Нэмжэгээ* || *нэмжээн* (жир для смазки сковороды); ср. лит. *үнжээн* (мазь для сосков, употребляемая при доении коровы; перен. нежный), Ч БС 511. *Бахарха* (приправлять пищу); ср. лит. *багсарха* — то же, Ч БС 80. *Ээдэмхээ* (простокваша); ср. лит. *ээдэмэг* — то же, Ч БС 743. *Тараг* (простокваша из кипяченого молока; кефир): *тараг бүрэхэ* (готовить простоквашу); ср. лит. *тараг бүрэхэ* — то же, Ч БС 428. *Хоймог* (напиток из арцы с молоком), РО НИИК, 1725 ДД.

Бообоо — детское (молоко); алар., *бох. бообоо* (молочко), Ч БС 113; ср. лит. *һүмбэй* — то же. *Мээмээ* — детское (хлеб); ср. лит. и оронг. *мээмэй* — детское (хлеб), Ч БС 330. *Н'аанай* — детское (мясо); в литературном языке отсутствует.

Названия утвари, предметов домашнего обихода

Бортго (берестяная шкатулка). *Бохсо* (кожаная подушка для сидения), РО НИИК, 1725 ДД.

Хабшаахай (мешочек). *Домбо* устар. (кувшин); лит. *домбо* (сосуд с носиком, кувшин, высокий чайник), Ч БС 213. *Хонхор* (стакан); в лит. — заимствованное *стакан*. *Галанхай* (блюдец); в лит. — заимствованное *блюдици*. *Шалаанха* (бутыль, бутылка); ср. лит. *лонхо шэл* — то же, заимствованное *бутылка*, Ц РБС 45.

Шидага (деревянная продолговатая миска для мяса); ср. лит. *тэбишэ* (небольшое корыто, деревянное блюдо), Ч БС 463; *һуулга* (ведро); ср. лит. *хүнэг, заглуу, бидруу* — то же, Ц РБС 51. *Матаар* устар. (деревянная посуда, в которой отделяли сливки от молока); ср. лит. *байлгансаг* (крынка для молока). *һайгуур* (сито); ср. лит. *һагишуур* — то же, Ч БС 638; в Нельхэе *шэгшүүр* — то же, в Зунгар-Быкоте *шэлхүүр* — то же, Б ЛМЯ 128.

Хобто (ящик, сундук); ср. лит. *хайрсаг* — то же, Ч БС 538. *һаднаг* (вешалка); ср. лит. *үлгэсэ, үлгүүр* — то же, Ц РБС 55, *бох. һово*, Б ЛМЯ 73 и 93. *Наадхай* (игрушка); ср. лит. *нааданхай* — то же, диал. *наадуур* — то же, Б ЛМЯ 147. *Данхай* (полка); ср. лит. *таг* — то же, заимствованное *нолко*, Ц РБС 448. *Эл'бүүр* (веник, метелка); ср. лит. *хамуур*, заимствованное *бишниц* — то же, Ц РБС 52; Ч БС 545; *бох. шэрбүүр* — то же, Б ЛМЯ 73.

Шэлээбэр (кочерга); ср. лит. *хүдхуур*, Ц РБС 233. *Торхо* (квашня); ср. лит. *торхо* (кадка, кадушка, бочка). *Бэлүүр* (узкая, высокая кадушка для курунги); ср. лит. *һаба* — то же, *бүлүүр* (деревянная мешалка для пахтанья масла), Ч БС 135. *Төөрсөг* (крынка); ср. хор. *оғорсог* — то же, Ч БС 363. *Төвтөөр* (аппарат для перегонки молочной водки); ср. *тэбтээр* (крышка у котла в виде полушария), Ч БС 462; *бох. крынка* (из материалов автора).

Үлгээ (люлька); ср. лит. *үлгы*; *бох. өвө* — то же, Б ЛМЯ 73. *Ханжалтар* (небольшое цинковое ведро); ср. лит. *захан бидруу, заглуу, тодхуур*

(ведерко), Ц РБС 51. *Хутхуурга* (мешалка для месива хлеба, перен. баламут; в Тангуте и Зунгар-Быкоте — кочерга), в Обусе и Нельхае употребляется в сочетании *соли хутхуурга* — то же, Б ЛМЯ 102. *Халбага* (большая деревянная ложка); в литературном языке *халбага* (ложка вообще), Ч БС 540. *Гэр* (лучина), син. заим. *лушан*; ср. *нушан*, Б ЛМЯ 73; бох. *зал'а* — то же, Б ЛМЯ 73.

Названия одежды, украшений

Хунаахи (безрукавка), РО НИИК, 1728 ШЛ. *Халдайха*, иногда *халда* (платье, сарафан); в литературном языке отсутствует.

Хормой (подол; юбка); ср. лит. *хормой* (только подол), Ч БС 583. *Дэгэлээ* (старинная женская накидка), РО НИИК, 1725 ДД.

Годонон (унты), ср. лит. *гутал* — то же, Ч БС 177. *Духты* (кожаные боты на меху); ср. *пэнии* (пимы).

Особоодхо (варежки шерстяные); в лит. заимствованное *баарья. Шагайбша* (шерстяные носки); ср. *шагабша*, РО НИИК, 1728 ШЛ. *Осоодо хубсаһан* (нижнее белье); ср. лит. *дотор хубсаһан* — то же.

Залаа (дареный платок); ср. лит. *залаа* устар. (красная кисточка на шапке), Ч БС 261. *Шураг* (обычно — коралловые бусы, ожерелье); ср. лит. *шүрэ зүүдхэл* (коралловые бусы), Ц РБС 45. *Данхуу* (шерстяная плетеная пряжка для брюк), РО НИИК, 1725 ДД.

Названия построек, жилища

Тура (изба, дом, здание; город); ср. лит. *байшан* (изба, дом, здание); хор., сел. *байшан* (город), Ч БС 87; монг. *байшан* (дом, здание), Р КМС 27; монг. устар. *тур* (цитадель; здание; город; вид), Р КМС 215; ойр. *тура* (дом, изба, город), Б ОС 158; бур. лит. парн. *тура город*. *Гэр* (юрта, изба, дом; здание); лит. *гэр* (дом, здание, изба, юрта; гнездо; футляр, ножны, кобура; рама; оправа), Ч БС 189; монг. *гэр* (юрта, дом; чехол, кобура), Р КМС 58.

Һөрө (юрта); в сочетании *нажри һөрө* (летник), *өбөли һөрө* (зимник); ср. лит., сел. *һөри* (стог, зарод); тунк. *һүри* (основание стога), по Ч БС зап. *һүри* (жилище всеими постройками); алар., бох. (зимник), Ч БС 668; ср. бох. *булгааһан* (юрта; строение); лит. *булгааһан* (жилище), Ч БС 129; эх.-бул. *балгааһан* (постройка), Б РП 581; хор. «стайка», «старая юрта»; сел. «логовище», «лачуга»; монг. *балгас* (стена; замок, дворец; город), Р РП 581.

Аали, аалихы (приусадебные постройки); в литературном языке — отсутствует; ср. по Ч БС зап. *аали* (строение, постройка, здание; недвижимое имущество; местопребывание), парн. *аали ахы, аали барилга* (строения, постройки хозяйственные, жилье), Ч БС 19. *Отог* (постоялый двор, стоянка на кочевье); ср. в Аляте, Улзытуе — алар. *отог* (балаган), в Тангуте и Нельхае — «заимка», Б ЛМЯ 107.

Шабаагар (окно), но *шагаабар шагааха* (смотреть в щель); ср. лит. *сонхо* (окно), Ч БС 404; монг. *цонх* — то же, Р КМС 294.

Сорго (труба); ср. лит. *сорго* (перегоночная труба, по которой стекает молочная водка; водопроводная труба; водосточная труба; горлышко у сепаратора), Ч БС 406; монг. *цорго* (водопроводная труба; желоб для перегонки молочного вина), Р КМС 295; Улзытуй *сорго* (всякое приспособление для стока жидкости и сыпучих веществ), Б ЛМЯ 119.

Өрхи (труба-дымоход); ср. лит. *үрхэ* (дымовое отверстие в крыше юрты, дымоход); унг. *газарай үрхэ* (кратер), Ч БС 517; лит. *хоолой, утаанай хоолой* (труба, дымоход), Ч БС 581, Ц РБС 665. *Уйгааг* (копоть,

искра), РО НИИК, 2704 АА. *Хаабари* (заслон печи), ср. в Аляте, Улзытуе, Обусе *хаабар'а* (крышка самовара, чайника и другой посуды), в Ныгде, Кер-Булаке, Тангуте—«крышка котла», в Нельхае — «стайка», Б ЛМЯ 102. *Хабхаг* (крышка котла; перeda обуви).

Тээнжэ (опорные столбы в юрте); ср. лит. *бахана* (столб). *Һуудал* (место для сиденья в юрте, деревянный пол вокруг очага): *урда һуудал* (пол, расположенный на юго-восточной стороне от очага); *хойто һуудал* (северо-западная сторона), *баруун һуудал* (юго-западная сторона), *зуун һуудал* (северо-восточная сторона); ср. в Булусе *һуудал* (северная и западная стороны юрты, где обычно восседают хозяева и почетные гости), Б ЛМЯ 96; в Нельхае, Аляте, Улзытуе — алар. *һуудал* (подушка для сиденья), Б ЛМЯ 96.

Хаалга (ворота в виде решетки из досок; калитка); тунк. *хаалга* (ставня окна); *бох*. — «крышка котла»; сел. — «клапан», Ч БС 526; монг. *хаалга* (дверь, ворота): *ёслолын хаалга* (триумфальная арка); ойр. *каалга* (деревянная двухстворчатая дверь юрты), Б ОС 65.

Хүрээ (изгородь, огороженное место для скота); ср. лит. *хорёо* (загородка, ограда, изгородь), парн. *хорёо хуһамаг* (ограда, загон), Ч БС 582. *Хотон* (хлев, стойбище для скота); лит. *хотон* (загон, хлев, стайка); монг. — «загороженное место», Б РП 480; в некоторых тюркских наречиях слово *котан* — «хлев для скота», «огороженное место вблизи аула, куда на ночь загоняют овец»¹.

Шэбээ (загон, окруженный высокой изгородью); ср. по Ч БС *шэбээ* (изгородь, частокол; палисадник); зап. — «загон для овец», «овечий пригон», Ч БС 720. *Эргэнээ* (загородка в помещении для ягнят); в Нухэ-Нуре *эргэнэг* — то же, РО НИИК, 2704 ММ; ср. по Ч БС зап. *эргэнэг* (маленькая загородка, стайка для овец и телят); хор. — «посудный шкаф», Ч БС 734.

Элдэн (огороженное место для стогаивания сена, хлеба); в литературном языке отсутствует. *Зартагай* (доска), ср. лит. *хабтагай* — то же, Ч БС 530; *бох*. *харша*—то же, Б ЛМЯ 73; эх.-бул. *харша* (стопы, изгороди).

Дамжуурга (лестница); ср. лит. *гэшхуур*—то же, Ч БС 192; в Нельхае *дамжуурга* — то же; в Булусе *аб'руулга* — то же, Б ЛМЯ 147.

Названия средств передвижения

Абаахай шарга (салазки, детские санки); в литературном языке отсутствует. *Шэхэнэг* (небольшие сани с коробом для возки навоза). *Јагдаа шарга* капс. (салазки, детские санки); в литературном языке отсутствует².

Нахараашха (гольбашка у саней); *урайда нахараашха* (передняя гольбашка); *хойто нахараашха* (задняя гольбашка).

Даргай тэргэн (двухколесная телега, арба); в литературном языке отсутствует. *Мухар тэргэн* устар. (автомобиль). *Сахариг* (обод, ободья у колес); ср. кырк. *согто* — то же; в литературном языке отсутствует.

Һалдарга (ременная застежка под уздой); лит. *һагалдарга* — то же. *Ханшаабша* (надузник, верхний ремень узды); лит. *хансаабша* — то же; в Аляте, Улзытуе *хонишо* — то же, Б ЛМЯ 128.

¹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, Спб., 1899.
² Слово *јагдаа шарга* записано в улусе Кашал Эхирит-Булагатского района; в других улусах, где собирався лексический материал, оно не употребляется.

Термины земледелия

Земледельческая терминология в эхирит-булагатском говоре, так же как и в литературном бурятском языке, в основном усвоена из русского языка. Исконно эхирит-булагатская земледельческая лексика связана с обозначением примитивных орудий земледельческого труда, некоторых продуктов земледелия и вообще не отличается от общепурятской или общемонгольской лексики в этой области. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать, например, на такие слова, как *анзаһан* (соха), *халха* (пахать), *хадаха* (жать), *хадуур* (серп), *хајаха* или *тариха* (сеять), *таряан* (хлеб на корню, урожай) и т. д.

Из чисто диалектальных названий в данной группе слов можно отметить следующие: *боодолго* (сноп), *бухал* (крестец), *нан'шаха* (молотить хлеб), *оо жохо* портиться — о зерне), *ороод* (зерно), *үхэр ороод* (спорынья), РО НИИК, 1725 ДД.

Термины животноводства

Адаһан (скот); ср. по Ч БС *адаһан* зап. (скотина, домашнее животное, скот, лошади, табун), Ч БС 34; в литературном языке более употребительно слово *мал* (скот), Ч БС 307. *Адуун* (табун, косяк лошадей); в лит. *адуун* (табун, косяк; лошади, кони), в сочет. *адуу мал* (скот), в качестве определения — «коневоодческий»: *адуун ажал* (коневоодческое хозяйство), Ч БС 34; монг. *адуу* (лошадь; табун лошадей), Р КМС 13¹.

Үхэр (бык кастрированный); ср. лит. *сар* — то же, Ц РБС 46, *үхэр* (крупный рогатый скот; корова), Ч БС 521; монг. *үхэр* (крупный рогатый скот), Р КМС 249; *икиз* (бык), П МСМ 449. Любопытно, что в эхирит-булагатском говоре в значении «крупный рогатый скот» употребляется также слово *үхэд*, представляющее собой форму множественного числа от *үхэр* со значением собирательности.

Эрмэг (яловый): *эрмэг гүүн* (яловая кобылица), Ч БС 736. *Буришуул* (табун, состоящий из двух-трехлетних жеребят), РО НИИК, 2704 ММ. *Хөрбө* (ягненок); ср. бох. *бугша*, Б МЛЯ 73.

Һөрөг (стадо). Кроме того, оно употребляется в значениях: а) «порода скота»: *һайн һөрөггэ н'ээн* (породистая корова); б) «наследственное качество (людей)»: *һайн һөрөггэ басаган* (девушка хорошего происхождения); ср. эх.-бул., сел. *һүрэг* (авторитет), Ч БС 669; лит. *һүрэг* (стадо, стая; толпа, скопище, шайка): *һүрэг эбэртэ мал* (стадо рогатого скота), *шубуунай һүрэг* (птичья стая), *һүрэг зон* (толпа людей), *һүрэг дээрмэшэд* (шайка разбойников), Ч БС 669; лит. *һүрэглэхэ* (собираться стаями, ходить гурьбой), Ч БС 669; ср. также эх.-бул. *хөрөглөхө* (собираться стаями — о волках, собаках.)

Һишнэг (кастрированный козел); ср. лит. *һэрхэ* — то же, Ч БС 679; бох. *һишнэг* (вол, кастрированный бык), Ч БС 653; *зуһаг* (двухлетний баран) РО НИИК, 1728 ШЛ.

Байтаһан (откармливаемая на убой лошадь); арх. — «жертвенная лошадь», Б ЛМЯ 54; *байтаһа н'ээн* (яловая жирная корова); ср. хор. *байтаһан* (яловая в течение нескольких лет кобылица, корова): *байтаһан гүүн* (яловая жирная кобылица); бох. *байтаһан* «скот, откармливаемый на убой», Ч БС 86; обус. — «жертвенная овца»; алар. *баэтаһан* (кобылица), унг. *баэтаһан* (лошадь жертвенного убоя)²; монг. *байтсан* (яловая корова, кобылица), Р КМС 26. *Мураа морин* (необученная пяти-

¹ Слова *адуун*, *адууһан*, *адаһан* имеют корень *ад-*, который, вероятно, является общим для алтайских языков; ср. тюрк. *ат* (лошадь).

² См.: Г. Д. С а н ж е е в. Сравнительная грамматика..., стр. 47.

летняя лошадь), РО НИИК, 2704 ММ. *Минаа* (кнут, бич); лит. *ташуур* — то же.

Үүсэ (скот, предназначенный на убой), ср. лит. *үүсэ* (домашний запас мяса на зиму; скот, откармливаемый на убой), Ч БС 521. *Шарууһан* (скот, предназначенный на убой в летнее время); зап. *шаруул* (угощение): *шаруул табиха* (ставить угощение почетному гостю), Ч БС 693.

Слово *адуулха* в эхирит-булагатском говоре означает не только «ухаживать, ходить за скотом», но и «ухаживать за человеком» в смысле «заботиться, оказывать помощь, например, больному или ребенку»; ср. лит. *адуулха* (ходить за табуном, пасти скот, присматривать за скотом).

Галбай межд. (стой! — окрик при дойке овец, коз), РО НИИК, 2704 ММ. *Эртээрлэхэ* (доить корову рано утром).

Бэлэхэ (сепарировать молоко); ср. лит. *бүлэхэ* (сбивать масло, курунгу): *тоһо бүлэхэ* (сбивать масло); *уһа бүлэхэ* (качать воду), Ч БС 135.

Хадалан (покос); в Аляте, Обусе, Тангуте, Улзытуе — *хадаса* — то же, Б ЛМЯ 147; лит. *сабшалан* — то же. *Өбөөһөн* (сено, иногда сеноуборка): *өбөөһөндө орохо* (приступить к сеноуборке, начать сеноуборку); ср. лит. *үбһэн* (трава, сено); *үбһэ хурялга* (уборка сена, сеноуборка), Ч БС 495; эх.-бул. парн. *өбһө һулһан* (корма); ср. лит. *үбһэ хоол*, *үбһэ тэжээл* (фураж, корма), Ч БС 495. *Ал'арһан* (трава второго укоса); лит. *алирһан* (брусника).

Сомоо (зарод); ср. лит., хор., сел. *һүри* — то же, Ч БС 668; эх.-бул. *сомоо тологойло* (вершить зарод); ср. в некоторых диалектах *сомоо нургалха* — то же, Ч БС 404. Слово *нурган* (валы сена) в эхирит-булагатском говоре употребляется повсеместно, за исключением села Капсал, где в этом значении бытует слово *аали*; бох. *аали* (копна), тунк. *аали* (валы сена), Ч БС 19. *Хомл'оо* (валы сена). В Баяндаевском районе употребляются фонетические его варианты: *хомидхо*, *хом'хо* — то же; ср. бох. *хомидхо* — то же, Ч БС 577.

Нахшуурга (волокуша для погрузки сена); осин. *намаалха* — то же (из материалов автора), сел. *нахшуурга* — то же, Ч БС 333. *Тэлээ* (копна сена для погрузки на волокуши), *тэлээлхэ* (делать копны для погрузки на волокуши).

Шөргө (намордник для телят, свиней), РО НИИК, 2704 ММ. *Хаб'тга* (веревочка для связывания задних ног коровы), в Нухэ-Нуре — *хаб'тха*, РО НИИК, 2704 ММ.

Терминология ремесла

Слово *х'аһа* (кузнечный горн, кузница) в настоящее время употребляется редко; ср. лит. *хяһа* (кузнечный горн). *Хөрхө* (кузнечный мех; горн); ср. лит. *хөөргэ* — то же.

Шударга (рубанок), *ута шударга* (фуганок); ср. лит. *харуул* (рубанок). *Шүүшэ* (долото); ср. лит. *һүүшэ* — то же, Ч БС 672.

Шахмаар (деревянная кувалда); в литературном языке отсутствует. *Шахмаардаха* (ударять деревянной кувалдой).

Хахаадаһан (клин); ср. лит. *шаантаг* — то же (это слово встречается и в эхирит-булагатском говоре). *Зартагай* (доска, дощечка); лит. *хабтагай* — то же, Ц РБС 733.

Зунгааһан (щепки), в Байтоге — *зумгааһан*, РО НИИК, 2704 АА; лит. *зомгооһон* (щепки), Ч БС 271. *Шэртгээ* (щепка); ср. лит. *зартагай*, *зомгооһон* — то же, Ц РБС 733.

Названия зверей и птиц. Терминология охоты

Хара гөрөөһөн (медведь); лит. *баабгай*, *бартахи*, *баахалдай* — то же, Ч БС 71; в эхирит-булагатском диалекте также употребительно *баабгай*, но редко. *Сагаан гөрөөһөн* (белый медведь); ср. каб. *сагаан хара гүрөөһэн* — то же, Ч БС 182.

Боро гөрөөһөн (косуля). *Гуран* (косуля-самец), *арјаа гуран* (косуля — старый самец), РО НИИК, 2704 АА; ср. лит. *гуран* (гуран, дикий козел), Ч БС 176. *Хуурай* (косуля-самка); лит. *хуурай* (самка дикой козы), Ч БС 597.

Бара (лев); ср. лит. *арсалан* — то же, Ч БС; *бар* (барс; львиный); *бар хушэн* (львиная сила; физическая сила), Ч БС 90.

Модон гахай (кабан); лит. *бодон гахай* — то же, Ч БС 165; бох., алар. *гахай* (из материалов автора).

Хара хал'уун (бобр). *Шара хал'уун* (выдра). *Хүнирэ* (куница); тунк. *хунари* (хорь белый), алар. (хорек). *Бэдээхээ* (кабарга), РО НИИК, 2704; бох. *худары* (из материалов автора). *Һолонго* (колонок; хорек).

Өршө (суслик); в Нукуте, Зумари — то же; ср. лит. *зумбараа* — то же. *Харха* (крот); ср. лит. *харха* (крот, иногда крыса), Ц РБС 237; сел. *харха* (крыса), Ч БС 558.

Јэхэ шубуун табу (орел). *Сагаан шубуун* (лебедь); ср. лит. *хун*, *хун шубуун* — то же, Ч БС 523.

Хэдүүн (рябчик); лит. *хүдүү* — то же, Ц РБС 565. *Тоншон* (дятел), в Байтоге — *шонтол*, РО НИИК, 2704 АА, ср. лит. *тонишуул* — то же, Ч БС 442; в Улзытуе, Зунгар-Быкоме — *тонишуул*; в Тангуте, Обусе — *шонтшуул*, в Нельхае — *шонтоол*, Б ЛМЯ 189—190.

Һойр (глухарь); лит. *боро һойр* — то же; окнн. *шара һойр* (копалуха — самка глухаря), *хара һойр* (глухарь-самец), *хүхэ һойр* (глухарь), Ч БС 655. *Бүгсэргэ* (сова), РО НИИК, 2704 АА; лит. *бэгсэргэ* — то же.

Суусаалжан (кулик); *суусали* — то же, РО НИИК, 2704 АА; ср. лит. *суусаалжан* — то же, *суусагаалжан* (бекас), Ч БС 412.

Хараасгай (ласточка). *Алтан хараасгай* (золотистая ласточка). *Алаг хараасгай* (белогрудая ласточка, вьющая гнездо на домах, сараях); ср. тунк. *хонин хараасгай* — то же, Ч БС 551. *Морин хараасгай* (ласточка-касатка).

Нашан (ястреб); ср. лит. *нашан* (кречет, сокол), Ч БС 341, *харсага* (ястреб). *Эл'ээ* (коршун-стервятник).

Борл'оохой (воробей); лит. *борбилоо* — то же, Ч БС 114. *Саазгай* (сорока); лит. *шаазгай* — то же; бох. *шаажгай*.

Хүхэсгээ (синица); лит. *хүхэлдэй* (синица голубая), Ч БС 620, *хүхэ сэсгэ* (синица); бох. *хүхэсгэй* — то же, Ч БС 620; хор. *хүхэ сэсгээй* — то же (из материалов автора). *Булжамуур* (жаворонок); ср. лит., хор. *жэргэмэл* — то же, Ч БС 254.

Шагшага (крапивница — птица); в Тангуте *тангалзуур шошхолдо* — то же; в Булусе *шогшохо* — то же; в Нельхае *шог шубуун* — то же; в Ольтрике — *шаишалдай*, Б ЛМЯ 143.

Ургээлэгэ (загон). *Гуугай* (крик — для вспугивания зверей при загоне); лит. *хуугай* — то же, Ч БС 596. *Сойдо гараха* (охотиться на косулей во время весенней гололедицы).

Дарлалга (деревянный капкан), ср. *гаранја* — то же, РО НИИК, 2704 АА.

Хараан (мушка у ружья); лит. *хараа* — то же. *Он'һон* (курок у ружья), лит. *шабха* — то же. *Тэрһэн* (ложе у ружья), РО НИИК, 27004 АА; лит. *буугай хүрзэ* — то же.

Названия рыб, терминология рыболовства

Загаһан (рыба); каб. *загуун* — то же, Ч БС 259. *Загаһашалха* (рыбачить); выражение *загаһа агнаха* (ловить рыбу, рыбачить), свойственное литературному языку, в эхирит-булагатском говоре отсутствует, Ч БС 258.

Хадрин (хариус), в Отонхое — *хадран*, РО НИИК, 2704 ХБ; лит. *хадаран* — то же, Ч БС 533. *Хэлбэрһэн* (сиг).

Јолоон (елец), в Отонхое—*јалаагана*, РО НИИК, 2704 ХБ; ср. бох. *Јлоогоно* — то же, Ч БС 246. *Зэбэн* (ленок): *нулгар зэбэн* (небольшой ленок); лит. *зэбгэн* (небольшой таймень), Ч БС 287.

Сурхай (щука); бох. *шоошомой*, РО НИИК, 2704 ЗВ. *Гүрсэ* (пескарь).

Јараахай (мелкая рыба); лит. *жараахай* — то же, Ч БС 247. *Алгана* (окунь); лит. *алгана* — то же.

Зөтхө (невод, сеть рыболовная); ср. лит. *губишуур* — то же, Ч БС 147. *Зөтхөхө* (ловить рыбу сетью); ср. лит. *губишуур татаха* (тянуть невод), Ч БС 147.

Гүр (верша из ивняка для ловли рыбы). *Гахуул'а* (удочки); лит. *хахуули* — то же.

Названия насекомых

Илааһан || *илаан* (муха, мухи); лит. *аляаһан* — то же.

Боргоон || *боргоохон* (маленький комар); лит. *боргоохон* (комар, комары); бох., алар. *боргоодоһон* (мошка, мошкара), Ч БС 115; ср. лит. *һохор батаганаан*, *жэжэ боргоохон* (мошка, мошкара), Ц РБС 280. *Батагана* (большой комар); ср. лит. *боргоохон*, *бүхэтэр батаганаан* — то же, Ц РБС 222, *батаганаан* (муха, мухи).

Н'үдэгэй илааһан (мошка, мошкара); ср. лит. *һохор батаганаан*, *жэжэ боргоохон* — то же, Ц РБС 280; оронг. *һохор боргоохон* — то же, Ч БС 115.

Хэдэгэнэ (оса); ср. лит. *хорото шара* — то же, Ц РБС 367; *хэдэгэнэ*, *хэдэгэнээн* (овод), Ч БС 623, Ц РБС 352. *Һонон* (овод, слепень); лит. *һоно* — то же, Ч БС 656.

Шургалжан (муравей); ср. лит. *шоргоолжон*, *шоргоолзон* — то же, Ч БС 700; Ц РБС 281.

Таршааг (саранча, кузнечик); ср. лит. *таршаа* — то же, Ч БС 429; бох. *таршаа* — то же (из материалов автора). *Гол'оо таршааг* (кобылка); ср. лит. *хара голёо* (сверчок).

Јуулга (майский жук), Ч БС 249. *Маржан* (червь-паразит в желудке лошади).

Хабтагай (клон); ср. лит. *хулнаа* — то же, Ч БС 530; в эхирит-булагатском говоре употребляется также слово *холпо*. *Булуудха* (блоха); ср. унг., алар., бох. *булуушха* — то же, Ч БС 123.

Хубжаргана (клещ); унг. *хубилзаргана* (клещ), Ч БС 588, 589; ср. лит. *хубалза* (клещ, перен. паразит, пиявка). *Хубалзатаха* (появляться — о клещах).

Названия растений, ягод

Зудан (лесная чаща, тайга). *Ойн һаншаг* (опушка леса), РО НИИК, 2704 АА.

Өшөөһөн (ива); ср. *үшөөһэн* (тальник), Ч БС 525.

Намиаһан (лист, листья, листва); ср. лит. *намаа* — то же, Ч БС 336. *Намаа* (ветвь дерева); ср. лит. *һалаа*, *гэшүүһэн* — то же, Ц РБС 54. *Гэшүүһэн* (сук, сучья); ср. лит. *гэшүүһэн* (ветвь, ветка).

Улха (нарост на деревьях); лит. *улхан* — то же. *Шэнгэрхэн* (шишка, шишки древесные); ср. лит. *шэнгээрхэн* — то же, Ч БС 715. *Гамархан* (орех); ср. лит. *хамар* — то же, Ч БС 644.

Унанја (лежащее дерево); лит. *унаанги* — то же. *Шэрэнгэ* (роща, заросли тонких или низкорослых лиственниц); ср. алар. *шэрэнги* (сосняк, сосновый бор); бох. (молодая сосна), Ч БС 718, (березовая роща — из материалов автора).

Халхай (крапива); ср. лит. *халаахай* — то же, Ч БС 539. *Тэмээн халхай* (осот), РО НИИК, 1728 ШЛ.

Шара (трава, растущая в болотистых местах). *Гобхон* (осока); ср. лит. *үлэн үбхэн* — то же, Ц РБС 370, *гобхон* (малопитательный): *гобхон үбхэн* (малопитательная трава, растущая в болотистых местах), Ч БС 653, 654.

Малгай өбхөн (перекати поле), РО НИИК, 2704 БВ. *Лэбиээ сэсэг* (сурепка), РО НИИК, 2704 БВ.

Хулганайн шэхэн (щавель); унг. *хулганын шэхэн* — то же; ср. хор. *хурьган шэхэн* — то же, Ч БС 719. *Гараана* (саранка — сибирская красная лилия, луковица саранки); ср. лит. *тибхэн* (луковица саранки), Ч БС 434.

Манјаһан (лук дикий); ср. лит. *мангир* — то же, Ч БС 309. *Гоогоһон* (дикорастущий чеснок); ср. лит. *гоогол* — то же, Ч БС 171.

Х'алгана (мятлик), РО НИИК, 2704 БВ. *Харансак* (головня), РО НИИК, 2704 БВ. *Нарһан өбхөн* (хвощ), РО НИИК, 2704 БВ. *Зэдэгэнэ* (земляника, клубника); ср. лит. *гүлзөөргэнэ* — то же, ЧБС 181. *Улаагана* (кислица, красная смородина), *јабга улаагана* (костяника); ср. газарай *улаагана* (костяника), *газарай улаагана* (красная смородина), Ч БС 477. *Хөбжөөргөнө* (смородина); ср. лит. *үхэр нюдэн* — то же, Ц РБС 602.

Названия рельефа местности

Хада (гора); ср. лит. *уула* — то же (в эхирит-булагатском говоре отсутствует). *Хабсагай* (скалистая гора, утес, скала); ср. *хабсагай* (скала, утес, каменные гольцы); зап. — «предгорье, ущелье», Ч БС 529. *Гур'ба* (плоскогорье, возвышенное место); ср. лит. *гурьба* (борозда, ложбина), Ч БС 177.

Бута (болото; кочка или кочки); ср. лит. *бута* (кочка), Ч БС 128; алар., сел. *сохой* — то же, Б ЛМЯ 13. *Н'улаг* (болотистое место); ср. *намаг* (болото; трясины, топь), Ч БС 336.

Гүүн (глубокий); ср. лит. *гүнзэги* — то же. *Гүйгхэн* || *гүйхэн* (неглубокий); ср. лит. *гүйхэн*.

Хар'ја (мель); лит. *харья* (быстрина, стремнина), Ч БС 558. *Сал'ам* (лужа), РО НИИК, 2704 АА; лит. *шалааг* — то же.

Астрономические и метеорологические названия

Мэшэн (звезда, звезды); ср. лит. *мүшэн*, *одон* — то же. *Суу мэшэн*, редко *сул мэшэн* (плеяда); ср. лит. *суг мүшэн* — то же, Ч БС 410. *Тэнгэриин одон* (Млечный путь), *тэнгэриин орой*, РО НИИК, 2704 АА; ср. лит. *тэнгэриин зүйдөөл* — то же.

Гэмжээ эр'ээн үүлэн (перистые облака), в Байтоге — *наамхай үүлэн*, РО НИИК, 2704 АА. *Сорјол үүлэн* (кучевые облака), в Байтоге — *хүбэн сагаан үүлэн*, РО НИИК, 2704 АА. *Балай хара үүлэн* (грозовые облака).

Долоон өбгөн (Большая Медведица). *Гурбан бара* (Малая Медведица). *Солбон* (звезда утренней зари, Венера).

Шэнэ һара (новолуние). *Тэргэд һара* (полнолуние). *Хууша һара* (конец месяца).

Бороодоһон (пурга, метель). *Шуурган* (вьюга). *Забхан* (оттепель; ненастье). *Хура* (дождь); ср. лит. *бороо* — то же. *Хэһэг хура* (ливень), ср. лит. *задар*.

Уры (дождевой поток). *Үнгэн шээг* (радуга), *өлгөн шиин*, РО НИИК, 1728 ШЛ; лит. *һолонго*. *Дуһааг* (капельки, сосульки), ср. *дуһаа*, РО НИИК, 2704 АА.

Хонгорог (сугроб); ср. лит. *хүр* — то же. *Шуруу* (иней); лит. *хюруу* — то же.

Шар саһан (снег, выпавший ранней осенью). *Мэндэр* (град); ср. лит. *мүндэр*. *Нэрјээр* (удар молнии); ср. лит. *буудал* — то же.

Һүй (ночь); ср. лит. *һүни*. *Сабсагаан болохо* (светать, рассветать). *Сэнхэг* (изморозь). *Хиуун* (дождь с ветром).

Названия месяцев и времен года

Названия месяцев: 1) *хуса һара* (досл. месяц барана, январь); 2) *јэхэ улаан* (досл. старший красный, февраль); 3) *бэсэгэ улаан* (досл. младший красный, март); 4) *хагданай һара* (досл. месяц прошлогодней травы, апрель); 5) *хара шэрэмэ һара* (досл. месяц весенней травки, май); 6) *манјаһани һара* (досл. месяц лука, июнь); 7) *хөхөөр идэхэ ху һара* (досл. месяц зеленой пицци, июль); 8) *өбһө сабишаха өөлжө һара* (досл. месяц кошения сена, август); 9) *улаагаар идэхэ улари һара* (досл. месяц употребления красной пицци, сентябрь); 10) *уури* || *үүри һара* (досл. месяц одногодков, октябрь); 11) *гура һара* (досл. месяц гурана, ноябрь); 12) *буга һара* (досл. месяц оленя, декабрь).

Времена года: *нажар* (лето); лит. *зун* — то же. *Намар* (осень); в лит. — то же. *Өбөл* (зима); в лит. — то же; хор. *үгэл*. *Хабар* (весна); в лит. — то же.

Изобразительные (или образные) слова, междометия

Шуришаганаха (шелестеть — о листьях); ср. *шуришаганаха* (шуметь, журчать — о воде; свистеть — о ветре, пуле; скрестись — о мышах), Ч БС 704. *Шурјаха* (журчать; тараторить); ср. лит. *шурьяха* (журчать; нестись с большой скоростью), Ч БС 704. *Шууд* в сочет. *шууд гэхэ* — «свистеть — о пуле; нестись с большой скоростью, промелькнуть»; ср. *шууд* — звукоподражание пронзительному крику, Ч БС 704.

Түшэгэнэхэ (греметь, громыхать; сильно биться — о сердце); ср. лит. *түшэгэнэхэ* (сильно биться — о сердце; стучать), Ч БС 762.

Һаршаганаха (шуршать, шелестеть); ср. лит. *һаршаганаха* (шелестеть, шуршать, хрустеть), Ч БС 651. *Шаршаганаха* (скрипеть — например, о снеге); ср. лит. *һаршаганаха* — то же, Ч БС 651; *шаршаганаха* (шелестеть, шуршать — о листьях, бумаге; потрескивать, издавать треск; хрустеть; скрипеть), Ч БС 693.

Ханшинха (звенеть, брэнчать, побрякивать); ср. лит. *ханхинаха* (звенеть; бряцать; дребезжать — о металлическом предмете), Ч БС 548. *Гүнјинэхэ* (жужжать; бормотать); ср. лит. *гүнгэнэхэ* (жужжать — о пчелах; гоготать — о гусях; мурлыкать себе под нос; бормотать), Ч БС 181.

Тэрјэхэ (гудеть — об автомобиле, самолете); ср. лит. *түрьехэ* (стучать, грохотать), Ч БС 459. *Доржогонохо* (тараторить); ср. лит. *доржогонохо* (грохотать, дребезжать; перен. болтать, тараторить, говорить скороговоркой), Ч БС 214.

Дарјаха (дребезжать, трещать); ср. лит. *дарьяха* (шуметь, галдеть), Ч БС 207. *Шашагха* (кричать); ср. лит. *хашхарха* — то же, Ч БС 565, *шашаха* (кричать, вопить, голосить); сел. — «захлебываться от слез», Ч БС 695. *Шабанаха* (болтать, говорить без умолку); ср. лит. *шашаха* (болтать); *үргэлжэ шашаха* (болтать без умолку), Ч БС 645.

Арһайха (иметь открытое, добродушное лицо); в лит. — «улыбаться» — о человеке с редкими зубами. *Олһойхо* (смотреть с раскрытым ртом; иметь глупое выражение лица); в литературном языке этого слова нет.

Хуниганаха (жеманничать, кокетничать — о девушке), РО НИИК, 1728 ШЛ.

Тал'шарха (суетливо бегать, ходить; носиться); ср. лит. *талхига-наха* (неуклюже суетиться), Ч БС 425. *Јалтарха* (лебезить, заискивать); ср. лит. *ялтаганаха* перен. — «заискивать, подлизываться», Ч БС 755.

Јалаб-јолоб харха (смотреть смущенно). *Јар-јар* — межд., выражающее резкий высокий звук: *јар-јар дуугарха* (говорить высоким резким голосом), *јард гэхэ* — то же. *Эши* — межд., выражающее досаду, недовольство. *Нце-нце* — позывные звуки для поросят, РО НИИК, 2704 ММ.

Названия локально-пространственных и временных понятий

Би (сторона): *наада би* (эта сторона), *саада би* (та сторона); ср. лит. *бэ* — то же, Ч БС 142; дагур. *би* — то же, П ДН 71.

Зүүшээ (на северо-восток, на восток; налево); ср. лит. *зүүлжээ* — то же. *Баруугшаа* (на запад, на юго-запад, направо); ср. лит. *баруулжа* — то же. *Ураз* (юг, юго-восток; перед...); ср. лит. *урда* — то же. *Ан'дар* (где).

Өрдөһөн (часть рабочего дня); ср. в Аляте, Улзытуе, Обусе, Нельхае, Тангуте *өрдөһөн* (часть рабочего дня рабочих, которые работают без тягловой силы — от утра до полдня, от полдня до вечерних часов, от вечерних часов до ночи), Б ЛМЯ 119.

Малгаар (завтра); ср. лит. *үглөө* — то же. *Өстөр* (вчера); ср. лит. *үсгэлдэр* — то же. *Модоо* (в этом году); в литературном языке отсутствует. *Ойрной* (в последнее время, за последнее время); лит. *һаядаа* — то же. *Уртан* (раньше, до), РО НИИК, 1728 ШЛ; лит. *урдань* — то же.

Фразеологические обороты и идиомы

Лексическое своеобразие эхирит-булагатского говора не ограничивается отдельными словами. Оно охватывает также область фразеологии. В говоре имеются характерные для него фразеологические выражения. Приведем некоторые из них. Для удобства эти примеры даются по классификации, принятой Т. А. Бертагаевым в работе «Об устойчивых фразеологических выражениях»¹.

Субстанционально-глагольные сочетания

Һанаа орхо (прочувствовать). *Сөлөө орхо* (прийти в себя, прийти в сознание); в Аляте, Тангуте *солоо орхо* — то же, Б ЛМЯ 120.

Һайн болохо (подружиться). *Түүд болохо* (едва сдерживать себя, испытывать желание избавиться от чего-либо).

Јамай дааха (угождать капризам). *Һүнэһээн дарха* (нагнать стах, дергать в страхе).

¹ См.: Т. А. Бертагаев. Об устойчивых фразеологических выражениях. «Сб. трудов по филологии», вып. 2, Улан-Удэ, 1949, стр. 64—119.

Хээли алдаха (похудеть, истощаться). *Муујаа алдаһан* (паршивый, паршивец). *Урам дурамгой болхо* (лишиться хорошего настроения, испортить себе настроение).

Нуур'һа алдха (вздыхать). *Үргэндээ үдхэ* (быть болтливым, много болтать). *Јаһаа гарха* (измучиться).

Хүүр дуулха (слушаться). *Хүүртээ хүрхэ* (сдержать свое слово).

Дураа хухарха (разочароваться, обмануться в своих ожиданиях). *Ада үзэхэ* (презирать; ненавидеть). *Амраа харха* (заботиться о своем спокойствии).

Өрдөн хүрхэ (довести до отчаяния, замучить, больно наказать). *Аманһа унгаахой* (расхваливать кого-нибудь, досл. — «не ронять изо рта»).

Гүзэндээ һанха (думать про себя). *Мондъгожоо урдха* (облениваться, досл. «течь его салу, растаять жиру»).

Элдэндээ ошохо (поступать самовольно). *Заргайн хэхэ* (наказать). *Уу гарха* (благополучно просуществовать год).

Јаалда || *жаалда* из *эжээ алда* (досада, досл. «потеряй хозяйина»). *Ай јаалда* (Ой, какая досада!). *Јаабра* || *жаабра* из *эжээ бара* (досада, жаль); ср. *эжээ бара* (будь проклят), Б УФС 65.

Һо жоош татхой (относиться к чему-либо с полным спокойствием и равнодушием). *Н'үдэ харха* (делать что-либо необъективно).

Тэгэт һууха (дожить до глубокой старости — о муже и жене), РО НИИК, 1725 ДД. *Үгээ байха* эвфемизм (умереть, погибать).

Ам'аа бүтхэ (злиться). *Ама халха* (быть навеселе). *Сагаагаар амилха* (быть в возбужденном состоянии).

Побудительно-желательная форма *алдаг* (при *алдаха* — потерять; выпустить) в сочетании с глагольной формой будущего времени образует словосочетание, обозначающее действие, которое не должно совершиться или совершение которого мало вероятно: *јэрхэјээ алдаг* (не придет), *ошохожоо алдаг* (не пойдет), *байхајаа алдаг* (не будет) и т. д.; ср. зап.-бур. *јэрхээз унаг лэ* (не придет), *ошохожоо унаг лэ* (не пойдет), Б УФС 66.

Адъективно-субстанциональные сочетания

Хорон худал (чистейшее вранье, словоблудие). *Хооһон үргэн* (пустослов, болтун). *Улаан јөлдө* или *улаан толто* (лентяй).

Бөөри хүйтэн (недружелюбный, безразличный, не чувствующий родственных или приятельских отношений): *бөлө хүүн бөөри хүйтэн* (двоюродные братья или сестры по женской линии обычно не чувствуют родственных отношений). *Элигэ нимгэн* (сердобольный, жалостливый).

Һөнһө үгээ (трус, трусливый). *Хүүр үгээ* (безусловно, ясно; согласен, досл. «слов нет»). *Тэгээ үгээ* (ничего не понимающий, беспросветный); *һэгээ үгээ муур'а* (беспросветный дурак).

Ам'түүтээ (надоедливый; вызывающий недовольство, чувство раздражения), ср. *ами бүтхэ барта* — то же. *Бардам һанаатай* (не знающий меры; человек с чрезмерно большими желаниями, требованиями).

Ута гартай (ворishка, досл. «с длинными руками»). *Һайн дуртай* (не брезгливый).

Зан буруу (имеющий плохой характер). *Јоро буруу* (имеющий вредный характер). *Јоһо буруу* (неприличный, не соответствующий нормам приличия).

Хүйтэн шэжтээ (не располагающий к себе). *Улаан шэжэ* (неискренний, скрытный, хитрый). *Муу бөөри* (негодник). *Нэгэ бээжшин шаанја* (одинаковые, похожие — о людях) соответствует русскому выражению «два сапога пара». *Нэгэ бээжын хилезмэ* — то же, Б УФС 96.

Хара н'үдээ хахартаһаар (спросонья, ранним утром): *хара н'үдээ хахартаһаар хаанһа жабааш* (Откуда идешь так рано утром?). *Өөдөө нара хараагой хөдөлхө* (усердно, много работать). *Саана наана гарха* (допытываться).

Ул'э болсо (во что бы то ни стало, обязательно): *Ул'э болсо асархаб тэрээни* (Во что бы то ни стало приведу его). *Шор болжо* (чего хорошего, как бы вдруг): *Шор болжо айшаднай мөнөө үдшэндээ јэрэгшэб* (Как бы наши гости сегодня вечером не приехали).

Манјалјаа хаха баярлаха (сильно радоваться). *Хара дурандаа* (зря, напрасно).

Хүдышинээн (пустяк, ерунда): *нээн'и хээд'хэ хүдышинээм* (пустяк это сделать, в смысле легко это сделать). *Хорни хорондо* (назло, нарочно). *Хорон хоһон* (ничего нет, совершенно пусто).

Характер лексических расхождений

Представленный выше словарный материал показывает, что между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком существуют довольно значительные лексико-семантические различия. Эти расхождения сводятся к следующему: 1) некоторые слова, бытующие в говоре, отсутствуют в литературном языке или же, наоборот, литературные слова не употребляются в говоре; 2) слова, употребляющиеся в говоре в одном значении, в литературном языке имеют другое значение. Первый вид расхождений мы относим к материально-лексическим различиям, второй — к семантико-лексическим. Приведем примеры эхирит-булагатских диалектных слов, относящихся к материально-лексическим расхождениям (при общности семантики), в сопоставлении с литературными эквивалентами: *хүүр* || *үгэ* (слово); *унин* || *утаан* (дым); *нэрјээр* || *буудал* (удар грома; молния); *хура* || *бороо* (дождь); *тура* || *байшан* (изба, дом, город); *гуйлга* || *бэлэг* (подарок); *зөмө* || *гэм* (вина); *шабаагар* || *сонхо* (окно); *мэнэһэн* || *амһарта* (посуда); *бууја шорой* || *дари* (порох); *нажар* || *зун* (лето); *сомоо* || *һүри* (зарод); *һайгуур* || *һагшуур* (сито); *манјалай* || *духа* (лоб); *зохолтой* || *маажуур* (чесотка); *мэндэхэ* || *яараха* (спешить); *минаа* || *ташуур* (бич); *талагха* || *хүндэлхэ* (угощать, принимать); *халтагай* || *хахад* (половина); *јаабалха* || *хартаабха* (картофель); *хахарха* || *бодохо* (решать задачу); *хахарга* || *бодолго* (задача); *сагаан шубуун* || *хун шубуун* (лебедь); *хэлхээ* || *ээрүү* (зайка); *зшхээхэ* || *һажааха* (подражать, копировать); *гүүн* || *гүнзэги* (глубокий).

Слова, приведенные здесь как эхирит-булагатские, являются такими только при сравнении их со словами литературного языка. Они, возможно, употребляются и в других говорах. Более того, некоторую часть этих слов можно встретить в литературном языке, правда, чаще всего в качестве одного из компонентов парного слова. Например: *хура бороо* (дождь, непогода), *үгэ хүүр* (слово, речь), *хун амитан* (люди) и т. д.

Материально-лексические расхождения слов бывают двоякого рода. Во-первых, слова, одинаковые по значению, могут представлять собой совершенно различные звуковые или морфологические комплексы, являющиеся специфическими как для говора, так и для литературного языка. Например: *хура* — *бороо* (дождь), *хүүр* — *үгэ* (слово, речь), *зөмө* — *гэм* (вина), *шабаагар* — *сонхо* (окно), *нажар* — *зун* (лето), *һуулга* — *хүнэг* (ведро), *шиихан* — *хадьха* (фурункул), *минаа* — *ташуур* (бич) и

т. д. Расхождения этого типа можно было бы назвать материально-фонематическим лексическим различием.

Во-вторых, слова могут быть одинаковыми по своему значению, но различными по морфологической структуре. При этом они имеют разные корни, но одинаковые суффиксы, например: эх.-бул. *эл'бүүр* — «веник» (*эл'бэ* — гладь + *-үүр*) и лит. *хамуур* — „метла“ (*хама* — вымести + *уур*); разные суффиксы, но одинаковые корни, например: эх.-бул. *таһалга* и лит. *таһаг* (комната), эх.-бул. *һанаан* и лит. *һанам жа* (мнение). Расхождения этого типа можно назвать материально-морфемным лексическим различием.

Семантические различия, вероятно, появились в результате развития значения слова по линии полисемии, о чем свидетельствует общность происхождения некоторых слов. Их не следует смешивать со словами, случайно совпавшими в звуковом отношении, то есть с омонимами. Например: эх.-бул. *үхэр* (бык) и лит. *үхэр* (рогатый скот); эх.-бул. *гээгэ* (затылок) и лит. *гээгэ* (коса); эх.-бул. *амитан* (люди) и лит. *амитан* (животное), с одной стороны, и эх.-бул. *зай* (зло, опасность, помеха) и лит. *зай* (пространство); эх.-бул. *хүүр* (слово, речь) и лит. *хүүр* (труп) с другой — с точки зрения семантического расхождения не одно и то же: первые относятся к словам, представляющим семантические расхождения, вторые — должны рассматриваться как омонимы. Ниже приведем примеры семантического различия между эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком.

Эх.-бул.

Лит.

ззы (женщина, жена)
хөгшөн (старый муж, супруг)
зурха (писать)
атаарагха (подражать)
таалха (ласкать)
номниһон (плевок)
хоолой (горло)
уйгарлаха (толковать, объяснять что-нибудь на ломаном языке)
ул'ха (бранить, реветь, плакать)
шүүхэ (размышлять, думать; выиграть)
дуудха (звать, вызывать; читать)
һахуу (болезнь)
һухалга (ворота)
эрдэм (ловкость)
батагана (комар)
богони (вялый)
нүгэл (грех; хитрость, коварство)
бута (кочка; болото)
намнаха (кидать, бросать)
нарин (тонкий)
айл (улус, селение)
хүсэхэ (догонять, добиваться)
халааһан (карман)
шунгаха (купаться)

зартгай (доска)
саландай (тучный)

эжы (мать)
хүгшэн (старый)
зураха (рисовать)
атаархаха (завидовать)
таалаха (целовать)
нёлбоһон (слеза, плевков)
хоолой (горло, труба)
уйгарлаха (ругаться, браниться)
улиха (выть)
шүүхэ (выиграть)

дуудаха (звать, вызывать)
һахуу (сап, мыт)
һухалга (выдвижной ящик)
эрдэм (знание, наука)
батаганаан (муха)
богони (короткий, коротко)
нүгэл (грех)
бута (кочка)
намнаха (гнаться, преследовать)
нарин (тонкий; аккуратный)
айл (семья)
хүсэхэ (желать, хотеть; догонять)
халааһан (заплата)
шунгаха (нырять, окунаться в воду)
зартагай (щепочка, лучинка)
саландай (неосторожный, неаккуратный)

сорго (труба, дымоход)
санха (глист)
бара (лев)
хормой (подол, юбка)
зугаалха (разговаривать, беседовать)

сорго (перегоночная труба)
санха (колики, резь в желудке)
бар (барс)
хормой (подол)
зугаалха (веселиться, играть)

Семантические расхождения, как и собственно лексические, бывают двоякого характера. В одном случае слова полностью различаются по значению, в другом — частично, а именно: основное значение совпадает, расхождения же могут быть по дополнительным значениям. Следовательно, частичное расхождение возможно при наличии многозначности слова. Первый тип расхождения можно назвать полным семантическим расхождением, второй — частичным.

Примеры полного семантического расхождения: эх.-бул. *зы* (женщина, жена), лит. *эжы* (мать); эх.-бул. *үхэр* (бык), лит. *үхэр* (рогатый скот); эх.-бул. *гээгэ* (затылок), лит. *гээгэ* (коса); эх.-бул. *батагана* (комар), лит. *батагана* (муха); эх.-бул. *халааһан* (карман), лит. *халааһан* (заплата).

Примеры частичного семантического расхождения: эх.-бул. *хөгшөн* (старый муж), лит. *хүгшэн* (старый); эх.-бул. *зугаалха* (разговаривать; веселиться), лит. *зугаалха* (веселиться); эх.-бул. *дуудаха* (звать; читать), лит. *дуудаха* (звать); эх.-бул. *нүгэл* (грех, хитрость), лит. *нүгэл* (грех); эх.-бул. *хормой* (подол; юбка), лит. *хормой* (подол).

Таким образом, лексический состав эхирит-булагатского говора имеет много общего со словарным составом литературного языка. Однако между ними имеются и значительные расхождения, которые, как указывалось выше, заключаются: 1) в наличии слов, употребительных только в говоре; 2) в отсутствии в говоре слов, употребительных в литературном языке; 3) в наличии семантических расхождений в значении некоторых слов, бытующих как в говоре, так и в литературном языке; 4) в сравнительной бедности словаря говора по сравнению со словарным составом литературного языка, в частности, в отсутствии в диалектальной лексике развитой системы общественно-политической, культурной и научной терминологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На большей части территории бывших Баяндаевского и Эхирит-Булагатского районов Иркутской области распространен только один говор, называемый нами эхирит-булагатским. Единство этого говора нарушается лишь на северо-восточной окраине Баяндаевского района, начиная приблизительно с бурятских улусов Шардай, Горхон, Минзан, находящихся в трех-пяти километрах от села Баяндай. Район указанных пунктов, по-видимому, представляет собой переходную зону на границе двух самостоятельных говоров. О том, какой именно говор граничит на северо-востоке с эхирит-булагатским говором, пока трудно сказать. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо произвести специальные диалектологические исследования на остальной неисследованной части территории Баяндаевского района.

В настоящее время говорить о существовании двух самостоятельных говоров — эхиритского и булагатского — было бы не совсем правильно. Эхирит-булагатский говор имеет свои весьма ярко выраженные фонетические, лексические и грамматические (морфологические) особенности.

Сравнительный анализ лексических, фонетических и морфологи-

ческих особенностей эхирит-булагатского говора и литературного языка с привлечением некоторых данных по другим диалектам бурятского языка показывает, что существующие в настоящее время междиалектные различия в современном бурятском языке возникли под действием тех же законов, которые лежат в основе процесса дифференциации языков вообще. Поэтому диалектные расхождения бурятского языка в общем носят такой же характер, как и межъязыковые различия в системе современных самостоятельных монгольских языков. Безусловно, эти расхождения являются продуктом длительного времени, отражая разные периоды в истории развития языка. Корни некоторых особенностей эхирит-булагатского говора лежат в глубине давно минувших веков.

Наиболее древние диалектные различия между эхирит-булагатским говором и литературным языком отражают межъязыковые особенности всей группы монгольских, нередко тюркских языков. В области лексики это, в частности, относится к терминам родства и пола людей, наименованиям людей и животных, названиям основных предметов быта и хозяйства.

Задачей нашего исследования являлось описание особенностей эхирит-булагатского говора в сравнении с бурятским литературным языком. При этом не делалась попытка объяснить описываемые факты и явления в плане исторической диалектологии. В настоящий период в интересах дальнейшего развития языковедческой науки, в частности монголоведения, по языкам, ранее плохо изучавшимся (например, бурятский язык), важно продолжить «первоначальное накопление» материала, то есть составить полное описание отдельных, наиболее отличных друг от друга диалектов, чтобы можно было уяснить характер диалектных различий в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава.

Следует отметить, что некоторые вопросы, например, мелодика речи, суффиксы словообразования, особенности синтаксиса, в данной работе, к сожалению, не нашли отражения из-за отсутствия соответствующих материалов по ним.

А. Г. МИТРОШКИНА

ГОВОР КАЧУГСКИХ (ВЕРХОЛЕНСКИХ) БУРЯТ

Носителем исследуемого говора является бурятское население верховья долины реки Лены. На юге этот говор граничит с эхирит-булагатским говором. Правда, резкую границу между ними установить трудно, так как жители ряда улусов смежной полосы, расположенной у истоков реки Манзурки, левого притока Лены, говорят на эхирит-булагатско-качугском говоре.

В улусах Тукум, Холбот, Минзан, Шардай, Горхон, Старый Хогот, Хайзаран (Баяндаевский район) одновременно бытуют качугские слова — *аршаха* (стереть), *согдо һөхө* (топор-колун), *нахишаха* (молотить), *намнаха* (кидать, швырять), *зошон* (гость), *ехэ* (большой), *махтар* (дом) и эхирит-булагатские — *арлигха*, *тообгой* (или *сонхор*) *һөхө*, *сохиho*, *ообордохо*, *азшан*¹, *мандагар*, *тура* с теми же значениями. В этих улусах иногда употребляются слова, не характерные для смежных говоров. Например: *соол* (печь) вместо качугского *пезэ* и эхирит-булагатского *бээ жэ*, *хаянтар* (маленький котелок) вм. *зантуу* и др.

В звуковом составе слов здесь имеют место черты, свойственные эхирит-булагатскому говору, например, употребляются звуки *у*, *х*, *һ*, соответствующие качугским *о*, *б*, *д*: говорят *угаа* вм. качугского *огоо* (очень, чрезмерно), *хамбаэ сэсэг* вм. *бамбаэ сэсэг* (одуванчик), *дууһаа* вм. *дуудаа* (кончилось). В употреблении согласного *х* вм. эх.-бул. *ш* речь жителей промежуточных улусов совпадает с качугским говором: *тахьяаг* вм. эх.-бул. *ташааг* (курица), *манаэхинда* вм. *манаэшанда* (у нас) и т. п.

В области грамматических категорий язык бурят указанной полосы почти не отличается от исследуемого говора. Например, здесь не встречается эхирит-булагатская форма обращения на *-хтуун*².

Материалы исследования показывают, что язык бурят этих улусов в прошлом был в известной мере един с качугским говором. Обнаруживающиеся расхождения между исследуемым говором и языком бурят группы улусов переходной полосы — результат активного влияния эхирит-булагатского говора со сравнительно недавнего времени. Вместе с тем нельзя пренебрегать этим влиянием, так как интересующие нас населенные пункты входят в Баяндаевский административный район, значительная часть населения которого говорит на эхирит-булагатском говоре.

¹ Сочетанием *аэ* обозначаем передний гласный нижнего подъема *а*, близкий английскому *ge* в слове *тар* [*тэер*] (карта).

² Об этой форме см. раздел «Морфологические особенности».

Ясно, что это обстоятельство будет способствовать углублению влияния эхирит-булагатского говора на язык жителей улусов смежной полосы.

Самыми южными точками распространения говора качугских (верхоленских) бурят следует считать улусы Минзан, Шардай, Горхон, Старый Хогот.

На юго-востоке и востоке качугский говор граничит с языком ольхонских бурят, который отличается от описываемого говора как фонетически, так и лексически. Здесь встречаются совершенно чуждые описываемому говору особенности, например, говорят *загуун* (рыба) вм. кач. *загаһан*, *зоодой* (мелкий омуль) и *һаахар хүн* (высокомерный человек, хвастун), которые не известны в качугском говоре и т. п.

С северной стороны качугский говор граничит с эвенкийским языком, носители которого живут в улусах Вершина Тутуры, Зусай, Шивыкан Качугского района.

Естественно-географическая граница изучаемого говора проходит по Березовскому хребту (водораздел между реками Ангара и Лена), Байкальскому хребту, представляющему водораздел бассейнов о. Байкал и р. Лены.

Было бы более правильным интересующий нас говор определить как говор верхоленских бурят. Но в связи с тем, что за последние десятилетия административным центром района стал поселок Качуг, исследуемый говор начали называть качугским говором. Так, в «Кратком русско—бурят-монгольском словаре» Д. А. Абашеева и К. М. Черемисова язык верхоленских бурят назван качугским говором¹. В работе Д. А. Алексеева «Диалекты бурят-монгольского языка» он определяется как язык качугских бурят². В силу традиции и, кроме того, учитывая наличие значительного влияния эхирит-булагатского говора на язык верхоленских бурят, живущих на территории Баяндаевского района, исследуемый говор мы называем говором качугских (верхоленских) бурят.

В пределах Качугского района буряты живут вперемежку с русскими. В этногенетическом отношении основная масса носителей качугского говора считает себя потомками эхиритского племени. Так, по свидетельству Ильи Упхоевича Упхолова³ и Бориса Балдановича Балдынова (уроженца улуса Бохолдой Баяндаевского района), долины верховьев рек Манзурки, Ходонса, Унгурен, Кырмы населяют потомки худагсаганского⁴, абазайского, хэигэлдуровского и кырменского родов; по свидетельству Хамная Бартановича Убогонеева⁵, долины рек Манзурки и Куленги (в нижнем течении) населены потомками шоноевского рода; по долине р. Анги (правый приток р. Лены) и ее притоков живут потомки буровского рода, а в верховьях р. Куленги (левый приток р. Лены) — шарайтовский и ользоновский роды. В улусе Имыкшин (на р. Куленге), живут потомки хэнгэлдуровского рода (куленгские буряты их называют потомками хангажаровского рода)⁶. Род Сэгэнут среди носителей опи-

¹ Д. А. Абашеев и К. М. Черемисов. Краткий русско—бурят-монгольский словарь. Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1941, стр. VIII.

² Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ, №98 серия востоковедческих наук», вып. 1, 1949, стр. 165.

³ 72 года, родился и жил до 40-х годов в улусе Никилей, в данное время живет в улусе Кайзаран.

⁴ К этому роду мы отнесли и жителей улусов Алан-Балтай и Степно-Балтай, хотя некоторые осведомители иногда причисляют их к хэнгэлдуровскому или к никилейскому роду.

⁵ 78 лет, живет в улусе Хоторгай (р. Анга).

⁶ Сведения о родоплеменном составе куленгских бурят сообщил нам Антон Халтахшинович Амагзаев, 76 лет, уроженец улуса Зулман.

сываемого говора представлен двумя семьями (одна семья живет в улусе Хальске, другая — в поселке Качуг).

В языковом отношении, особенно в фонетической и грамматической системе, потомки указанных родо-племенных групп представляют единый массив. Правда, наблюдаются некоторые расхождения в лексике (см. раздел «Расхождения внутри говора»). Следует, однако, иметь в виду, что некоторые особенности, относимые к описываемому говору, могут обнаруживаться в баргузинском говоре и языке кабанских, ольхонских бурят, среди которых представлены потомки родов шоно и бура¹.

В работе отражены только те моменты из фонетической, морфологической и лексической системы говора, которые составляют отличительные его черты в сравнении со смежным эхирит-булагатским говором и литературным бурятским языком. В этом отношении мы разделяем мнение профессора Г. Д. Санжеева, который писал:

«...Надо вообще считать, что в работах по диалектологии (сравнительной в особенности) главное внимание монографиста должно быть устремлено на установление и разъяснение тех явлений, которые отличают одни наречия или говоры от других, то есть на выявление различий, а не общностей»².

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковая система качугского и эхирит-булагатского говоров и литературного бурятского языка в основном одина. Наблюдаемые своеобразия описываемого говора сводятся, в частности, к следующему.

О вокализме говора

1. Краткая гласная фонема литературного языка (хоринского диалекта) *ү* в качугском говоре реализуется в виде звуков *ө* и *у*. Примеры: *өрө* (дыхательное горло) и *үрэ* (долг; дитя); *өдөхө* (размножаться) и *үдэхэ* (пристегать); *өһөө* (мечь) и *үһээ* (потолок); *хөргөхө* (заморозить, студить) и *хүргэхэ* (сопровождать, провожать) и т. п.

В начальных слогах качугские буряты нередко употребляют фонему *ү* вм. эхирит-булагатских *э* или *ө* или фонему *э* вм. *ө*. Примеры: кач. *үлтэнэг*, лит. *үлтэнэг*, эх.-бул. *энтэлэг* (конопля); кач. *үрэ*, лит. *үри*, эх.-бул. *өрө* (долг, дитя); кач. *зэмэлхэ*, лит. *зэмэлхэ*, эх.-бул. *зөмөлхө* (обвинять); кач. *эмдэхэ*, лит. *эмдэхэ*, *эбдэхэ*, эх.-бул. *өндөхө* (ломать).

В настоящее время исследуемый говор имеет много слов, в которых трудно определить, какой из звуков *ү* и *ө* реализуется. Акустически это средний звук между *ү* и *ө*. Примеры: *өдөр* и *үдэр* (день), *өмдөн* и *үмдэн* (штаны, брюки), *өбөл* и *үбэл* (зима), *дөтө* и *дүтэ* (напрямик).

В результате смешения звуков *ө* и *ү*, а затем «вытеснения» первого вторым появились омонимы: *үргэхэ* (поднимать) и *үргэхэ* (пугаться), *үнэр* (запах) и *үнэр* (благополучно)³.

2. В качугском говоре дифтонги *аз*, *оэ* не бытуют, они реализуются как долгие монофтонги *ä(аэ)*, *ö(оэ)*⁴. Например: *баэна* (стоит), *хаэха* (отсывать), *хуоэно* (на севере, сзади, позади).

¹ См.: Г. Н. Румянцев. Родо-племенной состав верхоленских бурят. «Зап. БМ НИИК». вып. XII и XV, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1951.

² Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931, стр. 6.

³ Более подробное описание этого звука см.: А. Г. Митрошкина. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. 3, БМ НИИК, Улан-Удэ, 1958, стр. 283—284.

⁴ По техническим причинам фонемы *ä*, *ö* в тексте обозначаем через *аэ*, *оэ*.

3. Звук *ä* (вариант фонемы *a*)¹ в качугском говоре иногда выступает как фонема: ср. *дäбхагар* (толстый, приземистый) и *дäбхагар* (толстый — об одежде); *дäбдал*, но не «*дäбдал*» (короткие волосы на лбу, пушок на лбу).

Значительное своеобразие звуковой системы качугского говора обнаруживается при рассмотрении особенностей реализации фонем. В сравниваемых языковых единицах наблюдаются явления соответствий звуков (фонем), редукции и выпадения их, а также метатезы (перестановка).

Ниже приводятся некоторые материалы об указанных явлениях.

Соответствия гласных мягкого ряда

э || *ү*: кач. *бэрэ*, лит. *бүри* (совсем не); кач. *мэн даа* или *мэни даа*, лит. *мун даа* (то-то). Иногда в употреблении *ү*, *э* качугский говор совпадает с литературным языком и в то же время расходится с соседним говором, например: кач. *гэдэргэ*, лит. *гэдэргээ*, эх.-бул. *гүдэргээ* (назад); кач. *тэрһэн*, лит. *түрһэн*, эх.-бул. *түрһэн* (икра).

э || *ээ*, *э* || *өө* и *ээ* || *э*: кач. *шэнгэр(һ)эн*, лит. *шэнгээрһэн* (шишка); кач. *хүндэхэ*, лит. *хүндөөхэ* (разбередить рану); кач. *мэдээндэ орхо*, лит. *мэдэлдэ орохо* (подчиняться).

ээ || *өө*, *үү* || *өө*: кач. *үжээхэ*, лит. *үжөөхэ* (сгноить); кач. *үрээр*, лит. *юрөөл* (благопожелание); кач. *үхээшэ(н)* (мертвец, труп), лит. *үхөөшэ* (умерший); кач. *түхрэн*, лит. *түхрөөн* (круглый); кач. *үүхэн*, лит. *өөхэн* (жир, сало).

ээ || *ии* или *ээ* || *ы*. Соответствия между качугским *ээ* и литературным *ии* (или *ы*) падает на непервые слоги: кач. *дүлээ*, лит. *дүлии* (глухой); кач. *дэмээ*, лит. *дэмы* (зря; бредовый); кач. *үгээтээ*, лит. *үгытээ* (бедный, бедняк); кач. *хэлтээхэ*, лит. *хэлтыхэ* (накрениться); кач. *лүнхээжэ*, лит. *лүнхыжэ* (исподлобья); кач. *хэрэнсээ*, лит. *хэрэнсы* (крыльцо).

Частицы отрицания в качугском и смежном с ним эхирит-булагатском говорах имеют одинаковое звучание: *-үгүэ*, *-гүэ* (нет, не) вм. лит. *-үгы*, *-гуй*. Встречаются единичные случаи чередования *и* || *э*, *эйэ* || *ээ*, например, в качугском говоре *ильжэгэн* вм. лит. *элжэгэн* (ишак), *хэйэр*² вм. *хээрэ* (гнедой).

Соответствия гласных твердого ряда

аэ || *аа* || *а*; *аэ* || *ии*, *ä* || *и*, *ä* || *о*: кач. *шэнаг*, эх.-бул. *шаанаг* (чайник); кач. *маэрха*, эх.-бул. *маараха* (блеять); кач. *ураэхиша*, эх.-бул. *урагша* (вперед, на юг); кач. *арьха*, эх.-бул. *ираха* (листья); кач. *альха*, эх.-бул. *илаха* (победить); кач. *нэданда*, эх.-бул. *нэдондо* (в прошлом году).

В употреблении фонемы *о* вм. лит. *у* качугский и эхирит-булагатский говоры совпадают. Например: кач. *хотьго*, эх.-бул. *хотьго*, лит. *хутага* (нож); кач. *одьгон*, эх.-бул. *одигон*, лит. *удаган* (шаманка); кач. *олом*, эх.-бул. *олом*, лит. *улам* (брод); кач. *олом*, эх.-бул. *олом*, лит. *улам* (подпруга). Иногда фонема *у* качугского и эхирит-булагатского говоров соответствует *о* литературного языка: как в Эхирите, так и в Качуге говорят *шургалжан* вм. лит. *шоргоолжон* (муравей), но: в качугском говоре *гутанан*, в литературном языке — *гутал*, в эхирит-булагатском говоре — *годоһон* (унты).

а || *уу*: кач. *бульжамар*, лит. *булжамуур*, ср. эх.-бул. *бульжамуур* (жаворонок); кач. *адаһан*, лит. *адууһан* (скотина, домашнее животное)

¹ О звуке *a* см.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, вып. 1, опыт исследования. Пг., 1913—1914, стр. 1.

² В шаманской поэзии *хээр*.

oo || aa, уу || оо: кач. oгоо, лит. угаа, ср. эх.-бул. угаа (очень, слишком) кач. суулган, лит. соолго (прорубь); кач. суу, лит. соо (насквозь); кач. суулха, лит. соолохо (прорубить);

у || уу: кач. ургаэ, лит. уургай (гнездо); кач. дугаэ, лит. дуугай (молчаливый); кач. мухаэ, лит. муухай, эх.-бул. муухай (некрасивый);

уи || ы: кач. харанхуи, лит. харанхы (темнота, темно, темный); кач. дугуи, лит. дугы (мостик из жердей для пешеходов);

В эхирит-булагатском говоре, так же как и в литературном языке, вместо качугского дифтонга *уи* встречается *ы* (или *ии*), а в окончаниях глагола повелительной формы *-уун*: *харьгии* (дорога), *дугы* (мостик), *худгии* (сватья), *хэлэхтүүн* (говорите), *орохтуун* (войдите) вм. кач. *харгуи*, *дугуи*, *худгуи*, *хэлэхтуи*.

В литературном языке в некоторых русских заимствованиях вместо ударного звука *о* употребляется не долгий *oo*, а долгий *өө*, что не характерно для качугского говора. В таких заимствованиях появляется чередование качугского твердорядного *oo* с мягкорядным литературным *өө*: ср. кач. *хосоог* и лит. *хүсөөг* (кусок).

Таким образом, одним из основных расхождений между смежными говорами и литературным языком является наличие соответствий гласных, наблюдаемых внутри фонематических (мягкого и твердого) рядов. Гласные нейтрального ряда *и*, *ии* могут соответствовать гласным как мягкорядным, так и твердорядным.

Редукция и выпадение гласных

В качугском говоре весьма развиты явления редукции и выпадения гласных звуков. Они характерны для определенных звуковых сочетаний. Так, выпадение и редукция гласных зависят от количества слогов, типа конечного слога, а также от характера окружающих согласных звуков.

В некоторых многосложных словах начальный гласный звук, предшествующий слогу с долгим гласным, выпадает. Например: ср. кач. *баатха* и лит. *абаадаха* (унести с собой); кач. *неэхэ* и лит. *энеэхэ* (смеяться); кач. *таархаха* и лит. *атаархаха* (завидовать, зариться). Кроме того, в неполном стиле произношения выпадает начальный гласный в некоторых двусложных словах, например: *дээл* вм. *эдээл* (кушай), *сөөн* вм. *үсөөн* (малочисленный), *рууда* вм. *урууда* (плыви по течению вниз, перен. опускайся).

В качугском говоре встречаются, однако, слова с начальными гласными или конечными открытыми слогами вместо закрытых конечных слогов или начального согласного в литературном языке: кач. *һама*, лит. *һам* (гребень), эх.-бул. *һам*; кач. *таяга*, лит. *таяг* (костыль); кач. *үһэгээ*, лит. *һуғы* (пятка); кач. *иһэгээ*, лит. *һэғы* (войлок); кач. *үһэн*, лит. *һүн* (молоко), эх.-бул. *һүн*.

Метатеза

В описываемом говоре довольно редко встречаются случаи метатезы (перестановки) звуков или слогов. Примеры:

исходное слово	в кач. гов.	в лит. яз.	перевод
<i>хараха</i>	<i>харгатха</i>	<i>харагдаха</i>	(показаться)
<i>үзэхэ</i>	<i>үзэгтхэ</i>	<i>үзэгдэхэ</i>	(появляться)
<i>арилха</i>	<i>арлиха</i>	<i>арилха</i>	(уйти)
<i>дараха</i>	<i>дарлага</i>	<i>даралга</i>	(плашка)
<i>а жаг</i>	<i>а жагалха</i>	<i>а жаглаха</i>	(примечать)

Отклонения системы консонантизма качугского говора от литературного языка, как и особенности системы гласных звуков, сводятся в основном к позиционному своеобразием, наличию соответствий звуков первого звука второго. Иными словами, отклонения не носят физиолого-акустического характера, что приводит к различию языков, но не к различию между отдельными говорами одного и того же языка, или между территориальным говором и литературным языком.

В описываемом говоре в начале слова употребляются все согласные, за исключением *ж*, *нг*, *р*: *болдогор* (выпуклый), *бухал* (копна), *гэр* (дом), *дотор* (кишечник), *зудан* (тайга), *ласхагар* (толстый — о фигуре человека), *маади* (ребенок), *моэһон* (черемуха), *ноэр* (сон), *саламдаэ* (неуклюжий), *тасхааг* (несъедобный гриб), *шороз* (пыль), *харэ талхан* (зерно), *хохор* (подслеповатый).

В качугском говоре звук *й* употребляется вместо начального *ж* или *з* литературного языка. Например: в кач. *йараахаэ*, в лит. *жараахай* (малявка); в кач. *йэрбэгэр*, в лит. *жэрбэгэр* (прямой, стройный); в кач. *йолбо*, в лит. *жоолоб* (желоб); в кач. *йолоо*, в лит. *жолоо* (повод, узды); в кач. *йороо*, в лит. *жороо* (иноходец); в кач. *йүһэн*, в лит. *зүһэн* (масть, вид).

В употреблении звука *й* в начальной позиции между смежными говорами имеются расхождения. Так, в м. эк.-бул. *й* в качугском говоре иногда употребляется *ж*: качугские буряты, например, говорят, *жаалда* (или *жаабара*), эхиритские — *йаалда* (о, жалы!). Кроме того, в качугском говоре в начальной позиции может употребляться звук *й*, тогда как в лит. яз. и эк.-бул. говоре — *д*: кач. *йэбдэхэ*, лит. *дэбдихэ*, эк.-бул. *дэбдэхэ* (постелить); кач. *йэпхэр*, лит. *дэбдихэр*, эк.-бул. *дэбдэхэр* (постель); кач. *йэндэхэ*, лит. *дүндыхэ* (быть вытянутым кверху, торчать).

Начальному *й* качугского говора изредка в литературном языке соответствует звук *н*: качугское сочетание *йэптэ норхо* (насквозь промокнуть) соответствует литературному *нэптэ норохо* с тем же значением.

Звук *й* качугского говора соответствует согласному звуку *г* непервого слога литературного языка: кач. *эсэйэ*, лит. *эсэги* (усталый); кач. *һөөлдэнийэр*, лит. *һөөлдэнгир* (хриплый); кач. *занйалаа*, лит. *зангилаа* (узел); кач. *дольдоон*, лит. *долгин* (волна).

Как видно, в употреблении среднеязычного звука *й* качугский говор отличается не только от литературного языка, но и от эхирит-булагатского говора.

Другие соответствия согласных. *м* || *б* или *б* || *м*: кач. *шалмааг*, лит. *шалбааг* (лужа), кач. *модон гахаэ*, лит. *бодон гахай* (дикий кабан); кач. *йүүм гэхэдэ*, лит. *юуб гэхэдэ* (ибо, так как); кач. *лаба*, лит. *лама* (лама).

В эхирит-булагатском говоре фонема *ш* употребляется вместо *х* качугского говора и литературного языка: кач. *тахьяаг*, лит. *тахьяа*, эк.-бул. *ташаа* (курица); кач. *тамхин*, лит. *тамхин*, эк.-бул. *тамшан* (табак); кач. *мульхихэ*, лит. *мулхихэ*, эк.-бул. *мульшэхэ* (ползать).

Иногда вместо качугского звука *х* в эхирит-булагатском говоре употребляют звуки *с* или *г*: эк.-бул. *үсибүүн* в м. кач. *үхибүүн* (ребенок), эк.-бул. *арся* в м. кач. *архи* (вино), эк.-бул. *гасууран* в м. кач. *хасуурһан* (ель);

х || *г*, *х* || *б*: кач. *хагнаха*, лит. *гагнаха* (паять); кач. *хотирхо*, лит. *годирхо* (извиваться); кач. *үхшэхэ*, лит. *үбшэхэ* (пороть, сдирать шкуру);

с || *ш* или *ш* || *с*, *ш* || *һ*: кач. *сархи*, лит. и эк.-бул. *шархи* (лапоть);

кач. *шолсохсэ*, лит. *солоохой*, эх.-бул. *шолоохой* (щель); кач. *шошхо*, лит. *сошоло*, эх.-бул. *сошхо*, (вздвогнуть); кач. *шүүшэ*, лит. *һүүшэ*, эх.-бул. *шүүшэ* (долото);

с || *т*: кач. *хүрсэр*, лит. *хүрэтэр* (вплоть, до); кач. *хонхоэсор*, лит. *хонхойтор* (до появления углубления); кач. *улаэсар*, лит. *улайтар* (докрасна); кач. *нилсаэсар*, лит. *нилсайтар* (до размягчения);

н || *м*, *н* || *й*: кач. *оэн наэтха*, лит. *дам найдаха* (передоверять); кач. *нимаан*, лит. *йамаан* (домашняя коза).

В произношении слов *үмдэн* (брюки), *үмдэхэ* (надевать) качугский говор совпадает с литературным языком, расходясь с эхирит-булагатским говором, в котором употребляются *өндөн* и *өндөхө*.

н || *ж*, *м* || *н*: кач. *хэмнэхэ*, лит. *хэмжэхэ*, эх.-бул. *хэмнэхэ* (измерять); кач. *саламдаэ*, лит. *саландай*, эх.-бул. *саландай* (неаккуратный); кач. *мяхан*; лит. *мяхан*; эх.-бул. *няхан* (мясо);

д || *г*, *д* || *т*, *д* || *ш*, *д* || *н*, *т(д)* || *ш*: кач. *дүндэхэ*, лит. *дүнгэхэ*, эх.-бул. *дүнгэхэ* (поддержать); кач. *дааһан*, лит. *гааһан*, эх.-бул. *дааһан* (трубка); кач. *шордоо*, лит. *шортоо*, эх.-бул. *шорто* (зря); кач. *духтарха*, лит. *шухатарха*, эх.-бул. *духтархи* (жаждать; трясти); кач. *дуутха*, лит. *дууһаха*, эх.-бул. *дууһаха* (исчерпывать); кач. *урьдаар*, лит. *урьһаар*, эх.-бул. *урьдаар* (взаймы); кач. *абаатха* (абаадаха), лит. *абаашаха*, эх.-бул. *абаашха* (унести, увести);

з || *о*, *з* || *ж*, *з* || *с*: кач. *газаада*, лит. *гадаада* (наружный, внешний); кач. *зажалха*, лит. *жажалха* (жевать); кач. *зиихэ*, лит. *жиихэ* (вытягиваться); кач. *зами*, лит. *сами* (пах — анат.)

л || *з*, *л* || *д*: кач. *налгаэ*, лит. *назгай* (беспечный); кач. *хорголхо*, лит. *хоргодохо* (спрятаться);

р || *л*, *р* || *б*: кач. *үрүүр*, лит. *үрүүл* (мочалка); кач. *үрээр*, лит. *юрөөл* (благопожелание); кач. *харуур* (зеркало, фуганок), лит. *харуул* (фуганок); кач. *һургаартаэ*¹, лит. *һургаалтай* (образованный); кач. *доржогонуур*, лит. *доржогонуур* (говорун);

т || *д*, *ть* || *д*² кач. *гата(һ)ан*, лит. *гадаһан* (кол); кач. *гүтэ(һ)эн*, лит. *гэдэһэн* (живот); кач. *нэгэтьхэ*; лит. *нэгэдэхи* (первый); кач. *хоёртьхо*, лит. *хоёрдохи* (второй);

р || *рь* или *рь* || *р*: кач. *хурһэн*, лит. *хурьһэн* (почва); кач. *үрэ*, лит. *ури* (долг); кач. *хурьган*, лит. *хурган* (палец); кач. *горхон*, лит. *горьхон* (ручей); кач. *зорьгоороо*, лит. *зоргоороо* (самовольно);

ль || *л* или *л* || *ль*: кач. *нольбохо*, лит. *нёлбохо* (плевать); кач. *бульшархаэ*, лит. *бульшархай* (железо); кач. *мүл(һ)эн*, лит. *мульһэн* (лед).

В смежных говорах встречается чередование *й* || *л*, например, в кач. *борьлохоэ*, в эх.-бул. *борьлоохой* (воробей);

Любопытны расхождения между качугским говором и литературным языком в окончаниях отдельных слов. Например: кач. *тахьяг*, но лит. *тахьяа* (курица); кач. *газаада дүрһэн*, но лит. *газаада дүрсэ* (внешний вид); кач. *хасуурһан*, но лит. *хасуури* (ель); кач. *хүдмэр*, но лит. *хүдэлмэри* (работа); кач. *түй*, но лит. *түйд* (помеха); кач. *оэ*, но лит. *ойн* (ум); кач. *үдэ*, но лит. *үдэн* (птичье перо); кач. *уушха*, но лит. *уушхан* (легкие).

Выпадения согласных

Сравнивая качугские слова с соответствующими словами литературного языка, можно видеть, что в качугском говоре имеет место выпадение

¹ В словах *үрүүр*, *үрээр*, *харуур*, *һургаар* произошла ассимиляция согласных в словообразовательных суффиксах (*л* > *р*).

² Соответствие *ть* || *д* в порядковых числительных приведенного типа обусловлено переходом *д* > *ть* после выпадения гласного элемента перед мягким *х*.

денне согласных или даже целых слогов; кач. *үрмэ(һ)эн* ср. с лит. *үрмэ-дэйэн* (полюнь), *узарха* — *угзарха* (дергать), *һазмарал* — *һаймһарал* (лесть), *баруужа* — *баруулжа* (на запад, к западу), *зэбэн* — *зэбгэна* (ленок), *хоор* — *хоёр* (два), *сэмэ* — *сэмбэ* (сукно), *ошооди* — *ошообди* (мы были).

Известный интерес представляет слабая артикуляция качугского интервокального *һ*, особенно в непервых слогах осивы и в формативе исходного падежа. Примеры: *замга'ан* вм. *зумгааһан* (щепки), *хүбүүнэ'эн* вм. *хүбүүнһэн* (от сына своего), *Москва'ан* вм. *Москваһан* (из Москвы). По характеру произношения слов с выпавшим интервокальным *һ* описываемый говор напоминает говор ольхонских бурят. Как и в последнем, в качугском говоре на месте выпавшего *һ* образовывается как бы разрыв между гласными, например: *загу'ун* (рыба). Но стяжения гласных в нем не наблюдается. Иными словами, выпадение *һ* не дает долгого гласного, как в ольхонском говоре. Однако в речи одного и того же носителя говора спирант *һ* может и выпадать, и оставаться.

Иногда выпадает и согласный звук *х*. Так, например, произносят *тиидиимнаэ* вм. *тиихэдиимнаэ* (когда мы поступили таким образом).

Факты чередования звуков внутри говора

В улусах Опхой, Зулман,
Магнан (род шарайтов)

но жондо

дууһаа

айа

манаэшанда

одьрогты (так же у потомков буровского рода по Анге)

гатиp (так же по Анге)

аним

горьхон

бээжэ

В улусах Бурлай, Босогол, Сутай
и др. (шоноевский род)

наданда (в прошлом году)

дуудаа (кончилось)

али (или)

манаэхинда (у нас, у наших)

ожрохтуй (заходите, входите)

гашар (выходи)

алим (который)

горхон (речка)

пезэ (печка)

У шарайтов, кроме того, наблюдается выпадение переднеязычного носового звука *н* после переднеязычного *т*: *хэлхэтаэм* (говорите же), *барьхатаэм* (держите же) вм. *хэлхэтнаэм*, *барьхатнаэм*. Такое выпадение характерно для речи кырменцев Баяндаевского района.

Таким образом, в языке потомков ользоновского и шарайтовского родов встречаются некоторые фонетические явления, характерные для эхирит-булагатского говора: употребление звуков *ж*, *һ*, вм. общекачугского *д*; *ш* вм. *х*; *д'* вм. *ж*. Взрывной *т* вм. *ш* встречается в языке потомков буровского, ользоновского и шарайтовского родов; потомки буровского рода употребляют *аз* вм. долгого *аа*.

Основываясь на приведенных фактах соответствия согласных звуков, следует отметить, что: 1) чередование охватывает все согласные, за исключением *п*, *нг* и *ч*. Согласный *нг* и аффриката *ч* употребляются в определенных позициях. Так, например, заднеязычный *нг* в бурятском языке употребляется перед *г*, *х* и в абсолютном конце слов, а такая позиция исключает появления чередований. Сильный согласный *п* употребителен только в изобразительных и звукоподражательных словах, что также обуславливает отсутствие расхождений; 2) подавляющее большинство чередований обусловлено фонетическим законом ассимиляции. Например, чередование *г* || *д* объясняется прогрессивной ассимиляцией: ср. кач. *дүндэхэ* вм. лит. *дунгэхэ* (поддержать какое-либо, чье-либо усилие); такой же характер имеет чередование *р* || *л*: *үрүүр* и

уруул (мочалка); 3) соответствия *с || ш* и *ш || с* представляют собой результат исторических переломов гласного¹; 4) чередования *м || б* и *б || м* обусловлены а) регрессивной ассимиляцией губного *б* по признаку назальности (*бодон > модон*); б) утратой назальности губного *м* в абсолютном конце слова и интервокальном положении (*юум > юуб*; *лама > лаба*); 5) чередования звуков внутри говора обусловлены, как указывалось выше, влиянием эхирит-булагатского говора. Исторически, если верить преданиям старины, «раздвоение» говора качугских бурят вполне оправдано. Это подтверждается тем, что по р. Куленге ныне проживают потомки двух родов: шарайтов, кровно родственных нохоевцам, и ользонов (улус Магнан), кровно родственных баяндаевцам, то есть представителям носителей эхирит-булагатского говора.

Приведенный выше материал в целом показывает, что говор качугских бурят своеобразен в фонетическом отношении не только в сравнении с литературным языком, но и со смежным эхирит-булагатским говором. Тем не менее наблюдаемые фонетические расхождения не затрудняют взаимопонимания между носителями различных говоров, в частности качугского и восточно-бурятских.

Морфологические особенности

Своеобразия морфологического строя качугского говора по сравнению с литературным языком и эхирит-булагатским говором сводятся в основном к отсутствию некоторых аффиксов множественного числа, разною в образовании падежных форм, в употреблении некоторых служебных слов и к некоторым другим.

Употребление форм множественного числа

Известно, что в монгольских языках множественное число образуется посредством специальных суффиксов (формантов), которые наращиваются на форму единственного числа имени или присоединяются к основе вместо конечного неустойчивого звука *н* или дифтонгов². Принцип образования множественного числа в говоре качугских бурят не имеет существенных отличий от литературного языка и эхирит-булагатского говора. Однако в употреблении отдельных форм множественного числа исследуемый говор отличается от сравниваемых языковых единиц. Эти различия сводятся к следующему.

В качугском говоре форма множественного числа строго прикреплена к определяемому имени. Если в литературном языке «...иногда форму множественного числа принимает определение, а не определяемое, формально остающееся в единственном числе»³, то в качугском говоре такого рода переход формы множественного числа не наблюдается. Примеры: кач. *йэхэ гэрнүүд*, лит. может быть *ехэнүүд гэр* (большие дома); кач. *сагаан хонид*, лит. может быть *саганууд хонид* (белые овцы), кач. *бага тугад*, лит. может быть *баганууд тугал* (маленькие телята). В качугском говоре определяющее слово может принять форму множественного числа в том случае, если оно употреблено с определенным семантическим

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., стр. 96.

² Там же, стр. 127—128.

³ Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., АН СССР, 1941, стр. 85.

заданием — с целью усиления признака, выраженного определением: *миу морин* (тощий конь), но *миунууд морид* (тощие-тощие кони); *ута модон* (высокое дерево), но *утанууд модод* (очень высокие деревья); *һазхан сарпаан* (красивое платье), но *һазханууд сарпаангууд* (очень красивые платья).

О формантах *-д*, *-нууд* (*-нүүд*), *-ууд* (*-үүд*), *-гууд* (*-гүүд*). Формант *-д* присоединяется к основам с конечным кратким гласным, а также с конечными *н*, *л*, *й*, которые при этом выпадают: *шоно* (волк) — *шонод* (волки), ср. лит. *шононууд*¹; *зиимхэ* — *зиимхэд* (щипцы); *хүн* (человек) — *хүд* (люди), ср. лит. *хүнүүд*²; *тугал* (теленок) — *тугад* (телята); *дэгэл* (шуба) — *дэгэд* (шубы), но иногда употребляется и форма *дэгэлнууд*; *хорхоэ* (червь) — *хорход* (черви); *гахаэ* (свинья) — *гахад* (свиньи); *нохоэ* (собака) — *ноход* (собаки).

В именах прилагательных при аналогичных фонетических условиях употребляются форманты *-нууд*: *мухаэ+нууд* (некрасивые), *шара+нууд* (желтые) или *-ууд*: *сагаа+нууд* (белые); *бага+д* (дети), а *бага+нууд* (маленькие).

Имена существительные, обозначающие родство людей и оканчивающиеся на гласные, образуют форму множественного числа при помощи суффикса *-над* (*-нэд*). Этот суффикс соответствует литературному бурятскому и монгольскому суффиксу *-нар* (*-нэр*, *-нор*)³. Примеры: *аха* (старший брат) — кач. *аханад*, лит. *аханар* (старшие братья); *зээ* (племянник) — кач. *зээнэд*, лит. *зээнэр* (племянники); *худа* (сват), кач. *худанад*, лит. *худанар* (сваты). Наряду с формантом *-над* (*-нэд*) в некоторых словах, обозначающих людей, употребляются и форманты *-нууд*, *-д*, *-тан*: *андаляата* (девушка, выданная замуж в обмен другой) — *андаляата+д*, *андаляата+нууд* или *андаляа+тан* (девушки, выданные замуж за братьев) — ср. *анда+лдаха* (менять).

Формант *-ууд* (*-үүд*) принимают имена, оканчивающиеся на согласные, кроме плавных *р*, *л*. Примеры: *ураг+ууд* (родственники), *олом+ууд* (места, где можно перейти реку вброд), *эд+үүд* (товары).

Формант *-нууд* (*-нүүд*). Если в эхирит-булагатском говоре этот формант не употребляется с предметными именами существительными, то в качугском говоре он, как и в литературном языке, весьма активно формирует множественное число как от имен существительных, так и от прилагательных. Суффикс *-нууд* (*-нүүд*) присоединяется к основе с конечными плавными *р*, *л* и дифтонгами. Примеры: *хөл+нүүд* (ноги), *бухал+нууд* (копны), *гэр+нүүд* (дома, юрты), *тармуур+нууд* (грабли); *хүхлингүй+нууд* (синеватые), *харгуи+нууд* (дороги, пути). Этот суффикс принимают и имена, оканчивающиеся на краткие гласные после согласных *р*, *л*, *х*, при этом конечные краткие гласные выпадают: *боро* (серый) — *бор+нууд* (серые); *бөлө* (двоюродный брат или сестра) — *бөлнүүд* (двоюродные братья или сестры); *хара* (черный) — *хар+нууд* (черные); *эрэ* (муж, мужчина) — *эр+нүүд* (мужья, мужчины); *хөхө* (синий) — *хөх+нүүд* (синие).

Формант *-гууд* (*-гүүд*) в качугском говоре употребляется после долгих гласных вместо эхирит-булагатского. *-һууд* (*-һүүд*): кач. *буу+гууд*,

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. стр. 87.

² См.: там же, стр. 86.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. стр. 86; Б. Х. Тодаев а. Грамматика современного монгольского языка (фонетика и морфология). М., 1951, стр. 52.

эх.-бул. *буу+һүүд* (ружья); кач. *түрээ+гүүд*, эх.-бул. *түрээ+һүүд* (голенища); кач. *хүрээ+гүүд*, эх.-бул. *хүрээ+һүүд*¹ (изгороди).

Приведенный материал показывает, что употребление форматов множественного числа тесно связано с качеством конечного звука основы и с ее семантикой. Иногда имена существительные и прилагательные при одинаковых конечных звуках основы принимают разные форманты множественного числа (ср. *-д* и *-нууд*).

О падежных аффиксах

Имена в описываемом говоре нередко могут принимать падежные окончания, отличные от соответствующих аффиксов литературного языка и частично эхирит-булагатского говора. Так, например, в качугском говоре различаются родительный атрибута и родительный самостоятельный.

Под родительным самостоятельным мы понимаем форму имени, которая употребляется не атрибутивно, а в однословном ответе на вопрос или обозначает время действия. Аффиксами родительного самостоятельного в качугском говоре, как и в литературном языке, являются *-гай*, *-ай*, *-гой*, *-ой*, *-ээ*. Примеры: *Энэ юүни михам?* (Это какое мясо?) — *ан+гай* (зверя) или *хонин+ой* (баранина); *Энэ хэни нохойб?* (Это чья собака?) — *Шараан-ай* (Шарана) или *Обоог+ой* (Обогоя), *Сэмээн+ээ* (Семена). Аффикс литературного языка *-ын* соответствует в качугском говоре аффиксу *-айн*. Например: кач. *хадайн* вм. лит. *хадын* (горный). Аффикс *-н* употребляется со словами, оканчивающимися на дифтонги: *харгуй* (дорога) — род. п. *харгуйн* (дороги), *далай* (море) — род. п. *далайн* (моря).

В родительном атрибутивном падеже в рассматриваемом говоре употребляются аффиксы *-а* (*-э*, *-о*, *-ө*), *-йэ*. Причем аффикс *-э*, редуцируясь сильно, слышится как эвк, средний между *и* и *эл*; вызывает палатализацию конечных согласных основы *н*, *л*; конечный *г* перед аффиксом *-э*, палатализуясь, становится среднеязычным *ј*. Примеры: *модни намаа* (листья деревьев), ср. лит. *модоной набшаһан*; *төмөрө йэбэн* (ржавчина железа), ср. лит. *түмэрэй жэбэ*; *намара үдэр* (осенний день), ср. лит. *намарай үдэр*; *түлэзни һөхө* (топор для колки дров), ср. лит. *түлэзнэй һүхэ*; *булаји толгой* (исток ключа), ср. лит. *булагай эхин*; *хүрээйэ эшэ* (черенок пилы), ср. лит. *хүрөөгэй эшэ*. По всей вероятности, аффиксы родительного атрибутивного падежа есть не что иное, как редуцированные варианты аффиксов, употребительных в литературном языке. Следует отметить, что употребление в качугском говоре редуцированных и нередуцированных аффиксов не зависит от стиля речи, как в эхирит-булагатском².

В орудном падеже имена с конечным дифтонгом принимают аффикс *-аар* (*-оор*): *нохой* (собака) — *нохойоор* [нохойоор] (собакой), ср. лит. *нохойгоор*; *шарай* (лицо) — *шараяар* [шарайаар] (лицом), ср. лит. *шарайгаар*. Как видно, суффикс *-аар* (*-оор*) — это суффикс *-гаар* (*-гоор*) литературного языка с выпавшим заднеязычным *г* в условиях качугского говора.

В исходном падеже в качугском говоре употребляются аффиксы *-һан* (*-һэн*, *-һон*, *-һөн*), *-гаһан* вместо литературных *-һаа* (*-һээ*, *-һоо*, *-һөө*), *-гһаа* и эхирит-булагатского *-һа* (*-һэ*, *-һо*, *-һө*); *-гһа*: *хонин* (овца) — *хонинһон* (с овцы) вм. лит. *хонинһоо*, эх.-бул. *хонинһо*; *баабаз* (отец) — *баабазһан* (от отца) вм. эх.-бул. *баабайһа*; *Москва*—*Москваһан* (из Моск-

¹ См.: Б. В. Матхеев. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. „Сб. тр. по филологии“, вып. 3, БМНИИК, Улан-Удэ, 1958, стр. 144.

² См.: Б. В. Матхеев. Указ. статья, стр. 147.

вы) в м. лит. *Москваһаа*, эх.-бул. *Москваһа*; сан (жесть) — *сангаһан* (из жести) в м. лит. *санһаа*, эх.-бул. *санһа*.

О формах субъективной оценки качества

В качугском говоре употребляются общебурятские суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением *-хан* (*-хэн*, *-хон*, *-хөн*), *-дай*: *сабсагахан* (беленький), *ахдай* (кавалерчик) и суффикс *-най*: *ахнай* (старший братишка).

Для выражения неполноты качества в исследуемом говоре употребляются общебурятские суффиксы *-сар* (*-сэр*, *-сор*, *-сөр*), *-шаг* (*-шэг*, *-шог*, *-шөг*): *охторсор* и *охторшог* (коротковатый), *өндөрсөр* и *өндөршөг* (высоковатый), но не употребляется суффикс *-бтар*.

В качугском говоре весьма широко распространен прием усиления качества путем удлинения гласного основы: *ута* (длинный) — *утуу* или *уута* (длиннющий); *өндөр* (высокий) — *өндүүр* или *өөндөр* (высоченный); *ехэ* (большой) — *ехүү* или *еэхэ* (большущий); *хапхар* (черный) — *хапхуур* или *хаапхар* (очень черный). Усиление качества, относящегося к человеку, выражается и суффиксом *-жаал* (*-жээл*): *наһан* (возраст) — *наһажаал* (преклонного возраста), *ехэ* (большой) — *ехэжээл* (повзрослевший).

О некоторых глагольных формах

Принято считать, что в литературном языке глаголы на *-ба* (*-бо*, *-бэ*) выражают прошедшее время. В качугском же говоре эта форма глагола имеет различные временные значения: 1) прошедшее время с результатом в настоящем, в известной мере напоминает древнерусский перфект: *Мүнгээшнн асарбаб* (Деньги твои принес, плюс оттенок значения — вот они), *Танда хэрэгтээ ербэб* (Я к вам по делу пришел, плюс оттенок значения — и вот я здесь); 2) начало действия: *ябаба* или *ябба* (пошел), *зураба* (начал писать), *хэлэбэ* (начал говорить); 3) действие, совершающееся в момент речи: *наашаа харба* (сюда смотрит), *гэдэрэгшээ ербэ* (идет обратно); 4) продолжительное действие: *өтөлбө* (стареет); 5) прошедшее время с законченным результатом: *Үстэр би Хашта ошбоб* (Вчера я был в Качуге), *Михаала намда хэлэбэ* (Михаил мне сказал). Иногда глагол на *-ба* (*-бэ*, *-бо*, *-бө*) может употребляться и со значением предостережения: *Басагани унаба* (в м. *унахшаб*) *байгаад, холо бо ошо* (Девочка твоя как бы не упала, не отходи далеко).

Обращение к самому себе в качугском говоре имеет суффикс *-һуу* (*-һүү*), к которому присоединяется показатель 1-го лица *-м* вместо литературного *-б*, например: *хараһуум* (посмотрю я) в м. лит. *хараһууб* или *хараһуу*. Повелительно-вежливая форма обращения ко 2-му лицу множественного числа имеет суффикс *-хтуи* (ср. лит. *-гты* и эх.-бул. *-гтуун*)¹: *абахтуи* (берите) в м. лит. *абагты*, эх.-бул. *абагтуун*.

Деепричастие предела в описываемом говоре образуется посредством суффикса *-сар* (*-сэр*, *-сор*, *-сөр*) вместо литературного *-тар* (*-тэр*, *-тор*) и эхирит-булагатского *-са* (*-со*, *-сэ*): *бусалсар* (до тех пор, пока не вскипит), *өтөлсөр* (до тех пор, пока не состарится). Суффикс же *-са* (*-сэ*, *-со*, *-сө*) в качугском говоре образует наречие: *харьяса бусалха* (бурно кипеть), *түшэгэнсэ харайха* (с топотом бегать), *тобтогонсо хэлэхэ* (быстро и четко говорить). Предварительное деепричастие в исследуемом говоре, как и в эхирит-булагатском, имеет суффикс *-мсар* (*-мсэр*, *-мсор*, *-мсөр*)

¹ О суффиксах *-гтуун*, *-хтуи* см.: А. Б о б р о в н и к о в. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 131.

вместо литературного *-мсаар* (*-мсээр*, *-мсоор*, *-мсөөр*): кач. *ерэмсэр* (как только придет) вм. лит. *ерэмсээр*.

В качугском говоре, как и во всех западно-бурятских говорах, причастие на *-нхай* не употребительно, его значение может быть передано описательно, например, лит. *Ябанхай* (Он давно уехал) примерно соответствует качугскому сочетанию *Ябанар удаан болоо* (Прошло много времени, как он уехал).

О служебных словах

Из послелогов, употребительных в литературном языке и обозначающих пространственные отношения, в исследуемом говоре послелоги *дэргэдэ* (вблизи), *үмэнэ* (перед) отсутствуют; вместо них функционируют соответственно *хажууда*, *урай* или *урда*, встречающиеся также и в литературном языке.

Послелогу литературного языка со значением замены *орондо* (вместо; вместо того, чтобы; за) в качугском говоре соответствует послелог *тлөө* (ср. лит. *түлөө*). Послелоги приблизительности *шахуу*, *тухай*, *баг* в качугском говоре соответствуют разделительному дееспричастию *шахаад* (почти) и глаголу *бараг* (около).

Послелоги времени в сравниваемых языковых единицах совпадают, за исключением послелога *сасуу* (одновременно), отсутствующего в качугском говоре. Слово *сасуу* в исследуемом говоре имеет значение «ровесник».

Гласный звук отрицательной частицы *бу* (не) подвергается регрессивной ассимиляции по сингармоническому ряду последующего слова: *бэ хэлэ* (не говори), *ба хара* (не смотри), *бу уил* (не плачь).

В качугском говоре бытует частица утверждения *шаал* (ведь, же), соответствующая сочетанию *бэшэ аал* (должно быть, жается): *ерэшиаал* (ведь приехал, приехал же). Частица *шаал* образовалась из сочетания *бэшэ аал* (разве не?) ср. *ерээ бэшэ аал* (разве не приехал?). Наряду с литературной частицей утверждения *даа* в качугском говоре функционирует и частица *доо*. Вместо отрицательной частицы *-дүй* употребляется *-гүэ*, а частица *дүй* употребляется в фольклорном стиле: *сагаан хуһани ургаа дүидэ*, *сагаан хаани ерээ дүидэ* (в те времена, когда не росла белая береза, когда еще не было белого царя).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Лексические различия между качугским говором и литературным языком и отчасти эхирит-булагатским говором сводятся в основном к отсутствию тех или иных слов или сужению, смещению значений некоторых слов литературного языка в исследуемом говоре. Значительные различия отмечаются во внутренних формах слов.

Расхождения, связанные с отсутствием слов литературного языка в описываемом говоре и с внутренней формой слов (или параллельные слова), мы относим к разряду собственно-лексических расхождений; расхождения же, связанные с разнообразием в значениях слов, — к разряду лексико-семантических расхождений¹.

¹ При описании лексических расхождений мы пользовались различными словарями: Д. А. Абашеев, К. М. Черемисов. Краткий русско—бурят-монгольский словарь. Улан-Удэ. Бур.-мои. гос. изд-во, 1941; Бурят-монгольско-русский словарь, составил К. М. Черемисов, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954; Русско-бурят-монгольский словарь, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954; Монгольско-русский словарь, под общей редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957; Монгольско-немецко-русский словарь, составленный Я. Шмидтом. Спб., 1835, и другие.

Собственно-лексические расхождения

Слова литературного языка, не бытующие в качугском говоре, делятся на две группы: первая — слова, не имеющие общих корней со словами качугского говора, вторая — слова, образованные от известных в исследуемом говоре корней.

Эти группы слов относятся главным образом к общественно-политической терминологии, к терминологии науки и культуры; реже встречаются среди терминов, обозначающих предметы, понятия быта людей. Примеры слов, не имеющих общих корней со словами качугского говора: *дүрим* (правило, положение), *гүрэн* (государство), *жагсаал* (шествие, демонстрация), *усадхаха* (ликвидировать), *элиэн* (посланник), *изагууртан* (родовитые, знатные), *амжалта* (успех, достижение), *мурысөөн* (сопредвание), *габьяа* (заслуга, доблесть, героизм), *багша* (учитель, преподаватель), *дэвтэр* (тетрадь, записная книжка), *ном* (книга, грамота), *журам* (порядок, распорядок, строй, режим), *асуудал* (вопрос), *абьяас* (склонность к чему-либо, усердие), *агаар* (воздух, атмосфера) и др.

Качугские буряты не знают терминологии буддийской веры, за исключением общераспространенных слов *лаба* (лама), *дасан* (дацан). Но зато шаманские термины некогда бытовали: в активном запасе слов иосителей качугского говора *наэжа* или *наэжа бөө* (шаман — опекун ребенка), *мүнсэ* (вознаграждение шаману натурой или деньгами за исполнение шаманского молебна), *шэрээтэ бөө* (шамаи, имеющий право отправлять шаманский обряд с жертвоприношениями), *шэрээ* (подставка на четырех березовых ножках для сжигания костей жертвенного животного), *зүхэли* (шкура жертвенного животного с головой и ногами, подвешенная к длинному шесту), *шалгаша үзэхэ* (вид шаманской ворожбы) и др. Некоторые шаманские термины, бытующие в эхирит-булагатском говоре, качугским бурятам не известны. Например, *манжалга* (первое выступление шамана).

Среди общественно-политических, абстрактно-научных терминов литературного языка, не бытующих в качугском говоре, встречается значительное количество слов, имеющих общие корни со словами качугского говора; правда, значения этих корней совпадают не всегда. Примеры: лит. *түүхэ* (история, историческое повествование, легенда), в кач. говоре оно означает «легенда»; лит. *тэмсэл* (борьба), в кач. *тэмсэхэ* (стремиться к чему-либо, негласно соревноваться с кем-либо)¹; лит. *байгуулалта* (создание, основание, организация, строй, структура), в кач. *баэха* (стоять, находиться); лит. *хани барисаан* (содружество), в кач. *хани* (друг, попутчик) и *барьха* (держать); лит. *арга боломжо* (возможности), в кач. *арга* (средство, возможность) и *болхо* (становиться, делаться, превращаться); лит. *эхэ орон* (родина), в кач. *эхэ* (мать) и *орон* (кровать, постель); лит. *шудалха* (изучать, исследовать, осваивать, овладевать), в кач. парн. *удалха-шудалха* (распороть что-либо с целью познать его внутренности — о детях, ломающих игрушки из любознательности); лит. *тайлбарилга* (толкование, комментарий, разъяснение, примечание), в кач. *таэлха* (развязывать, отвязывать, отстегивать, снимать с себя одежду); лит. *эрдэм* (наука, образование, знание, ученость) и *эрдэмтэ* (ученый), в кач. *эрдэм* (умение); *ухаан бодолго* (мышление), *ухаан* в сочетании *ухаан гүэ* (сломя голову, безрассудно) в кач. говоре употребляется весьма редко, *бодолго* в знач. «соображение, рассуждение» в исследуемом говоре не употребляется; лит. *онсо тэмдэг* (характерная черта), в кач. *тэмдэг* (метка), *онсо* (попадание), но значения «особенный, исключительный,

¹ В переводах даются основные значения, соответствующие значениям терминов литературного языка.

чрезвычайный» качугский говор не знает; лит. *хүг жэхэ* (развиваться), в кач. *хүг жэхэ* (разгораться синим пламенем); лит. *гэгээрэл* (просвещение), в кач. *гэгээ орхо* (светать, рассветать), но переносного значения не имеет; лит. *һанам жа* (мнение, соображение, намерение, помыслы, предложение), в кач. *һанаха* (думать, мыслить, помнить); лит. *таһаг* (отдел), в кач. *таһалга* (комната); лит. *зүблөөн* (совещание), в кач. *зөб* (правильно, правильный), *зөбтөө орхо* (договориться); лит. *үндэһэ һуури* (основание, базис), в кач. *үнөөһэн* (корень), *һуури* (место снесенного строения) и другие.

Отсутствие в качугском говоре многих отвлеченных слов, общественно-политических и иных терминов объясняется историческими условиями жизни носителей данного говора, отсутствием соответствующих понятий, территориальной отдаленностью качугцев, населяющих верховья реки Лены, от центра национальной бурятской культуры, сплошной неграмотностью населения в прошлом. С развитием просвещения и подъемом культуры в годы советской власти в словарный состав исследуемого говора проникают научно-технические и общественно-политические термины из русского языка, например: история, атом, ракета, спутник, партия, совет, совхоз, колхоз, интеллигенция.

Параллельные слова

В. И. Ленин, работая над книгой Л. Фейербаха о философии Лейбница, выписал его положение о природе названия с замечанием «хорошо сказано»: «Что такое название? Служащий для различия знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его цельности»¹.

Предметы, как известно, могут иметь несколько бросающихся в глаза признаков, как-то: цвет, вкус, размер, возраст, характер, поведение и т. д. В основу названия отдельные группы людей (племена), народы могут положить не один и тот же признак. Следовательно, одни и те же предметы даже на базе одинакового языкового материала могут получать различные названия. Например, в бурятских говорах «сноп» (связка сжатых стеблей с колосьями) обозначаются словами: *хүлигэ*, *боолто* или *боодолго*. Такого рода различия мы называем параллельными словами.

Сопоставляя лексику изучаемого говора, связанную с трудовой деятельностью человека, с названиями предметов домашнего обихода, с литературным языком и со смежным эхирит-булагатским говором, обнаруживаем, что в области лексики, обозначающей орудия охоты, рыбной ловли и животноводства, расхождения единичны, в терминологии же полеводства, в названиях продуктов земледелия, в бытовой лексике и в словах, обозначающих родственные отношения людей, они довольно значительны. Учитывая это, мы даем материал, характеризующий тематическую область лексики.

Люди, их родственные и другие отношения

Термины, обозначающие людей по признакам пола, возраста, родства и других отношений совпадают в основном в говорах западно-бурятского диалекта. Они оказываются во многих общинах и в бурятском языке в целом. Однако в рассматриваемом говоре встречаются

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. М., Госполитиздат, 1965, стр. 74.

ся отдельные слова, так или иначе отличающиеся от соответствующих слов литературного языка и других говоров. Так, наряду с литературным сочетанием *нарай үхибүүн*¹ (новорожденный) в качугском говоре употребительны слова *маадиш*, *баалья*, ср. *бааяха* (плакать — о ребенке), а в эхирит-булагатском говоре — *убай*. Слово *убай*, вероятно, когда-то употреблялось в качугском говоре, так как в нем встречается причастие *убайлхан* в сочетании *убайлхан баабай* (пеленавший, вырастивший отец). Следует отметить, что слово *баалья* употребляется не повсеместно, а лишь в языке потомков шарайтовского и ользоновского родов. Возможно, *баалья* соотносительно с тюркским, в частности, казахским *бала* (ребенок, дитя).

В литературном языке употребительно слово *нүхэр* (муж), в эхирит-булагатском говоре ему соответствует слово *һөхшөн*, в качугском — *эрэ*, *хураэха*. Отсюда в лит. яз. встречается сочетание *нүхэртэ ошохо* (выйти замуж), в эх.-бул. говоре — сочетание *һөхшөндө ошохо* или *һөхшөтэ болохо*, в кач. говоре — *эрдэ ошхо* или *эрдэ гарха*. Общим для смежных говоров является слово *хураэха* (муж), поэтому и в Эхирите, и в Качуге говорят *хураэхада гарха* или *ошохо* (выйти замуж). У потомков шарайтов и ользоновцев слово «жена» обозначается словом *һамган*, так же как и в литературном языке; следовательно, понятие «выходить замуж» у них будет обозначаться сочетанием *һамга абаха*. Между прочим, слово *һөхшөн* в аларском говоре означает «жена», отсюда *һөхшөнтэ болхо* — «жениться».

Дедушка по матери в качугском говоре называется (о)тоо *баабаз* (ср. *тог* — племя, поколение, клан) вм. лит. *хүгшэн аба* или *үбгэн баабай*) досл. старый отец). В исследуемом говоре бытуго сочетание *хольхи төвдээ* или *хольхи ибии* (бабушка по матери), *хольхи баабаз* или *хольхи нахса* (дедушка по матери), в литературном языке эти термины родства передаются соответственно сочетаниями *нагаса эжы* и *нагаса баабай*.

В монгольском языке для обозначения понятия «гость» существуют синонимы *айлчин*, *гийчин*, *зочин*. Из них в кач. говоре употребительно слово *зошон*, в эх.-бул. — *айшан*, в хоринском диалекте — *айлшан*. Некоторые буряты значение слов *айлшан* и *зошон* понимают по-разному. Например, старшее поколение нукутских бурят и по настоящему время под словом *зошон* подразумевает «гость, приехавший на тайлаган»², под словом *айшан* — «гость, приехавший в аил, в улус».

Слова, характеризующие человека. В качугском говоре, как и вообще в бурятском языке, широко представлен класс слов, характеризующий внешний вид, характер, поведение и другие признаки человека. Внешний вид человека обозначается обычно изобразительными словами.

Способы образования их в основном одинаковы как в исследуемом говоре, так и в литературном языке. Так, они образуются главным образом от глаголов с помощью суффиксов *-гар* (*-гэр*, *-гор*), *-уур* (*-үүр*), *-наг*, *-саг* (*-сэг*, *-сөг*), *-аас* (*-ээс*, *-оос*), *-уу* и др. Примеры: *һарнагар хүн* (человек с раздувшимися ноздрями), *һэрнэгэр хүн* (человек с торчащими ушами), *шулагануур* (человек, любящий ворчать; ворчун), *шарбагануур* (вертлявый человек), *һайрхуу* (хвастливый), *тархансаг* (карануз) и др.

В этой группе слов расхождения обнаруживаются, главным образом, в словах, образованных при помощи суффиксов *-аас* (*-ээс*, *-оос*), *-л*, *-наг* (правда, их немного). В литературном языке слова с приведенными суф-

¹ В качугском говоре это сочетание произносится *нирээ үхибүүн*.

² *Тайлаган* — обряд моления шаманистов с участием всего населения улуса или округа.

фиксами нами не обнаружены. Ниже приводим примеры из этой группы слов: *harhaac* (человек ограниченного ума, но самоуверенный), ср. *harhagar* (рыхлый, легковесный); *халхаас* или *халхааснай* (человек, имеющий неаккуратно сшитую одежду), ср. *халхагар* (мешковатый); *пөсхөл* (пухленький), ср. *пөсхөгөр* с тем же значением; *пирханаг* и *пирхаас* (конопчатый), *пархаас*, *пархааснай* (неуклюжий, неповоротливый), ср. *пархагар* (грубый, топорный).

В качугском говоре изредка встречаются слова, образованные посредством общебурятских суффиксов, отсутствующих или почти неупотребительных в литературном языке и в эхирит-булагатском говоре: *пэрээ+гэр* (пузатый), *сэлсэ+гнүүр* (неосторожный), *булха+гануур*, *урба+гануур* (неуравновешенный, злюка), *халха+гануур* (легкомысленный; человек, которому нельзя довериться), *hiic+хүүр* (легкомысленный) и т. п.

Также имеются расхождения в употреблении слов, характеризующих поведение или нрав человека. Понятия «хвастливый», «бессовестный», «высокомерный» в качугском говоре обозначаются соответственно словами *онгогор* (или *harhagar*), *сүдэггүэ* (ср. монг. *сүсэг* — вера, набожность, религиозность) и *дээгүүр* (ср. *дээгүүр* — поверху) или *бодорхог* (ср. западно-бурятское *бодохо* — уважать, почитать), *үлгэр* вм. эх.-бул. *haaxar*, *hэгээгүэ* и *hазэгэй* (слова *haaxar* и *hазэгэй* употребляются и в литературном языке). Слово *hэгээгүэ* в качугском говоре употребляется в значении «без памяти» в сочетании *hэгээгүэ жэрээ* (пришел без сознания).

Названия частей тела человека. Сравнение показывает, что одна и та же часть человеческого тела в литературном языке иногда имеет несколько названий, в качугском говоре — одно. Например: литературные сочетания *хүүгэн нюдэн*, *нюдэнэй сэсэги*, *нюдэнэй хара* соответствуют качугскому сочетанию *нүдэнэ гал* (зрачок); *hүбэ*, *нүхэн* — *hүбэ* (поры); *хулхай гээгээ*, *шэлэ хүзүүн*, *шэлэ* — *гээгээ* (затылок). Однако слово *гээгээ* в лит. яз. и кач. гов. в другом значении представляет собой омоним: в кач. *гээгээ* (память), в лит. *гээгээ* (коса). Так, сочетание *гээгээтэй басаган* в исследуемом говоре означает «злопамятная девушка»; а в литературном языке — «девушка с косой».

Встречаются расхождения и в других названиях, например: кач. *үлэмэ* вм. лит. *мэхэрхэй* (подъем ноги), кач. *яньяргэй* вм. лит. *хангир* (голень).

Животный мир

Названия зверей и птиц. В названиях, обозначающих диких животных, встречаются различия между сравниваемыми языковыми единицами. Например, лит. *бодон гахай*, ср. *бодо мал* (крупный рогатый скот) в кач. говоре соответствует *модон гахай* (дикий кабан), ср. *модон* (дерево; лес, лесной)¹; вм. лит. *хүхэ буха* в кач. гов. употребляется *хүхэсгээ*; лит. *мана хоход* (крот) соответствует кач. *харха*; лит. *хун шубуун* соответствует эх.-бул. *сагаан шубуун* и кач. *сагаан галуун* (лебедь). В исследуемом говоре *хун шубуун* употребляется только в исторических повествованиях.

В изучаемом говоре наблюдается замена отдельных названий диких животных и птиц заимствованиями из русского языка. Так, например, в лит. яз. имеем *шаазгай*, в эх.-бул. говоре — *саазгай*, в кач. говоре — *сороонхи* (сорока.) Следы употребления слова *саазгаэ* в прошлом носителями качугского говора обнаруживаются в устойчивом словосочетании *хэрээ-саазгаэ*.

¹ О соответствии б || м см. раздел «Фонетические особенности».

Названия живых существ могут иметь общую основу, но раско-
даться в суффиксальной части. Таковы, в частности, некоторые назва-
ния птиц: лит. *тонш+уул*, кач. *тонш+ол* (дятел) при *тоншохо* (сту-
чать); лит. *бульжа+муур*, кач. *бульжа+мар* (жаворонок) и некоторые
другие.

Названия насекомых и пресмыкающихся.
В названиях насекомых и пресмыкающихся в исследуемом говоре на-
блюдаются расхождения, связанные в основном со смешением названий
объектов или с употреблением в нем русских заимствований вместо не-
которых бурятских названий. Так, слово *батагана* в лит. яз. означает
«муха», в эх.-бул. — «комар», в кач. — «мошка» (редко употребительно).
А мошка в лит. яз. называется *хохор батаганаан* или *жэжэ боргооһон*,
в эх.-бул. — *боргоодоһон* или *нюдэ аляһан*, в кач. — *хохор аляһан*
(досл. слепая муха). В лит. яз. и кач. говоре слово *хабтагай* обоз-
начает «доска», тогда как в эх.-бул. *хабтагаэ* — «клоп». Как в литера-
турном языке, так и в качугском говоре бытует русское заимствование
хулһаа.

Некоторые названия имеют расхождения во внутренней своей форме
например: лит. *улаан хорхой* (дождевой червь) при *улаан* (красный) и
хорхой (червь), но в кач. говоре «дождевой червь» — *гульмаахаэ* при
гульмагар, *һульмагар* (растянувшийся, вялый, длинный). В качугском
говоре различные группы насекомых, близкие по виду, носят иногда
одно общее название, тогда как в литературном языке имеется название
для каждого насекомого в отдельности: кач. *голёог* (кузнечик) соответ-
ствует литературным *голёо* (кобылка), *тэжэн голёо* (саранча), *хара голёо*
(сверчок), *шааруул* (кузнечик).

Термины животноводства. В названиях домашних
животных (овца, корова, теленок, свинья и другие) расхождений не имеет-
ся, за исключением некоторых различий, связанных с фонетическим
чередованием. Например: лит. *ямаан*, кач. *нимаан* (коза). В исследуемом
говоре отсутствуют названия синонимно-дублетного характера, например,
мөөдии (корова), *унаа* (лошадь), *мал* (скот) и другие, при иаличии основ-
ных названий *үнеэн*, *морин*, *адаһан* с теми же значениями.

Кроме того, в литературном языке и качугском говоре имеются
следующие расхождения: лит. *эхэ хонин*, кач. *эмэ хонин* (овца, овцематка);
лит. *малиан*, кач. *адуушан* (пастух, животновод).

Земледелие и огородничество

Такие названия работ, как «пахать», «сеять», «жать», «стого-
вать», «сушить», «веять», в основном одинаковы в литературном
языке, и в качугском говоре¹. Из этого ряда слов только слово *тари-
ха* (сеять) в исследуемом говоре в данное время не употребляется, однако
следы бывшего его функционирования обнаруживаются, например, в
сочетании *тарьмал маяһан* (огородный лук, досл. посеянный лук).
В значении «стоговать» слово *һүрилхэ* в говоре за последнее время не
употребляется, вместо него употребляется слово *сомоолхо*, наряду с
русским заимствованием *остоговаалха*.

Наблюдаются различия синонимного характера. Например, лит.
боолто, эх.-бул. *боодолго*, кач. *хүлигэ* (сноп) образованы от синонимич-
ных глаголов: *боолто* и *боодолго* — от *боохо* (обвязывать, завязывать);
хүлигэ — от *хүлихэ* (связывать). Такое же различие имеют бурятские

¹ См.: Русско-бурят-монгольский словарь, под редакцией Ц. Б. Цыдендамбаева.
М., Гос. изд-во словарей, 1954.

слова со значением «молотить»: в кач. *нахшаха* (досл. колотить), в эх.-бул. и лит. *сохихо* (досл. бить).

Из названий продуктов земледелия не совпадают следующие термины: лит. *орооһон*, эх.-бул. *ороод*, кач. *хара талхан* (зерно); лит. *талхан*, редко *гурил*, кач. *сагаан талхан* (мука); лит. *хилээмэн*, иногда *талхан*, кач. *хлээмэ* (хлеб); лит. *арбай*, кач. *будаан* (ячмень); лит. *шара будаа*, кач. *шара хурнаа* (просо).

В качугском говоре сочетания *хара талхан* (зерно) и *сагаан талхан* (мука) имеют вполне определившуюся назывную функцию. Например, для обозначения вида муки или зерна к этим сочетаниям прибавляются названия соответствующих культур: *тэниисээн сагаан талхан* (пшеничная мука), *хараэн сагаан талхан* (ржаная мука), *будаани сагаан талхан* (ячменная мука) или *тэниисээн хара талхан* (пшеничное зерно), *хараэн хара талхан* (ржаное зерно) и т. п.

В качугском говоре, как и в других бурятских говорах и литературном языке, хлебные злаки, за исключением названия *будаан*, в лит. иногда *арбай* (ячмень), крупяные и огородные культуры, а также корнеплоды имеют русские названия. Например: *яарса* (ярица), *тэниис*, в лит. и эх.-бул. *шэниисэ* (пшеница); *обзос* (овес); *проосо*, в лит. и эх.-бул. иногда *будэл* (просо); *гэршүүхэ* (гречиха); *морхоопхо*, в лит. *морхооб* (морковь); *капуус*, в лит. *хапууста*, в эх.-бул. *хабуусха* (капуста); *лүүк*, в лит. *һонгино* (лук); *эрдийсхэ* (редиска); *помьдоор* (помидор); *түрнеэпсэ* (турнепс), *брюухва* (брюква) и др.

Если названия культурных растений в большинстве своем заимствованы из русского языка, то дикие растения имеют бурятские названия. Например: *үрмэһэн*, в лит. *үрмэдэһэн* (полынь), *шара сэсэг* (желтый цветок), *ургуи*, в лит. *ургы* (подснежник), *носоргоно* (любим), *шаралдаэ* (осот). Слово *пырээ* (пырей) бытует наряду с бурятским словом *хяаг*, правда, значения их дифференцированы: *хяаг* — «дикая сорная трава»; «заросшее пыреем некогда пахотное поле», а *пырээ*, кроме указанных значений, обозначает и культурное растение. Параллельно бытуют слова *лүүк* (лук огородный) и *маяһан һонгино* (дикий лук), в лит. *мангир*. Слово *маяһан* в исследуемом говоре также обозначает «суп», приготовленный чаще всего в русской печи, наряду с *шөлөн*, лит. *шүлэн*, имеющем дополнительное значение — «свеженина для роженицы».

В говоре качугских бурят некоторые процессы сельскохозяйственных работ носят двойные названия. Например, со значением «поливать» употребляются собственно бурятское словосочетание *уһа тарааха* и русское заимствование *полибаалха*. Однако первое из них обозначает процесс полива полей и сенокосных угодий, второе — более новый вид работы по поливке огорода.

Как видно из приведенного выше материала, в исследуемом говоре названия различных культур, продуктов земледелия, а также названия процессов работы не всегда совпадают с таковыми не только литературного языка, но и соседнего эхирит-булагатского говора. В нем имеются слова, своеобразные в фонетическом отношении (*маяһан*, *тэниис*), отличные в своей словообразовательной части (*үрмэһэн*) или не известные другим говорам в данном значении (*хүлигэ*).

Эти расхождения могут быть объяснены отчасти тем, что полеводство у ленских бурят получило широкое развитие в период обособленной их жизни.

Материальная культура

Названия жилищ и строений. В бурятском языке общеизвестным является слово *гэр* (дом). Однако в отдельных говорах наряду с ним употребляются и другие слова. Так, в эхирит-булагатском говоре со значениями «дом», «город» бытует слово *тура*. В качугском говоре, как и в литературном языке, слово *тура* известно только в значении «город» (в монгольском и тюркских языках оно обозначает «цитадель», «крепость», что вполне соотнобразуется со значением «город»). В рассматриваемом говоре со значением «дом» употребляется слово *махтар* (или *маатар*). Нам кажется, что это слово возникло от сочетания *бага тура* (маленькая крепость). В фонетическом отношении такое образование вполне допустимо: звук *б* в начальной позиции изменился в носовую *м* (*б > м*); звонкий же согласный звук *г*, оказавшись перед глухим, в результате выпадения гласного звука подвергается оглушению. Процесс изменения сочетания можно представить в следующем виде: *бага тура > баг+тур > бахтур > махтар*.

Литературное слово *бүхөөг* (навес) в качугском говоре означает «балаган». Кроме того, говору качугских бурят известны и литературные слова *отог* (шалаш), *урса* (конусообразный шалаш). Правда, слово *отог* употребляется только в сочетании *отог дээрэ байһимэдли зуураад бааха* (находиться в беспорядке, как в шалаше). Эхирит-булагатским словам *нажаржаан* (летник), *үбэлжөөн* (зимник) в качугском говоре соответствуют сочетания *нажари һөр* (досл. летний дом), *үбэли һөр* (досл. зимний дом). Летние юрты в улусе в исследуемом говоре в совокупности обозначаются словом *гол* (ср. *гол* — река), отсюда сочетание *голдоо нүхэ* означает «перекочевать в летники». Связь слов *гол* (река) и *гол* (летники) вполне объяснима, так как летники у бурят обычно располагались у берегов рек. Однако река в качугском говоре ныне обозначается только словом *уһан* (вода).

Эхирит-булагатскому говору не известно литературное слово *дал* (навес, хлев, стайка), употребительное в качугском говоре со значением «пристройка к юрте в виде кладовки». В значении «пристройка к дому» смежные говоры употребляют сочетание *гэрэ ампаар* (в эх.-бул. говоре произносится *гэрэ бумбаар*).

В смежных говорах употребляется слово *хүрээ* (изгородь), но не известны восточнобурятские слова *хорёо* и *томог* с тем же значением. Вместо восточнобурятских слов *сонхо* (ср. монг. *цонх*), *онгоошхо* (ср. *онгоэхо* — зиять) в смежных говорах бытует слово *шагаабар* (окно), которое иногда звучит как *шабаагар* (ср. *шагааха* — заглядывать, выглядывать). Литературному слову *шэл* (стекло) в смежных говорах соответствует слово *саа жанхэз*: *шагаабра саажанхэз* (оконное стекло). Вместо литературных слов *тогого* (дверной косяк) и *можо* (оконный косяк) носители смежных говоров соответственно употребляют *үүдэни эрхин* и *шагаабара эрхин*.

Названия одежды и обуви. В сравниваемых нами языковых единицах наиболее общие названия нередко совпадают, например: *хубсаһан* или *хубсаһа хунар* (одежда), *дэгэл* (шуба, пальто), *даха* (доха, зимний тулуп), *бээлээ* (рукавицы). В названиях же отдельных видов одежды, особенно в названиях ее частей, исследуемый говор имеет определенные расхождения со смежным говором и литературным языком. Например, в эх.-бул. гов. *халдаэ* (платье), в кач. гов. в этом значении употребляется слово *сарапаан*, в лит. — *плати*; эх.-бул. — *туулли* или *сабъя годохон* (чирки) вм. кач. *табгаэ гутаһан* или *сархи* и лит. *шар-*

хи, шархи шагабша. Под словом *сархи* эхиритцы понимают «унты с голенищами из юфти».

В качугском говоре более употребительными являются русские заимствования *сульхи* (чулки), *охтор сульхи* (носки), реже употребляются слова *оэмоһон*, *охтор оэмоһон*; в литературном языке и в смежном говоре слова *оймоһон* (чулки) и *шагайбша* или *шагабша* (носки) употребительны, ср. *шагай* (щиколотка). Слово *шагабша*, обозначавшее некогда в исследуемом говоре «лапти, имеющие верх из самотканного сукна», выпало из активного словаря. В смежных говорах бытует сочетание *досоодо хубсаһан* в м. лит. *дотор хубсаһан* (белье). Эти сочетания представляют собой синонимы, так как корреспондирующие в них слова *дотор* и *досоодо* являются синонимами в знач. «внутренний». Однако слово *дотор* в лит. яз. означает и «подкладка», чему соответствует качугское слово *зубшалга*. Кроме того, в исследуемом говоре в значении «белье» употребляется и сочетание *нимгэн хубсаһан* (досл. тонкая одежда).

Параллельными терминами обозначаются и названия частей той или иной одежды: «вешалка у одежды» в кач. гов. *түдүүли*, в лит. яз. кроме *түдүүли*, употребляется еще *бүтүү*, в эх.-бул. — *һалдарга*. Между тем последнее в исследуемом говоре и в лит. яз. (*һагалдарга*) означает «ременная застежка под уздой». В качугском говоре *үмдэни дэльбэ* (ошкур брюк) и *хирэм* (поясной шнур, резинка у брюк) соответствуют в смежном говоре слову *хэрэм*. «Манжета на рукаве рубашки, платья» в кач. гов. — *угаабар*, в эх.-бул. — *сарбуу*. «Околыш шапки» в эх.-бул. гов. — *малгаэн боодолгон*, в кач. — *малгаэн хана*.

Нередки расхождения в заимствованных названиях некоторых видов одежды смежных говоров: кач. *хостюум*, эх.-бул. *пальтоог* (костюм); кач. *паарья*, эх.-бул. *осбоодхо* (варежки); кач. *шляб малгай*, эх.-бул. *хараабли малгай* (шляпа); кач. *урбаахи*, эх.-бул. *урбааша* (рубаха).

Названия пищи. В названиях пищи расхождения незначительны. Тем не менее обнаруживается разницей в обозначении таких видов продуктов питания, как молочные и мясные: кач. *түүхээ ээдмэг*, лит. *ээдмэг*, эх.-бул. *ээдэмхээ* (простокваша); кач. *болһон ээдмэг*, лит. *ээзгээ*, эх.-бул. *отбороог* (творог).

Иногда происходит сужение или расширение значений слов. Например, кач. *аарса* (отходы, получаемые при курении молочного вина), кроме указанного, в эх.-бул. говоре имеет значение «бурдук», что в исследуемом говоре обозначается словом *талхан*. По-разному называется чай-затуран: в кач. говоре — *зутраан сай*, в эх.-бул. — *талхан сай* (досл. мука-чай).

Эхиритские буряты из мяса приготавливают различные виды продуктов: *гэр няха* (досл. дом-мясо), *суглаа* (ср. *суглаха* — собирать, сложить вместе), *харма* (мясная колбаса); качугские буряты из мяса приготавливают *суглаа*, *харма* (блюдо, приготовленное из сгустков крови в смеси с салом, но не колбаса).

Некоторые восточнобурятские названия в смежных говорах не известны. Например, *айраг* (кислое молоко), *хурууд* (спрессованный творог), *хоймог* (творог в сыворотке — кушанье из арсы и молока), *хирам* (кляток с молоком — у сартулов Джидинского аймака БурАССР). В исследуемом говоре слово *хоймог*, вероятно, в прошлом бытовало. Об этом свидетельствует бытование глагола *хоэмрлохо* (приготовить кушанье из курунги¹ на молоке или сливках).

Бытовая лексика. Некоторые предметы и вещи домашнего обихода в говорах бурятского языка имеют одинаковые названия.

¹ *Курунга* — молочный напиток, из которого курят вино.

Однако встречается и ряд расхождений, особенно в названиях мелких предметов и вещей.

Так, например, общеизвестным является слово *hүхэ* (топор), но «топор-колун» в кач. гов. называется *согдо һөхө* (ср. *согдо* — пешня), в эх.-бул. — *сонхор* (или *сорбогор тообгой*) *hүхэ*, в лит. яз. — *сообо* (или *түлээнэй*) *hүхэ*; «топор-тесак» в кач. гов. — *тарбагаэ һөхө* (ср. с *тарбагаэ* — широкий с одной стороны), в лит. яз. — *хурса hүхэ*. В исследуемом говоре сочетание *хурса һөхө* означает «острый топор» в отличие от *мохоо* (затупленный): *хурса тарбагаэ һөхө* (острый топор-тесак), *мохоо тарбагаэ һөхө* (затупленный топор-тесак).

В лит. яз. *бидруу*, *хүнэг*, реже *һуулга*, *заглуу* — «ведро», в кач. гов. *зантуу*, *һуулга*, редко *хаянтар* — «ведерко». В лит. яз. *һагшуур* (сито для просеивания муки), в кач. и эх.-бул. говорах—*һаэгуур*. Кроме того, в некоторых бурятских говорах, в частности сартульском, в этом значении употребляется слово *шэгшүүр*. В исследуемом говоре бытует сочетание *шэгшүүрдэжэ һаэгуурдаха* (тщательно просеивать; просеивать, постукивая по сити, чтобы выпала из сита вся мелкая мука).

Такие предметы, как тиски, щипцы, веник, имеют довольно разнообразные названия. Тиски в кач. говоре у представителей шоноевского рода называются *үлирбэ*, у представителей шарайтовского рода — *шэм-хүүргэ*, в эх.-бул. гов. — *хусхаа* (заимствованное из русского языка), в лит. яз. — *үлирбэ*, если «большие тиски» — *абарга*. Щипцы угольные в кач. гов. называются *зиимхэ*, в эх.-бул. — *хабишуурга*, в лит. яз. — *хабишаг* (ср. *хабишаха* — сжимать, зажимать). Веник в кач. гов. называется *үльбүүр*, в эх.-бул. — *эльбүүр* (ср. *эльбэхэ* — гладить, разглаживать), в лит. яз. — *бииниг* (заимствовано из русского языка), но со значением «метла, метелка» употребляется слово *хамуур*. В языке потомков буровского рода (улус Ацикак) бытует слово *хамлоо* (печной венник), ср. *хамаха* (подметать).

В лит. яз. слово *аяга* употребляется в значении «чашка», в кач. гов.— в значении «миска»; в значении «чашка» в последнем употребляются слова *тагиа* (ср. с *таг* — своеобразный буфет в виде полочек на стене) и *хонхор* (ср. *хонхогор*— что-либо с углублением, с ямками). Из этих названий первое распространено и в ряде других говоров бурятского языка, поэтому оно известно и литературному языку. В эх.-бул. гов. в значении «деревянная чашка» бытует слово *лонхо*, которое употребляется и носителями качугского говора (в шарайтовском и ользоновском родах); в лит. яз. это слово обозначает «бутыль». В эх.-бул. гов. крынку называют *матаар* (ср. *матагар*—вогнутый, гнутый), в кач. гов. — *тэн-хээр* (ср. *тэбхэр* — квадратный, кубический), в лит. яз. — *табханс* ? (ср. *табхагтр* — низенький, приземистый) или *тэбхэнсэг* (ср. *тэбхэ*,).

Общепотребительным в бурятских говорах является слово *шарга* (санн). Санки называются по-разному: в лит. яз.—*ябаган шарга* (досл. пещие сани), в кач. гов. — *аахаэ*, но у шарайтов — *яндаал*.

Некоторые предметы домашнего обихода в одних случаях имеют названия, заимствованные из русского языка, в других — собственно бурятские, например: в лит. яз. употребляется, например, слово *усхабардаа* (сковорода), которому в кач. гов. соответствует *яла* (ср. *ялбагар* — мелкий, например, о посуде), в эх.-бул. — *бэлюүдэ*. Между тем заимствованное слово *хубардаа* (ср. лит. *усхабардаа*) в кач. гов. приобрело другое значение — «утятница». В лит. яз. и эх.-бул. гов. — *собоог* (совок), но в кач. гов. — *хошхо*, а в лит. яз. иногда *удхуури* в том же значении. В лит. яз. — *шэрээ* (низенький стол), в западнобурятских говорах, в частности в кач. и эх.-бул.— *остоол*. Слово *шэрээ* в этих говорах означает «подставка на четырех березовых ножках для сжигания костей жертвенно-

го животного» (в шаманском ритуале). В лит. яз. — *суурга* (замок) и *түл-хиур* (ключ), в кач. гов. — соответственно *зомог*, *сулюуса*, правда, большой замок обозначается бурятским словом *бархаг*.

Названия светил, явлений природы

Лит. слову *мүшэн* (звезда) в смежных говорах соответствует *мэшэн*. Слово *одон* в этих говорах отсутствует. В монг. яз. слово *мэчид* обозначает «Плеяды», «Стожары», *одон* — «звезда». «Большая Медведица» в лит. яз. и кач. гов. называется *Долоон Үбгэн*, в эх.-бул. гов. — *Долоон Мэшэн* (досл. семь звезд); «Полярная звезда» в эх.-бул. гов. называется *Суу мэшэн*, в кач. — *Сула мэшэн*, в лит. яз. — *Алтан гадаһан*. В кач. и эх.-бул. говорах литературные сочетания *аймаг сдон* (созвездие) и *һуултэй одон* (комета) совершенно не известны.

В обозначении явлений природы сравниваемые языковые единицы в основном совпадают, имеются лишь незначительные расхождения. Например, лит. *һолонго* (радуга) соответствует в эх.-бул. *үнгэгэн шииг*, в кач. гов. — *үнгэгэн зиин шээһэн*. Из литературных сочетаний *һабир-шэбэр орохо*, *шэдэрхэ* (моросить) в кач. гов. бытует *шэбэр-һабир орхо*, в эх.-бул. — *шэдэрхэ*. Некоторые расхождения носят фонетический характер: в лит. яз. и кач. гов. — *һальхин*, в эх.-бул. гов. — *һальсин*. Качугскому говору, как и вообще западнобурятским, лит. слово *зуд* (гололедица, бескормица) не известно, вместо него употребляется слово *һахуу*.

Расхождения внутри говора

В лексическом отношении качугский говор представляет в основном единый массив. Однако между отдельными населенными пунктами в обозначении тех или иных понятий, названий наблюдаются расхождения. Ниже приводим примеры на лексический разнобой внутри говора.

В улусах Холучево, Зулман, Магдан на р. Куленге (роды Шарайт, Ользон)	В улусах Бурлай, Босогол, Хромово, Ба- сай, Чептыхов (род Шою)	Значение
<i>азшан</i>	<i>зошон</i>	гость
<i>алга адал</i>	<i>алга ажал</i>	хозяйство
<i>ан зан</i>	—	жизнь-бытьё
<i>барилга</i> (ср. <i>бариха</i> — держать)	<i>эдилгэ</i> (ср. <i>эдихэ</i> — есть, присвоить)	взятка
<i>орхон</i>	<i>иһэ</i>	паводок
<i>яланхаэ</i>	<i>ялгаэ, ялгар, ялбагар</i>	блюдец
<i>мандагар</i>	<i>ехэ</i>	большой, рослый
<i>прээсгээ</i>	<i>биихээ</i>	кошка
<i>үлгээн хүбшэргэ</i>	<i>сахариг</i>	занавеска на зыбке
<i>сарбуу</i>	<i>угаабар</i>	ватная полоска, па- деваемая на кисть ру- ки для тепла
<i>шэмхүүргэ</i>	<i>үлирбэ</i>	кусачки
<i>хадлан</i>	<i>хатса</i>	покос
<i>ханшуурга</i>	<i>зиимхэ</i>	щипцы
<i>хаэхан</i>	<i>басган</i>	девушка
<i>хэлээмэ худхаха модон</i>	<i>хэлээмээн шэлээбэр</i> или <i>хутхуурга</i>	лопаточка для переме- шивания теста в ква- шне (мутовка)

<i>хамган</i>	<i>изии</i>	жена, женщина
<i>хамгага анха</i>	<i>изиилхэ</i>	жениться
В улусах Саханай, Байбет, Хоторгой на р. Анге (буровский род)	В улусе Бурлай (шо- ноевский род)	Значение
—	<i>больтрог</i>	чугунок
<i>ибши</i>	<i>төөдээ</i>	бабушка
<i>милаа</i>	—	гулянье в день рожде- ния ребенка
<i>на жаржаан</i>	<i>нажри һөр</i>	летник
<i>отоо ибши</i>	—	прабабушка
<i>стэшинэ</i>	<i>хапшуурга</i>	подставка с железной развилкой вверх для горящей лучины
<i>үбэлж өөн</i>	<i>үбэли һөр</i>	зимник
<i>шэлээбэр</i>	<i>хутхуурга</i>	кочерга
В улусе Степно-Бал— тай (род Худагсаган)	В улусе Бурдай (род Шоно)	Значение
<i>самбаара шаанаг</i>	<i>хальднаг</i>	сосуд для заварки чая
<i>улаан улаагна</i>	<i>морин улаагна</i>	кислица
<i>яагдаэ</i>	<i>алирһан</i>	брусника

Как показывают материалы исследования, некоторый лексический разнобой, наблюдаемый в качугском говоре, относится главным образом к бытовой лексике и лишь отчасти — к терминам родства.

Лексико-семантические расхождения

Сущность лексико-семантических расхождений сводится к следующему: значения одних и тех же слов не совпадают в сравниваемых языковых единицах. Так, слово *һөхшөн* в кач. гов. и слово *хүгшэн* в лит. яз. означают «старый», тогда как в эх.-бул. гов. оно имеет значения «старый»; «муж (супруг)», а в аларском — «старый», «жена». Подобные расхождения обусловлены развитием первоначального значения слова (*һөхшөн* — старый) по линии полисемии (*һөхшөн* — муж, жена).

Семантические расхождения на основе развития полисемии происходят различными путями. Довольно часто наблюдаются случаи, когда в одной из сравниваемых языковых единиц то или иное слово получает дальнейшее развитие, расширяя или приобретая более отвлеченное, либо переносное значение, тогда как в других единицах оно не претерпевает больших изменений. Так, например, слово *нюур* в лит. яз. означает «лицо, личность; лицевая сторона; фасад; страница», но в кач. и эх.-бул. говорах это слово значения «страница» не приобрело.

Слово *хормоз* в эх.-бул. гов. обозначает «юбка, пола одежды; основание, подножие горы»; в лит. яз. и кач. гов. это слово значения «юбка» не имеет. Слово *үбгэн* в кач. гов. в сочетании *үбгэн хүн* обозначает «престарелый человек, почтенный», в лит. яз. — «старик, старец, муж, почтенный». Значение «муж» в кач. гов. обозначается словом *эрэ*. В лит. яз. слово *аршалха* — «спасать, защищать, ограждать, покровительствовать, опекать», в кач. гов. — только «разнять дерущихся». В лит. яз. слово *дотор* — (внутренности, кишки; подкладка; глубь, глубина; внутренний; внутри, в, во; в течение); в кач. гов. — только «внутренности, кишки».

В лит. яз. слово *анда* обозначает «побратим; близкий друг из дру-

гого племени», в кач. гов. — только «друг из русских» или неодобрительно «любовник». В лит. яз. *арилгаха* — «чистить, обметать, стирать; полоть; убирать; удалять, прогонять, изгонять; уничтожать, искоренять», в кач. гов. — только «удалять, прогонять, изгонять, уничтожать, искоренять; потерять». В лит. яз. *зайлаха* — «давать или освобождать место, сторониться, отходить; уклоняться, удаляться; освобождаться, избавляться; полоскать, ополаскивать; лудить»; в кач. гов. только «полоскать, ополаскивать».

Нередко имеет место выпадение одного значения слова или сужение сферы его употребления в какой-либо языковой единице, что приводит также к расхождению между говорами или между говорами и литературным языком. Например: в лит. яз. слово *түрэхэ* — «рожать вообще» (о животных). В изучаемом говоре слово «рожать» (о человеке) обозначается *гаргаха*. В прошлом слово *төрөхө* — «рожать» (о человеке) в кач. гов., по-видимому, употреблялось, так как в данное время в нем активно употребляется сочетание *һазн төрөхө* (вырасти умным, хорошим) или *муу төрөхө* (вырасти дураком).

Слово *һаба* (посуда) в исследуемом говоре сузило свое значение до обозначения названий посуды (туеска, бутылки, графина) с вином, которое разливают гостям: *һаба* (или *һабһан*) *хүртээхэ* (разливать и подавать гостям вино из бутылки). Сужение значений иногда обусловлено русскими заимствованиями. Так, например, в лит. яз. слово *халбага* означает «ложка вообще», в кач. гов. только «деревянная большая ложка», а в значении «ложка вообще» используется заимствованное слово *олошко*.

В качугском говоре наблюдается переосмысление значений слов, которое происходит главным образом на основе схождения признаков предметов, иногда сопровождаемая суффиксацией. Например, слово *аха* || *ахаэ*: в лит. яз. *ахаэ* || *аха* — «старший брат», в донг.-сарт. и тунк. говор ах — «жена брата», в кач. гов. в форме *ахнаэ* — «старший братишка», в эх.-бул. *ахаэ* — «старшая сестра», у балаганских (молькинских) бурят *ахаэ* — «кавалер». Другим вариантом слова *аха* || *ахаэ* является *аахаэ* (кавалер-жених), широко употребительное в кач. говоре с оттенком иронии.

Иногда наблюдается переосмысление значения слов на основе звукового схождения. Так, лит. слово *утамжа* (встреча; встречный) качугские буряты связывают с понятием *удхаха* (черпать). Слово *ухтамжа*, чаще *утхамжа* (ср. *удхаха*) в кач. говоре употребляется как термин свадебного обряда в значении «место, где встречаются односельчане жениха со свадебным поездом и происходит взаимное угощение». Однако слово *ухтамжа* || *утхамжа* качугские и эхиритские буряты в настоящее время понимают со значением «черпать»; *ухтамжа* — место, где люди пьют вино, черпая его из больших сосудов. Литературному слову *бүрэхэ* (взбивать простоквашу) в кач. говоре соответствует слово *гүрэхэ*: в м. лит. *тараг бүрэхэ* качугские буряты говорят *тараг гүрэхэ*.

Выпадение слов из словаря исследуемого говора и заимствование из русского языка

Словарный состав диалекта постоянно пополняется и видоизменяется. В нем образуются новые слова, часть старых слов выходит из употребления. В связи с изменениями в производстве и культуре, в общественных отношениях людей происходит и процесс изменения словарного состава. Происходящие сдвиги в области лексики исследуемого

говора в основном сводятся к выпадению некоторых слов, обозначавших те или иные понятия или предметы, ушедшие в прошлое, и к активному обогащению словаря говора заимствованиями из русского языка.

С резким подъемом культуры бурятского народа после Октября качугские буряты начали отходить от религии, что вызвало выпадение из активного словаря данного говора таких терминов шаманского культа, как *ёдоото бөө* (шаман, имеющий право отправлять молебны с жертвоприношениями), *наэжа* (шаман-опекун ребенка), *шалгажа үзэхэ* (ворожить, сравнивая с прошлой ворожкой). Некоторые термины шаманства со временем приобрели переносное значение. Так, например, слово *зүхэли*, обозначавшее «шкуру жертвенного животного, подвешенную на жердь», стало употребительным в значении «тощий высокий человек (неодобр.)». Слово *бөө* (шаман), некогда являвшееся священным, приобрело пренебрежительно-неодобрительный оттенок: *Хонин муудахадаа ёроолхо, хүн муудахадаа бөө болхо*. (Исхудавшая овца начинает ходить иноходью, подурневший человек становится шаманом).

Выпали из активного словарного состава говора многие термины, обозначавшие предметы и понятия свадебного обряда. Например: *дэглээ* (свадебное платье в виде легкого пальто с фуфайкой и украшениями), *оноо* (украшение к *дэглээ* в виде металлических пластинок с рисунками), *йубуу* (украшение из металлической пластинки, которое надевала невеста на голову на свадьбе), *түхрезн* (женское украшение из золотых монет с серебряным ободком), *түүдэбишэ наадан* (национальные танцы, исполняемые у огня на свадьбе).

Ушли в историю слова и понятия, связанные с государственным устройством царского самодержавия, например, *татри* (натуральные или денежные сборы), *албан* (служба): *албанда ошхо* (идти служить в сслдаты), в связи с чем мальчиков раньше называли *албатаэ* (досл. имеющий *албан*), девочек — *албагауэ* (досл. не имеющий *албан*). На смену этим словам пришли русские заимствования — *налоог* (налог), *аарим* (армия), (*ааримда ошхо* — идти в армию), в которые носители исследуемого говора вкладывают новое содержание. Девочек и мальчиков стали называть общебурятскими словами *басган* и *хүбүүн*. Забыты русские заимствования, связанные с прошлым административным устройством. Например: *гулбаа* (голова — выборный руководитель, начальник), *дүүмэ* (дума — представительное собрание в царской России), *үезэдэ* (уезд) и др. Вышло из употребления слово *мангажэ* (хлебный амбар).

Смена общественных отношений в стране привела к изменению значений отдельных слов. Так, если слово *хөлөмшө* (или *зарса*) раньше означало «батрак, наемный работник», *һазд* — «господин», то теперь они употребляются соответственно в значениях «прислужник», «высокомерный».

Наряду с выпадением отдельных слов происходит активное пополнение словаря исследуемого говора новыми словами, главным образом, путем заимствования из русского языка. Русские заимствования делятся на две группы: 1) заимствования раннего, дореволюционного, периода и 2) заимствования послеоктябрьского периода. Эти периоды в словарном запасе говора составляют как бы два пласта в семантическом и фонетическом плане.

В дореволюционных заимствованиях из русского языка преобладают бытовые слова и термины полеводства. Эта группа слов подвергалась значительной фонетической деформации. Примеры: *шаэнаг* (чайник), *хубардаа* (утятница), ср. русское сковорода, *хунаэхи* (фуфайка), *һүнтэ* (фунт), *шошбоз* (часовой), *еэхэр* (лекарь), *осроог* (острог), *тэниш*

(пшеница), *яарѐа* (ярица), *хурпаа* (крупа), *нитообхо* (литовка), *борьной* (борона), *борьнохо* (боронить), *соохо* (соха), *ахтамбиил* (автомобиль), *дѐшинѐ* (десятина), *шээтбэртэ* (четверть).

Займствования послереволюционного периода, начиная с 30-х годов, связаны с внедрением в сельское хозяйство передовой техники, с изменениями, произошедшими в общественных отношениях людей, с подъемом культуры социалистической деревни. Фонетические изменения в этих словах сравнительно незначительны. Примеры: *тараахтар* (трактор), *хамбааин* или *комбааин* (комбайн), *сенокосилха* или *косилка* (сенокосилка), *мотоор* (мотор), *пилраама* (пилорама), *холхооз* или *колхооз* (колхоз), *собхооз* или *зобхооз* (совхоз), *скоотниг* или *осхоотниг* (скотник), *соревнааани* (соревнование), *сѐездэ* (съезд), *хомсомоол* или *комсомоол* (комсомол), *паарти* (партия), *дельгаад* (делегат), *Берхообно Собезд* (Верховный Совет), *раайисполком* (райисполком), *бульдоозер* (бульдозер), *бульдоозериистэ* (бульдозерист), *хүхрүүзэ* (кукуруза) и многие другие.

Таким образом, качугский говор, как и вообще бурятский язык, значительно обогатил свой словарь путем заимствований слов из русского языка.

Приведенный нами материал о фонетических, морфологических и лексических особенностях языка качугских (верхоленских) бурят показывает, что он представляет собой самостоятельный говор. В дальнейшем, необходимо провести более детальное исследование данного говора в плане сравнения его с другими говорами бурятского языка. При этом было бы весьма желательно привлечь некоторые данные из других монгольских и тюркских языков.

Д. Г. ДАМДИНОВ

Этно-лингвистический очерк хамниганского говора

ВВЕДЕНИЕ

Хамниганы являются одной из этнографических групп Забайкалья. Язык их составляет самостоятельный говор бурятского языка.

Основная масса хамниган онойской группы проживает в Кыринском (села Алтан, Кыра, Бырка, Шумунда, Тарбальджей, Мангут, Ульхун-Партия), Акшинском (с. Курулга), Дульдургинском (села Узон, Токчин) и в Агинском (с. Гунуй) районах Читинской области. Полностью заселены хамниганами Тарбальджей, Курулга, Узон, Токчин и Гунуй, в остальных — они проживают попеременно с русскими. Общая численность онойской группы хамниган составляет около пяти тысяч человек.

Нерчинско-урульгинская группа забайкальских хамниган проживает в Могойтуйском, Карымском, Шилкинском и Оловянинском районах. Большая часть урульгинских хамниган за последние годы переехала из Шилкинского и Карымского районов в Могойтуйский. Численность шилкинских и карымских хамниган с переселившимися в Агинский округ составляет несколько сот человек.

Хамниганы-буряты проживают также в восточной части Агинского округа: в колхозах им. Кирова (Хара-Шибирь) более 20 семей, «Путь Ильича» (Цаган-Ола) — 15 семей, «Красный Октябрь» и «Улан-Одон» (Ургуй) — более 20 семей. Все они являются выходцами с бассейна реки Турги (бывшей территории Шундуинской инородческой управы Урульгинской степной думы) и по этническому составу относятся большей частью к восточным и западным улятам, сартулам, долотам, намятам и др. Эти хамниганы перекочевали сюда в 1930-х годах, когда проводилась работа по укрупнению колхозов. На старых местах жительства осталось более 20 семей. Эти хамниганы считают себя бурятами и разговаривают на бурятском языке.

В их речи под влиянием языка агинских бурят в мягкорядных словах вместо *к* употребляется звук *х*, вместо *с*—*h*, вместо аффрикатов *дз*, *дж*, *ч*, *ц* — согласные звуки *з*, *ж*, *ш*, *с* и т. д.

От хамниган-бурят коренным образом отличаются обрусевшие тунгусы (эвенки), говорящие только по-русски. Эта категория тунгусов, по-видимому, является теми конными тунгусами, о которых не раз упоминается в литературе¹.

¹ См.: П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина первая, 1772 и 1773 годов, СПб., 1788, стр. 330; Народы Сибири. М., 1956, стр. 701—730; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 504.

Они проживают в селениях Олдондо, Тюкавкино, Передняя Бырка Борзинского района и в других районах восточной части Читинской области (на территории бывшей Маньковской инородческой управы Урульгинской степной думы Читинского округа). Эти местные обрусевшие тунгусы признают себя тунгусами (эвенками).

Несмотря на малочисленность носителей этого говора и влияние на него бурятского и монгольского языков, в нем сохранились особенности лексики, фонетики и морфологии старописьменного монгольского языка, которые отсутствуют в других современных говорах бурятского языка.

Относительно происхождения самого названия и этимологии слова «хамниган» существуют различные мнения. Многие исследователи склонны считать хамниган тунгусами (эвенками), хотя общего между ними мало. В 60-х годах XVII столетия с поселением князя Гантимура на территории Забайкалья и с установлением ему удела нерчинских тунгусов в его ведомство были зачислены ононские хамниганы и немногочисленные «бродячие тунгусы» из родов дулигат, вакасил, луникер и пуцагат (почегор)¹. Местные жители старшего поколения утверждают, что в урочище Бырка «бродячие тунгусы» примкнули к ононским хамниганам и ассимилировались с ними. Хотя определение ононских и нерчинских хамниган как тунгусов с их омонголившимся языком давно закрепилось в научной литературе², однако, как кажется, оно не имеет мотивированного обоснования.

Предварительное знакомство с материалами о хамниганах, изучение легенд и преданий о них дает повод считать, что словом «хамниганы» сначала обозначалась одна из этнических групп монголов и лишь впоследствии среди бурят это название распространилось на тунгусов (эвенков). Подобная версия высказывалась К. Уран-Кехальми³, К. В. Вяткиной⁴, Г. Н. Потаниным⁵.

О высказываниях Г. И. Рамstedта, П. С. Палласа и других исследователей по этому вопросу нами упоминалось ранее⁶.

В статистических данных Забайкалья XVII—начала XVIII вв. хамниганы числились монголами, составляя всего лишь 7500 человек⁷.

Из материалов Куломзинской экспедиции видно, что все ононские хамниганы считали своими родными языками и бурятский, и монгольский языки со значительным преобладанием последнего. В материалах переписи 1897 года имеются сведения о том, что все тунгусы, проживающие по Онону и по китайской границе, окончательно обурятились, хотя и живут совместно с русскими, и настолько подверглись влиянию соседних бурят, что почти не отличаются от них.

¹ См.: М. А. Сафьяников. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа. «Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. Императорского РГО», т. I, вып. 1, 1898 (М., 1899), стр. 16.

² См.: Народы Сибири. М., 1956, стр. 701—730.

³ См.: К. Уран-Кехальми. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 83, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 163.

⁴ См.: К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. «Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», н. сер, т. LX. М.-Л., 1960, стр. 245.

⁵ См.: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II, СПб., 1883, стр. 313.

⁶ См.: Д. Г. Дамдинов. К вопросу о происхождении ононских хамниган. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 10, Улан-Удэ, 1962, стр. 171, 172.

⁷ См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 616—617, табл. 20.

⁸ См.: С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. I, вып. 2, СПб., 1906, стр. 86, 184, 185.

Б. О. Долгих¹ и С. К. Патканов² в своих работах утверждают, что многие роды забайкальских хамниган, хотя и входили в тунгусское ведомство князей Гантимуровых, являются монгольскими.

Исследователь забайкальских тунгусов Е. И. Титов отмечает, что урульгинские тунгусы (он их называет забайкальскими метисами) — это буряты с родным языком бурятским³.

К. Урай-Кёхальми, занимавшаяся исследованием этногенеза хамниган Монгольской Народной Республики и Забайкалья, во изменение ранее сложившегося взгляда, пришла к выводу, что «...они (хамниганы) представляют собой различные тунгусские и монгольские элементы, слившиеся в одну этническую группу⁴».

Академик Б. Ринчен (МНР) также пишет о смешанном составе хамниган Монголии (тунгусские и монгольские роды)⁵.

Итак, по мнению большинства исследователей, хамниганы Забайкалья (главным образом ононские) являются обурятившимися племенами, состоящими из монгольских и частично тунгусских родов.

Специальной работы, посвященной изучению языка ононских хамниган, нет. Имеется работа М. А. Кастрена⁶, но в ней освещен язык урульгинских и маньковских тунгусов.

Урульгинский и маньковский говоры представляют собой, по всей вероятности, нерчинский диалект тунгусского языка, который, как отметил Кастрен, «в значительной мере бурятизирован⁷».

В языке ононских хамниган сохранилось много черт, характерных раннему периоду монгольского языка. Как известно, из современных монгольских языков некоторые черты этого периода сохранил дагурский язык. Любопытно отметить, что в исследуемом нами говоре встречается много особенностей, совпадающих с таковыми дагурского языка.

Например, в дагурском языке краткие гласные непервых слога в некоторых случаях не ассимилировались с гласным первого слога: *дабхур* (двойной), *алху* (шагать). Аналогичная картина наблюдается в говоре ононских хамниган: *дабкхур*, *алкху*.

Во многих словах дагурского языка и хамниганского говора сохранился исторический звук *i* первого слога: дагур. *н'ид*, он. хамн. *нидү* (глаз); дагур. *шидэ*, он. хамн. *сидү* || *шидү* (зуб); дагур. *б'итиг*, он. хамн. *бичиг* (письмо, надпись, книга).

В дагурском языке сохранилось полное спряженне вспомогательного глагола *а-* (быть). В языке хамниган эти формы также встречаются.

Говор ононских хамниган по своему географическому расположению находится на стыке бурятского и халха-монгольского языков. Поэтому большой интерес представляет его сравнение со смешанным монгольским диалектом пограничной ойратско-халхаской полосы⁸.

Ононские и урульгинские хамниганы говорят на особом бурятско-монгольском наречии. Между этими говорами и смешанным ойратско-халхаским диалектом Западной Монголии имеется ряд одинаковых фонетических, морфологических и лексических особенностей, которые, од-

¹ См.: Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 348.

² См.: С. К. Патканов. Указ. соч., стр. 98.

³ См.: Е. И. Титов. Конские бега в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1924, стр. 4—7.

⁴ См.: К. Урай-Кёхальми. Указ. соч., стр. 161.

⁵ См.: Б. Ринчен. Тунгусы МНР. БНМАУ Шинжлэх ухааны академийн мэдээ, 3. Улаан-баатар, 1965, стр. 69.

⁶ См.: М. А. Кастрен. Основы изучения тунгусского языка. СПб., 1856, стр. I—XVI—140.

⁷ Цитируется по приложению к кн. Е. И. Титова. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. VII.

⁸ См.: Б. Я. Владимирцов. О двух смешанных языках Западной Монголии. «Яфетический сб.», вып. II, Пг., 1923, стр. 32—62.

нако, далеко не всегда могут встретиться в современном халха-монгольском и бурятском языках. В ойратско-халхаском смешанном диалекте и в говоре олонских хамниган сохранился старомонгольский заднеязычный, смычный, глухой звук к: ойрат.-халх. *так'аа*, он. хамн. *так'ээ* || *так'аа*, монг.-письм. *takiya* (курица); ойрат.-халх. *дак'аад*, он. хамн. *дак'ээд* || *дак'аад*, монг.-письм. *dakiyad* (опять, снова).

В ойратско-халхаском диалекте и у олонских хамниган монгольский письменный *з* соответствует сильной, шумной, смычной аффрикате *ч* и щелевому, сильному, глухому *ш*: ойрат.-халх. *чипр*, он. хамн. *читар* || *шитар*, монг.-письм. *sitar* (шахматы); ойрат.-халх. и он. хамн. *чикэр*, монг.-письм. *siker* (сахар).

Ойратские наречия сохранили более старый вокализм — *ö*, *y*, что имеет место и у олонских хамниган — *ö* || *õ*, *y*. Например: ойрат. нар. *öнор*, он. хамн. *öндөр* (высокий), ойрат. нар. *gölgo*, он. хамн. *гөлөгө* (щенок), ойрат. нар. *узне* || *узне*, он. хамн. *үдзэнэ* (читает, проводит).

Ойратские наречия Западной Монголии и язык олонских хамниган в раннем звучании сохраняют в слове конечный гласный: *усу* (вода), *мүсү* (лед), *хоноху* (ночевать), ср. соответственно *усу*, *мүсү*, *хонокху*.

Встречаются также слова, характерные только смешанному ойратско-халхаскому диалекту и говору олонских хамниган, не употребительные в халха-монгольском и бурятском языках. Например: ойрат.-халх. и он. хамн. *түнгэрцэг* (кожаный мешочек для сухого чая); ойрат.-халх. и он. хамн. *оргоног* (веревочка для завязывания мешочка); ойрат.-халх. и он. хамн. *цанцуг* (челка у лошади); ойрат.-халх. и он. хамн. *онхон* (молодой березняк); ойрат.-халх. *шар хурамш*, он. хамн. *сира* || *шира кхурамчи* (старый желтый войлок).

Такая общность лексики могла быть результатом «глубокого проникновения больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, то есть в результате внутрирегионального контактирования»¹. Подобного рода контактирование вполне допустимо в отношении носителей как ойратско-халхаского диалекта, так и говора олонских хамниган. Например, известно, что в XVII в. народные массы Халха-Монголии претерпели тяжелые бедствия в результате многолетней изнурительной междоусобицы князей и нападения извне. В этот же период джунгарские войска Галдан-Бошукту, выступившие против маньчжурского императора Канси, полностью разорили страну. Отдельные группы кочевников спасались бегством в Россию. В частности, в одном сообщении говорится, что в 1731 г. большая группа перебежчиков (около 1500 юрт) расселилась по рекам Алтан, Агуце, Кыре, Борзе и Онону², то есть на территории распространения говора олонских хамниган. Имеются и другие случаи перехода монголов за Онон. В 1665 г. вышел из Монголии один монгольский род со своим родовичем, который под названием мунгальского рода вошел в состав Урульгинской управы; позднее из Маньчжурии вышло несколько родов с родовичами. К последним присоединились перебежчики — монголы, потомки которых составляли Кужертаевскую и Онгоцонскую управы³.

¹ Б. А. Серебренников. Проблема субстрата. «Доклады и сообщения Института языкознания АИ СССР», № 9, 1956, стр. 36.

² См.: Н. Б а н т ы ш-К а м е н с к и й. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 г. по 1792 г. Казань, 1882, стр. 215.

³ См.: М. А. С а ф ь я н н и к о в. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа. «Тр. Троицкосавско-

Антропологические данные кыринской группы ононских хамниган говорят о том, что «...своеобразие типа кыринских бурят сложилось вследствие сочетания черт типа, близкого к ~~типу кыринских бурят~~ комплексом признаков, характерных для восточных бурят, например, агинских. Носители этого последнего типа, вероятно, численно преобладали, вследствие чего особенности прежнего антропологического типа выступают лишь в виде остаточных явлений»¹.

В настоящее время образ жизни, материальная и духовная культура, традиционные праздники, обычаи ононских хамниган и бурят ничем не отличаются. Буряты и ононские хамниганы ранее занимались в основном натуральным кочевым скотоводческим хозяйством. Основу хозяйства составляло разведение скота: овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Как и у других монгольских племен, у них была развита обработка кожи и меха, идущих, главным образом, на пошивку одежды и обуви. Из кожи изготовляли почти всю верхнюю одежду, вплоть до брюк. Часть обработанной кожи шла на утварь: делались всевозможные походные мешки, сумы и другие изделия. Также у них было развито прядение шерсти и вязание, валяние войлока и т. д. Из готового войлока собиралась юрта. Часть его использовалась на разного рода потники и другие мелкие вещи. Материальная культура хамниган была одинаковой с бурятской и монгольской. Все население хамниган круглый год проживало в решетчато-войлочных юртах монгольского типа. Кроме юрт, каждая семья имела тонкостенный летник походного типа. Скучная мебель, сделанная мастерами-хамниганами, состояла из деревянной кровати, сундуков и ящиков, разборного буфета (полок), киота для бурханов (обязательного для каждой семьи), маленьких низеньких продолговатых столиков и стульчиков, разборных настилов и т. д. Почти вся посуда была деревянной, кроме чугунов и котлов. Забайкальские хамниганы носили одежду, сходную с одеждой бурят и монголов. В начале нашего века у более состоятельных хамниган начали появляться деревянные стационарные дома.

В результате социалистического переустройства хозяйства происходит массовый переход ононских и урульгинских хамниган на оседлый образ жизни. Выросли поселки и селения. Все население теперь живет в деревянных домах с мебелью русского типа, но сохранились еще и юрты. Наряду с национальной бурятской одеждой распространение получила одежда, заимствованная у русских. Теперь сельское хозяйство у хамниган ведется на основе механизации и электрификации. Полукочевой образ жизни ведут только пастухи и чабаны.

В последнее время опубликованы исследования о языке и происхождении монгольских хамниган, являющихся в прошлом выходцами с Онона².

Фонетические и некоторые другие особенности монголо-хамниганского диалекта, отмеченные К. Ураи-Кёхальми и Л. Мишиг, в основном совпа-

Кяхтинского отд. Приамурского отд. Императорского русск. геогр. о-ва», т. I, вып. I. 1898 (М., 1899), стр. 16.

¹ И. М. Золотарева. Этническая антропология бурят. «Этногр. сб.», вып. I, Улаан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1960, стр. 26—27.

² См.: К. У.-Кёхальми. Der mongolisch-kamnganische Dialekt von Dadal Sum und die Frage der Mongolisierung der Tungusen in der Nordmongolei und Transbaikalien. Acta Orientalia, t. IX, f. 2. Budapest, 1959, s. 163—204; К. Ураи-Кёхальми. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. «Краткие сообщ. Ин-та народов Азии», 83, М., 1964, стр. 156—204; Л. Мишиг. Монгол ард улсын зарим нутгийн хамниган аялгууг сурвалжилсан нь. Улаан-Баатар, 1959. Эта же работа опубликована в материалах первого международного конгресса монголоведов. См. в кн.: «Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анх дугаар их хурал», вып. I, Улаан-Баатар, 1961, стр. 183—203; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики, стр. 246.

дают с особенностями говора олонских хамниган. Правда, имеются небольшие расхождения, обусловленные, по-видимому, тем, что этнические группы хамниган в течение значительного времени живут разрозненно, подвергаясь влиянию разных языков (бурятского и халха-монгольского).

Л. Мишиг отмечает, что в монголо-хамниганском диалекте в некоторых случаях дифтонги, как таковые, еще не установились. В речи старых людей Бальжихана еще слышатся сочетания типа *aji*, *oji*, *yji*: *bajina* (есть, стоит), *ojira* (близко), *dzüjidel* (шов). Материалы исследований по олонско-хамниганскому говору также показывают, что в нем дифтонги имеют отличия от соответствующих звуков бурятского языка.

К. Урай-Кёхальми и Л. Мишиг отмечают, что в диалекте монгольских хамниган, главным образом в фонетике, имеются архаические черты. К одной из таких особенностей относится отсутствие перелома гласных в таких словах, как *nidurga* (кулак), *ilaa* (муха), *sidu* (зуб) — У.-Кёхальми; *tsino*, *tsidur*, *tsindaya*, *sira*, *nitük*, *nidü* || *nüdü*, *silö*, *silüsü* || *silüs*, *dziryal* — Л. Мишиг. Эта же особенность характерна и для языка олонских хамниган.

Указанные выше авторы считают, что одной из архаических черт в языке монгольских хамниган является сохранение древнего звучания гласных в непервых слогах: *aru* (спина), монг.-письм. *aru*; *al'xu* (горсть), монг.-письм. *adqu*; *elige* (печень), монг.-письм. *eligen* — У.-Кёхальми; *sarluk*, *tölüge*, *öndür* || *ündür*, *mördükü* || *mürdükü* — Л. Мишиг. Такое явление имеет место и в говоре олонских хамниган: *tajilбури* || *та-ишлбури* (отгадка, разъяснение), монг.-письм. *tajilburi*; *jacy* (кость), монг.-письм. *jasun*.

Сохранение глухого смычного звука *k* также квалифицируется как остаток прошлого монгольских языков: монг.-хамн. *kimus*, он. хамн. *кимусу* (ноготь), монг.-письм. *kimusun*; монг.-хамн. *k'el*, он. хамн. *kélé* (язык), монг.-письм. *kelen*.

Л. Мишиг также отметил ряд черт, которые, по его мнению, восходят к монгольской речи XIII в.: 1) отсутствие редуцирования кратких гласных непервых слогов — *kürigen*, *quriya* || *xuriya*, *baridzi*, *kelekü*, *kikü*, *uquna*; ср. он. хамн. *тамаки* (табак), монг.-письм. *tamaki*; *араки* (вино), монг.-письм. *araki*; 2) сохранение в речи некоторых хамниган древних монгольских сочетаний типа «гласный + *j* + *i*», еще не превратившихся в дифтонги — *ojira*, *qojiluk*, *bajina*, *najima*; 3) употребление некоторыми группами хамниган звуков *l* и *d* вместо исконного *s*, что идет, по мнению автора, от монгольского письменного языка — *uutki*, *nidkü*, *ömödkü*, *büd* вместо халхаских *уушги*, *ниисэх*, *өмсөх*, *бөс*. В языке олонских хамниган согласный звук *ö* заменяется согласным *s* в косвенных падежах и глагольных формах, например: *бөд* — *бөсөөр*, *бөсөөсө* (материал — материалом, из материала); *ниисээд*, *босоод ирөө* (поднялся и прилетел).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В о к а л и з м. В говоре олонских хамниган гласных фонем 19. Из них: 7 кратких (*a*, *u*, *o*, *ө*, *y*, *ү*, *э*), 7 долгих (*aa*, *uu*, *oo*, *өө*, *yy*, *үү*, *ээ*), 5 дифтонгов (*^aui*, *^oui*, *^эui*, *^yui*, *^үui*).

Гласные звуки по способу образования, подъема языка, огубленности и неогубленности, по характеру их артикуляций не имеют существенных отличий от гласных бурятского языка¹. Некоторую специфику имеют дифтонги и гласный *ө*.

¹ См.: И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 105—161; «Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология». М., Изд-во восточной литературы. 1962, стр. 8—11.

Краткий гласный звук *ө* встречается в словах с мягкорядными гласными вместо гласных звуков *у* и *э* бурятского литературного языка.

Фонема *ө* артикулируется небольшим подъемом языка к твердому нёбу, при этом губы несколько округляются, составляя переднюю границу резонатора.

Звук *ө*, как и в монгольском языке, может употребляться во всех позициях слова. Например:

он. хамн.	бур.	монг.	значение
<i>өкө</i>	<i>үхэ</i>	<i>өх</i>	давать
<i>нөхөр</i>	<i>нүхэр</i>	<i>нөхөр</i>	товарищ
<i>ирөкө</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>ирэх</i>	приехать
<i>өдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	день
<i>өцөгөлдөр</i>	<i>үсэгэлдэр</i>	<i>өцөгдөр</i>	вчера

Дифтонги исследуемого говора по своему произношению и образованию отличаются от таковых бурятского литературного языка и его говоров. Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг *ei* (*eji*), так же как в современном монгольском языке¹, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *aji*, *oji*, *yji*, *үji*. Эта особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэјүмү* (такой), *цэјүдэм* (забеленный молоком напиток), *ојүмосу* (чулок), *хкојино* (позади) и т. д.

У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji*, *oji*, *yji*, *үji*, *eji* здесь сохранился звук *i*, а интервокальный согласный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *i*, в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *ʷii*, *ʷii* и др. Сравним примеры: *тʷиимэ*, *цʷиидэм*, *тологʷии*.

К о н с о н а н т и з м. Согласных фонем в исследуемом говоре значительно больше, чем гласных. Всего их насчитывается 31: *б, б', г, г', д, д', дж, дз, ј, к, к', л, л', м, м', н, н', нг, п, п', р, р', с, с', т, т', х, ц, ч, ш, ш'*. Как видно из перечня согласных, хамниганский говор отличается от бурятского литературного языка² в первую очередь наличием аффрикат *дж, дз, ч, ц*, которые соответствуют щелевым звукам *ж, з, ш, с*; кроме того, в хамниганском говоре часто употребляются заднеязычные смычные глухие звуки *к, к'* отсутствуют заднеязычный мягкий звук *х'* и фарингальный *h*. Вместо последнего употребляется переднеязычный щелевой звук *с*. Как самостоятельные фонемы выделяются мягкие звуки *с'* и *ш'*.

По своему звуковому составу хамниганский говор близок к цонгольскому говору³, правда, в цонгольском говоре отсутствуют звуки *к, к', г', с', ш'*, а в говоре ононских хамниган отсутствует мягкий звук *х'*.

Говор ононских хамниган отличается от монгольского языка по составу консонантизма тем, что в монгольском языке нет согласных звуков *с', ш', к, к'*, а в хамниганском — отсутствует звук *х'*.

Итак, по составу согласных звуков исследуемый говор более близок

¹ См.: Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 25.

² См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 37—104.

³ См.: Ц. Е. Будаев. Фонетические особенности цонгольского говора. «Краткие сообщ. БКНИИ СО АН СССР», вып. IV, Улан-Удэ, 1962, стр. 122.

к современному монгольскому языку и цонгольскому говору бурятского языка.

Аффриката *дж* в слове встречается во всех позициях, кроме абсолютного его конца. Например: *дзаджил-* (жевать), *джиргал* (счастье, радость), *уджи* (соска).

Аффриката *дж*, соответствующая звуку *j* перед звуком *i* старописьменного монгольского языка, произносится, как правило, смягченно, по-видимому, под влиянием следующего за ней звука *и*. И лишь в редких случаях она не палатализуется, вследствие перелома звука *и* в звук *а*. Например: *джаахан* (маленький, немного); *хаджаасу* (оторочка, ранты).

В монголо-хамниганском диалекте¹ также имеется аффриката *дж*, употребляющаяся перед звуком *и*.

Аффриката *ц* в исследуемом говоре соответствует звукам *с*, редко — *ш*, употребляемых в литературном бурятском языке. Она встречается в начале, середине и очень редко в конце слова (в междометиях). Например: *ицаг* (свисающая кисточка), *алцуур* || *алчуур* (кисет), *эрэчуул* || *эрэцуул* (мужчина, мужчины), *цыц* (окрик, которым отпугивают собак).

Из приведенных примеров видно, что согласный звук *ц* соответствовал звуку *с* старописьменного монгольского языка. Этот звук *с* перед звуком *i* переходит в звук *ч*, а перед другими гласными — в *ц*. Переход звука *с* в звуки *ч* или *ц*, по-видимому, проходил с некоторыми исключениями².

Вместо звука *ш*, редко *с* бурятского языка в исследуемом говоре встречается и произносится аффриката *ч*. Первый элемент ее — сильно палатализованный звук *т'* или скорее всего среднеязычный смычный согласный звук, второй — смягченный щелевой звук *ш'*. Эта аффриката на слух является сильно палатализованным звуком. За ним в большинстве случаев следует гласный звук *и*. Например: *чино* || *чоно* (волк), *чиши*³ (мизинец), *чилөө* || *цүлөө* (свободное время, досуг).

Аффриката *дз* произносится аналогично звуку *ц*. Разница заключается лишь в том, что фонема *дз* — слабый, звонкий звук, а *ц* — сильный, глухой. В отличие от звука *ц* фонема *дз* перед гласным *и* не встречается. Например: *дзам* (дорога, путь), *гэдзэгэ* (коса).

Заднеязычный звук *к* образуется при смыкании задней части спинки языка с мягким небом.

В словах с мягкорядными гласными во всех позициях произносится заднеязычный, глухой, сильно аспирированный звук *к*, а в словах с твердорядными гласными этот звук встречается только перед звуком *и*; в других позициях употребляется увулярный спирант *х*. Кроме того, в словах с твердорядными гласными имеет место употребление аффрикаты *кх*. Например: *көөсү* (пена), *кэшидкэку* (веять, развеваться), *кхудаг* (колодец), *кхојир* (два), *кходкиног* (прямая кишка).

В хамниганском говоре перед исчезнувшим или бытующим гласным звуком *и* при образовании долгого гласного из двоедлога *иуа* встречается палатализованный звук *к*.

Непалатализованный звук *к* встречается перед мягкорядными гласными звуками *э*, *ү*, *ө*. Фонема *к* имеет два оттенка: 1) заднеязычный, несколько продвинутый вперед неогубленный оттенок перед *э*, *ээ*: *цэкэ* (прямо); 2) заднеязычный, но огубленный оттенок перед огубленными

¹ См.: Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 190.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., изд. Ленинградского Восточного института имени А. С. Енукидзе, 1929, стр. 405—406.

гласными мягкого ряда *γ, γγ, γи, θ, θθ*: *кун* (человек), *күүр* (могила), *көөсү* (пена), *көнджилө* (одеяло). Акустически разница между этими двумя вариантами довольно ощутима. Например: *дэлэ³ии* (земля, вселенная), *көкү || күкэ* (синий), *күрмү || күрмэ* (куртка).

Заднеязычный звук *к* встречается также и в других современных монгольских языках и диалектах¹, в частности: в дархатском, западно-монгольском или ойратском, в монгольских языках и диалектах Китая (ойратском, алашанско-эздинском, хуху-норском и частично шилингольском, чахарском, ордосском, ару-хорчинском, хорчинском, харачин-тумутском говорах), в дагурском, монгольском, калмыцком языках, нижеудинском говоре бурятского языка, в монгольско-хамниганском диалекте.

Кроме заднеязычных звуков *к* и *к'*, в говоре ононских хамниган встречается заднеязычная аффриката *кх*, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким нёбом. По горизонтальному положению языка аффриката *кх* как бы стоит между звуком *к* и *х*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердоязычными гласными вместо увулярного спиранта *х*, если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *кх* не играет смысло-различительной фонематической роли и является оттенком фонемы *х*. Например: *кхони* (овца), *кхуджир* (солончак).

Аффриката *кх* также встречается между гласными в середине слова и в последнем слоге, если за ним следует гласный звук *у*. Например: *цокху* (жук), *токхукху* (седлать), *онг^оицлокху* (открывать).

На наш взгляд, аффрикатное сочетание *кх* в говоре ононских хамниган — не случайное явление. Еще Г. И. Рамстедт писал: «...«к» (задний «к») видимо уже рано, может быть, еще в общемонгольское время, изменился в сложный *кх*». Там же говорится, что «... способ передачи монгольских слов армянским писателем Гирагосом был: *кх* или *к*»². В работе Б. Я. Владимирцова³ также говорится об аффрикате *кх*, которая имеется во многих монгольских языках. Об этой аффрикате упоминается и в статьях проф. Г. Д. Санжеева⁴, венгерских ученых Л. Бэшэ⁵ и К. У.-Кёхальми⁶.

На данном этапе развития хамниганского говора звуки *к* и *х* являются самостоятельными фонемами, но их различие постепенно начинает стираться. Признаком этой стадии развития является появление заднеязычного аффрикатного сочетания *кх* и *кх*, смычная часть которого

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Изд-во АН СССР, Л., 1931, стр. 13—14; Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—405; Б. Х. Тодаева. Монгольские языки и диалекты Китая. М., Изд-во восточной литературы, 1960, стр. 27; «Дагурское наречие». Л., АН СССР, 1931, стр. 127; Д. А. Павлов. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, Калмгосиздат, 1963, стр. 85—86; К. У.-Кёхальми. Указ. соч., стр. 168—169.

² Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., типография императорской Академии наук, 1908, стр. 8.

³ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—404.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 1.

⁵ См.: L. Bese. Contributions to the Khöri-Buriad Sub-dialect of Jvolga. Acta Orientalia, Hung. t. XV, f. 1—3, s. 17; L. Bese. Remarks on a Western khalkha Dialect. Acta Orientalia, Hung. t. XIII, f. 2, 1961, s. 276—294.

⁶ См.: К. У.-Кёхальми. Указ. соч., стр. 168—169; Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 190.

артикулируется неясно. Существование звука *к* в западно-халхаскнх говорах монгольского языка, у монголов КНР, у нижнеудинских бурят¹ и у других, как нам представляется, дает возможность рассматривать этот звук как остаточное явление языка монголоязычных этнических групп раннего периода.

Употребление звука *к* в языке письменных памятников XIII-XIV вв., в частности в «Сокровенном сказании»², совпадает с нынешним употреблением его в языке олонских хамниган.

Сравним:

«Сокров. сказ.»	он. хамн.	бур.	монг.	значение
<i>ийекй</i> (стр. 210)	<i>идэку</i>	<i>эдихэ</i>	<i>эдих</i>	кушать
<i>бийй</i> (стр. 343)	<i>бүкү</i> (<i>бүкэ</i>) <i>бөкө</i>	<i>бүхэ</i>	<i>бат бөх</i>	крепкий
<i>көделйй</i> (стр. 344)	<i>көдөлджи</i>	<i>хүдэлжэ</i>	<i>хөдлөж</i>	двинувшиеся
<i>көвийген</i> (стр. 385)	<i>күбүүн</i>	<i>хүбүүн</i>	<i>хүү</i>	сын
<i>сйкй</i> (стр. 388)	<i>ичику</i> (<i>ичикэ</i>)	<i>эшэхэ</i>	<i>ичих</i>	стыдиться
<i>сйкйп</i> (стр. 431)	<i>чики</i> <i>чикэ</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих</i>	слух, ухо

Фонема *с'* — переднеязычный, щелевой, мягкий, глухой звук. От твердого коррелята фонема *с'* отличается дополнительной артикуляцией средней части языка.³ Мягкая фонема *с'* встречается большей частью в начале и в середине слова, то есть в тех позициях, где в результате перелома гласного звука и вместо *с'* образовался звук *ш* в бурятском и монгольском языках. Например: *көс'игу* (занавес), *с'илбарх'ии* || *ш'илбарх'ии* (содранный). В литературном бурятском языке нет мягкого звука *с'*.

Одной из характерных особенностей говора олонских хамниган является то, что в нем в большинстве случаев отсутствует перелом звука *и*. Роль *и* в этом говоре сводится к палатализации предшествующего ему согласного звука.

Во многих словах звук *и* после *с*, *й* и *с* > *ч*, *дж*, *с*, *м*, *н* и др. остался в прежнем виде: он. хамн. *с'ибар* (Алтан, Кыра, Тарбальджей, Ульхун-Партия, Курулга), *ш'игар* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шавар*, монг. *шавар*, даг. *шавар*, монг.-письм. *с'ибар* (глина); он. хамн. *с'инага* (Алтан, Кыра, Тарбальджей, Ульхун-Партия, Курулга), *ш'инага* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шанага*, монг. *шанаг*, монг.-письм. *sinaya* (ковш); он. хамн. *ситаху* (Алтан и др.), *шитаха* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шатаха*, монг. *шатах*, монг.-письм. *sitaxu* (гореть, зажигать); он. хамн.

бичиг, бур. *бэшэг*, монг. *бичиг*, дагур. *biteg*, монг.-письм. *bicig* (письмо); он. хамн. *нилбусу*, бур. *нёлбоһон*, монг. *нулимс*, дагур. *номбос*, монг.-письм. *nilbusun* (слеза); он. хамн. *минга*, бур. *мянга*, монг. *мянга*, монг.-письм. *mingyan* (тысяча); он. хамн. *нидү*, бур. *нюдэн*, монг. *нүд*, дагур. *н'ид*. монг.-письм. *nidün* (глаз); он. хамн. *джиргал*, бур. жаргал, монг. *джаргал*, дагур. *шаргал*, монг.-письм. *jiryal* (радость, счастье); он. хамн. *сир'ии* || *шир'ии*, бур. *шорой*, монг. *шорой* (земля, пыль), монг.-письм. *sirui* || *siryua*.

В олонско-хамниганском говоре в словах, имеющих мягкорядные гласные, звук *и* сохранился в начальной позиции, тогда как в

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—405; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 19, 25—27.

² С. А. Козин. Сокровенное сказание. Том. I. М.-Л., 1941.

³ См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 83—84.

бурятском языке в результате перелома звук *и* уподобился звукам *э*, *у*, *ү*, а в монгольском — в словах с твердорядными гласными тот же процесс осложнен протетическим *ј*. Например: он. хамн. *ирги*, бур. *эрье* (берег; баран), монг. *эрэг*, монг.-письм. *ergi* (берег) и *irge* (баран); он. хамн. *инежү* || *инежэ*, бур. *энежэ*, монг. *инээх*, монг.-письм. *inege* (смеяться); он. хамн. *индзагу*, бур. *инзаган*, монг. *янзага*, монг.-письм. *inǰaya* (теленос козули).

Произношение начального гласного *и* сохранилось в дагурском наречии, дархатском говоре и в монголо-хамниганском диалекте¹.

Имеются слова, прошедшие полный перелом гласного *и*. Например: он. хамн. *дзургаа*, монг.-хамн. *дзургаа*, бур. *зургаан*, монг. *зургаа*, монг.-письм. *jiryūyan* (шесть); он. хамн. *дзагасу* || *дзагаса*, монг.-хамн. *dzagas*, бур. *загаһан*, монг. *загаса*, монг.-письм. *jiyasun* (рыба); он. хамн. *цөмөг*, бур. *сүмгэн*, монг. *чөмөг*, монг.-письм. *simūgen* (берцовая кость); он. хамн. *буруу*, монг.-хамн. *буруу*, бур. *буруун* монг. *бярүү*, монг.-письм. *birayun* (годовалый теленок).

Подтверждается вывод Г. Д. Санжеева о том, что «...процесс перелома этого гласного протекал далеко неравномерно даже в рамках одного и того же диалекта, в рамках его лексического состава»².

В ононско-хамниганском говоре произошло незначительное развитие согласного звука *с* || *с'* в связи с переломом гласного *и*, изменившего предыдущий согласный звук в звук *ш*. Стадия развития звука *с* старописьменного монгольского языка в бурятском языке показывает, что «...в наречии — предке современных бурятских говоров существовали звуки *ц*, *ш* и *һ*, из которых *ш* сохранился до нынешнего времени, а *һ* к моменту, когда *ц* начал развиваться в соответствующий спирант, уже успел развиться из *с*».

Если звукам *с* и *ј* старописьменного монгольского языка соответствуют звуки *с*, *ш* и *з*, *ж* бурятского языка, то в говоре ононских хамниган им соответствуют звуки *ц*, *ч* и *дз*, *дж*, которые полностью сходятся с современным монгольским языком и цонгольским говором³ бурятского языка. Из-за отсутствия перелома звука *і* произношение многих слов остается почти таким же, как и в старомонгольском языке. Например: он. хамн. *чир^аши*, монг.-письм. *cirai* (лицо); он. хамн. *сили* || *шилэ*, монг.-письм. *sili* (шея, затылок); он. хамн. *цэцэг*, монг.-письм. *ceseg* (цветок).

В речи носителей исследуемого говора вместо ожидаемого звука *ц* нередко произносится звук *ч*, а вместо звука *ч* — *ц*. Например: *чилөө* || *цүлөө* (свободное время, досуг), *цар* || *шар* (вол), *арчуул* || *арцуул* (тряпка), *өбчүү* || *өбцүү* (грудь).

Согласный звук *с* передается как звук *ч* или *ц*. Согласный же звук *ц* как позднейшее проявление употребляется вместо звука *с* перед всеми гласными за исключением звука *и*. Кроме того, звук *ц* появляется как результат разновременного развития перелома гласного звука *и*.

В исследуемом говоре в именах и глаголах гласные звуки *и*, *а*, *э*, *у*, *ү*, *о*, *ө* ясно произносятся в середине слова в неударных слогах после согласных звуков *б*, *л*, *м*, *р*, *т*, тогда как в бурятском языке они редуциро-

¹ См.: К. У. Көхалъми. Указ. соч., стр. 169; Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 192.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 106.

³ См.: Б. Х. Тодаева. Указ. соч., стр. 34; Ц. Б. Будаев. Цонгольский говор бурятского языка (автореферат), Л., Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 5.

вались. Например: он. хамн. *толог²иш*, бур. *толгой* (голова); он. хамн. *урикху* || *уриха*, бур. *урьха* (петля, силок); он. хамн. *дабасу* || *дабаса*; бур. *дабан* (соль); он. хамн. *элигү*, бур. *эльээн* (печень); он. хамн. *үбүдүг* || *өбөдөг*, бур. *үбдэг* (колено); он. хамн. *хулуганаа*, бур. *хулгана* (мышь); он. хамн. *эрэк²иш*, бур. *эрхы* (большой палец). Заслуживает внимания то, что эти гласные обозначались в старописьменном монгольском языке¹.

В середине и в конце слова после согласного, за которым раньше следовал звук *i* или двослог *iya*, вместо обычных долгих звуков *aa* и *oo* произносится долгий звук *ээ*: он. хамн. *хор'ээ* || *хорёо*, бур. *хорёо* || *хорой*, монг.-письм. *xoriya* (двор, изгородь); он. хамн. *ор'ээ* || *орёо*, бур. *орёо*, монг.-письм. *oriya*-(завязывать); он. хамн. *хур'ээ* || *хуряа*, бур. *хуряа*, монг.-письм. *xuriya*-(собирать).

Такая же особенность имеет место и в дагурском наречии, являясь результатом последовательного развития звука \bar{a} в $\bar{a} > \bar{e}$. Изменение звука *a* через *i* в *э* или *e* (метафония) произошло под влиянием соседнего звука, в данном случае — предшествующего палатализованного согласного звука, появившегося при исчезновении двослога *iya*.

В исследуемом говоре редко встречается эмфатический долгий гласный звук *oo* вместо долгого гласного звука *aa* бурятского языка. Например: *абоод* вм. бур. *абаад* (взяв); *дароо* вм. бур. *бараа* (задавил).

И. Д. Буряевым в цонгольском и сартульском говорах бурятского языка также установлено эмфатическое *oo* вместо долгого *aa*. Например: *тудоо* (попал), *цугтоо* (вместе).

Нам кажется, что здесь эмфатический долгий звук *oo* появляется в случаях, когда последний долгий гласный произносится с явным экспрессивным оттенком.

В речи узонцев слово *јаба*-(идти) и производные от него слова произносятся также с оканьем: *јобохо* (идти), *јобогон* (пешный), *јободжоохо* (будет ходить), *јободжоогоосон* (ходил). Возможно, что это явление привнесено западными монголами², часть которых вошла в этнический состав носителей говора. Встречаются также случаи, когда вместо звуков *a* и *y* произносится звук *o* как результат губного сингармонизма. Например: он. хамн. *ногосу* || *ногосо*, бур. *нугаһан* (утка); он. хамн. *олом*, бур. *улам* (подруга); он. хамн. *онгокху* || *онгохо*, бур. *ангаха* (выцветать, лить); он. хамн. *осол*, бур. *усал* (несчастье).

В изучаемом говоре при исчезновении двослогов *iya* и *iui* и появлении долгих гласных звуков *aa* и *yy* более часто, чем в бурятском языке, палатализуется предшествующий согласный звук. Например: он. хамн. *хар'аал*, бур. *хараал* (проклятие); он. хамн. *мушк'уу*, бур. *мушхуу* (с вьющимися волокнами — о древесине).

В результате отсутствия перелома звука *i* после заднеязычного, смычного, глухого звука *k*, соответствующего фонеме *x* бурятского языка, в хамниганском говоре произносится звук *и*, а в бурятском языке — *a*, *y*. Например: он. хамн. *кирга^кху* || *киргаха*, бур. *хяргаха* (стричь); он. хамн. *кисуур*, бур. *хиһуур* (скребница, скобель); он. хамн. *кируу*, бур. *хюруу* (иней); он. хамн. *хаскира^кху* || *хашкираха*, бур. *хашхарха* (кричать).

В именах и причастиях будущего времени, имеющих суффикс *-ха* (-хо, -хэ), конечным гласным звукам *a*, *o*, *э* бурятского языка соответствуют звуки *y* и *y*. Например: *үсү*, бур. *үһэн* (волосы); *дзагала^кху*, бур. *зохолхо* (зудиться, чесаться).

По-видимому, здесь почти без изменения сохранилось старое окончание слов, остающееся в именах после выпадения конечного согласного

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 149, 189, 190.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 146.

звука *п*. Правда, у токчинцев, узонцев и гунайцев при произношении слов конечный гласный звук *у* или *ү* часто заменяется гласными звуками *а*, *о* или *э*.

Спорадически произносятся гласные звуки *у*, *ү* в середине и в конце слова там, где в бурятском языке звучат гласные звуки *а*, *о*, *э*. В данном случае хамниганский говор соответствует старописьменному монгольскому языку. Например: он. хамн. *нидургу* || *нидурга*, бур. *нюдарга*, монг.-письм. *nidurya* (кулак); он. хамн. *чидкүр*, бур. *шүдхэр*, монг.-письм. *cidkür* (чёрт, бес); он. хамн. *сиргүкху* || *ширгүкху*, бур. *шургаха*, монг.-письм. *siryuxu* (пролезть); он. хамн. *баатур*, бур. баатар, монг.-письм. *bayatur* (богатырь); он. хамн. *өндүр* || *өндөр*, бур. *үндэр*, монг.-письм. *өндür* (высокий).

Во многих хамниганских словах, как и в старописьменном монгольском языке, в конце слога и слова произносится звук *с*, тогда как в бурятском языке — звук *д*. Например: он. хамн. *бос-*, бур. *бод-*, монг.-письм. *bos-* (вставать); он. хамн. *гилагас* (гэхэ), бур. *ялагад* (гэхэ), монг.-письм. *gilayus* (сверкнуть); он. хамн. *урусхуул*, бур. *урадхал* (проточный), монг.-письм. *urus-* (течь, литься).

Неустойчивый конечный звук *н* имен существительных, как и в монгольском языке¹, обычно не произносится. Например: он. хамн. *чилуу*, бур. *шулуун*, монг. *чулуу* (камень); он. хамн. *цасу* || *цаса*, бур. *сахан*, монг. *цас* (снег); он. хамн. *моду* || *модо*, бур. *модон*, монг. *мод* (дерево); он. хамн. *ногоо*, бур. *ногоон*, монг. *ногоо* (зелень); он. хамн. *арба*, бур. *арбан*, монг. *арба* (десять).

При падежных и других изменениях этот звук восстанавливается. Например: *усун тээрмэ* (водяная мельница); *модун* || *модон гэр* (деревянный дом); *алтанда* дат.-м. п. от слова *алта* (золото).

По закону аналогии слов, конечный звук *н* прибавляется даже к некоторым заимствованным словам из русского языка, не имеющим конечного согласного звука *н*, например: кино — *кинон'ши* (род. п.), *кинондо* (дат.-м. п.), *киноноосо* (исх. п.).

Нередко в середине и в конце слов сочетанию звуков бурятского языка *хи* в говоре хамниган соответствует сочетание *ти*. Например: он. хамн. *салти* || *салки*, бур. *халхин* (ветер); он. хамн. *талти* || *талки*, бур. *талхи* (кожемялка); он. хамн. *кунтинэжү*, бур. *хүнхинэхэ* (гудеть).

Так же как в старописьменном монгольском языке, в исследуемом говоре сочетание *ги* употребляется во всех позициях слова; в бурятском языке оно получило иное развитие и дало сочетание *ја* (*јэ, јо*). О развитии ранней морфемы *ги* и о переходе ее в *ји* и подробно говорится в работе Г. И. Рамстедта². Ср.: он. хамн. *гилагар*, бур. *ялагар* (блестящий, глянцевоый); он. хамн. *эргикү*, бур. *эръехэ* (кружиться, обходить вокруг); он. хамн. *царги харг'ши*, бур. *сарья харгы* (утоптанная, проторенная дорога); он. хамн. *хонончиги*, бур. *хононшье* (с ночлегом).

В исследуемом говоре личная частица *бидэ* || *бида* не потеряла значение самостоятельного слова и по своей форме остается местоимением. Нередко наблюдается чередование *би*, *бидэ* || *бида* с *ји*, *јида* || *јидэ*. Например: *Бидэ гадзаа баицигаа бидэ* или *бидэ гадзаа бицигаа јида* (Мы были на улице); *Түргэн гүшилдээ бидэ* или *түргэн гүшилдээ јидэ* (мы быстро мчались).

В исследуемом говоре лично-предикативные частицы *јида* и *ји* присоединяются к предыдущему слову и произносятся почти слитно с ним,

¹ Встречается много исключений, которые подробно описаны акад. Б. Я. Владимирцовым. См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 351—358.

² См.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Изд-во иностр. лит., М., 1957, стр. 153, 178.

образуя с конечным гласным предыдущего слова как бы двоеслог — гласный + *ji* (да): *бид^оиудэ* || *бидыдэ*, *бид^оиуд даа* || *бидыд даа* (мы-мы), *хонобо жуда* || *хонобожуда* || *хонобоиуда*, *хонобоиудо* || *хонобыдо* || *хонобыд даа* (мы заночевали).

В речи агинских бурят наблюдается переход звука *б* в *ј*. Например: вм. *трактористаб* говорят *трактористаји* || *тракторист^аии* || *трактористы* (я тракторист).

В данном случае, по-видимому, в результате сильной палатализации щелевой оттенком фонемы *б'* в положении после переднего *и* переходит в среднеязычный щелевой звук *j*¹.

Заднеязычно-увулярный сонант сохраняется в середине слов перед носовым *н*, тогда как в бурятском языке он чередуется с заднеязычным *г* в той же позиции. Например: он. хамн. *магнал* (торго), бур. *магнал*, монг.-письм. *таггнуу* (род шелковой материи); он. хамн. *чи-г^накху* || *чинаха*, бур. *шагнаха*, монг.-письм. *cingna*- (слушать); он. хамн. *тэгнэку* || *тэгнэкэ*, бур. *тэгнэхэ*, монг.-письм. *tengne*- (вьючить); он. хамн. *аг^накху* || *агнаха*, бур. *агнаха*, монг.-письм. *angla*- (охотиться).

Нередко наблюдается появление сингармонических вариантов лично-предикативных частиц типа *-та* (*-то*, *-тэ*), *-тана*, (*-тэнэ*, *-тоно*), а также синтетических форм глаголов типа *баиид жаагаасан* (был), *јободжоокху* (будет ездить), *үнджиджээнэ* (проводит сутки) и др.

«Процесс ассимиляции некорневых корневым гласным несомненно протекал медленно и постепенно в зависимости от просодических и других средств данного языка или языкового подразделения. И естественно, не во всех языках данного типа он мог быть осуществлен в равной мере и степени. Ср. хотя бы монгольское *гэр руу* и *гэр рүү*, бур. *ожорхо* и *ожирхэ*, где закон ассимиляции действует не повсюду одинаково»². Поэтому появление сингармонических вариантов в говоре, нам кажется, вполне закономерным явлением.

В изучаемом говоре встречается двойное произношение слов, по-видимому, под влиянием бурятского языка. Например: *хуругу* || *хуруу* (палец); *ниругу* || *нируу* (хребет, спина); *үрэгү* || *үрүү* (подбородок); *дэгэл* || *дөөл* (шуба).

При сравнении с бурятским языком в хамниганском говоре можно обнаружить употребление в середине слова тех согласных, которые в данной позиции характерны письменному монгольскому, а не бурятскому языку³. Например: *с* || *д* — он. хамн. *дурсакху* || *дурсаха*, монг.-письм. *дурсаху*, бур. разг. *дурдаха* (вспоминать); он. хамн. *дэбискэр*, монг.-письм. *дэбискэр*, бур. разг. *дэбдихэр* (постель); *г* || *х* — он. хамн. *хагалкху* || *хагалха*, монг.-письм. *хагалха*, бур. разг. *хахалха* (пахать; рвать); *ц* || *л* — он. хамн. *дзаиццакху*, монг.-письм. *зайцаху*, бур. разг. *зайлаха* (отстраняться); *б* || *м* — он. хамн. *дзэбсэг*, монг.-письм. *зэбсэг*, бур. разг. *зэмсэг* (орудие, инструмент); он. хамн. *эбдэку*, монг.-письм. *эбдэку*, бур. разг. *эмдэхэ* (ломать, разламывать).

В хамниганском говоре в конце некоторых слов появляется эмфатическая долгота вместо краткого гласного звука или дифтонга. Например: он. хамн. *тарагуун*, бур. *тарган* (жирный); он. хамн. *борбоцогоо*, бур. *борбоосгой* (шишки), он. хамн. *хулуганаа*, бур. *хулгана* (мышь).

¹ См.: В. М. Наделяев. Чтение знака *э* и этимология имени Тонькука. Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, стр. 204.

² Т. А. Бертагаев. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965, стр. 135.

³ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка. «Вопросы литературного бурятского языка». Улан-Удэ, 1963, стр. 7.

Словарный состав говора ононских хамниган при сравнительном изучении с другими говорами бурятского языка показывает, что процесс развития языка хамниган проходил в какой-то степени локализованно, не в общем русле с другими бурятскими говорами. Поэтому одну из характерных черт его составляют специфические слова, не встречающиеся в других говорах бурятского языка. В одних случаях этимология их объясняется заимствованием из тунгусских или тюркских языков, в других — родственным отношением к старописьменному монгольскому и халха-монгольскому языкам, западно-халхаским говорам и, наконец, по-видимому, собственно хамниганским происхождением. Такие узкодialeктные слова чаще всего встречаются в алтанском подговоре, реже — в токчинском.

К заимствованиям из тунгусского языка в основном относятся слова, касающиеся поло-возрастного деления диких зверей. Например: он. хамн. *анам* (самец-лось или сохатый), ср. эвенк. *анам* (лось перед спариванием); урульг. хамн. *иргагта* (овод, слепень), ср. эвенк. *иргакта* (овод, слепень); он. хамн. *иргацаан* (годовалый лось), ср. эвенк. *иргицаан* (изюбр); он. хамн. *мутуу* (четырёхгодовалый изюбр), ср. эвенк. северо-байкальское *моты* (лось) и *муту* (четырёхгодовалый лось); он. хамн. *кхачихаан*, *нох^оии* (собака), ср. эвенк. барг. *качикаан* (щенок); он. хамн. *гар*, *гишуу* (сук, ветка), ср. эвенк. *гар* (сук, ветка сухая); урульг. хамн. *тааго*, ср. сол. *таага* (галка); он. хамн. *үтээ*, эвенк. *үтэн* (дитя).

К заимствованиям из тюркских языков могут быть отнесены слова *булдуруу* (песчаный бугор с лесом), *бэлтэрэг* (волчата), *кий* (навоз для подстилки), *арбай* (ячмень) и др.

В рассматриваемом нами говоре употребляются слова, встречающиеся в современном монгольском языке и в языке «Сокровенного сказания». К ним можно отнести: он. хамн. *эмэгээ*, *өмөгөө*, *өмбөө* (бабушка), ср. монг. *эмээ*, «Сокров. сказ.» *etegeen* (тоже); он. хамн. *дзүр*, *боро гүрөөсү* (косуля), ср. монг. *дзүр* (косуля-самка), «Сокров. сказ.» *jür* (серна); он. хамн. *халяар*, ср. монг. *халаяр*, «Сокров. сказ.» *qaliyarsun* (черемша, дикий чеснок); он. хамн. *умбаху*, *умбааху*, ср. монг. *умбах*, «Сокров. сказ.» *отбаху* (плавать, купаться); он. хамн. *анда*, *некер* (друг, товарищ), ср. монг. *анда*, *нөхөр*, «Сокров. сказ.» *anda* (друг); он. хамн. *уххукху*, ср. монг. *ухух*, «Сокров. сказ.» *ихихи* (копать).

У ононских хамниган и носителей западно-монгольской речи, то есть у ойратов, сартулов, урянхайцев, мекерчинов, хачинов, байтов, хотонов и др. бытуют, например, такие слова: он. хамн., зап.-халх. *иргэ-ку* || *иргэх* (парить — о коршуне); *түсүүр* (посох); *мурчиг^аии* (кривой); *дзугтаах*, *дзугтаах* (убегать); *гэлику* || *гэлих* (гнать); он. хамн. *үкэр огдо*, *оготонго*, зап.-халх. *үкэр огдо* (ласка); он. хамн., зап.-монг. *күрэнгэ*, вост.-монг. *хүхүүр*, агин. бур. *хүрэнгэ*, у стальной части бурят—*хаба* (жбан); он. хамн., зап.-монг. *олонцог* (подушка на седле).

В хамниганском говоре чаще всего употребляются те же слова, что и в монгольском языке; в других говорах бурятского языка встречаются иные соответствия. Например: он. хамн. *била*, монг. *пял*, бур. *табаг* (тарелка); он. хамн. *мэлж^эии*, монг. *мэлхэй*, бур. *баха* (лягушка); он. хамн. *гулдзаг^аии*, монг. *гулдзаг^аии*, бур. *һарюу* (кривой, косой); он. хамн. *гоочилкху*, монг. *гоочлох*, бур. *енгэлхэ* (дрознить, раздражать); он. хамн. *кивэс*, монг. *кивэс*, бур. *ковгор* (ковёр); он. хамн. *ноолуур*, монг. *ноолуур*, бур. *хөөвэр* (пух); он. хамн. *сүк^эийн синезэсү*, монг. *шинээс*, бур. *шаантаг* (клин для топора); он. хамн. *сарису*, монг. *сарис*, бур. *хабшааһан* (ранты); он. хамн. *бог мал*, монг. *бог мал*, бур. *хони ямаан*

(овцы и козы); он. хамн. *цооджи*, монг. *цооджи*, бур. *суурга* (замок); он. хамн. *далан халису*, монг. *далан халису*, бур. *шүүр* (вид растения); он. хамн. *нөөлгэ* || *нэлгэ салаки*, монг. *нөөлэг салих*, бур. *хуй халхин* (вихристый ветер); он. хамн. *дзалтасу*, монг. *дзалтас*, бур. *зартагай* (длинная шепка); он. хамн. *күм ула*, монг. *хүм ула*, бур. *арһан ула* (кожаная подошва); он. хамн. *дзэнгэрээ*, *дуг^эи*, *цагариг*, монг. *дуг^эи*, *дзэнгэрээ*, бур. *сахариг*, *мөөр* (колесо); сн. хамн. *хууракху*, монг. *хуурах*, бур. *мэхэлхэ* (сбанивать); он. хамн. *ангаах^эи*, *ангаа*, монг. *ангаахай*, бур. *дальбараа* (цыпленок); он. хамн. *абдур*, монг. *авдар*, бур. *ханза* (сундук) и др.

В исследуемом говоре бытуют слова, образованные аффиксальным способом и являющиеся специфически диалектными. Приведем ряд примеров: *-аасу* — *балбясу* || *балбэсу* || *балбица* (завертка из кожи при валке войлока) от *балби-* (мять); *-уур* — *амадуур*, *тэбкэ* (деревянная крестовина — ручка для снятия чугуна с плиты), *гуиibuур* (совок, приспособленный для сбора агюд) от *гуиша* (раскачиваться); *-уурга* — *унджуурга* (висеть); *-бчи* — *дүрөөбчи* (кижим, чепрак седла) от *дүрөө* (стремя); *-ангир* — *халангир* (разлив реки по лугам и протокам) от *халиха* (разливаться); *-гчи* — (*үкэр*) *саагчи* (подошник) от *саа-* (доить); *-гар* — *хуулагар гадзар* (открытое незащищенное место) от *хуулаха* (сдуть, срывать).

К этим словам можно отнести и некоторые заимствования из русского языка, не встречающиеся в других говорах бурятского языка. Например: *джоохо* (деготь), *чилдоон тогоо* (ведро, в котором варят еду), *куръээ* (маленький заливчик — курья), *сборчи* (обруч), *чибааг* (чебак-рыба), *шодоог* (седок на бегунце).

Лексический состав говора оронских хамниган нельзя назвать единым для всех его подговоров. Нередко можно наблюдать коррелятивные слова внутри самого говора, особенно по опорным подговорам. Например: алт. подгов. *нандииг* || *нандикаан*, *тэрэлджи* и *дали* (У.-П.), токч. подгов. *тэрэлджи* (багульник); алт. подгов. *гэлику*, токч. подгов. *дзалаха*, *тууха* (гнать скот); алт. подгов. *цанцуг*, *самб^эчи*, токч. подгов. *самб^эчи* (челка у лошади); алт. подгов. *сира кхурамчи*, токч. подгов. *шира исиг^эи* (старый войлок); алт. подгов. *сэрмүүн гадзар*, токч. подгов. *күкэ дзүлгэ*, *цэбэр гадзар* (чистое место, зелен); алт. подгов. *матасу*, токч. подгов. *ооборчи* (обруч); алт. подгов. *иргикү*, токч. подгов. *илэкэ* (парить — о коршуне); алт. подгов. *үнэгү*, токч. подгов. *араата* (лисица).

Одной из характерных лексических особенностей данного говора и говора агинских бурят является сохранение в них слов, относящихся к названиям верблюдоводства и частей юрты.

Встречаются различия в названиях частей юрты: у хамниган старый войлок называется *сира курамчи* или *исиг^эи*, у агинцев — *шара һэеы*. В Западной Монголии, например, говорят *шар хурамш*, а волжские калмыки *шар*, *хуучин хурмаш*. Двухстворчатую дверь юрты оронские хамниганы называют *хацабчи*, агинские буряты — *хаалга*, калмыки — *хацабчи* (войлочная дверь); короткая решетчатая стена юрты у оронцев называется *дзуурабчи*, у агинцев — *хахад бозони хана*; сплетенная шерстяная веревочка, пришиваемая к краям войлочных стенок, у оронцев называется *дзээг* или *хосилон*, у агинцев — *хошлон*. Другие названия частей войлочной юрты в основном совпадают, имея в некоторых случаях лишь фонетические различия.

Верблюдоводческие названия одинаковы как у оронских хамниган, так и у агинцев: *ботого* (верблюжонок), *тором* (двухлетний верблюжонок), он. хамн. *т^эчилаг*, агин. бур. *тайлаг* (трехлетний верблюд); он. хамн. *ата*, агин. бур. *атан* (кастрированный верблюд); он. хамн.

инди, агин. бур. *энгин* (верблюдица); он. хамн. *дзогдор*, агин. бур. *зогдоэ* (верблюжья шерсть); он. хамн. *табагчи*, агин. бур. *табгай* (ступня, лапа верблюжья); он. хамн. *сэбэсү*, агин. бур. *нэбэн* (верблюжья отрыжка); он. хамн. *көөмөгчи*, агин. бур. *хөөмэгшэ* (верблюжья упряжь, сбруя); он. хамн. *хобтасу*, агин. бур. *хобтаһан* (седло для езды на верблюде); он. хамн. *бууилакху* || *бууилаха*, агин. бур. *буйлаха* (кричать, плакать—о верблюде) и др.

Лексика исследуемого говора богата также и охотничьей терминологией. Наряду со словами *үргөөл*, *күцөө* (облава) сохранилось старинное название облавной охоты *аба*. Раньше, по-видимому, бытовало сочетание *худариин хайдаг*¹ с тем же значением. У хамниган, видимо, до недавнего времени сохранялся охотничий колчан — *саадаг*. Рассказывают, что *лук* (нума) делался с отверстием посредине (*гуурса*), через которое воин пил воду, не слезая с коня. Стрелы (*годоли*) имели свистящие наконечники (*дэши*). На конец стрелы со свистящим наконечником вставлялся *дзэб* (железный или медный наконечник остроконечной ромбической формы). Облава совершалась по команде предводителя (*түбүүчин*). Об этом подробно писал П. С. Паллас, наблюдавший облавную охоту у ононских хамниган: «...Чтобы хорошенько осмотреть и самую страну и видеть, как здесь диких коз, дзеренами называемых, промышляют, я остался в Акшинской до 25 числа мая. Такой промысел мунгалы по-своему называют аблаха, а русские, взяв с того же и перевернув на свой образец, сделали «облава». Дальше им описываются орудия охоты: «...свистящие стрелы — по-русски свистуны, а по-мунгальски дзы и др.»²

Словарный состав говора ононских хамниган, касающийся названий родства, материальной культуры, животноводства и других разделов лексики, полностью сходится с таковыми бурятского и монгольского языков. Если бы материальная культура и хозяйство у них были заимствованы от бурят и монголов, то, по-видимому, от прежнего образа жизни и их хозяйства должны были бы остаться какие-то следы. Однако таких следов пока не обнаружено. «Этнический субстрат оставляет свой след не только в языке, но также и нередко в еще большей степени — в фольклоре, этнографии, материальной культуре, наконец, в физическом облике народа»³. Современная материальная культура ононских хамниган значительно обновилась под влиянием русской культуры и хозяйства, но наряду с этим в ней сохранилось и некоторое своеобразие. Вновь появившиеся предметы материальной культуры и хозяйства заимствуются вместе с русским названием. Однако названия вещей, заимствованные из русского языка, произносятся с незначительным изменением: *шифонезэр* (шифоньер), *буфезт* (буфет), *комоод* (комод), *арадио* (радио), *ардиоло*, *радио ю* (радиола), *сипараатар* (сепаратор), *остоол*, *стоол* (стол), *үстүүл* (стул), *юүмэ угаадаг машина* или *эстираальна машина* (стиральная машина), *легковой*, *күнгэн машина* (легковая машина)...; *пальтоо* (пальто), *костюм* (костюм), *пиджааг* (пиджак), *дэжэмшир* (джерпер), *вааленха* (валенки), *сапакил*, *сабакил* (сапоги), *батиньха* (ботинки)...; *амбаар* (амбар), *сарчи* (сарай) и т. д.

У ононских хамниган сохранились названия предметов и вещей традиционной культуры и хозяйства; *абдур*, *хандза* (сундук), *үкэг* (ларь—

¹ Об этом сообщил нам Цыдыпов Данзан, 1889 года рождения, из рода Тугчин, Токчинского сельсовета Дульдургинского района Читинской области.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Стр. 279—280. Наблюдение за охотой монголов П. С. Паллас проводил в районе села Нарасун, выше Акин.

³ В. И. Абаев. О языковом субстрате. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», № 9, М., 1956, стр. 69.

длинный ящик на ножках), *кхаширцаг* (деревянный ящик), *гутал'ич хаширцаг* (ящик для обуви), *бандаг* (низенький настил, служащий для сиденья или спанья), *таб'уур* (низенький, маленький стулик), *бортогэ* (деревянный подойник), *синага* || *ш'нага* (ковш), *башилгуур* (деревянная крынка — отстойник для молока), *ээдээгэшин шүүр* (решето, сплетенное из прутиков), *кисуур* (скобель), *олбог* (квадратный тюфяк для сиденья), *күнджилэ* (меховое одеяло), *тулам* (длинный кожаный мешок).

Термины родства у ононских хамниган в отличие от бурятских более близки к таковым старописьменного монгольского языка: он. хамн. *атуу*, *аба*, *эцэгэ*, бур. *аба*, *эсэгэ*, *баабай*, монг.-письм. *ecige*, *abai* (отец); он. хамн. *иджиш*, *эжү* || *экэ*. бур. *эжы*, *эхэ*, монг.-письм. *eke*, *ejei* (мать); он. хамн. *күбүүн*, бур. *хүбүүн*, монг.-письм. *kübüün* (сын); он. хамн. *ачи* (внук по сыну), бур. *аша*, монг.-письм. *aci* (внук); он. хамн. *дэээ*, бур. *зээ хүбүүн*, монг.-письм. *jige* (внук по дочери); он. хамн. *гучи*, бур. *гуша*, монг.-письм. *үсi* (правнук); он. хамн. *дүчи*, бур. *дүшэ* (прапра-внук); он. хамн. *гутаар* (прапраправнук); он. хамн. *бацаган*, *үкин*, бур. *басаган*, монг.-письм. *okin* (дочь); он. хамн. *үбэгөө*, *үмбөө*, бур. *хүгшэн аба*, монг.-письм. *ebügen* (дед, дедушка); он. хамн. *өмөгөө*, *эмэгээ*, *өмбөө*, бур. *хүгшэн эжы*, монг.-письм. *emegei* (бабушка); он. хамн. *бэригэн*, *абаг'иш*, бур. *абагай*, монг.-письм. *bergei*, *bergen* (жена старшего брата).

Животноводческие термины, употребительные у хамниган, соответствуют терминам животноводства, бытующим у бурят и монголов. В хамниганском говоре животноводческие термины сохранили некоторые фонетические особенности, характерные, надо полагать, более раннему периоду развития монгольских языков: он. хамн. *гунаджи*, монг.-письм. *yunajin* (трехлетняя телка); он. хамн. *дүнүджи*, монг.-письм. *dünüjin* (четырёхлетняя телка); он. хамн. *сидүлүн* || *шидүлүн*, монг.-письм. *sidülün* (двухлетняя коза); он. хамн. *цар* || *шар* (У.-П.), монг.-письм. *sar* (вол); он. хамн. *аджиргу* || *адзарга*, монг.-письм. *ajirga* (жеребец) и др.

Названия частей тела человека, употребительные в говоре ононских хамниган, совпадают с общемонгольскими. Например:

он. хамн.	бур.	монг.	монг.-письм.	значение
<i>нидү</i>	<i>нюдэн</i>	<i>нүд(эн)</i>	<i>nidün</i>	глаз
<i>чики</i> <i>чикэ</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих(эн)</i>	<i>çiki</i>	ухо
<i>джирэжү</i> <i>дзүрэжү</i>	<i>зүрхэн</i>	<i>зүрх</i>	<i>jiürken</i>	сердце
<i>уруул</i> <i>урул</i>	<i>урал</i>	<i>уруул</i>	<i>uruul</i>	губа
<i>сидү</i> <i>сидэ</i> <i>шидү</i>	<i>шүдэн</i>	<i>шүд(эн)</i>	<i>sidün</i>	зуб
<i>хулуки</i> <i>хулаки</i>	<i>хулха</i>	<i>хулхи</i>	<i>xulugi</i> <i>xuluü</i>	сера (в ушах)
<i>өгөм</i> <i>эгэм</i>	<i>эм</i>	<i>эгэм</i>	<i>egem</i>	ключица
<i>алигу</i> <i>алига</i>	<i>альган</i>	<i>алаг</i>	<i>aligan</i>	ладонь

Названия одежды. Старая национальная одежда хамниган такая же, как и у бурят, и названия их тоже совпадают: он. хамн. *дзубцаан дөөл*, *нэк'иш дэгэл*, бур. *нэхэ дэгэл*, монг.-письм. *nekei degel* (шуба); он. хамн. *үнгү дөөл* || *дэгэл*, бур. *үнгэ дэгэл* (шуба, не покрытая материалом); он. хамн. *сомон* || *суман дөөл* || *дэгэл*, бур. *хомон дэгэл* (гладкая шуба, шуба без складок); он. хамн. *цөөд жи* || *цээд жи доторг'иш дөөл* || *дэгэл*, бур. *сээжэ дэгэл* (терлик с половинным подкладом, демисезонный халат); он. хамн. *тэрлиг*, бур. *тэрлиг*, монг. *тэрлэг* (терлик, летний халат); он. хамн. *малаг'иш*, бур. *малгай*, монг. *малгай*, монг.-письм.

тагауаи (шапка); он. хамн. *гутул* || *гутал*, бур. *гутал*, монг. *гутал* (обувь); он. хамн. *ууджи*, бур. *уужа* (безрукавка—часть женской одежды); он. хамн. *бөсө* || *бүсэ*, бур. *бүһэ*, монг. *бүс* (кушак); он. хамн. *туруу*, бур. *туруу*, монг. *нудраг* (обшлаг); он. хамн. *цуба*, бур. *суба*, монг. *цув* (дождевик); он. хамн. *дугт^аи*, бур. *дугты*, монг. *гутлын дугтуй* (меховые боты).

Названия блюд и продуктов питания у ононских хамниган не отличаются от бурятских. Так, например: он. хамн. *ээдзэг^эи*, бур. *ээзэгэй* (творог); он. хамн. *тараг*, бур. *тараг* (тарак, кефир); он. хамн. *үрмэ*, бур. *үрмэн* (пенка); он. хамн. *цүүцэг^эи*, бур. *сүсэги* (сметана); он. хамн. *дзөөх^эи*, бур. *зөөхэй* (сливки); он. хамн. *сүкэн* || *сүү*, бур. *һүн* (молоко); он. хамн. *цагаан тосу*, бур. *сагаан тоһон* (сливочное масло), он. хамн. *сира* || *шира тосу* | *тосо*, бур. *шара тоһон* (топленое масло); он. хамн. *кхирууд*, бур. *хурууд* (сушеная черемуха, иногда творог); он. хамн. *холицо* || *холицоо*, бур. *холисо* (смесь творога, сметаны, черемухи, сараны и др.); он. хамн. *худкадасу*, *иилгэдэсэ*, бур. *иилгэдэһэн* (пахта); он. хамн. *аарца*, бур. *аарса* (название молочного продукта, кушанье); он. хамн. *сирасу* (от сира+усу), *шира шүүсэ*, бур. *шара шүүһэн* (сыворожка); он. хамн. *ирээлджи*, бур. *эрээлжэ* (колбаса, приготовленная из внутренностей); он. хамн. *буудза*, бур. *бууза* (позы); он. хамн. *шарибин*, бур. *шарбин* (пирожки с мясом); он. хамн. *хоормог*, бур. *хоимог* (арца, смешанная с молоком); он. хамн. *бүкэлээр чинасан маха*, бур. *бүхэлээр шанаһан мяхан* (мясо, вареное кусками).

Названия рыб и орудия рыболовства. Река Онон издавна славилась разнообразием и богатством рыбы. Еще П. С. Паллас, пребывая на Ононе, отметил, что река богата рыбой. В ней водятся «...красноперок, конь, сазан, карны, сом, белуга, щуки, осетры, леньки, таймень, сомужек, а на Байкале их называют сигом, пескарь, карась»¹. Некоторые виды этих рыб в настоящее время стали редкими экземплярами (белуга, осетр). Любители-рыбаки ловят рыбу различными способами: неводом (*губчуур*), сетью (*сэгдкэ*), острогой (*сэрээ*), запрудом (*хаалта хааха*) — при полноводье, лучением (*гэрдэку*), крючком (*хахуули*), переметом (*перемет табиху*), бьют колотушкой (*модон мунцаар мунцаадах*) под льдом. Многие названия рыб в бурятском языке отсутствуют. Ср.: он. хамн. *улаан сүүл* (краснопер), в бур. языке этого названия нет; он. хамн. *чибааг* || *чубааг* (чебак), в бур. яз. — нет; он. хамн. *цурбалта*, *даланту*, в бур. яз. *сом*, *хобордой загаһан* (сом); он. хамн. *морин дзагасу* (рыба-конь амурский), в бур. яз. — нет; он. хамн. *гутаар*, в бур. яз. — *гутаар* (налим); он. хамн. *цурх^эи*, в бур. яз. — *сурхай* (щука); он. хамн. *мүргү* || *мүрээ*, в бур. яз. — *һалбарга загаһан* (сазан); он. хамн. *дзэбэгү* || *дзэбэгэ*, в бур. яз. — *зэбгэ* (ленок); он. хамн. *тула*, в бур. яз. — *тула* (таймень); он. хамн. *кэлтэгү* || *кэлтэгэ*, в бур. яз. — *хөөлэнтий* (карась); он. хамн. *хадаран*, в бур. яз. — *хадаран* (*харцус*); он. хамн. *джираах^эи*, в бур. яз. — *жараахай* (гальяны); он. хамн. *хабчикии*, в бур. яз. — *хабшаахай* (рак) и др.

Названия частей седла. У ононских хамниган имелось несколько видов седел: *талхи өмөөл* || *эмээл* (рабочее седло пастуха), *юр^эиин өмөөл* || *эмээл* (повседневное седло), *гог^лиин эмээл* (праздничное седло), *мүнгэн өмөөл*, *эмээл* (женское седло). Названия частей седла у них в основном одинаковы с бурятскими: он. хамн. *буургү* || *бүүргэ*, бур. *бүүргэ*, монг. *бүүрэг* (луки седла); он. хамн. *хабтасу* || *хабтаса*, бур. *хабтаһан* (боковые доски седла); он. хамн. *дүрөө*, бур. *дүрөө*, (стремя); он. хамн. *оүрөөг^эи сур*, бур. *дүрөөгэй һур* (ремень стремени); он. хамн. *гүлимэ*, *дүрөөбчи*, бур. *дүрөөбшиэ*, монг. *гүлэм*, *дэбюүр* (чепрак); он. хамн. *олонцог*, *маюуза*, бур. *маюуза*, монг. *маюуза*, зап.-монг.

¹ П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 283.

олонцэг (подушка на седле); он. хамн. *дэбсү* || *дэбсэ, унд жуурга*, бур. *дэбнэ монг. дэвс, дабсюраг* (малый чепрак); он. хамн. *бүгүджи*, бур. *бүгжэ*, монг. *бүгэж* (железное украшение на луках); он. хамн. *баабур* || *баабар*, бур. *баабар*, монг. *баабар* (железное украшение на боковых досках вокруг торок); он. хамн. *гандзугу* || *гандзага*, бур. *ганзага*, монг. *ганзаг* (торока).

Названия диких зверей и птиц. Как указывалось выше, в этой части лексики встречается ряд заимствований из тунгусского языка. Однако большая часть названий сходится с соответствующими названиями бурятского языка. Например: он. хамн. *дзур*, бур. *боро гүрөөсү* || *гөрөөсэ*, бур. *гүрөөһэн* (косуля); он. хамн. *гура*, бур. *гуран* (самец косули); он. хамн. *хуур^аии* *дзур* || *хуур^аии*, бур. *хуурай* (самка косули); он. хамн. *индзага*, бур. *инзаган* (теленок); он. хамн. *дзоргол*, *соёондой* (двухлетняя косуля), окин. бур. *ноёолой* (трехлетняя косуля); он. хамн. *улаандай*, хор. бур. *улаандай* (трехлетняя косуля); он. хамн. *дзантаки*, бур. *зантах* (росомаха); он. хамн. *күрэнэ* || *күрнэ*, бур. *бүдүүн хүзүүн* (хорек); он. хамн. *дзумбараа*, бур. *үрхэ, зумари* (суслик); он. хамн. *булагу* || *булага*, бур. *булган* (соболь); он. хамн. *силүүсү*, бур. *шэлүүһэн* (рысь); он. хамн. *чину* || *чино*, бур. *шоно* (волк); он. хамн. *илээ*, бур. *элээ* (коршун); он. хамн. *ногосу* || *нугусу* || *нугуса*, бур. *нугаһан* (утка) и др.

О топонимике. Район распространения говора ононских хамниган расположен в тех исторических местах, где сохранились топонимы, упоминаемые в «Сокровенном сказании». Например: *Онон мурэн* (река Онон), *Дэлюн болдог* (урочище, досл. Селезенка-бугор), *Экэ арал* (досл. Материнский остров) и др.

Топонимика края в основном состоит из вполне объяснимых по семантике слов. П. Б. Балданжапов правильно отмечает, что «...большинство топонимов обозначает физико-географические особенности местности¹». Приведем примеры: *Улаалдзагана* (досл. Красная смородина — падь), *Хабирга* (досл. Ребро или Бок — речка), *Хатан* (досл. Царевна — долина), *Харг^аиита* (досл. Дорожная — речка, падь), *Хамар* (досл. Нос — долина), *Хабчуу* (досл. Тесная — падь), *Кэлтэг^эии* (досл. Наклонный — полуостров), *Тарбальджи* (досл. Белоголовый орел — долина), *Тарбагат^аии* (досл. Тарбаганья долина), *Мангирта* (досл. Дикий лук — долина), *Мойлто* (падь, где растет черемуха) и др.

Многие названия состоят из словосочетаний, как, например: *Бүтүү сибэр* (досл. Густая чаща—долина); *Харг^аиитын ики* (досл. Начало дороги — гора); *Күкү алаг* (досл. Полосато-синяя — падь); *Икэ* || *экэ сибэр* (досл. Большая чаща — падь); *Нарасун харуул* (деревня Нарасун), В качестве дополнительных определений служат орографические понятия: *толгой* — гора (*Гол толго^оии* — досл. Главная гора), *хада* — гора (*Хусат^аийн хада* — досл. гора Хосатуя); *уула* — гора (*Баян уула* — досл. Богатая гора); *джилга* — овраг (*Мухар джилга* — досл. Овраг-тупик), *ама* — устье (*Эрдэнийн ама* — досл. устье Эрдыни); *күнд^иии* — падь (*Нарин күнд^иии* — досл. Узкая падь); *үндүр* — высокий, высота (*Обоон^оии үндүр* — Высота обона); *булан* — полуостров (*Уулзар^аии булан* — полуостров Улзар), *дабаа* — перевал, падь (*Хамар Дабаа* — досл. Нос-перевал); *гуу* — яр (*Ганг^аийн гуу* — досл. Яр ганги). Стороны направления и горизонта в словосочетаниях служат определением: *Дөөдэ Улхун* — дер. Верхний Ульхун, *Дунда Улхун* — дер. Ульхун-Партия, *Доодо Улхун* — дер. Нижний Ульхун (в «Сокровенном сказании» Ульхун — одинокая гора, холм); *Хойто хада* — гора на северной стороне Гуиуя. Гидрографические названия нередко бывают определениями сочетания:

¹ П. Б. Балданжапов. Заметки о топонимике Забайкалья. «Этнографический сб.», вып. 1, Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1960, стр. 92.

усу — вода (*Хара усу* — озеро); нуур — озеро (*Тан нуур* — озеро Тан); гол — река (*Хурулга^ашин гол* — речка Курулга); горикху — речка (*Улаачин горикху* — речка Улача).

Некоторые села и местности названы по наименованию отдельных родов. Например: Узон, Токчин, Гунуй.

Некоторые географические названия образованы при помощи аффиксов *-та* или *-т^ачи*: *Дабаа+та* (название горы Дабатуй), *Хуса+та* (название пади Хосутуй, имеющей березовую чащу), *Тарбага+т^ачи* (название пади Тарбагатай) и др. Очень редко встречаются топонимы, образованные от заимствованных слов. Например: *Яамата* — небольшая падь на территории Токчинского сельсовета. Это название образовано при помощи суффикса *-та* от слова *яама* (яма).

Слова, обозначающие географические названия края, имеют аффиксы, характерные для эвенкийского языка: *-нга* — *Халчеранга* (падь, рабочий поселок); *-хаан* — *Бальджихаан* (название местности), *Агуцухаан* (название речки, протекающей недалеко от дер. Алтан).

На р. Онон расположено село Акша. Это название агинские буряты произносят как *Огшоо*, а ононские хамниганы — *Акшеэ*. В солонском языке рыба называется *оксоо* || *ок^всоо*. По-видимому, название указанного выше села могло иметь связь с этим словом. Название реки и села Кыры также можно было бы связать со следующим словом.

В «Сокровенном сказании»¹ слово *керü* обозначало «бор за горой», в монг. яз. *керü* — «лес на северном склоне». В той местности, где расположена Кыра, все горы покрыты лесом с северной стороны, а солнечная сторона — гола и безлесна.

Г. М. Василевич пишет, что «...в лексике эвенкийского языка можно выделить древний пласт, общий для тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков. Этот пласт представлен древнейшими понятиями-словами, например: эвенк. *тала* (солонец в долине), маньч. *тала* (степь), монг. *тала* (степь, долина), тюркск. *тала* (степь, долина) и др.»² В этой связи заслуживает внимания то, что в исследуемом говоре наряду со словами *тала* (степь, долина) и *худ жир* (солонец) встречается и другое слово, приобретшее долготу гласного в первом слоге: *таала* со значением «солонец», *таалачи* — «падь» (досл. солончаковая).

Заметный след в топонимике Забайкалья оставил эвенкийский язык. С. П. Балдаев по этому поводу писал, что «...у бурят, орочен и эвенков еще сохранились многочисленные легенды и предания, связанные с местной топонимикой...: у орочен — легенды и предания, связанные с сопкой Сохондо, расположенной недалеко от г. Нерчинска, у эвенков — о Баунтовском озере и его окрестностях»³. У носителей эвенкийского (тунгусского) языка до сего времени хранятся легенды о древних похождениях их предков в Забайкалье.

О неологизмах. Ононско-хамниганский говор пополнился немалым количеством новых слов, отражающих те изменения, которые произошли в экономической и культурной жизни хамниган Забайкалья.

В отличие от других говоров бурятского языка, исследуемый говор мало подвергся влиянию бурятского литературного языка. Для него характерны специфические диалектальные образования неологизмов. Например: *саахар^ачи ширкэг*, *хог* (крошки сахара), *цамц^ачин дэмаг* (застежка-молния для рубашки), *дотор дэмуг*, *цуурга* (внутренний

¹ С. А. Козин. «Сокровенное сказание», стр. 526.

² Г. М. Василевич. Эвенкинско-русский словарь. Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, стр. 664.

³ С. П. Балдаев. Некоторые вопросы топонимики Восточной Сибири. Избранные, Улан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1961, стр. 170.

(замок), *үргэбчи* (коромысло), *эрджиинэн чарки* (галоши), *хонин^оиш машииндалга* (искусственное осеменение овец), *күкэ суу* (сепарированное молоко), *кэмэл кул* (протезная нога), *мал^аиш*, *үкэр^эиш талха* (комби-корм).

При изменившихся социальных условиях в ононско-хамниганском говоре ряд слов приобрело новое значение. Так, например, слово *ясу* || *яса* (кость) приобрело новое понятие — *ясатан* || *ясат^аиш* (нация), слово *сонин* (новость) — *сонин* (газета), *хан^аишн сонин* (стенная газета) и т. п.

М е т о н и м и я. В речи носителей исследуемого говора нередко встречаются слова, которыми заменяются другие, близкие по значению понятия. Например: *дзэд* (медь) и *дзэд* (копейка); *мүнгү* (серебро) и *мүнгү* (деньги); *күлэсү* || *күлэсэ* (пот) и *күлэсэ* (заработок); *модо* (дерево) и *модо* (километр).

О б о м о н и м а х. Омонимы в говоре образовывались постепенно, с течением времени. Об этом свидетельствуют следующие примеры: *цоолго* (прорубь и пробойник); *Мунца* (собственное имя человека; пестик, колотушка); *сума* (молния; пуля; стрела); *дэлү* (грива; нескошенная трава, оставшаяся под валками); *гуурса* (отверстие посредине лука в длину; птичье перо, перо ученическое).

О с и н о н и м а х. Одним из источников образования синонимических рядов в говоре наряду с сохранением исконных монгольских слов служит употребление бурятских слов. Например: он. хамн. *гэлик*, *дзалакху*, *туукху*, бур. *залаха*, *тууха*, монг. *гэлих*, *дзалах*, *туух* (гнать стадо); он. хамн. *үкхукху*, *малтаха*, бур. *малтаха*, монг. *үхүх*, *малтах* (копать); он. хамн. *дзутаакху* || *дзугтаакху*, *тэргидэжү*, *оргокху*, бур. *тэрьедэхэ*, *оргохо*, монг. *оргох*, *зугтаах*, *дутаах*, *тэргидэх* (убегать); он. хамн. *үкин*, *күүкэн*, *бацаган*, бур. *басаган*, монг. *хүүхэн*, *охин* (девушка, девочка); он. хамн. *маргааши*, *үглөө*, бур. *үглөө*, зап.-бур. *маргааши*, монг. *маргааши* (завтра); он. хамн. *анда*, *нөкөр*, бур. *нүхэр*, монг. *анда*, *нөхөр* (товарищ).

Нередко синонимичные ряды состоят из исконных бурятских и заимствованных слов. Например: он. хамн. *ширгү*, *тын*, *чистокоол*, бур. *шүргэ*, монг. *шивээ* (частокол, тын); он. хамн. *муура*, *миш*, *киискэ*, бур. *миш*, *хөөшхэ*, монг. *муур*, *мий* (кошка); он.-хамн. *боолто*, *матаасу*, *ооборчи*, бур. *боолто*, монг. *бүслүүр*, *цагариг*, *боолт* (обруч); он. хамн. *оосур*, *үдөөри*, *үшнүроог*, *уяа*, бур. *ооһор*, монг. *оосор*, *шижим*, *утас* (шнурок).

Приведем другие примеры синонимов: он. хамн. *сирасу* (от *сира*+*усу*), *сира шүүсү*, бур. *шара найб*, *шүүхэн*, монг. *шар ус* (сыворожка); он. хамн. *хачисун* || *хачирсу* (от слова «чешуя»), *дзэд* (*мүнгү*), бур. *хашарһан*, *зэд мүнгэн*, монг. *зоос*, *зэс* (монета); он. хамн. *цоилго*, *цэргү*, бур. *сэргэ*, монг. *морины уяан* (коновязь); он. хамн. *мэнэ сая*, *мүнөө сая*, *саб саяхан*, бур. *мэнэ һаяхан*, монг. *сав саяхан* (только что); он. хамн. *бөчи*, *чигибчи*, бур. *бүшэ*, *шэгэбшэ*, монг. *тасам* (тесьма к шапке), он. хамн. *төсөр*, *түсөөт^эиш*, *адали*, бур. *адли*, *түһөөтэй*, монг. *адил*, *цацуу*, *түсэр* (одинаковый).

З а и м с т в о в а н н ы е с л о в а. Русское население, проживающее в течение 300 лет по Онону вперемежку с хамниганами, оказало большое влияние на язык последних.

Это видно, в частности, из следующего: если термины сенокосения и бытовая лексика в бурятском языке состоят в основном из слов родного языка, то в исследуемом говоре — главным образом, из заимствований из русского языка. Только за последнее время под влиянием смежных по территории агинских бурят хамниганы (особенно узонцы, токчинцы и гунуйцы) наряду с заимствованными словами из русского языка начи-

нают усваивать бурятские слова, касающиеся сенокосения и бытовой лексики.

Термины по сенокосению: алт. подгов. *биила*, токч. подгов. *биила*, *аца*, бур. *аса* (вилы); алт. подгов. *гараабли*, токч. подгов. *гараабли*, *тармуур*, бур. *тармуур* (грабли); алт. и токч. подгов. *хомноо*, *бухал*, бур. *бухал* (копна); алт. подгов. *дзарууд* || *дзароод*, токч. подгов. *дзароод*, *сүр*, бур. *һүри* (зарод, скирд); алт. подгов. *дзароодчин*, *метайгаачин*, токч. подгов. *дзароодчин*, *сүрчин*, *сүр хаяачин*, бур. *һүришэн* (метчики зарода); алт. подгов. *копноочин*, токч. подгов. *хомноочин*, *бухал табяачин*, бур. *бухалишан* (копнильщики); алт. подгов. (Шум., Делюн) *метайку*, токч. подгов. *дзароод*, *сүр хаяха*, бур. *һүри хаяха* (метать зарод); алт. подгов. (Шум.) *версиикү*, токч. подгов. *дзароод* или *сүр нирюулха*, бур. *һүри нюриулха* (вершить зарод); алт. подгов. (Шум., Делюн) *подцапаэху*, токч. подгов. *хомноо* или *бухал оруулха* (подценить копну).

Примеры из бытовой лексики: он. хамн. *түпицэ*, бур. *мохоо һүхэ* (тупица; топор-колун); он. хамн. *хубардаа*, бур. *усхубардаа*, бур. диал. *яланцаг* (сковородка); он. хамн. *пилтаа*, бур. *плитаа*, *шэрэм* (плита); он. хамн. *бээниг*, бур. *шүүр*, *хамуур* (веник); он. хамн. *түрүүбкэ*, *ганса* || *гаанса*, бур. *гаһан*, *түрүүбхэ* (курительная трубка); он. хамн. *джилнюкэ*, *набчин тамаки*, бур. *набиһан тамхин* (зеленый листовый табак); он. хамн. *килөмэ* || *килэмэ*, бур. *хилэмэн*, *талхан* (печеный хлеб); он. хамн. *шаанги*, бур. *шаанји* (шанги); он. хамн. *пироог*, бур. *пироог* (пирог); он. хамн. *билнииг*, бур. *шараһан талхан* (блин); он. хамн. *лепөошхо*, бур. *ёпоошхо* (лепешка).

Термины охоты и рыболовства: он. хамн. *дорбовииг*, бур. *дорбииг* (дробовик); он. хамн. *гиилдэ*, бур. *гиилзэ* (гильзы); он. хамн. *пистоон*, бур. *пистоон* (пистон); он. хамн. *хартезчи*, бур. *хартезиэ* (картечь); он. хамн. *халиб* || *халыб*, бур. *халиб* (калибровка); он. хамн. *сеэть*, бур. *гүльмэ* (рыболовная сеть); он. хамн. *хурчаага*, бур. *харшаага*, редко *бортого* (корчага); он. хамн. *бирдаанха*, бур. *бирдаанха* (берданка).

Займствования из просторечных слов русского языка: он. хамн. *тоолкогүи*, бур. *тулхабаагүй* || *тоолхогүй* (бестолковый); он. хамн. *тулмаачигүи*, бур. *тулмаашагүй* (не знает русского языка); он. хамн. *тулмаачитчи*, бур. *тулмаашитай* (знает по-русски); *ишөө* (еще) и *бидаа* (беда). Слова *тоолхогүи* и *тулмаачигүи* часто употребляются с идентичным значением «бестолковый».

Значительное количество заимствованных слов обозначает термины земледелия и гужевого транспорта¹.

Ононские хамниганы, так же как и буряты, с давних пор занимались плотничьим ремеслом. По примеру русских они строили дома, надворные постройки и т. п. Поэтому многие названия построек и их частей, названия инструментов оказались заимствованными из русского языка. Например: *чирдаг* (чердак, этаж), *кэрэлцүи* (крыльцо), *холоодо* (колоды для окон и дверей), *потолоог*, ср. бур. *үһэй*, *потолоог* (потолок), *маатка* (верхняя и нижняя поперечная балка — матня), *бирстааг* (верстак), *чирпаас* (ватерпас), *дараанца* || *дарницца* || *драанка* (дранка), *тёос* || *хёос* (тес), *углуу*, *булан* (машин) и т. д.

С появлением машин, а также орудий заводского производства, с развитием науки и техники словарный состав исследуемого говора намного обогатился за счет заимствованных слов. Эти слова в языке хамни-

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 1, Улаан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1959, стр. 100.

ган произносятся почти без изменения. Например: *молотшилха* (молотилка), *везелкэ* (веялка), *хашиилха* (сенокосилка), *сипараатар*, *сүн³ии машина* (сепаратор), *комбаајин* (комбайн), *траагтар* (трактор), *трактариист* (тракторист), *дзернопүүлтэ* (зернопулт), *дзерносүшиилкэ* (зерносушилка), *автовесы* (автовесы), *молоковоозко* (молоковозка) и т. д.

Много слов, заимствуемых из русского языка, относится к научно-технической терминологии, названиям государственных учреждений и должностей, к понятиям из горнодобывающей промышленности, к общественно-политической терминологии, к названиям культурно-просветительных учреждений и т. д.

В свою очередь язык русских, проживающих на Ононе, также обогатился заимствованиями из языка ононских хамниган. Помимо терминов животноводства, заимствованные слова из говора ононских хамниган встречаются в речи местных русских в следующих названиях: а) продуктов питания — *арца* (молочный продукт), *татамин* (блюдо из мозгов), *буклёр* (конина и другое вареное мясо), *уцен* (свеженина), *шуля* (бульон), *тарак* (кефир), *урма* (пенка); б) предметов материальной культуры — *бэркэл* (крышка котла для курения молочной водки), *джилабчи* (плоскодонный маленький котел), *куранга* (посуда-жбан), *тулум* (кожаный мешок), *туису* (туесок), *шердык* (стеганный тюфяк), *гуйба* (аркан), *барюлы* (специальные рукавицы для вытаскивания чугуна из печи), *утарина* (яма для дымления кожи); в) построек для содержания скота и мест стоянки — *угылджен* (зимник для скота), *буцан* (заброшенная стоянка); г) птиц и зверей — *боболдзо* (удод), *хойлог* (грач), *тарбаган* (тарбаган), *мундуленок* (тарбаганчик), *джумбура* (суслик), *гуран* (косуля-самец); д) рельеф местности — *булдуру* (песчаные бугры, на которых произрастают деревья), *бутан* (тарбаганьи бугры); е) растений — *шур* (трава для веника), *шуранджа* || *шаранджа* (трава для веника — польнь) и др.

В связи с проникновением многочисленных заимствований из русского языка в исследуемом говоре становится продуктивнее образование новых слов от заимствованных основ посредством оригинальных аффиксов. Особенно это относится к названиям новых профессий: *сеэялка* + *чин* — *сеэялкачин* (сеяльщик), *хашиилка* (косилка) + *чин* — *хашиилкачин* (косильщик), *огороод* (огород) + *чин* — *огороодчин* (огородник) и т. д.

В ононско-хамниганском говоре наряду со словами, заимствованными из русского языка, бытуют и иноязычные слова, заимствованные из других восточных и тюркских языков. В работах академика Б. Я. Владимирцова и М. Н. Орловской¹ подробно рассмотрены и проанализированы слова, перешедшие в монгольский язык, которые характерны также для исследуемого говора.

С XVII в., с распространением буддизма, исследуемый говор заимствовал немало тибетских слов, относящихся, главным образом, к религиозным понятиям и именам людей, как например: *чибаганца* (старуха, давшая монашеский обет), *гэлэн* (монах), *Гэлэнмаа* (монахиня; собственное имя человека), *лама* (лама), *дуган* (храм, часовня), *бум* (сто тысяч), *Сэрээтэр* (Цыретор), *Бадзар-Джаб* (Базаржаб), *Идам* (Идам) и т. д.

Часть санскритских слов попала к монголам и бурятам, в том числе к ононским хамниганам, через тибетский язык². Примеры санскритских

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, Л., 1925; Его же. Турецкие элементы в монгольском языке. СПб., 1914; М. Н. Орловская. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.

² См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, стр. 327; М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 49.

займствований: *багша* (учитель, название одного из родов), *шүлэг* (стих, стихотворение), *Гүргүм*, санскр. *kurkita*, *safran* (шафран; собственное имя человека), *Майдар* (собственное имя человека, название бога), *Аюши* (собственное имя человека, название бога) и др.

К заимствованиям из греческого языка, проникшим к монголам и бурятам через согдийско-уйгурское посредство¹, относятся следующие слова: *ном* (книга), *дэбтэр* (тетрадь, записная книжка), *шид жир* или *шиджир алта* (чистое золото) и др.

Через тибетский язык в исследуемый говор проникли также слова персидского происхождения²: *барас* (тигр), *бэрцэ* (ферзь), *булаг³цир* (юфть), *дари* (порох), *тогос* (павлин), *тоти* (попугай) и др.

В говоре онокских хамниган имеется много заимствований из китайского языка, проникших в него через торгово-экономические связи. К таким заимствованиям относятся следующие слова: *чүдүм* (спички), *ганса* || *гаанса* (курительная трубка), *чинүүр* (весы), *цонхо* (окно), *чийдэн* (лампа), *буудза* (позы), *бообо* (домашнее печенье), *маюудза* (подушка на седле), *янишаан* (китайская монета).

Помимо слов, общих для тюркских и монгольских языков, типа *тэмур* || *төмөр* (железо), *сакал* || *сахал* (борода), *кара* || *хара* (черный) и других, в исследуемом говоре, так же как и в бурятском языке, встречаются следующие заимствования³ из тюркских языков: *дзаха* (воротник; край, граница; берег), *джимэс* (плоды, фрукты), *таяг* (трость, палка, посох), *эмгэг* (болезнь, повреждение; печаль), *сураг* (слух, весть) и др.

В исследуемом говоре, так же как в монгольском и бурятском языках, сохранилось небольшое количество слов, заимствованных из арабского языка⁴. К ним относятся: *араки* (водка), *алмааз* (алмаз), *цува* (плащ, дождевик из грубого сукна).

С л о в о о б р а з о в а н и е. Большое место в обогащении словарного состава исследуемого говора занимает образование слов за счет внутренних ресурсов. При лексико-семантическом способе словообразования появляются слова со сходным или смежным значением.

С помощью метафоризации характерных признаков одного предмета образуются синонимичные слова. Так, например, слово *күл* (нога человека или животного) ассоциируется с другими предметами, служащими опорой для чего-нибудь: *чирг⁴иин күл* (стойки на полозьях саней), *стоол⁰иин күл* (ножки стола), *ад^аиир⁰иин күл* (стойки или ножки помоста) и др. Аналогично понятию *бусу* (пояс, кушак) в исследуемом говоре получило название и словосочетание «вязка снопа» — *снооб⁰иин бусу*, а в токчинском подговоре — *снооб⁰иин уяа*. Понятие *гэр³иин ор⁰иин* (крыша юрты или дома) ассоциировано с названием *стоол⁰иин ор⁰иин* (крышка стола).

Слово *кэндээ* в животноводстве означает «молодняк позднего отела», в земледелии — «отава, то есть трава, появляющаяся поздней осенью после кошения»; *шиду* || *шүдэ* — «зубы человека или животного», в земледелии — «зубья бороны или грабель»; *дэлү* || *дэлэ* — «грива у лошади», в земледелии — «трава, оставленная под валками» и т. д.

Слова могут образовываться по сходству и смежности: а) цвета: *улаан бургаасу* (вид тальника, досл. красный тальник), *сира* | *шира сибуу* || *шибуу* (сова, досл. желтая птица), *көөрө алаг* (вид утки, досл. полосато-гнедая), *ногоон толог⁰иин* (селезень, досл. зеленая голова), *хара*

¹ См.: М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 49.

² См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, Л., 1925, стр. 327—332.

³ См.: М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 47—48.

⁴ См.: Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском языке. «Записки коллегии востоковедов», т. V, 1930, стр. 73.

гүрөөсү (медведь, досл. черная косуля), күкэ дэгэл²иш (цапля, досл. синяя шуба), улаан сүүл (краснопер, досл. красный хвост), көкө цэг-цэг²иш (трясогузка, досл. синяя непседа); б) формы: лам²иш толог²иш (вид растения с синей головкой, досл. ламская голова), тэмээн сүүл (вид растения, досл. хвост верблюда), кхуриган чики || чикэ (щавель, досл. ухо ягненка), манан цохур (землеройка, досл. туманно-слепая), морин дзагасу (рыба-конь — голова ее похожа на конскую), табан салаа (подорожник, досл. пять развилин), наран цэцэг (подсолнух, досл. солнечный цветок); в) производимого действия: нарин сира || шира (оса, досл. тонкая и желтая), чикэр үбэсү || үбэсэ (солодка уральская, досл. трава-сахар), сарисун эрбээк²иш (летучая мышь, досл. игривая бабочка), мэргэн дэгээ (гадюка, досл. меткий крюк); к этой категории слов можно отнести названия, не имеющие определения: халааха⁺иш (крапива) от слова халааха (обжигать); шибээк²иш (ковыль-волосатик, втыкающийся во что-нибудь), ноцоргоноо (репейник) от ноцохо (набрасываться на кого-нибудь). Редко можно услышать ироническое прозвище — модон хонхо (болтун, досл. деревянный колокол), которое дается болтливому человеку.

Нередко встречается перенос названий одних предметов на другие по сходству или аналогии их значений: онгоцо — «бот или лодка, служащие для перевозки людей или имущества через реку», а машин²иш онгоцо — «челнок швейной машины»; таха — «подкова у лошади», а гутал²иш таха — «подкова к сапогам или ботинкам»; хан²иш үдөөри — «шнур для крепления деревянных стенок юрты или кожаные заклепки в стенках», ботиинх²иш үдөөри — «шнурок ботинок»; цокикху — «колотить», а тар²ээ цокикху — «молотить хлеб»; кисукху — «скоблить», цахалаа кисукху — «брить бороду» и т. Д.

Носители говора в своей речи часто пользуются синекдохой. Например: шилгулкху — «получить ссадину», но хони шилгулкху — «резать барана на мясо»; хаиичилкху — «стричь ножницами», но дэгэл хаиичилкху — «скронть шубу».

Многие названия предметов образуются путем сочетания двух предметных имен или качественного и предметного имени. Например: гар кирөө (ножовка), гар хадуур (ручная коса), ябаган чиргу || чирга (санки), модон бишла (деревянные вилы), морин гараабли, редко тармуур (конные грабли), ябаган тэргэ (ручная тележка), морин тээрмэ (конная мельница).

Одним из способов обогащения словарного состава исследуемого говора является калькирование русских слов: маха || миша тушаалга (мяссдача), улаан ачаа (красный обоз), суман²иш зүблэл (сомонный совет), аджилта үдэр (трудодень). К полукалькамам относятся следующие словосочетания: квадратно-гнездовой тарилга (квадратно-гнездовой способ посева), тарья || тар²ээ сэбэрлэдэг машина (зерноочистительная машина), оёдол²иш машина (швейная машина).

Слова типа нэкэсүг || нэкэсэг (не так долго, ненадолго) от нэгэ (один) и кэсүг || кэсэг (часть, кусок) являются сложными, так как подобное сложное образование не только обладает грамматическими и фонетическими признаками слова, но по своему номинативному значению оно также эквивалентно имени существительному.

Сложное синтетическое сочетание типа хонохоод жироор²ишт²иш — «приходите ночевать» (ср. бур. хонохоёо орожо ерээрэйгты) образовано с помощью словосложения и является грамматической формой глагольного словосочетания.

Приведем примеры именных и глагольных комплексов, включающих в свой состав различные формы частиц. Например: ал²уу (где?) из али⁺

уу; илүү (ясно ли?) из илэ+үү; чи ябаа чуу? (ты съездил?) из чи+уу?; та ябаа таг? (были ли вы?) из та+гу?; агаанаакхубида (вместе будем охотиться) из бидэ+агаанаакхубида.

В дархатском говоре монгольского языка, как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, наблюдается такое же явление. «Иногда к суффиксу *-хiiма (-хiiме)* наращивается частица *сан' ж'и* (<ау^vсан аjiуи- бур. *һан' ж'е*) и образуется та же форма прошедшего времени лишь с наращением личных окончаний. (Примеры: *Хахiiмасан' ж'иби* — «Я должен был закрыть»; *јабахiiмасан' ж'ичи* — «Ты должен был идти»; *Сухiiмасанжита* — «Вы должны были сидеть»; *Ухiiмасан' ж'и* — «Он должен был пить»¹).

П а р н ы е с л о в а говора ононских хамниган мало чем отличаются от парных слов бурятского языка. «Некоторые из таких пар, выражающих отвлеченные и обобщенные понятия, часто употребляются для выражения чего-то неопределенного, утерявшего свою определенность, точность и конкретность»², и «образуются посредством аналитического способа, при котором сочетающиеся компоненты парных слов являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими»³. Примеры: *моду чилуу* (строительный материал), *эрдэм бэлиг* (учение или знание), *кэлэ амаг'ии* (не знает языка), *сибар сиба* || *шибар шибха* (грязь), *урагси* || *урагши хоишиг'ии болоо* (раз навсегда перестал), *икэ багаг'ии* (от мала до велика, то есть все), *ницүгү чиблагаар гадзаа буу гара* (не выходи на улицу раздетый), *сиду амаг'ии* (беззубый), *тэнкээ тамирг'ии* (ослаб; слабый), *ябага ницүгөөр ирөөби* (кое-как я добрался; добрался где пешком, где как мог).

А. А. Дарбеева отмечает, что парные слова представляют легкодоступную форму словообразования для носителей языка⁴. Поэтому-то одно и то же понятие можно передать множеством вариантов, оперируя при этом несколькими словами. Некоторые из этих сочетаний слов встречаются только в парном виде. Так, например, понятие «кое-как» можно выразить следующими парными словами: *ёо чим'ии*, *ар'ии ёо*, *ар'ии чим'ии*, *ар'ии хур'ии*, *ар'ии ар'ив*; слово «престарелые» — *тулки талки*, *тулюур тулага*, *ялки талки*, *муу сайн*, *түрки тарки*; «сумерки» — *бүрэг бараг*, *боро хараан*, *хараа бараан*; «копейка» — *дээд цад*, *хачирсу мачирсу* и т. д.

Итак, лексика говора ононских хамниган отражает этапы развития и обогащения их речи посредством различных способов: в ней сохранились следы старописьменного монгольского языка, она также свидетельствует о контактировании носителей говора с представителями носителей других языков.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В говоре ононских хамниган имеются в основном те же грамматические категории, что и в бурятском языке.

Имя существительное

К а т е г о р и я ч и с л а. Из формантов множественного числа в исследуемом говоре употребляются: *-д*, *-ууд (-үүд)*, *-нууд (-нүүд)*, *-нар*,

¹ Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., Изд-во АН СССР, 1931, стр. 29.

² Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков (рукопись). М., 1947, стр. 660.

³ У.-Ж. Ш. Дондуков. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке. «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963, стр. 31.

⁴ См.: А. А. Дарбеева. К вопросу о парных словах в бурятском языке. «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963, стр. 23.

-*чуул* (-*чүүл*), -*чууд* (-*чүүс*¹), -*гад* (-*нэд*), -*ээд*, -*аачин*, -*тэн*. Присоединение того или иного форманта к существительным «регулируется характером конечных звуков основ единственного числа соответствующих имен»¹. Однако это правило в говоре ононских хамниган порою нарушается. Например, формант -*д* является самым распространенным. Он прибавляется к основам имен, имеющим конечный неустойчивый звук -*н*, краткий или долгий гласный, редко согласные и дифтонги: *чилуу* — *чилууд* (камни), *мог^оши* — *мог^ошид* (змеи); *горикху* — *горикход* (речки), *үкэр* — *үкэд* (коровы). Аффиксы -*чуул* (-*чүүл*) и -*чууд* (-*чүүд*) употребляются с именами существительными, обозначающими людей в собирательном их значении. Иногда вместо аффикса -*чуул* (-*чүүл*) может употребляться формант -*цуул* (-*цүүл*). Здесь замена звука *ч*, по-видимому, представляет собой результат дальнейшего развития согласного *ч* перед гласными, кроме *i*. Формант множественного числа -*чууд* образовался «в результате коптаминации суффиксов -*чуул* и -*д*»². Например, слово *бага* (малый) во множественном числе может употребляться во всех трех формах — *багаццуул*, *багаццуул* и *багаццууд* (дети); *эрэ* (мужчина) — *эрэцүүл*, *эрэцүүл* и *эрэцүүд* (мужчины); *залуу* (молодой) — *дзалуучуул*, *дзалууцуул* и *дзалуучууд* (молодежь).

Известно, что одно и то же имя может принимать различные аффиксы множественного числа: *багши* (учитель) — мн. ч. *багшинар*, *багшинууд*, *багшинад* (учителя), *бэри* (невестка) — мн. ч. *бэринэр*, *бэрээд*, *бэрээсүүд* (невестки).

Употребление удвоенных суффиксов множественного числа сопровождается чередованием звуков *д* и *с*. Например: *бүргэд* (орел) + *-үүд* = *бүргэсүүд* (орлы); *дзүг^эши* (пчела) + *-д* + *-үүд* = *дзүг^эшисүүд* (пчелы) — род. п. *дзүг^эшисүүс^эши* (пчел); *модо* (дерево) + *-д* + *-ууд* = *модосууд* (дерева) — род. п. *модосуус^эши* (дерева); *нагаца* (дядя) + *-нар* + *-нууд* = *нагацанарнууд* (дяди) — род. п. *нагацанарнуус^эши* (дядей); *малчин* (пастух) + *-гууд* = *малчингууд* (пастухи) — род. п. *малчингуус^эши* (пастухов).

Встречаются и такие случаи образования множественного числа, когда к имени с показателем множественного числа -*чин* наращиваются показатели -*д* и -*ууд*, то есть образовывается тройная форма множественного числа. Например: *аркинчин* (пьяница, пьяницы) + *-д* = *аркинчид* + *-ууд* = *аркинчисууд* (пьяницы); *адуучин* (табунщик, табунщики) + *-д* = *адуучид* + *-ууд* = *адуучисууд* (табунщики); *тугалчин* (телятник, телятники) + *-д* = *тугалчид* + *-ууд* = *тугалчисууд* (телятники).

Склонение существительных. Форма именительного падежа не всегда совпадает с полной основой имен, так как, кроме них, имеются имена с усеченной основой. К усеченной основе относятся слова с выпадающим конечным согласным звуком *н*. В современном монгольском языке «полная основа имени является базой для образования родительного, дательного-местного и исходного падежей, тогда как от усеченной основы образуются формы остальных падежей — винительного, орудного и совместного»³. Это же самое имеет место в говоре ононских хамниган.

Родительный падеж. Характерной особенностью некоторых имен является то, что при их склонении, начиная с родительного падежа, восстанавливается конечный неустойчивый звук *н*. Более того, по аналогии с этим, звук *н* появляется в словах, не имеющих его, и даже в заимствованных словах.

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. 1, стр. 127.

² Там же, стр. 132.

³ Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык, стр. 54.

Родительный падеж имеет несколько аффиксов:

аффикс *-^аии* (*-^аии*, *-^аии*) присоединяется к основам слов, оканчивающимся на согласный звук: *гадзар* (земля) — *гадзар^аии* (земли), *театр* — *театр^аии* (театра), *олом* (подпруга) — *олом^оии* (подпруги), *орос* (русский) — *орос^оии* (русского);

аффикс *-н^аии* (*-н^аии* *-н^аии*) — к основам, оканчивающимся на краткие и долгие гласные звуки, а в заимствованных словах — на ударные гласные, кроме звука *и*: *сара* (луна) — *саран^аии* (луны), *киноо* (кино) — *киноон^оии* (кино), *луу* (дракон) — *луун^аии* (дракона), *мунца* (колотушка) — *мунца-н^аии* (колотушки), *чирга* (сани) — *чиргэн^аии* (саней) и др. Под влиянием бурятского языка эти слова иногда принимают окончание типа *-^аиин*: *сара* (луна) — *сар^аиин туяа* (свет луны), *мунца* (колотушка) — *мунца-^аиин иши* (ручка колотушки), *чирга* (сани) — *чирг^аиин үрүү* (полосья саней), *машина* (машина) — *машин^аиин* (машины);

аффикс *-г^аии* (*-г^аии*, *-г^аии*) — к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *г*. Например: *аг*, (зверь) — *а г^аии арасу* (шкура зверя), *сэг*, (лампа) — *дэгг^аии гол* (фитиль лампы), однако могут сказать и *аг^аии арасу*, *дэг^аии гол* и т. д.;

аффикс *-н* — к основам, оканчивающимся на дифтонги: *дал^аии* (*моге*) — *бал^аиин* (моря), *эрэбээк^иии* (бабочка) — *эрэбээк^ииин* (бабочки), *сир^оии* || *шир^оии* (мусор) — *сир^оиин* || *шир^оиин* (мусора);

аффикс *-иин* — к основам, оканчивающимся на гласный звук *и*: *тэнгэри* (небо) — *тэнгэрин дуу* (гром неба,) *сүүд жи* (таз) — *сүүд жиин ясу* (тазобедренная кость), но *тамаки* (табак) — *тамакин^аии* || *тамакин* *утаа* (дым табака).

Д а т е л ь н о - м е с т н ы й п а д е ж имеет два форманта: *-да* (*-до*, *-дө*, *-дэ*) и *-та* (*-то*, *-тө*, *-тэ*). Приведем примеры употребления суффикса *-да* дат.-мест. п.: *цаха* (столб) — *цаханда* (на столбе, на опоре), *дүрөө* (стремя) — *дүрөөндө* (на стремени), *машина* — *машинанда* (на машине), *пальто* — *пальтондо* (на пальто), *ах^аии* (брат) — *ах^аиида* (брату), *ах^аиинда* (к семье брата).

Аффикс *-та* (*-то*, *-тө*, *-тэ*) принимается основами, оканчивающимися на согласные звуки *б*, *г*, *д*, *р*, *с*, *т*. Примеры: *Митэб* (Митып — собствен. имя) — *Митэбтэ* (Митыпу), *дунгар* (ракушка) — *дунгарта* (ракушке), *тогос* (павлин) — *тогосто* (павлину).

В и н и т е л ь н ы й п а д е ж. Аффикс *-^аииги* употребляется после кратких гласных звуков в твердорядных словах, аффикс *-ииги* — в мягкорядных словах как после гласных звуков, так и согласных, включая звук *н*. Нередко встречаются безаффиксальная и усеченная формы. Аффикс *-^аии* является усеченной формой аффикса *-^аииги* и присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие гласные и согласные звуки перед лично-предикативными аффиксами. Например: *цонхо* (окно) — *цонх^оиишимини* (мои окна), *өбчин* (болезнь) — *өбчинииги*, *өбчини* (болезнь), *гишкүүр* (лестница) — *гишкүүрииги*, *гишкүүри*, *гишкүүр* (лестницу).

В отличие от бурятского языка в говоре ононских хамниган имеется суффикс *-и*, который прибавляется к основам, оканчивающимся на заднеязычный согласный звук *г*: *гаг*, (трещина) — *гаги* || *гаг*, (трещину, щель), *дэг*, (лампа) — *дэги* || *дэг*, (лампу), а также *ноход* (собаки) — *нохоши* (собак), *нөхөд* (друзья) — *нөхөши* (друзей).

Аффикс *-ги* присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонги, долгие гласные звуки: *дуг^уии* (мостик) — *дуг^уииги* (мостик), *тулбуу* (маленький таймень) — *тулбууги* || *тулбуу* (маленького тайменя), *цөлөө* (досуг) — *цөлөөги* || *цөлөө* (досуг) и др.

Местоимения *нам* и *чим* || *чам* могут принимать как полную, так и

усеченную форму: *нам^аииги* || *нам^аии* (меня), *чим^аииги* || *чам^аииги* || *чим^а-ии* || *чам^аи* (тебя).

Аффиксы винительного падежа *-ииги*, *-и*, *-ги* встречаются в дербетском говоре калмыцкого языка¹.

О р у д н ы й п а д е ж. Аффикс *-аар* (*-ээр*, *-оор*, *-өөр*) присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие гласные (в том числе и на *и*) и согласные звуки: *сөкө* || *сүкэ* (топор) — *сүкөөр* || *сөкөөр* (топором), *урга* (аркан) — *ургаар* (арканом), *дали* (крыло) — *даляар* (крылом), *тохом* (потник) — *тохомоор* (потником), *хуур* (хур) — *хуураар* (хуром).

Аффикс *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*, *-гөөр*) произносится после основ, оканчивающихся на долгие гласные звуки, дифтонги и заднеязычный согласный звук *γ*. Например: *цөлөө* || *цүлөө* (свободное время) — *цөлөөгөөр* || *цүлөөгөөр* (свободным временем), *оготоноо* (ласка) — *оготоноогоор* (лаской).

С о в м е с т н ы й п а д е ж имеет аффикс *-т^ии* (*-т^ии*, *-т^ии*), присоединяющийся ко всем основам. Например, *дөөл* || *дэгэл* (шуба) — *дөөлт^ии* || *дэгэлт^ии* (с шубой), *мөндөли* (тарбаганчик) — *мөндөлит^ии* (с тарбаганчиком), *гориги* (пряжка) — *горигит^ии* (с пряжкой).

И с х о д н ы й п а д е ж. Аффиксы *-ааса* (*-ээсэ*, *-оосо*, *-өөсө*) и *-яаса* (*-ээсэ*, *-осо*) присоединяются к основам, оканчивающимся на согласные и краткие гласные звуки: *эгэчи* (сестра) — *эгэчээсэ* (от сестры), *сургуули* (школа) — *сургууляаса* и *сургууличааса* (со школы), *руль* (*руль*) — *рулезэ* и *рульнээсэ* (от руля, из руля), *пэчи* (печь) — *пэчээсэ* || *пэчинээсэ* (от печи), *хортообхо* (картофель) — *хортообхоосо* || *хортообхоноосо* (от картофеля), *пулаад* (платок) — *пулаасааса* (от платка) и др.

При прибавлении аффикса исх. п. *-ааса* восстанавливается неустойчивый согласный звук *н* в конце основы слов. Иногда по аналогии он появляется даже в словах, не имевших конечного звука *н*, образуя аффикс *-нааса* (*-нээсэ*), что показано выше на примерах. По этой же причине вместо аффикса *-гааса* (*-гоосо*, *-гөөсө*, *-гээсэ*), присоединяющегося к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *γ*, дифтонги и долгие гласные звуки, спорадически может иметь место аффикс *-нааса* (*-ноосо*, *-нөөсө*, *-нээсэ*). Например: *шибууγ* *дэг* (свеча) — *дэгнээсэ* || *дэгнээсэ* (от свечи), *туул^аи* (заяц) — *туул^аиигааса* || *туул^аиинааса* *биши* (от зайца, кроме зайца), *цабуу* (клей) — *цабуугааса* || *цабуунааса* (из клея, кроме клея), *кирээ* (ворона) — *кирээгээсэ* || *кирэнээсэ* (от ворона, кроме ворона).

Аффиксы исходного падежа хамниганского говора совпадают с аффиксами того же падежа дербетского говора калмыцкого языка².

В говоре урульгинских хамниган имена в исходном падеже принимают окончание *-ааһа* (*-ээһэ*), что также близко к окончанию исходного падежа дербетского говора и окончанию исходного падежа баргу-бурятского и нижеудинского говоров бурятского языка³.

Кроме приведенных выше падежей, в монгольских языках имеются и другие падежные формы с ограниченным распространением, образуемые от основ определенной группы слов⁴.

Н а п р а в и т е л ь н ы й п а д е ж указывает на место, направление движения лица или предмета и обычно отвечает на вопрос *хаашаа?* (куда? в каком направлении?).

Направительный падеж имеет окончание *-руу*, представляющее собой усеченную форму послелого *уруу* (к, вниз по...). Окончание *-руу* часто прибавляется к имени после усечения окончания винительного падежа:

¹ См.: А. Ш. Кичиков. Дербетский говор. Элиста, Калмгосиздат, 1963, стр. 35.

² См.: А. Ш. Кичиков. Указ. соч., стр. 39.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 169; Аларский говор бурятского языка. Ч. I, Л., 1930, стр. 82.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 175.

хада (гора) — *хад^аируу* (вниз по горе), *джилга* (овраг) — *джилг^аируу* (вниз по оврагу), *добо* (бугор) — *доб^оируу* (вниз по бугру). Это окончание также прибавляется к именам, оканчивающимся на долгие гласные звуки и дифтонги. Например: *модоруу*, *ойруу* (к лесу), *дөөлруу* (к шубе), *чимаруу* (к тебе), *тэргэруу* (к телеге).

При сочетании послелога *уруу* с именем в последнем восстанавливается или появляется неустойчивый звук *н*. Например: *түлээн уруу* (к дровам), *джилган уруу* (в направлении оврага), *добон уруу* (в направлении бугра).

Предельный падеж имеет окончание *-цаа* (*-цоо*, *-цөө*, *-цээ*). Например: *суга* (подмышка) — *сугацаа* (до подмышек), *өбдөг* (колени) — *өбдөгцөө* (по колени).

Встречается неопределенно-местный (или расширенно-местный) падеж с формативами *-уур* (*-үүр*), *-гуур* (*-гүүр*). Например: *ман^аи ирдуур* (перед нами), *ногоон цоогуур* (по траве). Вместо употребительного в бурятском языке слова *тээгүүр* в хамниганском говоре встречается *таагуур* (по стороне): *зүүн таагуур* (по левой стороне), *баруун таагуур* (по правой стороне).

Парадигма простого склонения имен существительных.

Им. п. *киноо* (кино), *бэри* (невестка), *ах^ои* (брат)

род. п. *киноон^ои* (кино), *бэриин* (невестки), *ах^оиин* (брата)

дат.-м. п. *киноондо* (кино), *бэридэ* (невестке), *ах^оиуда* (брату)

вин. п. *кинооги* || *киноо* (кино), *бэрииги* || *бэри* (невестку), *ах^оииги* (брата)

ор. п. *киноогор* (кино), *бэр'ээр* (невесткой), *ах^оиигаар* (братом)

совм. п. *киноот^ои* (кино), *бэрит^си* (с невесткой), *ах^оиит^ои* (с братом)

исх. п. *кинооноосо* (кино), *бэрезээсэ* (от невестки), *ах^оиигааса* (от брата).

Двойное склонение. Слитно могут употребляться окончания:

1) родительного и дательно-местного падежей. Например, имя *дзүүгээрхин* (соседи, живущие по левую сторону), имеющее окончание орудного падежа и суффикс собирательности *-хин*, может принять окончания родительного и дательно-местного падежей — *дзүүгээркин'шидэ* (у соседа с левой стороны);

2) дательно-местного и исходного падежей. Например: *гэр-тэ-ээсэ* — *гэртээсэ* (из дома);

3) винительного и направительного падежей. Суффикс направительного падежа *-руу* присоединяется к усеченной форме винительного падежа имени: *хад^аируу* (вниз по горе), *горих^оируу* (вниз по ручью);

4) совместного и винительного падежей. Например: *Сонинт^оииг^оиини хараад абаар^ои*. (Купи газету, где больше новостей);

5) совместного и дательно-местного падежей. Например: *усут^оиидани гарчи чидааг^ии би* (из-за воды не смог перейти), *дэнт^оиидэни аишага би* (побоялся из-за освещенности);

6) совместного и орудного падежей. Например: *наमत^оиигаар* (вместе со мной), *килөөмэт^сиигөөр* (с хлебом);

7) родительного и орудного падежей. Например: *амбаарчин-^ои-ки-аар* — *амбаарчин^оик'аар* (у семьи кладовщика).

Лично-притяжательное склонение. При лично-притяжательном склонении имен местоимения в родительном падеже превращаются в частицы: *мини* — в *мини*, редко в *м*; *чини* — в *чини*, *ман^аи* — в *мана*, *тан^аи* — в *тана*. Особенностью хамниганского говора является то, что лично-притяжательные частицы *мана* и *тана* во множественном числе имеют свои сингармонические варианты в зависимости от вокализма имени.

Примеры для 1-го лица: *буу* (винтовка) — *буумини*, редко *буум* (моя винтовка), *буумана* (наши винтовки); *цоолго* (прорубь) — *цоолгомини* (моя прорубь), *цоолгомону* (наши проруби); *тэргэ* (телега) — *тэргэмини* (моя телега), *тэргэмэнэ* (наши телеги) и т. д. Примеры для 2-го лица: *сил* (стекло) — *силчини* (твое стекло), *силтэнэ* (ваше стекло); *цонхо* (окно) — *цонхочини* (твое окно), *цонхотону* (ваше окно). Примеры для 3-го лица обоих чисел: *дэг* (лампа) — *дэгни* (его или их лампа), *абагачини* (жена его или жена старшего брата).

Указанные частицы личного притяжания присоединяются к именам во всех косвенных падежах. В хамниганском говоре они по своим формам и характеру употребления больше подходят на частицы старописьменного монгольского языка. Как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, в старописьменном монгольском языке мы имеем «...не частицы личного притяжания, а сохранившуюся постпозицию личнос-местоименных определений»¹.

Парадигма лично-притяжательного склонения
Им. п. *чики мини* (мое ухо), *чикинүүд мэнэ* (наши уши)
род. п. *чикин^эи мини* (моего уха), *чикинүүс^эи мэнэ* (наших ушей)
дат.-м. п. *чикиндэ мини* (моему уху), *чикинүүдтэ мэнэ* (нашим ушам)
вин. п. *чикишги мини* (мое ухо), *чикинүүс^эишиги мэнэ* (наши уши)
ор. п. *чикезэр мини* (моим ухом), *чикинүүсээр мэнэ* (нашими ушами)
совм. п. *чикит^эи мини* (с моим ухом), *чикинүүдт^эи мэнэ* (с нашими ушами)
исх. п. *чикинээсэ мини* (от моего уха), *чикинүүсээсэ мэнэ* (от наших ушей).

Безлично-притяжательное склонение. В родительном, совместном, направительном и предельном падежах частицей безличного притяжания является *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*): *чирган^эи* || *чирг^эиин* (саней) — *чирган^эигаа* || *чирг^эиингаа* (своих саней); *гэр^эи* (дома) — *гэр^эишгээ* (своего дома); *онгоц^эиин* || *онгоцон^эи* (бота, лодки) — *онгоцон^эигоо* (со своим ботом, лодкой); *ойруу* (к лесу) — *ойруугаа* (к своему лесу); *бэсэцөө* (до пояса) — *бэсэцөөгөө* (до своего пояса).

В дательном-местном, винительном, орудном и исходном падежах частицей безличного притяжания является *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*). При ее присоединении отбрасывается конечный гласный. Например: *тахата* (подкове) — *тахатаа* (своей подкове), *тахараа* (своей подковой), *тах^эишаа* (свою подкову), *таханаасаа* (от своей подковы).

Парадигма безлично-притяжательного склонения

Им. п. *долоо* (семь)
род. п. *долоон^эигоо* (семи своих)
дат.-м. п. *долоондоо* (к семи своим)
вин. п. *долоон^эигоо* (семь своих)
ор. п. *долоогоороо* (семью своими)
совм. п. *долоот^эигоо* (с семью своими)
исх. п. *долооноосоо* (от семи своих).

Имя прилагательное

Качественные прилагательные обозначают определенные признаки и свойства предметов: а) цвет: *цагаан* (белый), *күкэ* (синий); б) масть животных: *улаагчин* (рыжая — о кобыле или корове); в) вес, объем, размер: *джаа* (маленький), *дутуу* (неполный); г) температуру: *халуун*

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 179.

горячий), *күшитэн* (холодный); д) форму или облик: *дүрбэлд жин* (квадратный), *төгөр өвн* (круглый), *нилицар* (низенький), *куджи* (сплошной); е) физические свойства, черты характера: *улбар* (болезненный), *багджигир* (крепкий), *аар саар* (ветреная — о девушке) и т. п.

Качественные прилагательные могут иметь показатели степеней качества и формы интенсива: *цагаан* (белый) — *цагаахан* (беленький), *цагаабтар* (беловатый), *цаб цагаан* (белый-пребелый). Они могут сочетаться со словами-усилителями или образовывать редуPLICATIONИ: *кэцүү* || *кэчүү саин* (очень добрый, хороший), *одоо улаан* (красный-прекрасный), *тон тулюур* (очень плохой), *гаиги томо* (чрезмерно большой), (*нэлэнкэши хабтагар* (сплошь широкий), *цэб күшитэн* (совсем холодный), *шударгы түргэн* (быстро, без задержки), *учирги би бүкэ* (очень сильный), *тэкэн саари* (черные-черные цыпки), *дзутар муух^аи* (слишком грязный), *бул^аи улаан* (чрезмерно красный), *будзар холын* (очень далекий), *дзүдүр чинга* (слишком тугой), *цэб цэкэ* (прямой-прямой), *угаа урта* (чрезмерно долгий), *ар^аи дутуу* (чуть короче), *мантан томо* (большущий), *үргэлдждивөө хабтагар* (сплошь широкий), *чид улаан* (красный-красный) и др.

Для усиления качества может быть использовано несколько слов. Например: *холо илүү баян күн* (куда более богатый человек), *учир удхаги үндэр* (чрезмерно высокий), *будзар бул^аи баян* (невообразимо богатый), *одоо бул^аи бэркэ* (чрезвычайно хороший).

Усилить качество предметов можно и путем использования внутренней флексии. Например: *томо* (большой) — *томуу даа* (очень большой), *набтар* (низкий) — *набтархан* (низенький) — *набтархуун* (очень низкий).

Уменьшительные и ласкательные формы прилагательных образуются посредством суффиксов: *-бтэр* — *икэ* (большой) — *икэбтэр* (большеватый), *-кэн* — *икэкэн* || *екэкэн* (большеватый), *-шиг* — *икэшиг* || *екэшиг* (побольше, довольно большой).

Относительные прилагательные образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов *-ту* — *модоту* (лесистый), *-рхаг* — *чилуурхаг* (каменистый), *-ркүү*, *-рхуу* — *кэлэркүү* (языкастый), *-ки* — *дзоцооки* (внутренний), *-лиг* — *сибарлиг* || *шибарлиг гадзар* (глинистая земля) и др.

Качественные прилагательные могут образовываться посредством суффиксов *-уу*: *дута* (не хватать) — *дутуу* (неполный); *-х^аи*: *бутар* (крошиться) — *бутарх^аи* (мелкий, раскрошенный); *-мк^эи*: *эцэ* (уставать) — *эцэмк^эи* (усталый); *-нги*: *сөөкү* (хрипеть) — *сөөнги* (хриплый); *-шуу*: *мог^эи* (змея) — *мог^эишуу* (змеевидный); *-г^аи*: *шудар* (чиркни, шаркни) — *шударг^аи* (шустрый); *-р*: *аки* (укоротить) — *акир* (недалекий, близорукий); *-гэн*: *гэмэр* (ворчать) — *гэмэргэн* (ворчливый); *-шиг*: *олон* (много) — *олоншиг* (многовато); *-г*: *саши* (болтать) — *сашиг* (болтливый); *-гар*: *шоб ии* (торчать, выдаваться) — *шобогор* (конусообразный) и др.

Качественные прилагательные могут образовывать такие сравнительные конструкции, как например: *хамагааса дүтэ* (ближе всех), *саин^аи саин* (лучше всех), *моилоосо амтат^аи* (вкуснее черемухи), *хамаг^аи сүүлдэ* (на самом конце).

Имя числительное

Количественные числительные состоят из простых и составных чисел. К простым относятся числа, состоящие из одного корня. Например: *нэгэ* (один), *хэжир* (два), *гурба* (три), *дүрбэ* (четыре), *таба* (пять), *дзургаа* (шесть), *долоо* (семь), *нашима* (восемь), *жисү* (де-

вять), *арба* (десять), *дзуу* (сто), *минга* (тысяча), *түмэ* (десять тысяч), *бум* (сто тысяч), *сая* (сто тысяч, миллион), *дживаа* (десять миллионов), *дунишуур* (сто миллионов).

К составным относятся числа, состоящие из сочетания двух или нескольких простых числительных, начиная со второго десятка: *арбан нэгэ* (одиннадцать), *арбан дүрбэ* (четырнадцать), *хорин таба* (двадцать пять), *дзуун дүчин наашма* (сто сорок восемь), *нэгэ минга долоон дзуун далан јисү* (одна тысяча семьсот семьдесят девять).

У составных числительных при счете появляется конечный неустойчивый звук *н*, в десятках и сотнях последнего числа их и числах, указывающих круглые десятки и миллионы: *табан минга долоон дзуун наян јисү* (пять тысяч семьсот восемьдесят девять), *арбан табан минга наашман дзуу* (пятнадцать тысяч восемьсот).

Склонение количественных числительных ничем не отличается от склонения имен существительных. Эти числительные, принимая лично-притяжательные частицы, могут субстантивироваться и принимать уменьшительный суффикс *-хан* (*-кэн*). Они склоняются обычным порядком.

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-даки* (*-дэки*); иногда в речи хамниган можно услышать суффикс *-дугаар* (в том же значении). Например: *арабадаки* || *арабадки*, *арабадугаар* (десятый), *нэгэдэки* (первый) и т. д.

Разделительные числительные образуются путем повторения основ или посредством суффикса *-аад*: *таба табаар* (по пяти), но *арбаад* (по десяти.) Числительные с суффиксом *-аад* (*-ээд*, *-оод*, *-өөд*) выражают приблизительное число.

Разделительные числительные, образованные посредством суффикса *-аад* (*-оод*, *-ээд*), могут склоняться по падежам, а в значении существительного — принимать частицу притяжания.

Собирательные числительные образуются при помощи аффикса *-уулан* (*-үүлэн*). Они могут склоняться и принимать частицы притяжания. Например: им. п. *хоюулан* (вдвоем), род. п. *хоюулан²иимана* (нас двоих), дат.-м. п. *хоюуламдана* (нам двоим) и т. д. Часто данный аффикс имеет форму *-уула* (*-үүлэ*). Например: *Олуула ябасун та гу?* (Много ли было вас?).

Дробные числительные образуются посредством сочетания количественных числительных, в которых знаменатель ставится в форме родительного падежа, а числитель — в форме основы, иногда со следующим за ним словом *хуби* (часть). Например: *дүрбэн²и гурбан хуби* || *дүрбэн²и гурба* (три четверти).

Названия долей целого, особенно половины чего-либо могут выразить следующие слова: *өрөөлө* || *үрөөлө* или *хагад* (половина), *бүхэли хагад* (полтора), *дабхар* (дважды, двойной), *өрөөл иин хагад* или *хагас²и хагад* (половина половинны или одна четвертая часть), *хагад өшөө хагас²и хагад* (половина и еще половина половины или четверть). Кроме того, употребляется и заимствованное слово *осьмууха* (восьмушка или одна восьмая часть).

К именным числительным относятся слова со значением числа, которые употребляются для обозначения неопределенного количества. Например: *олон* (много), *үцөөн* (мало), *үрөөсөн* || *өрөөсөн* (непарный, без пары) и др.

Количественные и другие числительные, входя в состав сложных сочетаний и теряя при этом значение числа, могут обрести значение существительных или прилагательных. Например: *табан гар наада²ху* (бу-

дут играть впятером), *долоон хотот^оши* (прожорливый), *таба үсүрдэг* (винтовка), *табан салаа* (подорожник).

Частое употребление числительного *нэгэ* (один) в словосочетаниях привело к образованию сложных слов посредством словосложения. Например: *нэжүды* || *нэкэды* (немножко) от *нэгэ*+*күды*, *нэкэсэг* (ненадолго) от *нэгэ*+*кэсэг*. В этих словах числительное *нэгэ* вошло в них как органическая часть.

Местоимение

Местоимения исследуемого говора по своему значению делятся на следующие разряды: личные, возвратные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные, выделительные.

К личным местоимениям относятся: *би* (я), *бидэ*, *бидэнэр*, *бидэнэд*, *маанад*, *маанар* (мы), *ши* (ты), *та*, *таанар*, *таанад* (вы).

Некоторую особенность представляет склонение личных местоимений 3 лица *тэрэ* || *тэрээн*, *тэрүүн*, *түүн* (он), *тэдэ*, *төдөөн*, *тэдэнэр* (они): им. п. *тэрэ*, *тэрээн*, *тэрүүн*, *түүн*; *тэдэнэр*, *төдө*, *төдөөн*; род. п. *тэрэн^эши*, *тэрээн^эши*, *тэрүүн^эши*, *түүн^эши*; *тэдэнэр^эши*, *төдөөн^эши*; дат. п. *тэрээндэ*, *тэрүүндэ*, *түүндэ*; *тэдэнэртэ*, *төдөндө*, *төдөөндө*; вин. п. *тэрэниши*, *тэрээниши*, *тэрүүни*, *түүни*; *тэдэнэриши*, *төдөниши* и т. д.

При соединении частицы личного притяжания с личным местоимением первого и второго лица образуется дублетная форма: *бии би* (я же), *бидэ бидэ* (мы же), *чиши чи* (ты же), *таа та* (вы же).

К указательным местоимениям относятся следующие слова: *энэ* || *өнө* (этот), *эдэ* || *өдө*, *өдөөн*, *эдэнэд* (эти), *эиимэ* (этакий, такой), *эд^эши* (столько), *тэрэ*, *төрөөн*, *тэрүүн* (тот, те), *тэдэ*, *төдөөн*, *тэдэнэр*, *тэдэнэд* (те), *т^эиимэ* (такой), *тэд^эши*, *түд^эши* (столько).

Вопросительные местоимения: *кэн* (кто), *кэд* (кто такие), *юү* (что), *юүд*, *юүнүүд* (что, какие), *ямар* (какой), *кэр* (каков, какой), *күд^эши* || *кэд^эши* (сколько) и др.

Неопределенные местоимения. К этому разряду местоимений относятся следующие сочетания: *кэн нэгэн* (кто-либо, кто-нибудь), *юү көөн* (кое-кто), *ямар нэгэн* (какой-то, какой-нибудь), *али нэгэн* (который-нибудь, какой-нибудь), *кэдэн*, *күд^эши*, *кэд^эши*, *нэжүд^эши*, *нэкэд^эши* (несколько), *юү күү* (кое-что).

Обобщительные местоимения: *бүгэдэ* (все, весь, каждый), *булта*, *баран* (все), *бүк^эши*, *бүкэ* (весь), *бүкэн*, *бүри* (каждый), *ламаг* (весь, все), *цугтаа* (вместе), *цуг*, *хуу* (все, весь) и др.

Выделительные местоимения ограничиваются словами *биши* (другой, иной) и *бишин* (другие, остальные).

Парадигма склонения местоимений
Им. п. *чи* (ты), *өөрөө* (сам), *кэн* (кто)
род. п. *чинши* (твой), *өөр^эшигөө* (самого), *кэн^эши* (кого)
дат.-м. п. *чимада* (тебе), *өөртөө* (себе), *кэндэ* (кому?)
вин. п. *чим^эшиги* (тебя), *өөр^эшигөө* (себя), *кэншиги* (кого?)
ор. п. *чимаар* (тобой), *өөр^эшигөөрөө* (собой), *кэнээр* (кем?)
совм. п. *чамат^эши* (с тобой), *өөрт^эшигөө* (с собой), *кэнт^эши* (с кем?)
исх. п. *чимааса* (от тебя), *өөрөөсөө* (от себя), *кэнээсэ* (от кого?)

Глагол

Образование глаголов в исследуемом говоре происходит от неприводной первичной и производной вторичной основ. Вспомогательный глагол *а-* (быть) может принимать участие в образовании многих сложных

глагольных видовых форм: 1) повелительно-желательная — *ябату²ии* (пусть сходит) от *ябу + ату²ии*; 2) желательная — *ирэ³ии* (хоть бы приехал) от *ирэ + асугай*; 3) перфектный претерит — *ирөө ааб⁴ии?* (неужели приехал?); 4) изъявительная форма настоящего времени — *ябам⁵ии чи?* (захаживаешь?); 5) имперфектный претерит — *аджина сууджи баина* (ничего живет); 6) неоднократное причастие — *ирөсөн агчини бээ* (неужели приехал?); 7) будущее причастие — *очикху акху* (видимо, уедет); 8) прошедшее I причастие — *Төрөсөн эцэгээмини хасаг асан аху* (Мой родной отец, видимо, был казаком); 9) соединительное деепричастие — *аджи баидал* (нормальная жизнь); 10) разделительное деепричастие — *ябусан аадла* (был же); 11) условное деепричастие I — *ябахула аасу* (если будешь); 12) условное деепричастие II — *ябаджез акхула* (будет посещать); 13) причастие настоящее вопросительное — *Ирөмөөр аа гу?* (Возможно ли прнехать?) и т. д.

Форма от глагольной основы *бэ- || бө-* (быть) также имеет различные варианты: *б¹ии* (есть), *бэлээ || бэл²ии* (да, было), *бэдээ* (утверждение — да), *б³иидээ || бээ* (вопросительная частица со значением «ли») и др.

Глагольная основа *гэ- || гө-* также может образовывать различные формы вспомогательного глагола: *гөө* (так сказал), *гөөчи* (так и есть), *гөнө* (так говорит), *гөөб¹ии* (так и будет) и др.

Помимо модальных и служебно-предикативных функций, названные вспомогательные глаголы могут образовывать довольно пеструю картину аналитических форм сложных времен. Таковую же роль в этой системе выполняет вспомогательный и служебный глагол *баји¹*.

С п р я ж е н и е. Одной из особенностей рассматриваемого говора является то, что в нем личные местоимения 1-го и 2-го лица еще окончательно не превратились в предикативные частицы. Произносятся они отдельно от глаголов-сказуемых. Только в третьем лице множественного числа глагол принимает частицу *-д*. Приведем примеры: 1 л. — *орono би* (захаживаю я), *орono бидэ* (захаживаем мы); 2 л. — *орono чи* (захаживаешь ты), *орono та* (захаживаете вы); 3 л. — *орono* (захаживает), *орonод* (захаживают).

Некоторые причастные формы вместо личных местоимений в качестве показателя лица принимают личное притяжание. Например: *очикхумана* (едем), *ябудагтана* (который бывает), *ирөсөнмэнэ* (когда мы пришли), *би яаджи харакхумини* (как я сумею усмотреть).

Основным аффиксом образования настоящего времени является аффикс *-на* (*-но*, *-нэ*), реже — *-н* и как вариант — *-нам*. Нередко настоящее время может выражаться сочетанием, состоящим из соединительного деепричастия и вспомогательного (или служебного) глагола в настоящем времени. Например: *дзони икээр күндэлджи баина* (хорошо угощают людей); *өвсөнөө нума годолго бариджи ябана* (Они сами носят свои луки со стрелами).

Аналитическая форма настоящего времени со вспомогательным глаголом *баина* часто переходит в синтетическую форму. Например: *гүииджээнэ* (бегает), *унтаджаана* (спит) и т. д.

П о в е л и т е л ь н о - ж е л а т е л ь н о е н а к л о н е н и е. Формы повелительного наклонения глагола принимают на конце лицевые показатели и могут дополнительно уточняться модальными словами и частицами.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа представляет собой основу глагола: *буу дуугара!* (замолчи!), *үтүр гара!* (уйди!). Повелительная форма 2-го лица множественного числа может образо-

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика... Глагол, стр. 79—80.

вываться с помощью суффиксов *-гт^аии* (*-гт^эии*, *-гт^уии*, *-гт^уии*): *Таа нам^аии бүү мохоогт^уии* (Вы меня не укоряйте); *-уул* (*-үүл*): *наасха+уул=наасхуул* (забавляй).

Просительная форма 2-го лица образуется с помощью аффиксов *-аиичи* (*-^оиичи*) и *-аиита* (*-^сиита*, *-^эиита*). Например: *Нама тааси юүндэ табинаб^аиита* (Почему вы пускаете на меня?), *Кэдзээ харааб^аиичи?* (Когда ты видел?).

Пригласительная форма 1-го лица образуется при помощи суффикса *-я* (*-е*, *-е*): *Хадая даа* (Давайте-ка приступим к косьбе), *Наа-дая* (Будем играть), *гүиие* (Побежим).

Желательная форма может образовываться двумя способами: 1) с помощью суффиксов *-с^эии* (*-с^эии*, *-с^эии*) или *-аас^эии* (*-оос^оии*, *-ээс^эии*). Например: *Намада үгэс^эии даа* (Хоть бы дали мне); *Гэртээ очис^эиито даа* ; *Гэртээ очоос^эиини даа* (Хорошо бы было, если бы вы или они уехали домой);

2) желательная форма 1-го лица — посредством аффикса *-суу* (*-сүү*). Например: *би гэртээ баиисуу би даа* (побуду я дома), *бидэ гарсуу бидэ* (нам бы выйти).

Повелительно-желательная форма 3-го лица образуется при помощи суффикса *-г*: *хараг* (пусть смотрит). Иногда употребляется повелительно-желательная форма с аффиксом *-түг^аии* (*-түг^эии*): *олотүг^аии* (пусть найдет).

Заверительно-желательная форма образуется при помощи аффиксов *-ууджин* (*-үүджин*) и *-ууджи* (*-үүджи*), *-гууджин* (*-гүүджин*) и *-гууджи* (*-гүүджи*). Например: *сүүлдэ чимада кэлүүджи+(б)и=кэлүүджи* или *кэлүүджин+(б)идэ=кэлүүджиидэ* (потом тебе скажу или скажем).

Повелительно-наставительная форма 2-го лица будущего времени образуется аффиксом *-аар^аии* (*-оор^эии*, *-өөр^эии*, *-ээр^эии*): *күлээлгэ+ээр^эии=күлээлгээр^эии* (пусть тебя подождут).

П р и ч а с т н е. Причастия образуются следующими способами: 1. Причастие прошедшего времени образуется посредством аффиксов *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*), *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*), *-яг* (*-гө*, *-гэ*). Например: *буудаа* (стрелял), *цок^эо* (бил), *дал^аишаа* (размахнулся).

2. Причастие давнопрошедшего времени образуется с помощью аффикса *-сан* (*-сон*, *-сөн*, *-сэн*). Часто после него употребляется вспомогательный глагол *аху* или *баиикху*. Например: *анхан^аии баиисан аху* (постоянно, видимо, жил; постоянно проживающий), *исиг^эии гэр цоо сууджи баиисан* или *сууд жаасан* (жили в войлочной юрте).

3. Причастие совершенно-прошедшего времени образуется посредством суффикса *-нх^аии* (*-нх^эии*, *-нх^эии*): *очинх^эишл асун* (уходили).

4. Причастие будущего времени образуется при помощи суффикса *-ху* (*-ха*, *-хо*) или *-кү* (*-кө*, *-кэ*). Это причастие может входить в составное глагольное сказуемое: *ябаху байкху* (может быть, съездит). Синтетическая форма этого причастия образуется следующим образом: *абчи+ирөкөмини=абчиркөмини* ; *абчиркөм* (сейчас же принесу), *ябаджи+очихомини=ябадчихамини*, *ябадчихам*, *эбодчихамини* (сейчас же уйду).

5. Постоянное причастие с оттенком неоднократного действия образуется с помощью аффиксов *-аачи* (*-оочи*, *-өөчи*, *-ээчи*), *-даг* (*-дог*, *-дэг*). Например: *Тэндэ суугаачи күн кэн бээ?* (Что за человек, сидящий там?) С помощью аффикса *-гчи* могут образовываться как однократные причастные формы, так и многократные. Например: *ман^аида ирөөчи көм бээ?* (Пришедший к нам, кто был?), в то же время *Тэрэ күн ман^аида ирөгчи* (Тот человек бывает у нас).

6. Причастия возможности образуются при помощи аффиксов *-маар*

-моор) и -аар (-оор, -өөр, -ээр). Например: *чимада кэлэмээр || кэлжээр болосон көн чи даа* (давно пора тебя предостеречь).

Деепричастие. Сопутствующие деепричастия: 1. Соединительное деепричастие образуется с помощью аффикса -джи, имеющего свой вариант — чи: *гарчи очибо* (вышел). Это словосочетание может слиться в *гарчичиба || гарчиба* с тем же значением; *абчи + очоо = абчоо* (унес).

2. Слитное деепричастие образуется посредством суффикса -н: *Орон гаран бү баи, гэр күрэкү* (Не бегай назад и вперед, дом остынет).

3. Разделительное деепричастие образуется при помощи аффиксов -аад (-оод, -өөд, -ээд) и -гаад (-гоод, -гээд). Например: *Чиш намааса чигналд абаа чи гу?* (Ты, наверное, от меня слышал?).

Обстоятельственные деепричастия: 1. Условное деепричастие образуется при помощи аффикса -бал (-бол, -бэл): *Би чинии очибол буцаха би* (Если ты поедешь, то я вернусь).

2. Предельное деепричастие образуется посредством аффикса -тар (-тор, -тэр): *таанас^аии күртэртэнэ, би күцэжү би* (я догону вас, пока вы доедете).

3. Продолжительное деепричастие образуется при помощи аффикса -саар (-сөөр, -сээр): *цашигаа уусаар ла сууна* (он сидит, попивая чай).

4. Предварительное деепричастие образуется с помощью аффикса -мцаар (-мцоор, -мцээр): *унишимцаар* (как только прочтете).

5. Последовательное деепричастие образуется от глагольной основы при помощи аффикса -халаар (-холоор, -хэлээр). Например: *үкэрөө саа-халаараа, ман^аиуда ирөкө* (Когда подоит своих коров, придет к нам). При образовании данного вида деепричастий нередко обнаруживается явление синкопы, заключающееся в выпадении слога *ал* от -х(а)аар и образовании усеченной формы -хаар (-хоор, -хөөр, -хээр). Например: *Чи т^аиикөөрни, бү көөрөөри* (Если так сделает, ты больше не рассказывай). *Нэгэ көлөкөөрмини, бичинэ* (Как скажу слово, так сразу пишет).

6. Заменное деепричастие образуется от основы глагола с помощью суффикса -нхаар: *Ошилгуулна би гэджи оролдонхаар, болёо ааса дөөрэ* (Чем напрасно толковать ему, лучше перестать).

7. Попутное деепричастие образуется посредством аффикса -нгаа (-неоо, -нгээ): *ябунгаа гараба* (выходит отправляться в путь).

8. Целевое деепричастие образуется с помощью аффикса -х^аишгаа (-к^аишгээ): *цоких^оишгоо санаа* (хотел ударить).

9. Деепричастие образа действия может быть образовано от основы глагола при помощи аффикса -х^оишца (-х^оишцо, -к^аишцэ): *Бороо оро-х^оишцо ороо* (дождь шел беспрестанно).

Наречие

По своему значению наречия делятся на два разряда: качественно-определятельные и обстоятельственные.

К а ч е с т в е н н о - о п р е д е л и т е л ь н ы е: 1. Наречия образа действия: *шибту шубту* (насквозь, напролет), *джилджи | джалджи* (криво, набок), *зет^аишгээр ачиху* (аккуратно погрузить), *об-тоб үлөө* (кое-где осталось), *хулд-халд идөкү* (быстро, на ходу поесть), *дзантар || дзунтар гишиклэжү || гишкэлэкэ* (шагать вразвалку).

2. Количественные наречия: *нэкүд^аиш || нэкэд^аиш* (несколько, ненадолго), *нэгэ мөсөн* (враз), *улам цаашаа* (все дальше, беспредельно), *джаала джаахан* (немного, мало), *дуран цоогоо* (сколько угодно), *дуран уруугаа* (куда угодно, сколько угодно).

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е н а р е ч и я показывают время,

место, способ, причину действия и состояния предмета. К ним можно отнести: *мэнэ сая* (недавно, только что), *мэнэ гэсээр* (сейчас же), *эртээр³ии* (недавно, не так давно), *эртээртээ* (не так давно), *үнөөкүдэ* (недавно, не так давно), *сүүлдэ* (потом, когда-нибудь), *энэ дороо* (сейчас же, сию минуту, немедленно), *халта курэжү* (чуть-чуть задерж или на минутку зайти), *ходжим төөши || тээши* (позже, погодя, через некоторое время), *цула* (постоянно, всегда, беспрерывно), *нэкэсүг || нэкэсэг* (не так долго, ненадолго), *дзаримт^аиудаа* (иногда, кое-когда), *дэндүү* (чрезмерно, слишком, совсем). Встречаются и старые наречия типа *күджи* (сплошь, постоянно), *тээмэндэ* (тогда-то, не так давно), *тээцэгэн* (тогда-то, недавно).

Послелого

В исследуемом говоре имеется много послелогов. Функция их разнообразна. Это наглядно можно увидеть из последующего обзора.

Послелог *дотор* (в, внутри) имеет свои варианты — *дотуур*, *дотоо*, *дотоогуур*, употребляющиеся в речи наравне с основным послелогом в том же значении. Например: *Күүгэд хорээн дотуур наадчи башина* (Дети играют в ограде); *Сүн дотоо ороо* (Попаало в молоко).

К указанным выше послелогам очень близки по своему значению послелого *дзоцоо*, *дзоцоогоо*, *дзоцоогуур* (в, внутри, по), которые в свою очередь похожи на послелого *цоо*, *цоогоо*, *цоогуур*. Послелого *дзоцоо*, *дзоцоогоо*, *дзоцоогуур*, очевидно, образованы от омертвелой основы *дзо* плюс *цоо*.

Послелого *тээ*, *тээки*, *тээши* (в, на, в сторону) могут иногда иметь сингармонические варианты — *тээ || таа*, *тээки || тааки*, *тээши || тааши*: *буруу тээшини || буруу таашини* (в другую сторону), *Ага тээкин || Ага таакин* (агинские), *баруун тээ || таа* (на западе). Послелог *сааша* в говоре ононских хамниган употребляется в виде *цааси* с тем же пространственно-временным значением и управляет исходным падежом имени. Например: *Килөвсөө цааси мэдэкэг^и би* (Не знаю дальше своей границы).

Послелог *удаа* (за, после) имеет еще дополнительное значение (подряд) и часто управляет родительным падежом имени. Например: *минии удаа ирөө* (за мной пришел); *гурба-дүрбэн джил удаа ябаа* (бывал подряд три-четыре года).

Послелог *дундуур* (посередине чего-либо) может быть употреблен вместо послелога *хагадаа* и управляет родительным падежом имени. Например: *сил^биин дундуур* или *сил^биин хагадаа* (до половины голени).

В речи хамниган употребляются следующие послелого: *бол* — усеченная форма послелога *болбол* (если), *адали* (одинаков с, вроде, почти), *түсөөт^иии*, *тоон^иии* (почти). Например: *Ябаа бол кэлээр^иии* (Если будешь уходить, то скажи).

Послелог *дэргэдэ* (возле, около) обычно произносится как *дэргэндэ*: *гэр^иии дэргэндэ суусан* (сидели возле дома). С этим послелогом синонимичны послелого *дзахада*, *оширони* (возле, около, у), *дзахаар*, *хаджуугаар*, *ошигуур* (мимо, у). Они управляют родительным падежом основы. Поэтому в предложении можно использовать любой из перечисленных послелогов: *Амбаар^иии дэргэндэ (дзахада, оширони) дзогсоджээнэ* (Стоит возле амбара); *Минии дзахаар (хаджуугаар, ошигуур) гараа* (Прошли возле меня) и т. д.

Имеются послелого, образованные посредством аффикса *-гуур*. Таковы, например: *оии+гуур=ошигуур* (возле, мимо, около, у) — *мал^иии ошигуур* (возле скота); *дзүү+гүүр* или *гээр=дзүүгүүр || дзүүгээр* (налево — *хорёон^иии=хорёон дзүүгүүр || дзүүгээр сууна* (сидят по левую сторону забора); *удаа+гуур=удаагуур* (подряд) — *хоёр джил удаагуур очисон* (ездил два года подряд).

В говоре ононских хамниган имеет место образование аналитических послелогов, которые в основном выражают пространственные, временные отношения и управляют именем в родительном и некоторых других падежах.

В этих аналитических послеложных сочетаниях, состоящих из двух и более послелогов, с формальным значением чаще всего выступают послелог *тээ*, *цоо*, которые в предложении можно опустить без ущерба основному смыслу. Например *Гэр^ии цаад тээ суунад* (Они сидят за домом), в этом предложении послелог *тээ* можно опустить — *Гэр^ии цаана суунад* (Они сидят за домом). *Нэгэ сар^иин турши цоо городто башигаад ирөөн би* (Я был в городе в течение одного месяца) можно заменить фразой *Нэгэ сар^иин туршида* (или просто *нэгэ сара*) *городто башигаад ирөөн би* (Я был в городе в течение месяца).

Частицы

Лично-предикативные, лично-притяжательные, безлично-притяжательные и другие частицы, как уже отмечалось выше, почти не подверглись усечению, поэтому они все еще сохраняют свою самостоятельность. Если сравнить модальные частицы бурятского языка *аабза*, *алтай*, *бишуу* с соответствующими образованиями исследуемого говора, то увидим, что последние сохраняют свое раздельное произношение: *аа бэдээ*, *ала-т^ии*, *биши уу*. Только предположительная частица *бэдээ* произносится слитно.

Вопросительная частица *бэ* в исследуемом говоре не имеет своего усеченного варианта *-б*, произносимого слитно с предыдущим словом. Волею того, она нередко употребляется в форме *бэй*: *Таа хаанаки асан тана бэй?* (Откуда вы будете?).

Вопросительная частица *гу* в большинстве случаев произносится как *гу*: *Би чимааса сурасан биши би гу?* (Я же спрашивал у тебя?). Форма частицы *гу* появилась в последнее время, очевидно, под влиянием бурятского языка.

Вопросительные частицы *гу* и *уу* и притяжательная частица 2-го лица образуют синтетическую форму. Образование синтетической формы осуществляется двумя способами:

1) к частице личного притяжания 2-го лица единственного и множественного числа присоединяется вопросительная частица *гу*, которая при этом теряет гласный звук *чи+г=чиг*, *та+г=таг*. Например: *Чи ябаа чиг?* (Был ли ты?), *Та ябаа таг?* (Были ли вы?); 2) к частице личного притяжания 2-го лица единственного и множественного числа присоединяется вопросительная частица *уу*, при этом гласные притяжательных частиц выпадают, — *ч(и)+уу=чуу* и *т(а)+уу=туу* (ли): *Ирөө чуу или чи гу?* (Ты приехал?), *Очез туу* или *та гу?* (Вы были?).

В говоре хамниган употребляются отрицательные частицы *битэг^ии* (ии в коем случае), *үлү*, *эс* (не), *буу* (не). В качестве частицы отрицания часто используется частица *биши* или *бусу* (не): *Төрөөнөөсэ биши юүмэ кэрэгг ии* (А больше ничего не надо), *төрөөнөөсэ ондоо бусу юүмэ кэрэгг ии* (кроме этого больше ничего не надо). В значении отрицания может употребляться имя прилагательное *бэркэ* (трудно). Например: *дзабни бэркэ* (нет времени), *гүшикэчи бэркэ* (невозможно бежать), *бэркэт ии башина даа* (невозможно, трудно). В случае категорического запрещения употребляется частица *битэг^ии* и наречие *ар^иичиги* || *ар^иичи* (ии в коем случае). Например: *Күбүүниини битэг^ии* или *ар^иичи цок^орошил чи* (Ни в коем случае не бей его сына). Так же, как и в бурятском языке, с отрицательным значением употребляется слово *үлдэ^ии* (не): *чино үлдэ^ии башина* (волк не тревожит).

Широкое распространение имеют частицы, образованные от основы вспомогательного глагола *a-* (быть). Об этом упоминалось выше, при описании вспомогательных глаголов. Приведем лишь примеры: *Дашии болохоор (болохолоор) бичээ асан акху даа* (Видимо, писал в самом начале войны); *Дэалуу ябагдаа асун аа бэдээ би даа* (Я был тогда молодым).

В хамниганском говоре употребляется утвердительная частица *чиги*, что по своему звучанию соответствует старописьменной частице *vigi*, но отлична от бурятской — *-шье*. Например: *чим^vиичиги хар'ээкху* (и тебя тоже будут ругать). Ср. *Olan-cigi boltuyai (batu olbasu), kōmūldürge ker multurki büluge?* (Подпруга может сползти, но как могла сползти еще и подгрудная шлея?)¹.

Утвердительная частица *даа* часто имеет свои сингармонические варианты — *доо, дөө, дээ* — в зависимости от состава гласных слов. Например: *кэлээл дээ* (да говорил), *хоноо чи доо* (ты ночуй), *ирөөл асан ла дөө* (приезжал), *адли дээ* (очень похож).

Вместо частицы *хаяа* бурятского языка в говоре ононских хамниган употребляется комплекс, состоящий из трех самостоятельных частиц — *акху гу даа* (в тоне утверждения — *да*). Например, в бур. яз. *ошобо хаяа* (кажется, уехал), в хамниганском говоре *очибо акху гу даа* (уехал ли?).

Союзы

Более распространенными союзами в исследуемом говоре являются: *хари* (но) вместо *харин* бурятского языка, *т^vиигээд* (но) вместо *теэд* бурятского языка, *аад* (но, а), *дзүгөөр* (но, хотя), *гу али, али — гу* (то ли, то ли), *нэгэ гээсэ, гэбэл — үг^vии ааса* (либо-либо), *нэгэ ааса — үг^vии ааса* (либо-либо), *хэрбээ ааса* (если) вместо *хэрбээ-һаа* бурятского языка, *хада, ааса* (если), *болоод* (и, да). Например: *Ябаху ааса яба, үг^vии ааса үг^vии, боли цаашаа* (Если поедешь, то езжай, если нет, то не собирайся).

Так же как в монгольском и бурятском языках, в говоре для соединения имен, обозначающих одушевленные однородные предметы, употребляются количественные числительные *кхојир* (два), *гурба* (три), *дүрбэ* (четыре) в значении сочинительных союзов: *үкэр кхони кхојирт^vии бида* (у нас — корова да овца).

Междометия

Междометия хамниганского говора имеют лишь незначительные отличия от междометий бурятского языка.

Приведем примеры. Чувство удовлетворения может быть выражено словами: *айг (күшикур), талаан чи даа, бар^vии чи даа, дээ, ух^vии чи даа* и др.

Чувство разочарования выражается словами: *ян гээчи даа, ай халаг мини, эй дзолиг даа, хара будзар, хара шилмо гээчи акху даа*.

В говоре имеются слова междометного характера для зова животных или обращения к ним: *хол^vии, хул^vии!* (для изменения направления движения или остановки овец и коз при их пастьбе); *һэчи!* (при гоне скота); *һэ гэн^vии* (для изменения направления движения или остановки скота); *һаать! һаать!* (при гоне овец); *дрр! ддрр!* (для остановки лошади); *нээ! нээ!* (для начала или ускорения движения лошади); *таать! таать!* (при гоне коз); *цооб!* (для повзрата движения волов направо); *цобой!* (для поворота движения волов налево); *һаа! гэн^vии* (для усмирения ко-

¹ См.: «Сокровенное сказание», § 80, стр. 334.

ровы); *чууш! чууш!* (для отгона свиней); *чүүг! чүүг!* (для зова свиней); *һээ-эй! һүү-үй!* (при нападении волка); *һээ-эй!* (обращение к человеку, чтобы остановить его); *этэк'ии, даарану би ай!* (я замерз), редко *тэт'ии* или *т'ии*, как и в бур. яз. (выражение чувства холода)

Слова приветствия, прощания, клятв и ругательств: *мэндэ амар!*, *мэндэ! мэндэ баинта!*, *ма.лдууса мэндэ!* (здравствуйте); *хаширлаа? тий!*, *кү.лицэгт'ии!*, *кү.лисээд тээ!*, *эндүү андуу кибэл би, эндэбэ андира гэжиг би!* (Простите, пожалуйста, я допустил ошибку!); *Арил! Тонил цаашид!* (Уходи! Уходи!); *хара дзолиг!*, *дзолиг!* (черт); *монди!* (черт! сволочь!), *дзолибо* (бродяга); *хара чидкур!* (сволочь, черт).

Заключение

Говор олонских хамниган, как указывалось выше, имеет свои особенности. Появлению многих особенностей говора, надо полагать, способствовало географическое расположение говора, находящегося на стыке двух языков: бурятского и монгольского, что являлось условием для появления переходных моментов в нем. Носители одного и другого говора проживают относительно сплошным массивом, составляя более или менее однородную этнографическую группу. Т. А. Бертагаев отмечает, что «... носители языков, как бы количественно ни были малы, если живут компактно, не утрачивают параметры своего койнэ и всегда сохраняют в какой-то степени языковое единство». Это высказывание вполне применимо при характеристике исследуемого говора.

Общественные функции родного языка хамниган Кыринского и Акшинского районов (или вверх по Онону — за пределами Агинского бурятского национального округа Читинской области) ограничиваются бытовым функционированием. Иными словами, он служит средством общения в быту и частично на сельскохозяйственном производстве.

Для хамниган Агинского бурятского национального округа (Дудинского, Агинского и Могойтуйского районов) общественные функции родного языка определяются гораздо шире. Здесь он является средством общения в колхозах и совхозах, средством преподавания в школе; средством агитационно-пропагандистской и другой культурно-массовой работы.

Интересно отметить, что язык нижеудинских бурят перекликается с языком олонских хамниган, хотя нижеудинцы проживают на западной окраине Иркутской области, то есть на расстоянии в несколько тысяч километров от олонских хамниган. Объединяющим фактором является то, что нижеудинцы, так же как и олонские хамниган, являются выходцами из Внутренней Монголии¹ и живут в иноязычном окружении в течение трех с лишним веков. Находясь в такой языковой изоляции от большинства западно-бурятских говоров, они в своей речи сохранили более древние элементы монгольского языка. Например: 1) сохранение гласного первого слога: *шинэ* (у нижеудинских бурят и олонских хамниган) вместо общепурятского *инэ* (новый), *джиргал* — (счастье); 2) согласный *q* древнемонгольского языка функционирует как качество смычного *k*, а иногда как аффрикативный звук *kh*: *хунэ* (нижеуд.) вместо общемонгольского *хара* (черный); *унтака* (нижеуд.) *унтакху* (он. хамн.) — *унтаха* (спать); *кхокир* он. хамн. вместо общепурятского *хокир*.

¹ Т. А. Бертагаев. О койнэ и о путях развития национальных языков в развитии литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965, стр. 89.

² См.: А. А. Дарбеева. О некоторых вопросах общественной функции родного языка. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965, стр. 27.

гольского *хохир* (подстилка — навоз), *кхожир* он. хамн. — *хоёр* (два); 3) исторический звук *к* сохранился в переднерядном варианте: *кэлэ(н)* — нижеуд. бур., он. хамн. вместо общемонгольского *хэлэн* (язык), *кээрэ* — *хээрэ* (поле).

Хамниганский говор можно сравнить и с уральским говором калмыцкого языка, который также находился в изолированном положении от других говоров в течение продолжительного периода. В нем также сохранились древние элементы калмыцкого языка: сохранение дифтонгов в отдельных позициях, смычного *к*¹, наличие звука *э*, отчасти *о*, *н* в перерывах слога слова, сохранение отдельных слов, восходящих к периоду создания старокалмыцкой письменности².

Вследствие постепенного воздействия языка агинских бурят и по внутренним законам дальнейшего развития языка в исследуемом говоре произошли изменения, приблизившие его к другим говорам бурятского языка. Многие старые фонетические черты старописьменного монгольского языка принимают вид современного состояния. Так, например, в фонетике произошли следующие изменения: 1) ускорен процесс прохождения перелома гласного *и*, в результате чего имеются и старая и новая формы слов (*джирүкү*, *дзүржү* — «сердце»); 2) историческая форма дифтонгов (*ејі*) не потеряла своего дифтонгического характера, встречаются восходящие дифтонги *ејі*, *еіі*, *еіі*, а в односложных словах *аэ* (*аэл* — «семья»). В некоторых словах сохранились двослоги, но имеются и долгие гласные (*хуругу*, *хуруу* — «палец»), конечные гласные *у*, *ү* в именах и причастиях стали заменяться гласными *а*, *о*, *э* (обычно *ү* токчицев, узонцев и гунуйцев) и др.

В лексике говора орудия труда, применяемые в сенокосении и земледелии, а также бытовые предметы имеют старые, заимствованные и вновь появившиеся бурятские названия (*дзэнгэрез*, *дугуши*, *цагариг* — «колесо», *хомноо*, *бухал* — «копна»); образование новых слов в нем такое же, как и в других говорах бурятского языка.

В морфологии обнаруживаются двойное употребление надежных окончаний (*саран^аши* и *сар^ашин туяа* — «лунный свет»), спряжение личных местоимений, сложные формы частиц (*б^эиидзэ*, *б^эшил^тши*) и др.

Приведенные примеры влияния бурятского языка на исследуемый говор показывают, что, находясь на стыке монгольского и бурятского языковых подразделений, лингвистическое содержание языка ононских хамниган все дальше отходило от монгольского языка, приближаясь к бурятскому, хотя они в большинстве своем и являются выходцами из Монголии.

Изложенное выше свидетельствует о том, что длительный период совместной жизни и языка хамниган с бурятами привели к переходу их языка с монгольского на бурятский. Поскольку в языке ононских хамниган не обнаруживаются остаточные явления от тунгусского языка, можно констатировать, что их язык не имеет родственного отношения с тунгусским.

Итак, в процессе изучения материалов о говоре ононских хамниган установлено, что в нем переплетаются особенности, свойственные как монгольскому, так и бурятскому языку с преобладанием черт последнего. Язык ононских хамниган, кроме того, имеет и свои собственные своеобразия, поэтому он составляет самостоятельный говор бурятского языка.

¹ См.: Д. А. Павлов. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963, стр. 85—86.

² Д. А. Павлов. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. «Зап. Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории». Вып. 3, серия филол., Элиста, 1964, стр. 68.

И. Д. БУРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА АЛАРО-УНГИНСКИХ БУРЯТ

Отдел языка и письменности Бурятского комплексного института СО АН СССР в 1962 году организовал большую диалектологическую экспедицию в Аларский район Иркутской области. Экспедиция имела широкую программу по сбору лексических, грамматических, фонетических данных о говоре бурят, населяющих указанный район.

В задачу нашей группы входило выявление фонетических особенностей данного говора. С этой целью в селе Нукуты нами проводились рентгеновские снимки наиболее типичных звуков, которые в различных говорах добайкальских бурят произносятся приблизительно одинаково. Было заснято 15 гласных и 9 согласных звуков. Следует отметить, что в условиях экспедиции нам удалось получить исключительно доброкачественные рентгеновские снимки. Рентгенотехник Нукутской больницы А. Имехенов, большой любитель родного языка и фольклора и незаурядный специалист своего дела, узнав о цели нашего приезда, с большим интересом включился в работу. Из 24 снимков, заснятых А. Имехеновым, почти все хорошего качества.

Для большей объективности и всесторонней последующей проверки данных произнесение каждого звука одновременно фиксировалось на магнитофоне и в точной фонетической транскрипции.

Ниже приводится краткое описание этих звуков с соответствующей иллюстрацией в сопоставлении с данными, имеющимися в работе «Аларский говор» (Л., АН СССР, 1930). Дело в том, что в указанной работе дается довольно подробный разбор звуковых особенностей данного говора. Следует иметь в виду, что «Аларский говор» явился результатом наблюдений над говором лишь небольшого пункта, населенного аларскими бурятами. Во введении указывается, что эта работа является результатом исследований и наблюдений, произведенных в течение лета 1928 года в летнике Эльзетуи и нескольких поездок в окрестные улусы (стр. 4). Такие большие и своеобразные массивы с бурятским населением, как Аляты, Зоны, Шапшалтуи, Нельхай, Балтуи, Куйты и др., остались вне поля зрения исследователя. Между тем описание указанного, хотя и ограниченного, пункта представляет большую ценность. Оно дается подробно, с исключительной полнотой (только вопросам фонетики уделено около 70 стр.) и компетентными обобщениями.

Экспедицией 1962 года были охвачены все пункты, населенные бурятами. Фонетические же особенности в возможных случаях изучены с применением экспериментальных средств. Для корректировки прежних данных в статье приводятся статические рентгеновские снимки.

Рис. 1 — рентгеновский снимок артикуляции звука *a*: в слове *хаа* (закрой).

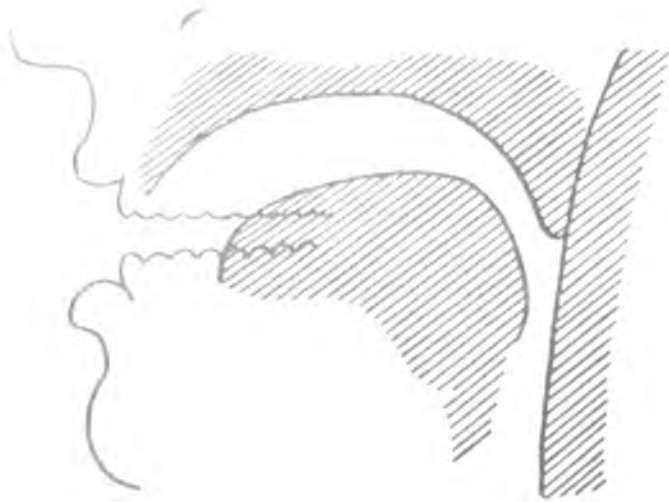

Рис. 1.

Рис. 2 — рентгеноснимок также звука *a*, но только в слове *ta:* — *таа* (отгадай). Второй *a:* отличается от первого незначительной продвинутоостью языка вперед. В работе «Аларский говор» этот звук определяется как *low — back*, который на слух производит впечатление слегка лабиализованного гласного, отличного от русского «а» (стр. 34).

Рис. 2.

Это определение не может быть отнесено к звуку *a:* в слове *ха:*. Здесь имеет место более задний звук *a:*, даже по сравнению с соответствующим русским звуком.

Рис. 3 и 4 — профили артикулирующих органов при произношении звука *æ:* в словах *ах:хл* (удивляйся) — рис. 3, *бах:* (стой) — рис. 4. Они отличаются друг от друга очень незначительно: первый — немного отодвинут назад, второй, наоборот, продвинут вперед.

В работе «Аларский говор» этот гласный определяется как «*low — front — narrow*, несколько более задний, чем соответствующий халха-

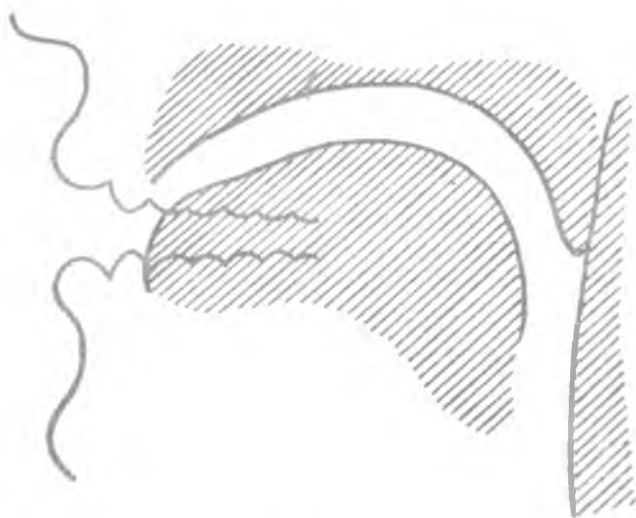

Рис. 3.

Рис. 4.

ский звук». Он встречается только в качестве долгого звука и восходит к дифтонгу**ai*, соответствующая письменному *ayi*, *ai* (стр. 38). Характерно, что в некоторых других бурятских говорах, в частности в баргузинском, большое распространение имеют краткие звуки *æ* и *æ̃*, например, в словах *tævi* (поставь), *mierjɨz* (лошадь). Долгий звук *æ̃* с фонетической стороны определен правильно, но по фонематическому ряду это всегда относится к твердоядным гласным. Поэтому утверждение о том, что слово *ayita* (имеющий старшего брата) дало *azite*: («Аларский говор», стр. 38), не точно. В наших аларских записях всюду фиксируется *æ̃*. Качественная характеристика, данная этому звуку в «Аларском говоре», мало расходится с рентгенограммами звука *æ̃*, приведенными на рисунках 3 и 4.

Рис. 3 — гласный переднего ряда широкий. Если сопоставить его с кардинальными гласными таблицы Л. В. Щербы, он может быть отнесен на ступень выше, чем обычный звук «а» переднего ряда, то есть соответствует приблизительно пятой ступени.

Звук на рис. 4 по сравнению со звуком на рис. 3 является слегка продвинутым вперед. Разница между ними очень незначительная, однако она заметно отражается при литературном произношении аналогичного звука. Дело в том, что в хоринском говоре долгий звук *æ* является более устойчивым звуком и чаще произносится с дифтонгоидным оттенком.

На рисунках 5 и 6 зафиксированы долгие звуки [o:] : рис. 5 — *o* в слове *хэ:һэң* (пустой), рис. 6 — *o* в слове *вэ:р'и* (возвышенность). Краткий звук «o» в работе «Аларский говор» определяется как «*mid — back — wide*», а долгий *o* производит акустически впечатление более закрытого гласного, чем халхаский *o*, занимает место приблизительно между халхаским *o* и *y*» (стр. 35).

Рис. 5

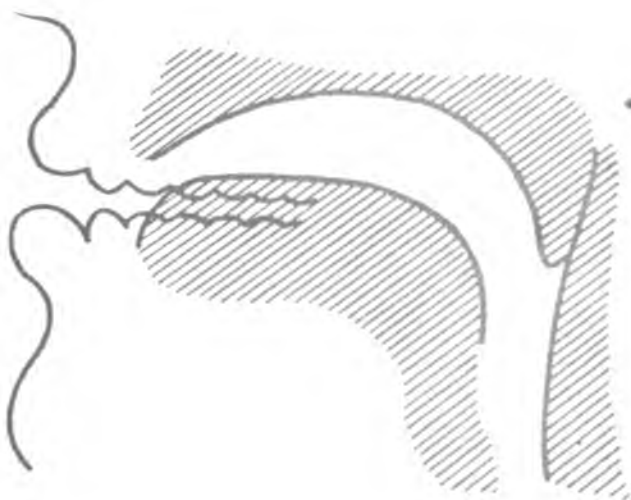

Рис. 6.

Рентгено снимки не показывают столь закрытое «o». Как установлено нами, звук *o* заметно изменяется в зависимости от сочетания с согласными разных артикуляционных рядов. Звук *o* в слове *вэ:р'и* произносится при более продвинутом вперед положении языка, чем в слове *хэ:һэң* (ср. рис. 5 и 6). Это различие вполне уловимо на слух. К сожалению, при обучении правильному русскому литературному произношению

учащихся-бурят учителя не обращают внимания на такого рода различия в артикуляции звуков. В русском языке звук *о* не имеет подобных оттенков. Произнесение же русского звука *о* на бурятский лад непременно оставляет «акцент». В настоящее время, когда особенно большое развитие получили звуко-технические методы обучения, необходимо в первую очередь обращать внимание именно на эти расхождения, которые на первый взгляд кажутся незначительными. Что же касается сильно контрастных явлений типа русских аффрикат *ц, ч* и других звуков, то они, как показывает практика, изживаются значительно легче. В данном случае при постановке правильного русского или любого иностранного произношения незаменимую роль могут сыграть схемы рентгено снимков. Схемы русских звуков, изготовленные в лаборатории экспериментальной фонетики им. акад. Л. В. Щербы ЛГУ, уже изданы¹. К сожалению, у нас изданных схем профилей языков артикуляции бурятских звуков еще нет, это необходимо сделать в ближайшее время. Для достижения культуры речи как русского, так и бурятского языка, наглядное сопоставление такого типа схем звуков будет иметь перво-степенное значение.

На рис. 7 дан долгий звук *э:* в слове *хэ:ндэ*: (позади). Этот звук дифтонгического происхождения *э:* < *о:*. В работе «Аларский говор» ему дано следующее определение *mid — front — narrow* и сравнивается он с французским звуком *eu* в слове *deux*. По таблице Л. В. Щербы французский звук *eu* в слове *deux* относится к третьей ступени, а сравниваемый с ним бурятский звук *э:* является более открытым и относится к четвертой ступени.

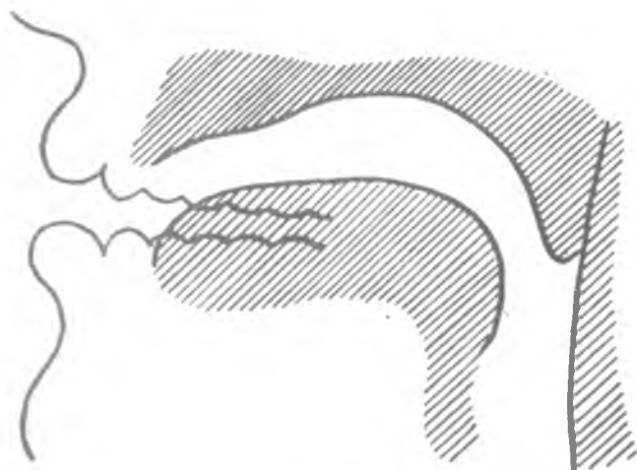

Рис. 7.

Рис. 8 и 9 фиксируют два оттенка долгого звука [ɛ:] ; первый звук *э:* в слове *үлэ:* (нет), второй — в слове *хэ:* (сделал). В работе «Аларский говор» долгий [ɛ:] определяется: *mid — front — narrow*. Здесь правильно отмечается, что долгий и краткий звуки *э* аларского говора отличаются друг от друга: долгий звук является более закрытым, чем его краткий эквивалент. Это, между прочим, характерно для всех бурятских говоров.

¹ См.: М. И. Матусевич, Н. А. Любимова. Альбом артикуляций звуков русского языка. М., 1963.

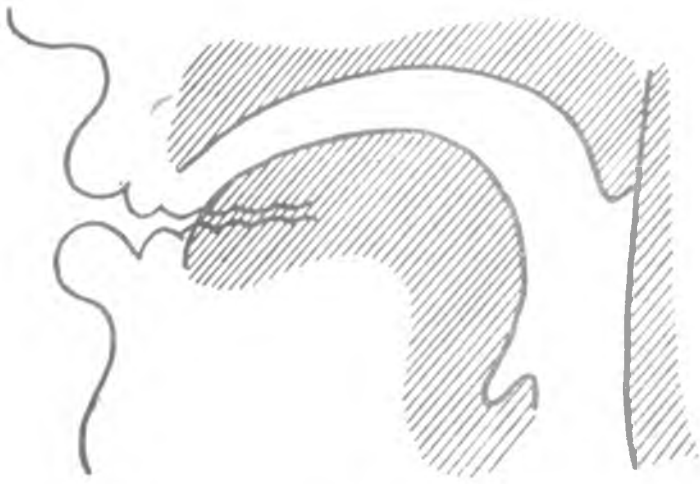

Рис. 8.

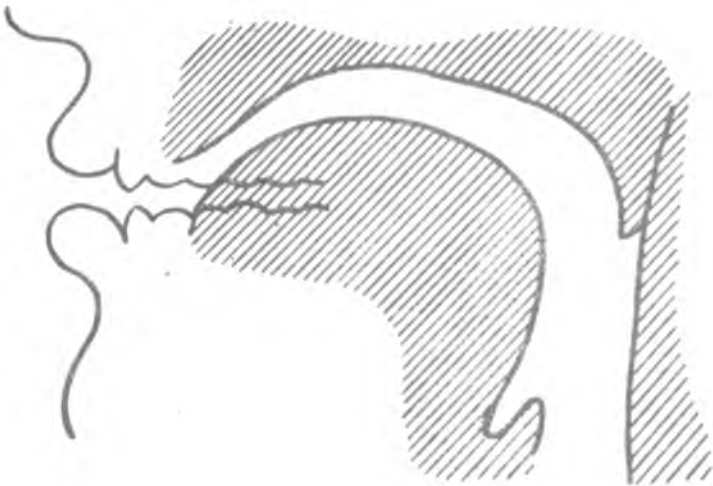

Рис. 9.

Сопоставление рис. 8 и 9 показывает, что звук **ɜ**: в зависимости от сочетания с согласными заднего образования произносится при несколько отодвинутом назад положении языка. Причем долгий **ɜ̄**: в слове **ᠶᠪᠢ**: — дифтонгического происхождения и чуть выше по подъему в отличие от **ɜ**: в слове **хᠵ**:, но не настолько, чтобы их можно было считать разными фонемами.

Рис. 10 — рентенограмма долгого звука **ᠶ**: в слове **хᠶ**: (уголь). В работе «Аларский говор» он определяется как «...звук, промежуточный между *low — front — wide — round* и *low — mixed — wide — round*» (стр. 41).

Долгий **ᠶ**: очень устойчивый звук. Он встречается во всех бурятских говорах, сохраняя единое звучание. От краткого варианта **ᠶ̄** он отличается несколько более высоким подъемом. Этот звук по горизонтальному положению языка относится к центральному ряду, что подтверждается рентенограммой (рис. 10). В работе «Аларский говор» долгий **ᠶ**: опреде-

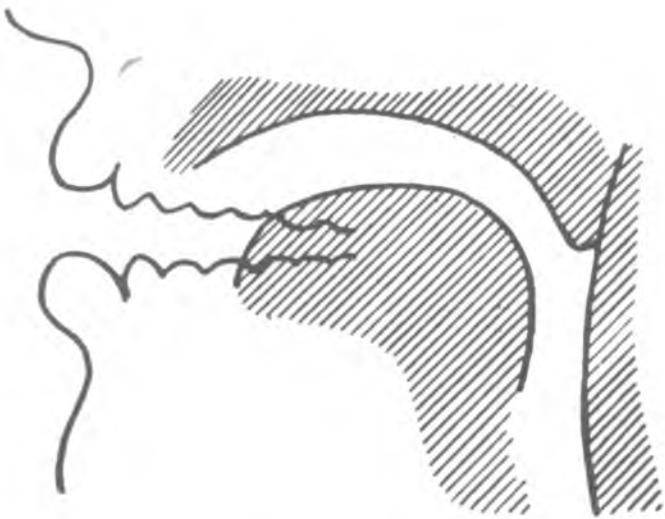

Рис. 10.

ляется как промежуточный между *front* и *mixed*, а краткий **ö** — между *high* и *mid*. Здесь скорее всего разница в степени подъема. Краткий звук **ö** является более открытым, чем долгий.

На рис. 11 дан долгий звук **ү**: в слове **сү**: (выуди). Определение, данное в «Аларском говоре», приблизительно правильное: *high — mixed — narrow — round*. Отношение звуков здесь определено исключительно точно: **ү:ö-ү:ö**. Звуки **ү(ү)** и **ö(ө)** — гласные центрального ряда, а **у** (**y**) и **о** (**o**) — гласные заднего ряда. Такое отношение подтверждается экспериментом — рентгенограммой.

Рис. 11.

Рис. 12 — **у**: в слове **бу**: (ружье). В работе «Аларский говор» **у**: определяется как более открытый звук, чем русский *y*. Это соответствует истине. Русский звук *y* в заднем ряду таблицы кардинальных гласных занимает первую ступень, а бурятский **у**, в частности аларо-унгинский,

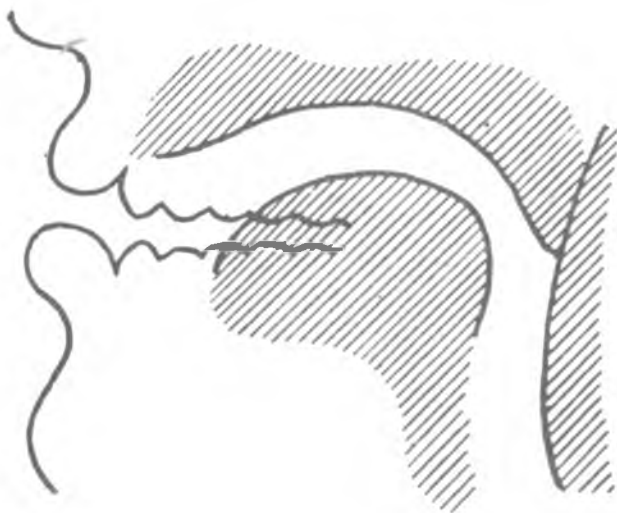

Рис. 12.

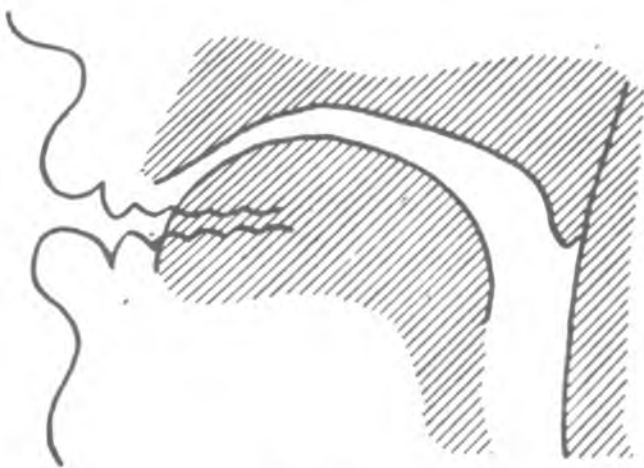

Рис. 13.

— вторую ступень: краткий же звук *ʌ* является еще более открытым.

Рис. 13 — гласный смешанного ряда *ɔ̃*: в слове *зэ̃* (женщина). Этот звук встречается очень редко. Он является более закрытым, чем соответствующий русский звук *ы*. Рентгенограмма четко показывает, что бурятский звук *ɔ̃*: относится к гласным смешанного ряда высокого подъема.

Рис. 14 — монофонгический вариант *ɔ̃*, который чаще всего имеет дифтонгическое звучание *ɔ̃i*. Например: *түимэр* (лесной пожар), *үиһэн* (береста,) и др. В «Аларском говоре» этот дифтонг рассматривается как один и тот же звук с дифтонгом твердого ряда *ɔ̃i*. Например: *үилэ* (плачь), *зарыу* (дорога) и др. (стр. 41). В действительности это разные фонемы, артикулирующиеся в противоположных рядах по горизонтали.

Рис. 15 показывает профиль артикулирующих органов при произнесении долгого звука *i*: в слове *түиэ* (так делать). Этот звук в «Аларском говоре» определяется: *high — front — narrow*. Фонетически по ряду

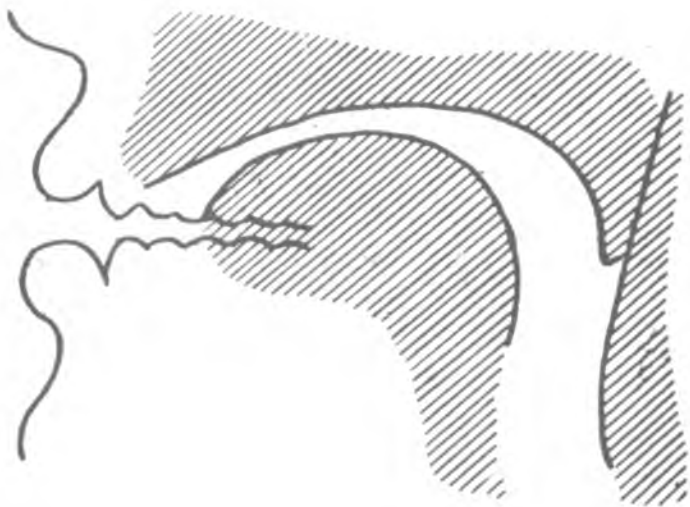

Рис. 14.

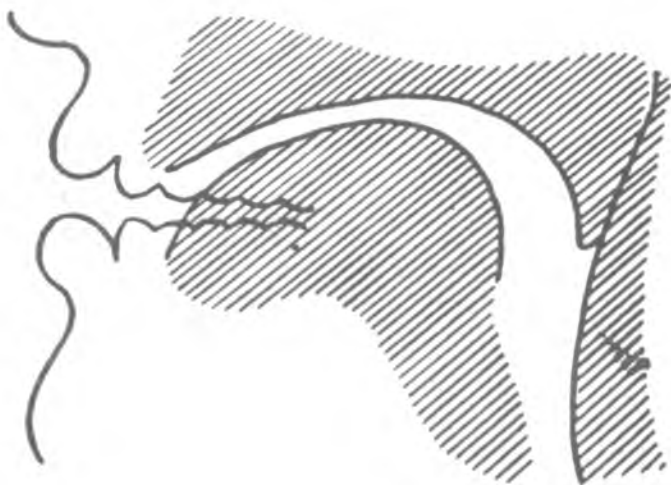

Рис. 15.

и по подъему это определение совпадает с рентгенограммой звука *i*: — рис. 15.

Рис. 16 — увулярный звук *ɣ* в слове *аγλ* (брат). В «Аларском говоре» этот звук называется веллярно-заднеязычным, а заднеязычный оттенок (см. рис. 17) — среднепалатальным. Если условно можно допустить, что звук *ɣ* является веллярно-заднеязычным, так как задняя часть языка играет хотя и пассивную, но все же какую-то роль в образовании этого звука, то совершенно неверно относить звук *ɣ* к среднепалатальным. Как показывает рис. 17 (артикуляция *ɣ* в слове *зɣэ* — мать), это чисто заднеязычный звук и, по пассивному органу, — не среднепалатальный, а заднепалатальный. Оттенки фонемы *[ɣ]* во всех бурятских говорах проявляются почти одинаково, за исключением появления в ряде говоров смычного *k* и аффрикат *kɣ* и *ɣk*. В этом отношении аларский говор не составляет исключения. О некоторых специфических особенностях фонемы *[ɣ]* см. ниже.

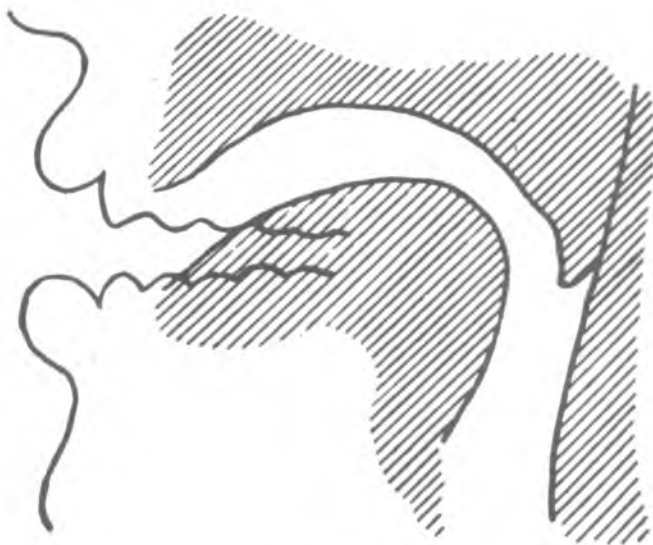

Рис. 16.

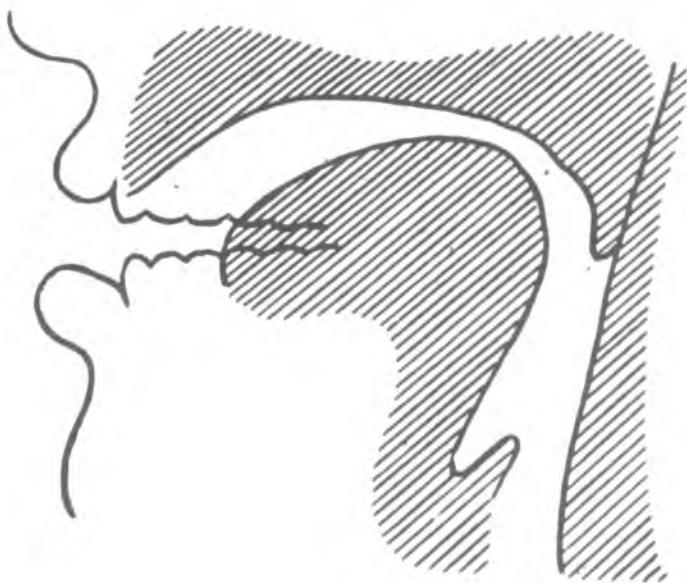

Рис. 17.

Рис. 18 — увулярный **ʁ** в слове **аʁ** (зверь). В бурятских говорах, так же как и в литературном языке, фонема [ʁ] имеет два четко выраженных оттенка: в словах твердого ряда употребляется увулярный оттенок (рис. 18), мягкого — заднеязычный оттенок (рис. 19 — **ɣ** в слове **зɣ** — ширина материн).

В работе «Аларский говор» дается довольно подробное описание этой фонемы. В ней совершенно правильно отмечается, что в письменном монгольском языке существуют в конце слова два звука типа *н*: *л* и *пɣ* и что «во всех известных бурятских говорах эти два звука совпали, и в конце слова, за исключением *н* (суффикс притяжания третьего лица)

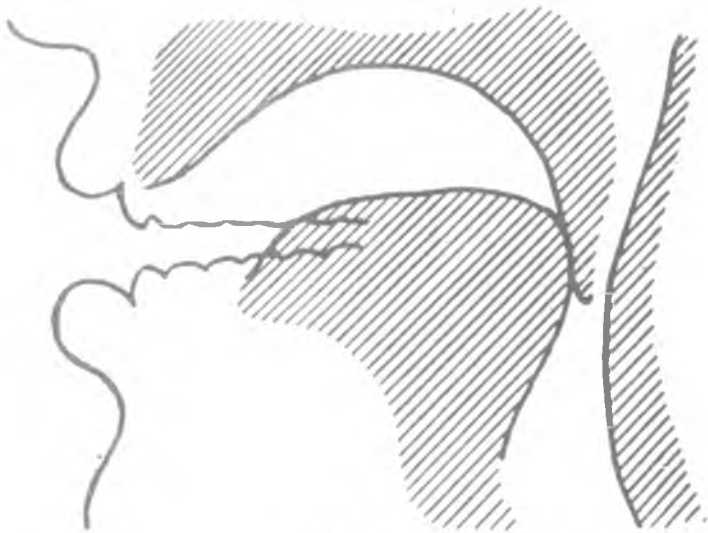

Рис. 18.

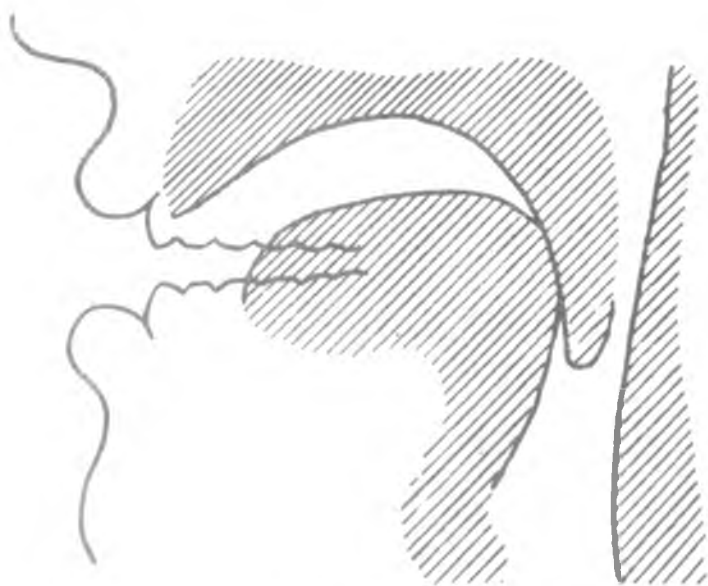

Рис. 19.

$\langle i \rangle$, наблюдается только $\langle u \rangle$, (стр. 11). Но здесь не выделяется два оттенка. Это, видимо, объясняется ограниченностью субъективно-слухового метода исследования.

Щелевая фонема $\langle s \rangle$ зафиксирована: на рис. 20 в слове $\langle a s \lambda \rangle$ (внук) и на рис. 21 в слове $\langle s j \rangle$ (ручка). В «Алар. гов.» звуку $\langle s \rangle$ дается следующее определение: «альвеолярный, глухой, шипящий спирант». Здесь не указывается на двухфокусное образование этого звука, но утверждается, что аларские звуки $\langle s \rangle$ и $\langle z \rangle$ соответствуют аналогичным русским звукам. В действительности бурятские звуки $\langle s \rangle$ и $\langle z \rangle$ вообще, в частности аларские, являются значительно смягченными по сравнению с соответствующими русскими $\langle ш \rangle$ и $\langle ж \rangle$.

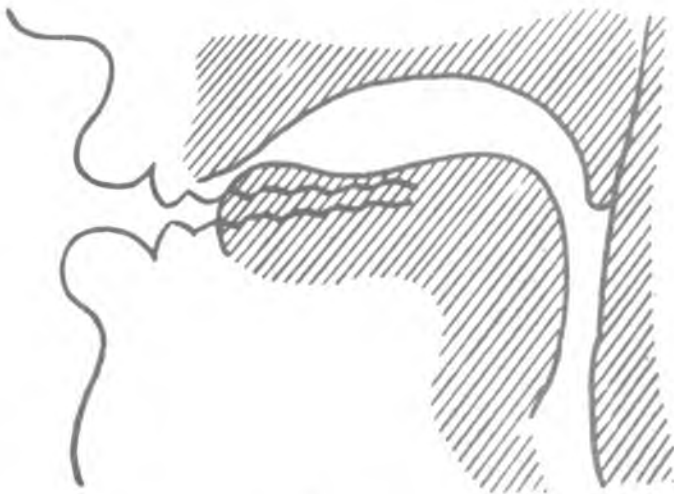

Рис. 20.

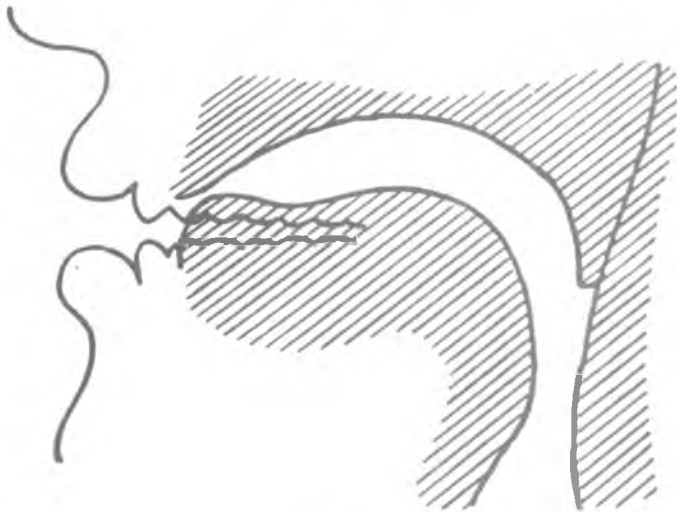

Рис. 21.

Иногда второй задний фокус настолько продвигается вперед, что в образовании звука принимает участие средняя часть спинки языка. При произнесении звука \int (рис. 21) задний фокус образуется не между задней частью спинки языка и твердым небом, а между границей средней и задней части спинки языка и твердым небом. Эти детали, немаловажные для сопоставительного обучения правильному «безакцентному» произношению изучаемых языков носителями бурятского языка, при визуальном изучении остаются незамеченными.

Рис. 22 и 23 — щелевые: s в слове $ᠰᠠᠯ$ (вилы) и s в слове $ᠰᠢᠰᠦ$ (уставать). В «Аларском говоре» они определены приблизительно правильно — «альвеолярный глухой спирант». При характеристике этих звуков очень подробно описываются их соответствия со значками старомонгольского письменного языка, а также со звуками халхаского и ойратского языков. Однако в работе «Аларский говор» при характеристике согласных звуков говора нигде не даются оттенковые разновидности тех или иных

фонем. Между тем оттенковые различия являются самыми серьезными препятствиями при преодолении так называемых «акцентов». В бурятском языке вообще, в аларском говоре в частности, все согласные в словах мягкого ряда произносятся при некоторой приподнятости средней части спинки языка и при некоторой продвинутойности языка вперед, а в словах твердого ряда — наоборот. Это же явление касается щелевого звука [s]. Сравните рис. 22 и 23.

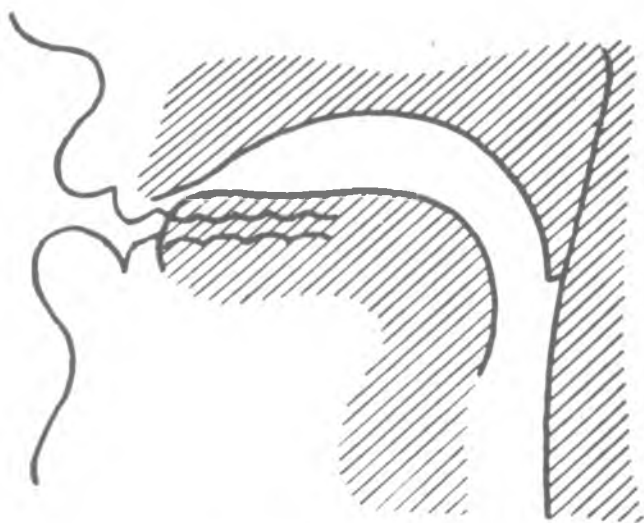

Рис. 22.

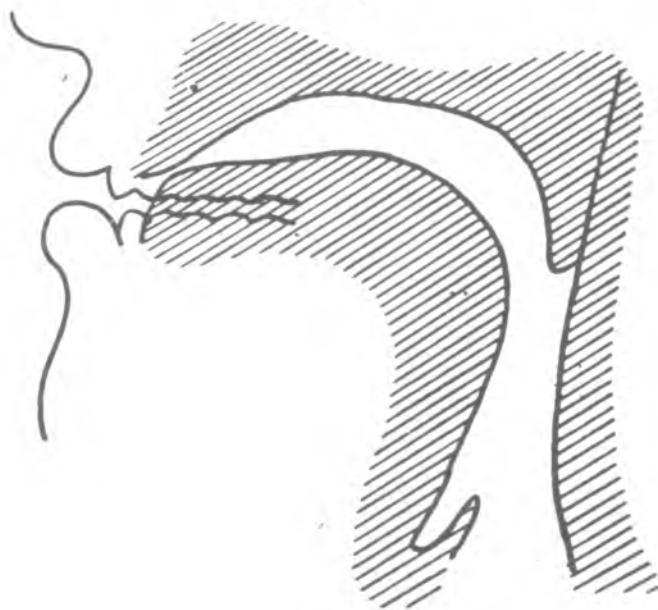

Рис. 23.

Рис. 24 — палатализованный звук *t'*. В работе «Аларский говор» не дается этому звуку специального описания. В ней почти все случаи палатализации отмечены как результат влияния следовавшего за согласным **i* (стр. 29—31). Между тем в различных бурятских говорах

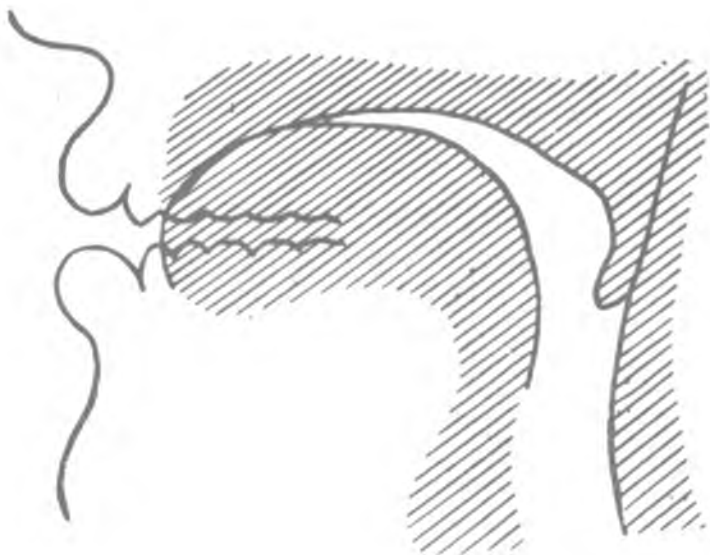

Рис. 24.

противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных с точки зрения фонематической значимости проявляется по-разному. Например, в боханском говоре русское слово «протертый» передается словом *элээн* и выступает как омоним к слову *элэн* (песок), в аларском говоре первое значение имеет слово *эльэн* (см. стр. 29). По-разному ведет себя палатализация согласных и в цакающих говорах (цонголо-сартульских). Если противопоставление типа *t̪im̪g-t̪im̪g* (такой) можно отнести к оттенковым различиям, то противопоставление типа *вар̪i* (держи) || *вар̪λ* (кончай) относится к фонематическим различиям.

Однако в аларо-унгинском и боханском говорах палатализованные и непалатализованные звуки противопоставляются по всей системе консонантизма, так что фонематические признаки мягкости и твердости согласных указанных говоров в общей системе согласных занимают одинаковое место с признаками силы и слабости звуков, первой, второй и третьей артикуляцией и т. д.

1. Как известно, в монгольских языках наличествует четкая система деления согласных фонем на три артикуляционные группы, определяющиеся участием активных речевых органов в их образовании: 1) группа губных фонем, называемых фонемами первой артикуляции; 2) группа передне-среднеязычных фонем, то есть фонемы второй артикуляции; 3) группа заднеязычно-увулярных фонем, или фонемы третьей артикуляции¹. В бурятском же языке из-за наличия фонемы *h*², относящейся к разряду фарингальных согласных, по фонематическому признаку условно выделялась четвертая артикуляция. Эта особенность бурятского языка в системе монгольских языков в ряде бурятских говоров начинает нарушаться, встречается замена фарингального *h* щелевым *x*, в цакающих южных говорах звук *h* вообще отсутствует, а в ряде эхиритских говоров наблюдается выпадение *h* в середине слова.

¹ Впервые термины: первая, вторая и третья артикуляции — для системы консонантизма монгольских языков введены В. М. Наделяевым. См.: Вести. Ленинградского ун-та, № 8., вып. 11, Л., 1957, стр. 129, § 19.

² Наличие фонемы *h* и характер ее соответствий в звуковой системе бурятского языка составляет одну из ее существенных особенностей по сравнению с звуковыми системами других монгольских языков.

Отсутствие звука *h* в южных цакающих говорах—в цонгольском, сартульском и хамниганском — объясняется тем, что носители этих говоров являются недавними выходцами из Монголии. Они еще не восприняли бурятского звука *h*. Правда, школьное образование начало давать некоторые плоды в смысле влияния бурятского литературного языка на эти говоры, учащиеся-сартулы и цонголы в большинстве случаев без особого препятствия произносят звук *h* вместо собственного *s*.

В говоре ижнеудинских бурят встречаются редкие случаи употребления звука *x*, вернее аффрикаты **x* вместо *h*. Например, в наших летних записях 1963 года встречается слово *кхоно* (паут) вместо *хоно*. Однако такая замена в этом говоре не носит систематического характера, она скорее всего объясняется влиянием русского языка.

В ряде говоров отмечается выпадение звука *h* в середине слова в интервокальном положении. Это явление очень четко выражено в баргузинском и байкало-кударинском говорах, реже встречается в аларском, боханском и других говорах. Например, в баргузинском говоре слово *загаһан* (рыба) стало произноситься как *загуун* + *загуу'ан* < *загаһан*. Исчез звук *h* также в причастных аффиксах (вм. *ерэһэн* в барг. — *ерэ'эн*); в сказуемых частицах *һэн* (вм. *ерээ һэн* в барг. *ерэ'аан*) и т. д.

В аларском говоре часто встречается выпадение звука *h* в интервокальном положении и в окончаниях исходного падежа. Например, вм. *бур'азаһараа* говорят *бур'азаараа*, вм. *хаанаһаа*—*хаанаа*, *арбанаа* вм. *арбанһаа* и т. д. (полевой дневник № 2 аларской экспедиции).

Выпадение срединного звука *h* объясняется чисто фонетическими причинами: звук *h* образуется при отодвигании назад корня языка и выдвигании вперед нижней части задней стенки глотки (фаринкса). При артикуляции этого звука, особенно между гласными, необходимая преграда, создающая соответствующее *h*-звучание, часто не успевает образовываться.

Однако более серьезную загадку представляет произношение щелевого *x* вместо общебурятского *h* в начале слова. Это явление отмечается в байкало-кударинском говоре и в говоре бурят с. Балтуй аларского куста. По свидетельству Чингэлтэя, приводимому Ц. Б. Цыдендамбаевым¹, аналогичная картина наблюдается и у баргутов.

В 1960 году была организована специальная экспедиция к байкало-кударинским бурятам. Производились текстовые записи обывденной речи носителей гсвора, рентгено снимки звуков, в том числе начального звука *x*, заменяющего литературный *h*, записывали на кимографе. С артикуляционной точки зрения этот звук ничем не отличается от обычного бурятского *x*. В словах твердого ряда он проявляется в качестве увулярного оттенка, а в словах мягкого ряда — заднеязычного.

В Алари впервые столкнулись с явлением замены звука *h* на *x* в селе Нельхай. В семье П. Тархаева вместо обычного начального звука *h* все произносили звук *x*; *хаэн* (хороший) вм. *хаэн*, *хамган* (жена) вм. *хамган*, *хөхө* (топор) вм. *һүхэ*, *хөни* (ночь) вм. *һүни*, *хуулга* (ведро) вм. *һуулга* и т. д. (см. полевой дневник № 1). Однако произнесение звука *x* вм. *h* наблюдалось лишь у немногих и, как выяснилось позже, в основном у выходцев из села Балтуй, расположенного в 15 км к юго-востоку от с. Нельхай. В говоре жителей с. Балтуй наблюдается систематическая замена звука *h* на *x*. Здесь, так же как и в байкало-кударинском говоре, звук *h* переходит в *x* только в начале слова. Приведем для наглядности примеры: *Эндэ с'аагтада хууһымди* (Раньше здесь, в Кяхте, жили).

¹ См. : Ц. Б. Цыдендамбаев. Краткая характеристика говора кударинских бурят. „Кр. сообщ. ИНА АН СССР“, М., 1964, стр. 66.

Москваада хуржа базгаад jэрэjма (Он вернулся из Москвы, где учился).
Хажа зугаалжа шадхоjбди (Хорошо петь не умеем). *Хаја ошкоолоо дуу-
нажа jэрэj* (Приехал недавно после окончания школы).

В произношении звуков *h* и *x* между различными возрастными носителей говора расхождений нет. Эти звуки одинаково произносятся и П. С. Мануев, 72 лет, и В. Т. Захаров, 1938 года рождения, и восемнадцатилетняя девушка, по имени Женя.

Из индоевропейских языков звук *h* имеется в германских языках, из финно-угорских — в эстонском и финском, из тюркских — в якутском, башкирском и тофаларском, из монгольских — в бурятском, из тунгусо-маньчжурских — в эвенкийском, ламутском и эвенском языках. По географическому расположению все эти хакающие языки в какой-то мере составляют единую полосу по материке восточного полушария.

Звук *h* в бурятском языке иаличествует с давних времен. В Ленинграде в фонде 21, опись 5, единица хр. № 143 Архива АН СССР хранятся путевые заметки и приложенные к ним сравнительные словари, в том числе бурятский, сибирского путешествия Миллера Герарда-Фридриха. Полевые записи относятся примерно к 30-м годам 18 века. В них наряду с аффрикатами *дз, дж, ц, ч*, систематически употребляется звук *h*. Таким образом, к началу 18 века бурятский язык уже имел звук *h*. Надо полагать, что этот звук не привнесенное явление в бурятском языке, а субстрат какого-то языка, существовавшего до прихода монголязычного народа. Появление же звука *x* вместо *h* тоже следует отнести к субстратным явлениям. Хакающий бурятский язык пришел на территорию, где существовал другой язык или скорее всего говор, не знающий звука *h*. Таким образом, звук *x* — это уже секундарный субстрат в бурятском языке. Некоторые исследователи склонны считать нынешнее хаkanie результатом влияния русского языка на бурятский. Однако вряд ли это возможно, так как в других говорах, где русское влияние значительно сильнее, ничего подобного не наблюдается. Носители указанных выше говоров с давних пор проживают компактно, бурятские обычаи и нравы у них сохранились даже больше, чем у некоторых носителей хакающих говоров. Притом, если принять во внимание баргутов, то там вообще не было русского влияния. Правда, в говоре отдельных лиц действительно встречается произнесение звука *x* вместо *h* как результат влияния русского языка, но это отмечается лишь в языке тех, кто освоил бурятское произношение через русский язык.

Сказанное выше свидетельствует о том, что явление $s > h > x$ в монгольских языках до конца не выяснено, пока имеются лишь некоторые предположения. Разгадка его, по-видимому, лежит глубоко в истории народов, заселявших территорию, жители которой имеют в языке такой разнотой в отношении звуков $s \sim h \sim x$.

2. Между говорами наблюдается разнотой в употреблении мягких согласных x', k', t', s', \int , а внутри отдельных говоров — в употреблении x', t', s', \int . Последнее характерно для носителей боханского говора и частично для аларо-унгинского.

Для хоринских, цакающих и эхиритских говоров характерно произнесение звука x' : *tax'a*: (кураца), *ax'x'i* (вино), *tam'ix* (табак), *tax'xi* (мозг, голова), *3ndox'i* (здешний), *hal'ix* (ветер) и т. п. В этих говорах произнесение мягкого звука s' вместо x' встречается редко, и оно носит чисто спорадический характер.

В говоре ононских хамниган во всех этих случаях произносится смягченный звук k' вм. лит. *tax'a*: произносятся *tak'z*: вм. *tax'xi* - *tan'k'i*, вм. *tam'ix* - *tam'k'i* и т. д.

По всей вероятности, хамнигане усвоили этот звук еще тогда, когда

в монгольском языке произнесение этого звука было смычное — *takija*. В связи с переломом звука *i* звук *k'* в хамниганском говоре дал *tak'a*.
> *tak'æ*: > *tak'ɜ*:

В боханском и аларском говорах в произнесении указанных выше звуков наблюдается большой разницей. Только в боханском говоре имеет место четыре разных произношения: *s'*, *t'*, *x'*, *ʃ*. Однако эта строгая линия изоглоссы, связанная с распространением каждого из этих звуков по селам и родам, определенная М. П. Хомоновым¹, подтверждается не во всех местах. М. П. Хомонов выделяет следующие пучки распространения указанных выше звуков на территории, где локализован боханский говор: «К тякающей группе относятся обусинские (үбэсын) и улейские (үлээгэй) буряты, которые граничат с унгинскими бурятами. К сякающей группе относится большинство населения боханского района (готовльцы — население нынешних трех сельсоветов). К шакающей группе относятся бильчирские и отчасти шаралдаевские буряты. Причем в Шаралдае есть и хякающая группа, которая, по-видимому появилась под влиянием эхиритских бурят»².

Следует отметить, что слова типа *tas'a*: (курица), *ars'i* (вино), *tams'in* (табак) и т. д. в боханском говоре почти всюду произносятся через мягкий звук *s'*.

Что же касается мягких *t'*, *ʃ*, *x'*, то они в некоторых местах произносятся, но в произносительной норме большой группы носителей данного говора или целых сел и деревень они не имеют места. Подробные записи слов и текстов, произведенные членами диалектологической экспедиции в 1963 году, показывают, что в Бильчире говорят: *ars'inʃʌ* (арсинша) — бл. № 2, *manæ:s'inʃ* (манэсинш) — бл. № 2; в Улее в указанных выше позициях частично произносятся *t':zndʒt'ɔʒ* (эндэт'эб) — бл. № 2, но здесь же слышим *ʃtɜ:ʒʌz x'ɜ:da*. Диктор Онгой Маланович Макаров 77 лет, в этих позициях произносит различные звуки: то *tat'a*: (курица), то *tams'in* (табак). Совсем иное наблюдается в Обусе. Например, в записях, произведенных в с. Горхон, встречается тройное произнесение *s' ~ t' ~ ʃ: arʃi* (арши), *arʃi* (арти), *tarʃi* (тарши), *tas'a*: (тас'аа), *ars'i* (арси), *tams'in* (тамсин) и т. д. Однако чаще встречается мягкий звук *s'*. Несколько иное положение отмечается в поселке им. Ленина, где объединены село б. Новостройка и часть села Наймангутов. У жителей с. Новостройка в данном случае в основном наблюдается тяканье. Они являются выходцами из Нукутов, сохранили свой родной говор и до сих пор продолжают жакать. Например: *жараад ырхь биилдаа* (около 60 дворов); *жоргоо модон болхо* (шесть километров будет) (Е. А. Доржиев). Наймангутские же буряты в основном сякают.

Произнесение мягкого звука *x'* встретилось лишь в селе Харагун (Шаралдаевский куст), но и здесь оно не имеет массового распространения.

Таким образом, для боханского говора характерно произнесение в указанных позициях только палатализованного звука *s'*, произнесение же палатализованных звуков *t'*, *ʃ*, *x'* является спорадическим и встречается в тех или иных местах в результате влияния смежных говоров.

Появление в бурятских говорах различных палатализованных согласных в одних и тех же позициях фонетически объяснимо. Исходный палатализованный звук *k'*, произносимый перед звуком *i*, в результате перелома последнего дал среднеязычный палатализованный звук *h* и

¹ См.: М. П. Хомонов. Некоторые данные о говоре боханских бурят. «Сборник трудов по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 278.

² См.: там же.

щелевой x' , от заднеязычного x' образовался ζ — среднеязычный щелевой глухой звук, который противопоставляется звонкому j . Из ζ образовались переднеязычные звуки f и s' . Наблюдается закономерное передвижение активного органа вперед: $k' > x' > \zeta > f > s'$. Каждый переход характеризуется сменой только одного фонетического признака: заднеязычность сменяется среднеязычностью, среднеязычность — переднеязычностью. Первоначально произошел переход смычности на щелинность.

Замена смычности на щелинность, щелинности на смычнощелинность, или переднеязычности на среднеязычность, среднеязычности на увулярность, или звонкости на глухость в монгольских языках вполне закономерна: $k \parallel x \parallel kx: k\dot{x}\dot{r} \parallel x\dot{x}\dot{r} \parallel kx\dot{x}\dot{r}$ (два); $j \parallel \zeta: j\dot{a}b\dot{a}r \parallel z\dot{a}b\dot{a}r$ (хиус); $x' \parallel \zeta \parallel f \parallel s': tax'a \parallel ta\zeta'a \parallel ta\zeta'a \parallel ta s'a:$ (курица).

Сложнее объяснить, в какой последовательности происходила замена. Или имела место последовательная регрессия: заднеязычность > среднеязычность > переднеязычность, или, наоборот. С большей вероятностью можно утверждать регрессивное движение, так как в древних письменных памятниках монгольских племен в указанных выше позициях встречается заднеязычный смычный звук. Метод аналитического сравнения, когда в результате замены только одного фонетического признака, появляются новые звуки, впервые открыл и применил В. М. Наделяев при чтении орхоно-енисейского знака \mathfrak{Z} и при выявлении этимологии имени Тоньукука¹. Этим самым была раскрыта новая, более эффективная возможность сравнительно-исторического метода языкознания.

3. Явление, связанное с чередованием среднеязычного однофокусного звука j и двухфокусного ζ , объясняется такими же причинами. При произнесении звука дополнительно участвует передняя спинка языка. Это чередование касается только начальных звуков в слове. Звук произносится в хоринских говорах и в основной части аларо-унгинского говора. В Иельхайском кусте аларского говора $j\dot{a}k\dot{a}u$ аналогично боханскому и эхирит-булагатским говорам. Примеры чередования: $z\dot{a}r\dot{a} \parallel \zeta\dot{a}r\dot{a} \parallel j\dot{a}r\dot{a}$ (шестьдесят), $z\dot{a}l\dot{a} \parallel \zeta\dot{a}l\dot{a}$ (овраг), $z\dot{a}r\dot{a} \parallel j\dot{a}r\dot{a}$ (радость), $z\dot{a}r\dot{a} \parallel j\dot{a}r\dot{a}$ (образное слово), $z\dot{a}r\dot{a} \parallel j\dot{a}r\dot{a}$ (мальки) и т. д.

Иногда вместо двухфокусного звука ζ появляется однофокусный z . Например: $z\dot{u}r\dot{a} \parallel \zeta\dot{u}r\dot{a} \parallel z\dot{u}r\dot{a}$ (шесть). Здесь, по всей вероятности, имеет место последующее развитие двухфокусного звука $\zeta: j > \zeta > z$. Таким образом, в противоположении $j \parallel z$ имеем опосредованное чередование.

Если в переходах звуков $x > \zeta > s$ материалы показывают продвижение активных речевых органов вперед, то в переходах, давших в бурятском языке чередование звуков j и z , наблюдается обратное явление: переднеязычность сменяется среднеязычностью или смычность (переднеязычная) — смычно-щелинностью. История передвижения этих звуков в монгольских языках дает следующую картину: * $d > \mathfrak{Z} > \zeta > j$. Звуки $j - z: j\dot{a}h\dot{a} - z\dot{a}h\dot{a}$ (исправить), $j\dot{v}\dot{a}x\dot{a} - z\dot{v}\dot{a}x\dot{a}$ (тянуть) относятся к более поздним переходам, связанным с первыми ζ .

Область распространения звуков j и ζ в бурятских говорах разграничивается легко, но иногда встречается некоторая непоследовательность. Например, пороку маленьких домашних собак в говорах, где произносятся звук j , называют $ja:$ (яа нохой), в буквальном переводе «маленькая собака», хотя слово «маленькая» в других случаях словом $ja:$ не обозна-

¹ См.: В. М. Наделяев. Чтение орхоно-енисейского знака \mathfrak{Z} и этимология имени Тоньукука. «Туркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 197—213.

чается. Однако в говорах, где произносятся звук *з*, значение «маленький» передается словом *за*: (жаа). Маленькая домашняя собака в жакающих говорах называется не *жаа нохой*, как предполагалось бы, а *яаг нохой*. А баргузинские буряты, заимствуя говор хоринских бурят, пошли по линии народной этимологии еще дальше. Здесь маленькая собака называется уже не *яаг нохой*, а *яна нохой*, в буквальном переводе «костяные собаки».

Приблизительные периоды перехода *ч' > ж > з > ж* определены Г. Д. Санжеевым¹. Он связывает их с явлением перелома гласного звука *i*.

4. Соответствия *т' || н'* и *ј || н'*. Замена мягкого *т'* мягким *н'* и среднеязычного *ј* на *н'* очень часто встречается в Унге, реже — в боханском говоре.

В Унге, в основном в говоре старшего и среднего поколения, очень часто носовой губно-губной палатализованный звук *т'* в словах *панаглан* мянган (тысяча), *таглан* — мяхан (мясо) заменяется переднеязычным палатализованным носовым *н'*: говорят: *панаглан, панаглан*. Звуки *т'* и *н'* отличаются друг от друга только одним признаком: первый относится к первой артикуляции, то есть является губным, второй — ко второй артикуляции, то есть является переднеязычным.

В Унге нередко имеет место замена среднеязычного звука *ј* на переднеязычный носовой *н'*: слово *јамлан* (какой) здесь произносятся *п'атлан*. В данном случае изменение происходит в пределах только одного фонематического признака — второй артикуляции: среднеязычность заменяется переднеязычностью. Несколько иное явление наблюдается в произношении слова *н'з:ј'ү:р* (н'ээгүүр) вм. обычного *зпз:ј'ү:р* — энээгүүр (по этому месту) или *п'а:х'ан* (н'аэхан) вм. *зпз:х'ан* — энээхэн (вот именно этот). Здесь непалатализованный звук *п* заменяется палатализованным *н'*.

¹ См.: Г. Д. Санжеев. «Сравнительная грамматика...», стр. 99—103.

Ц. Б. БУДАЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ ЦОНГОЛЬСКОГО ГОВОРА

Словарный и фразеологический состав цонгольского говора непрерывно изменяется и пополняется. Изменения в лексико-фразеологической системе говора происходили и в дореволюционное время. Но более ощутимыми и значительными они стали после Октябрьской социалистической революции.

В цонгольском говоре произошли в основном следующие изменения: а) пополнение лексики и фразеологии новыми образованиями; б) переход некоторых лексических и фразеологических единиц в историзмы и архаизмы; в) приобретение словами нового содержания.

Пополнение лексики и фразеологии говора неологизмами

Особенно за годы Советской власти лексико-фразеологический состав исследуемого говора пополнился значительным количеством новых слов и выражений. Они появились:

1) с утверждением новой государственности и общественности, превращением нашей партии в руководящую силу советского общества. Приведем примеры¹: *Дзүвлэлт дзасаг* (ГРГ)², *Совезэд дзасаг* (БНЮ) — Советская власть (носителям говора известно также словосочетание *Совецкэ власть: Совецкэ власть намаэ өвдөн татаад абчава* (БНЮ) — Советская власть подняла меня на ноги); *сомон дзасан* (ЦДБ) — председатель сомсовета (иногда говорят только *дзасан*, но при этом подразумевают «председатель сомсовета»: *дзасаны удагаалагчи* (К.-С.) — заместитель председателя сомонного Совета) *Совецкэ Союз*³ — Советский

¹ В настоящей статье используется в основном материал, собранный мной в 1960—1961 годах в Кяхтинском, Селенгинском и Бичурском аймаках Бурятское АССР, а также лексический материал 1932 года, имеющийся в кн.: «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака». М., 1934. В названной выше работе примеры даны на латинизированном алфавите, в нашей же статье по техническим причинам они печатаются в транслитерации. — Ц. Б.

² Подробные данные об осведомителях см. в условных сокращениях.

³ Ул. Мурочи. Д. Ч. Доржитарова, 1949 г. рожд., ученица 3-го класса. Записано мною в 1960 году. Она загадала мне загадки: *Совецкэ Союзэд ямар мурн баца ганы нэртү адалхамба?* — Какая в Советском Союзе есть река, название которой похоже на имя девочки? (Отгадка: Лена). *Совецкэ Союзэд ямар мурны хозии урагшан уншадж болхоб?* — Какая в Советском Союзе есть река, которая читается одинаково с начала слова и с конца? (Отгадка: Или).

Характерно, что диалектных особенностей в речи школьников меньше, чем у взрослых. Очевидно, здесь сказывается влияние школы, где дети учатся на литера-

Союз; *эрвэлюүцэ* (СДБ, РББ) — революция; *полномоочон* — уполномоченный (*полномоочон явааб* (ДГЦ). — Я работал уполномоченным); *учасковоз мэлиис* (ЗБД) — участковый милиционер; *сельсполкоом пристаатал*¹ (ЗБД) — председатель сельского исполкома; *ниигэм джурам*², *сацалиидзам* — социализм; *камуниидзам* — коммунизм; *нам*³, *паарти* — партия; *намын гэшүүд*⁴, *паартийн гэшүүд* — члены партии, *комуниис* — коммунист; *партоорго* — парторг; *намын зүүр* — партийная ячейка (*Амагаас хөтөлөгчи эрхэдэ өгөдөг үгы базаа*. *Апрээл сар болтор өвснөө намын зүүр ба комсомоолчуудты чадха ядха дээргээрэ хөдөлмөрлөөд бэсэмди*⁵ — Мы просили председателя из аймака, но его нам не давали. До апреля месяца мы совместно с партийной ячейкой и комсомольцами по силе возможности работали сами); *партарганизааца* — парторганизация; *маркшиидзам* — марксизм; *лвньниидзэм* — ленинизм; *комсомоол* — комсомол; *комсомоолчууд*⁶, *комсомоолын гэшүүд*⁷ — комсомольцы, члены комсомола; *улас төр*⁸, *полиитико* — политика; *агитаатар* — агитатор (ср. монг. *ухуулагч* — агитатор от *ухах* — понимать; от халхаской формы в цонгольском говоре сохранились слова *ухамаз* — понятливый, *ухаан* — ум, мысль); *агитааца* — агитация (ср. монг. *ухуулга* — агитация); *агитааца хишэ* — агитировать, *конститууца*, *үндэсэн хуули* — конституция (ср. монг. *үндсэн хууль* — конституция); *дилигаад* — делегат (ср. монг. *төвлөлөгч* — делегат); *батрааг*, *хүлөсөнчө* — батрак, *бидняаг*, *үгүү хүн* (во мн. числе *үгүүнэр*) — бедняк; *сиридняаг*, *дунда чадалта* (во мн. числе *дунда чадалтан*) — середняк (ср. *арван хөлөсөнчин*, *джаран үгүүнэр*, *тавин дзургаан дунда чадалтан*¹⁰ — десять батраков, шестьдесят бедняков, пятьдесят шесть середняков) и др.;

2) с развитием промышленности и транспорта: *абтамашина* (ГРГ), *абтамавииль* (РББ), *гал тэргэ*, *мохор тэргэ*¹¹ — автомашина, автомобиль (ср. монг. *галт тэргэ* — поезд); *ерплаан* (БЧБ), *самолёд*¹² (ЦНД) — самолет (аэроплан); *тараагтар* (ГРГ) — трактор; *модовооско* (Бол.) — лесовозка (последний пример интересен тем, что первая часть этого заимствованного сложного слова дается в переводе, вторая без перевода), *матцыкэл*¹³ (ГРГ), *мотоцыкэл* (ТББ) — мотоцикл; *тарамбаэ* (РББ) — трамвай; *дзавууд* (ГРГ), *дзавоод* (*Цүхүүн дзавоод* (ЦБД) — Чикойский

турном бурятском языке, а также возраст (молодежь быстрее, чем люди старшего поколения, усваивает новое).

¹ Нужно отметить, что рассказчик из русского языка употребляет больше прямых заимствований, чем остальные осведомители. Это связано, по-видимому, с тем, что раньше он работал на руководящих постах в аймачном центре (г. Кяхта).

² «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака». Л., 1934, стр. 43; *Ниигэм джурамын й соор өвснүмназ хөдөлмөр үргөлд жилд жи баэна* — Сеноуборочная работа идет у нас по-социалистически (ул. Ноехон).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 60.

⁷ Там же.

⁸ В 1920—1930-х годах говорили *улас төр*: *улас төрын кэмпани* — политическая компания.

⁹ Ср. монг. *үгийгүү хүн*, *үгийгүү* — бедняк, *үгийгүү нар* — бедняки; *дзарц* — батрак (см. Русско-монгольский словарь. М., 1960, стр. 30—31).

¹⁰ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 44 (ул. Ноехон).

¹¹ Для местных жителей было большим событием, когда в 1930 (примерно) году в ул. Цайдам (Ноехон) впервые появилась автомашина, которую называли *гал тэргэ* (досл. «огненная телега») или *мохор тэргэ* (досл. «куцая телега», то есть «телега без оглобель»).

¹² Ср. монг. *нисэх онгоц* — самолет.

¹³ Ср. монг. *мотоорт дугуй* — мотоцикл.

завод — завод, *агтавууд*, *абтавууд* — автобус; *пооздо* (ГРГ), *түмөр харгуу*¹ (ЦДБ) — железная дорога и т. д.;

3) с преобразованием сельского хозяйства: *хамтын аджил* — коллективное хозяйство (досл. коллективный или общий труд), колхоз (*Маназ энэ хамтын аджил болвол минга юсөн дзуун гучин оны февралын арван гурван өдөртө анканда бии болоходо... сазн дураараа гучин нэгэн аэл хамтарсан базга*² — Наше коллективное хозяйство впервые было создано тринадцатого февраля 1930 года. В нем добровольно объединилась тридцать одна семья); *колхоодз*, *холхоодз* — колхоз (*хорин йэсэ — гучин онуусаар колхоодз болоо доо* (ВББ) — В 1929—1930 годах у нас организовались колхозы); *камуун* (ГРГ) — коммуна; *тоодз* — ТОЗ (*Анкан түрүүн гучаад оны үенд тоодз*³ *гэджи эндэч базсан* (ГРГ) — примерно в тридцатом году здесь сначала был организован ТОЗ³; *совхоодз* — совхоз (*Үннө совхоодз болоодол баэн даа*. (ВББ) — Теперь создан у нас совхоз); *түрүүд* — трудодень (*түрүүд*¹ *дээрээл гэхэ* (ГРГ) — на труд, говорят); *джаалаб* — жалованье; *дзарплаад* (ГРГ) — зарплата, *биргаад* — бригада (*Июүлийн хорин дөрвөннөс өвнсныгөө хөдөмөрт орсон базнабди, таван биргаад арва гаран улсуудты яваджи базна*⁴ — С двадцать четвертого июля мы приступили к сеноуборке. Работает сейчас пять бригад по десять с лишним человек в каждой); *биргадиир* — бригадир (ср. монг. *бригадын дарга* — бригадир); *хамтын аджилын хөтөлөгчи* — председатель колхоза (*Апрээль сарда аэмагаас нөхөр Дашын гэгчииг манай хамтын аджилын хөтөлөгчи болгон илгээсэн базна*⁵ — В апреле месяце из аймака послали к нам председателем колхоза товарища Дашиева); *колхоодзы дээсэн* (ЦБВ) — председатель колхоза (ср. монг. *хамтралын дарга*), *үчөөдчөг* (ноех). — учетчик (ср. монг. *тоо бүритгэгч*), *убооршоц* — уборщица (*Үннө бии контоорт убооршоцоор яваа хүм* (ЦНД) — Сейчас я работаю уборщицей в конторе); *даярка* — доярка (*Хоёр — гурван джил даяркаар явааб* (ЦНД) — Годы два-три работала дояркой); *гахаэн дзавээдаш* — заведующий свинофермой (*Гахаэн*⁶ *дзавээдашаарч явааб* (ЦНД) — Была я также и заведующей свинофермой); *ниигэм джурамын мурьцөгөө* — социалистическое соревнование (*Тарилгын хөдөмөртө Цөхын тагалцары Улаан мандагчи хэмээхэ артезельты ниигэм джурамын мурьцөгөө хицсэн базна*¹⁰ — В период весеннего сева мы вступили в социалистическое соревнование с артелью Улан-Мандагчи

¹ Ср. монг. *төмөр дзам* — железная дорога.

² «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 42. Речь идет о создании коммуны «Исра» в с. Ноехоне.

³ ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли.

⁴ В ул. Усть-Дуигуй от осведомителя Б. Д. Занданова (1884 г. рожд., ашабагад) мною записано слово *түрүүдэнеэ* — трудодень. Ср. монг. *аджилын өдөр*, лит. бур. *ажалта үдэр* — трудодень.

⁵ Записано в ул. Ноехон Селенгинского аймака. Характерно, что слово «жалованье» в русском языке ушло в пассивный запас лексики, однако в цонгольском говоре оно до сих пор сохраняется в активном запасе (наряду с неологизмом «*дзарплаад*). См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. 1; М., 1935, стр. 844: «Жалованье (устар.). Денежное вознаграждение за службу (выходит из употребления, заменяясь словами: заработная плата)».

⁶ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 43 (ул. Ноехон).

⁷ Ул. Цаган-Челутай. Н. Ю. Батомукуев: *Холхоодз боллод биргадиир хоёр дахид ж базга хэм* — С тех пор, как организовывался колхоз, я дважды был бригадиром.

⁸ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 43.

⁹ Под словом *гахаэ* (свинья) здесь подразумевается свиноферма. Следует отметить, что в исследуемом говоре подобные метонимии наблюдаются часто.

¹⁰ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 43. В ул. Мурочи от коренного жителя Д. П. Цыдыпова нами записано слово *марьяагэ* — соревнование.

улуса Чик-Тагалцар); *мехкаады күүрсэ* — курсы механизаторских кадров (*Сэлэнгынскэд мехкаады күүрсэнд базаа сэж* (ЦНД) — В Селенгинске, то есть в Ново-Селенгинске, я училась на курсах механизаторских кадров), *мэтээс* (ЭСГ) — МТС, *шоэпори күүрцэ* (ГРГ) — курсы шоферов, *камбааен* (РББ), *камбаэна* (ЭСГ) — комбайн, *угтамд жын төсөб* — встречный план (*Угтамд жын төсөбт арва гаран цээнтнир талха улаан ачаагаар тушаасан баэнабди*¹ — Взяв встречный план, мы сдали по красному обозу более десяти центнеров хлеба); *улаан ачаа* — красный обоз (*Наян назман цээнтнир талхыг улаан ачаагаар тушаасанд талханы хөдөмөрын сүүлээр ногоон солоом авасан баэнабди*² — По красному обозу мы сдали восемьдесят восемь центнеров хлеба и после хлебоуборочных работ получили еще зеленку), *ногоон солоом* — зеленка, досл. зеленая солома (*Ногоон солоомоо дүүргээд лэ малын барилга бариха гэджи бэстарамназ цаса ехэ оросон баэна*³ — Только лишь закончили уборку зеленки и хотели приступить к строительству животноводческих помещений, выпал большой снег); *плаан* (*Хорин гаа плаан дээрээ нэмэд жи илүү тарьсан*⁴ — Сверх плана посеяли еще двадцать гектаров), *төсөб* — план (*төсөвөөсөө таван гаа илүү тариха*⁵ — посеять еще 5 га сверх плана); *бүгэдын цуглаа* — общее собрание (*Цаашань бүгэдын цуглаагаар шинэ гэшигүүд*⁶ *манаэ хамтын аджилд оросон*⁷ — Дальше, на общем собрании в наше коллективное хозяйство вступили новые члены) и т. п;

4) с развитием новой культуры и просвещения, с коренным улучшением быта в цонгольских улусах: *сүүны машина*⁸ — сепаратор (досл. машина для молока); *маханы машина*⁹ — мясорубка (досл. машина для мяса); *электрын лаампа*¹⁰, *лаампа*¹¹ — электрическая лампочка, *араадо*¹² (К.-С.) — радио; *пэрийоомниг* (ДГЦ) — приемник; *энститүүд* — институт (*Эхэнэрэнэ энститүүд дүүргэсэн* (ЦНД) — Жена его окончила институт), *күлүүб* (ГРГ) — клуб; *тиноо* — кинофильм, кинотеатр (*тиноонд очхо* (ГРГ) — идти в кино); *гадзээд* — газета («*Үнэн*» *гадзээд бэчүүлнэальди дээ* (ЦГБ) — На газету «*Үнэн*», то есть «*Буряад үнэн*», подписываемся); *гараамат* — грамота (почетная): (*Тэрэ бэрээмэнд гараамат аваа сэж* (ЧЦЧ) — В то время (т. е. в период Отечественной войны. — Ц. Б.) я получил грамоту); *матраас* — матрац (*Буразсаар хэлдээги, энэч саяны гард жазгаа ем гү гүү дээ* (ЧЦЧ) — Так по-бурятски не говорят, его, то есть матрац, стали делать недавно); *бүпээд* — буфет; *комоод* — комод; *панээр* — фанера; *дзанавээскэ* — занавеска (*онгоошконы бүд* — материал для окна), *күрживаа* — кружева (*өөрөө оёсон* — то,

¹ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 43.

² Там же, стр. 42. См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., 1935, стр. 1502: «Красный обоз (нов.) — обоз, организуемый крестьянами для сдачи хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты».

³ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 42.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же.

⁶ Ср. халх. *гшүүн*, лит. бур. *гшүүн* — член. В первые 10—15 лет после Октябрьской революции в исследуемом говоре сказывалось влияние старописьменного монгольского языка.

⁷ «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 42.

⁸ Ср. монг. *сүүний машин* — сепаратор (см.: Русско-монгольский словарь. М., 1960, стр. 625).

⁹ Ср. монг. *мах татах машин* (см.: там же, стр. 319).

¹⁰ Ул. Кудара-Сомон. Г. Ц. Доржиев. Ср. *лаампа* — керосиновая лампа (со слов того же осведомителя). В ул. Ноехон *дзаэн гал* — электричество.

¹¹ Ул. Цаган-Челутай. Н. Ю. Батомучкуев: *Лаампа гэжэмназ булаз гоё эмбелчово доо* — Очень хорошо, что провели электричество (досл. лампу).

¹² Ученица 6-го класса Н. Р. Гармаева произносила *радео*, а ее отец Р. Г. Гармаев *араадо* (ул. Кудара-Сомон). Записано в 1960 году.

что сами связали) (ОХГ); *нүхэн гэр*¹ — землянка (для содержания кур, поросят); *мөвлы гэр* (Мур.) — мыльница (досл. футляр для мыла); *хүлөө үргөсөн шаар* (Бол.) — свесивший ноги шар (биллиардный); *вилоспезд*², *дугуи* (БЧБ) — велосипед; *партрезд* — фотокарточка (*Угтоол мэни дэри гэхэ базгаа даа, суроогүй; урд цагта базгаагүй* (ДГЦ) — Вообще-то надо было бы говорить *дэри*, то есть снимок, но так говорить не привыкли, так как раньше фотокарточек не было); *каартачка*³ (ОХГ) — фотокарточка и т. д.

Названия предметов школьного преподавания почти целиком заимствованы из русского языка или через русский язык (*хиими, географы, чирчезни, геометэр, аалгибар* и др.);

5) с развитием военного дела: *Улаан цэрэг* — красные войска, Красная Армия (*Эндээс Улаан цэрэг очисон, Улаан цэрэг очиджи борооны гурван дзуун хүний дарсан. Бороон дылдээ*⁴ — Отсюда были направлены красные войска, которые победили бароновцев, то есть унгерновцев. Барон потерпел поражение); *развездхэ* — разведка (*Манэ хорин хоёр хүн развэдка явасан*⁵ — От нас двадцать два человека ходили в разведку); *офицээр* (*Би борооны гурвадагаар оддилезниин офицээрын мори буудад жи унагаасан*⁶ — Я выстрелом повалил коня офицера третьего отделения барона), *апицээр* (ГРГ) — офицер; *байнаа*⁷ — война (*Байнаанд хэдэн тооноор үзэрцэ тушаадаг сэм* (ЧЦЧ) — В войну, то есть в Отечественную, я сдавал государству огурцы по несколько тонн); *поол* — полк (*Бэди тэрээти Үдын поолд яваабди түрүүчын ермаан даэнд* (РББ) — В германскую войну, то есть в первую империалистическую, мы служили в третьем Удинском полку); *пороонт* (ВББ) — фронт; *боомбо* (ГРГ) — бомба и др.

Обогащение словарно-фразеологического состава цонгольского говора происходит как за счет внутренних возможностей, так и при помощи заимствований.

Основным путем пополнения лексики и фразеологии исследуемого говора является использование внутренних ресурсов. Об этом кратко расскажем на примерах образования флористической терминологии. Названия флоры даются по следующим признакам растений: а) по цвету: *цагаан тараз*⁸ (ВМЦ) — пшеница (досл. белое зерно); *хар тараз*⁹ — рожь (досл. черное зерно). Отсюда *цагаан гурил* — пшеничная мука (досл. белая мука), *хара гурил* — ржаная мука (досл. темная мука); б) по форме: *шүхөр цэцэг* — повилика (досл. зонтик-цветок), *хуцын хууха* — мак полевой (досл. *scrotum* барана); в) по вкусу: *шэхэр үвжэ* — солодка уральская (досл. сахарная трава; растение названо по сладкому соку в корнях); г) по месту и времени появления: *голы хяаг* — пырей ползучий (досл.

¹ В ул. Мурочи — *джмлянка* (Д. Б. Цыдыпов).

² Х. Г. Олдосонова (ул. Кудира-Сомон) произносила это слово *билиспезд*. Б. Г. Бяинов (ул. Хилгантуй) — *вилспезд*.

³ В Селенгинском аймаке, в частности в ул. Ноехон, также говорят *каартички* (наряду с *дүрис*): *каартачкаа (дүрисээ) абхуулха* — сниматься (о фотокарточке).

⁴ См.: «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 41 (ул. Тамча, коммун «Улан одон»).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Наряду с этим заимствованием среди носителей говора употребительны словы *даэн, цэрэг, хүл* — война.

⁸ См.: «Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака», стр. 43; *Цагаан таря джаран дзургаан гаа тарисан* — Пшеницы мы посеяли 66 га (ул. Ноехон). Там же, стр. 41: *Тэгээд цагаан таря тариба* — Затем посеяли мы пшеницу. Ср. монг. *улаан буудай* — пшеница, лят. бур. *шэниисэ*. Сейчас в большинстве цонгольских улусов чаще стало употребляться русское заимствование *шэниц*.

⁹ Ср. монг. *хөх тариа* — рожь.

подолинный пырей); д) по производимому действию: *халгаэ* — крапива (от глагольной основы *хала-* — обжигать), *шэвээхээ* — ковыль-волосатик (от глагольной основы *шэвэ-* — внедряться, колоть — в период плодоношения ковыля его острые зерновки цепляются за шерсть овец и нередко впиваются в их тело¹ и т. д.

Итак, растения могут быть охарактеризованы с разных сторон и названы по одному какому-нибудь признаку, присущему им.

Некоторые слова и словосочетания образованы в результате приобретения ими нового значения. Этим путем возникли такие названия флоры, как *нохоэн хоншоор* — шиповник иглистый (досл. мордочка собачки), *дэзэрым шэлвэ* — астрагал донниковый (досл. ножка антилопы), *үхэры нюдэ* — черная смородина (досл. коровьи глаза), *хүн үвэс* — стеллера (досл. человек-трава), *гулигө* — почка на деревьях (досл. щенок).

Наименование *нохоэн хоншоор* возникло по сходству ягод шиповника с мордочкой собачки, *үхэры нюдө* — по сходству ягоды с коровьими глазами, *гулигө* — по сходству почки (у деревьев) со шенком (мягким, пушистым). Интересно отметить, что в байкало-кударинском говоре почка (на деревьях) называется *нимаан* (коза) — по сходству ее с козьим пухом (в прямом значении слово *нимаан* у байкало-кударинцев означает «коза»). В родственном ему баргузинском говоре почку называют *шоогоэ*, что также означает «коза». Таким образом, представители байкало-кударинского и баргузинского говоров название «почка» связывают с козой, а представители цонгольского говора — со шенком. Носители местных говоров каждый по-своему восприняли данный предмет и назвали его по одному из присущих ему признаков.

К этой группе словотворчества можно отнести также термины, в которых определяемое является общим родовым названием, а определяющее — названием, перенесенным с другого предмета по внешнему сходству сопоставляемых предметов. Такие образования служат для выделения предметов по видам и подвидам. Приведем примеры: *наран цэцэг* — подсолнух (досл. солнце-цветок), *хонко цэцэг* — колокольчик (досл. колокольчик-цветок), *нарсан үвэс* — хвощ полевой (досл. сосна-трава).

Некоторые флористические названия образуются при помощи аппозиций (определений), являющихся наименованиями животных, главным образом, домашних. Примеры *үхэр халгаэ* — крапива коноплевая (досл. корова-крапива), *хонин арца* — можжевельник казачий (досл. овца-можжевельник), *ямаан бургаас* — ива-шелюга (досл. коза-тальник). Когда к названиям растений прибавляется аппозиция, например, *үхэр* (корова), то известную роль тут несомненно играет размер предмета, ассоциирующийся с величиной коровы в сравнении с другими, более мелкими животными: ср. *дэгдэ* — горечавка и *үхэр дэгдэ* — крупнолистная горечавка; *хонин шаралджаа* — полынь венечная, *үхэр шаралджаа* — полынь гребневидная (крупная).

Словарь говора обогащается также путем переноса значений слов. Переносные значения слова объясняются посредством основного значения в контексте. В цонгольском говоре наблюдаются характерные для него метонимии. Например: *Нэгэ цэдэгэр дэваяа хуу салгаагаад*² — Один пузатый чайник весь опростали. В этом тексте под словом *дэваяа* подразумевается не посуда как таковая, а ее содержимое (речь идет о молочной водке). Или: *Емыч хуу хиид ж чадхаб: түмөрч хиидэгэж, модоч хиидэгэб*³ — Все могу делать: и слесарничать (досл. железо делаю), и плот-

¹ См.: БСЭ. Изд. 2, т. 21, стр. 517.

² Записано в ул. Ульзетуй Кяхтинского аймака.

³ Записано в ул. Кудара-Сомон Кяхтинского аймака.

ничать (досл. дерево делаю). В данном примере слова *түмөр* (железо), и *модо* (дерево) обозначают соответственно слесарное дело, столярное дело. Примеры синекдохи: *шэрмэ носчазна* — топится печка. Здесь слово *шэрмэ* (плита у печки), являясь частью целого, обозначает очаг (в целом). Или возьмем слово *хорхоэ* (насекомое вообще). Благодаря сужению значения по синекдохе оно обозначает «змея», иногда «вошь». (Ср. *бөөс хорхоэ*). Здесь наблюдается соотношение: род вместо вида. Приведем пример метафоры: *тологоэ* — 1) голова; 2) нос лодки. Нос лодки по-цонгольски назван так потому, что эта ее часть находится спереди, как и голова у человека или животного. Перенос по функции: *гэр* — 1) дом, жилье; 2) футляр для очков (*нюднүи шэлы гэр*). В отношении очков футляр как бы выполняет функцию помещения, поэтому в говоре он назван *гэр* (дом, жилье). Или *нюдө* — 1) глаз; 2) оконная клетка. Здесь имеем переиос слов с других предметов по сходству функции.

В цонгольском говоре богато представлены синонимы. Например, понятие «забить», «заколоть скот» в говоре передается синонимами *алха*, *цохихо*, *мушкаха*, *гаргаха*, *эдэлхэ*, *бөөрөлхө*: *хашаргаа цохёо* — забил телка (досл. ударили телка); *ергээ мушкаа* — закололи барана (досл. скрутили барана). Или возьмем слово «украсть». В говоре оно имеет следующие синонимические варианты: *хулгаэлха* (наряду с *хулууха*), *ташха*, *дэалха*, *адисалха*¹.

Приведем характерные для цонгольского говора омонимы — слова, одинаково звучащие, но по своему значению не имеющие ничего общего. Примеры: *уур* — пар, испарение²; ступа; злоба. *Ороэ* — поздно; макушка. *Ганца* — курительная трубка³; только один. *Оэ* — год (*дэндөө хүрөө* — ребенку исполнился год); лес. *Аца* — дай; вилы.

В исследуемом говоре в большом количестве встречаются парные слова, которые по своему составу различны: а) сочетаются два полнозначных слова-синонима: *үйлө хуви* — судьба, *сээр сэд жэг* — грех, *үтөлхө үеөхө* — стареть, *арга онис* — механизм, *арга мэхэ* — обман, *арга ончо* — метод, *наэр наадан* — празднество, *үнчөн үрөөсөн* — сирота, *утаа уняар* — дым, *боё тоос* — мусор, *цохихо альтиха* — избивать; б) сочетаются слова, одно из которых имеет самостоятельное значение, а другое — не имеет: *дзааты дзууты* — многолетний, *джалга джаваа* — овраг, *дуу шуу* — крик, шум, *түмөр түчээ* (ср. хор. *түмэр түдэгэ*) — железо, металл, *тэды еды* — несколько, *уур хюур* — злоба, *набта сабта* — рваный, *газ түи* — опасность, *сараэ мараэ* — пристройка, *хор хомсо* — быстро расходуемый; в) сочетаются слова, противоположные по значению: *үлюү дутуу* — лишний (*үлюү дутуу ем дуугарха* — болтать лишние слова), *муу сазн* — всякий (досл. хороший, плохой). Ср. *Муу сазн дзон эндэ олон* — Здесь есть всякие люди.

Словарный состав говора пополняется также за счет заимствования из других языков, особенно из великого русского языка.

Добровольное вхождение Бурятии в состав Российского государства в основном совпадает по времени с переселением цонгольских племен из Монголии. Цонголы с давних времен жили в соседстве с русскими и имели с ними постоянное общение. В результате такого общения в их говоре наблюдается значительное количество слов и выражений, заимствованных из русского языка и через него — из других языков.

По периодам заимствованные слова можно разделить на дореволюционные (старые) и послереволюционные (новые) заимствования. До

¹ Зафиксировано в ул. Ноехон Селенгинского аймака.

² Отмечается у кяхтинских цонголов и халхасцев. Ср. сел.-цонг. и лит. *уурал* — пар, испарение.

³ Лит. бур. *гаахан* или *даахан*, монг. *гаанс* — курительная трубка.

Октября русские слова и словосочетания переходили в цонгольский говор в основном устным путем, после революции наряду с устным заимствованием происходит заимствование через печать и литературный язык. Ранние заимствования подверглись сильной модификации, приспособились к фонетическим и морфологическим нормам говора (*бодоог* — в. биток, *мушөөг* — в. мешок, *мөөл* — в. мыло); поздние — подверглись изменениям в фонетико-морфологическом отношении гораздо меньше (*Советцкэ Союуэ, агитаатар, апрээль, матцыкэл, самолгод*).

По заимствованиям досоветского периода приведем данные из исторических документов, написанных, очевидно, носителями цонгольского говора: 1) *Эртын уг галивар минуу* (Моя родословная) и 2) сочинение без заголовка, начинающееся с предложения: «*Өхин Хонтогорыхь 1680-аад оны үед Монголы Тушээт хагааны гадзар ээц гарча ербээ*»¹ — Семья Ухина Хонтогора прибыла сюда из владений монгольского Тушету-хагана приблизительно в 1680-х годах». Эти два небольших по объему сочинения неизвестных нам авторов написаны на старомонгольском вертикальном письме. В нашей статье по техническим причинам примеры печатаются в транслитерации. Первый документ (*Эртын уг галивар минуу*) написан летом 1867 г., второй — в 1872 г. В первом сочинении находим такие русские заимствования: *соотниг, пятисоотниг* (ср.: *Дзаргачын хүүнэр ануу 3: соотниг Дзондог, дзайсан Галдан, пятисоотниг Галсан эдэ бой* — Сыновей Дзаргачи 3: сотник Дзондок, зайсан Галдан, пятисотник Галсан). Во втором — *бойвод канцалаяр* — воеводская канцелярия (ср.: *589 оны мартын 12-то шахаан өргөсөн байна. Сэлэнгын бойвод канцалаярта* — 12 марта 1689 года Ухин принял присягу в Селенгинской воеводской канцелярии), *бригаад* — бригада, *поол* — полк (ср.: *851 оноос мартын 17-оос орос хасагтыгаа хамта хоёр бригаад, 4 pool, 24 сомо*² *болоод* — С 17 марта 1851 г. вместе с русскими казаками были сформированы 2 бригады, 4 полка, 24 роты), *астаница* (ср.: *13 ород астанница* — 13 русских станиц), *даача* (*даачын гадзар* — дачное место), *грааф* (ср.: *720 ондо нөгчсөн. Нөгчсэны сэгүүлдэ Лувсан тайшаа болоод ябаталаа 727 ондо 2 хааны хилэ хайча табихада грааф Савва Владиславич өөрын бэтэй хамта ябуулбай* — В 1720 году Ухин умер. После его смерти тайшой стал Лубсан, и во время установления границы двух царей, то есть русско-китайской границы, в 1727 году граф Савва Владиславич³ *брал* его с собой).

Следует отметить, что степень заимствований в тех или иных отраслях лексики различна. Так, в лексике животноводства, в обиходно-бытовой лексике, в словах, связанных с родством людей, или в фаунистической терминологии заимствований очень мало. В общественно-политической и научно-технической терминологии, а также в полеводческой лексике пласт заимствований из русского языка занимает значительное место.

В предыдущем разделе (о неологизмах) приводилось немало примеров заимствований, главным образом, советского периода. Здесь приведены в основном факты раннего заимствования по бытовой и земледельческой лексике.

Заимствования в лексике земледелия: кях.-цонг. *бүүльвэ, гүүльвэ*.

¹ Эти документы нами были найдены при сборе материала в 1960 г. у осведомителя Б. Р. Чимытова, 1882 г. рожд., цонгол, ул. Большелуг. Проживает сейчас в г. Улан-Удэ.

² *Сомо* арх. — рота. Ср. монг. *суман* — рота.

³ Рагузинский-Владиславич Савва Лукич — граф, русский дипломат, приближенный Петра I. Рагузинский-Владиславич возглавлял русскую делегацию для ведения переговоров с Китаем, в результате которых добился подписания Кяхтинского договора 1727 г. (см.: БСЭ. Изд. 2, т. 35, стр. 467).

сел.-цонг. *хортообхо* — картофель¹. Ср. лит. бур. *хиртаабхи*, монг. *тэмс*; *орсоохо*² — раздвоенная соха³, *гараа вал*⁴, кях.-цонг. *гараа-вал*⁵ (сел.-цонг. *тармуул*) — грабли. Ср. лит. бур., монг. *тармуур*; *сээрнэ* — серп. Ср. монг. *тарианы хадуур*, лит. бур. *хадуур*, хор. *шеэрнэ*; *ладуун* — гумно, ток (для молотыбы). Ср. монг. *утрэм*, лит (ур. обин; *мольтиино* — цеп. Ср. монг. *тариа цохих багадж*, лит. бур. *гар молтиилхо*. Характерно, что слово «молотило» в русском литературном языке также обозначает цеп⁶: «молотило — привязанная к рукоятке цепа короткая палка, которой бьют по снопу гри молотыбе»⁷. Здесь наблюдаем синекдоху: цонг. *молтиино* (по-сиб. молотило), являясь частью целого, обозначает предмет в целом (цеп); *бодоог* — било, бита. Интересно происхождение этого слова. Оно заимствовано от русского слова «биток»⁸. По закону гармонии гласных это слово (биток) при заимствовании превратилось в *бодоог*; *ургааль* — рукоять деревянной сохи, рогаль⁹ — (в начале собственно цонгольского слова звук *p* не встречается). отсюда *ургааль*); *шэниц*¹⁰ — пшеница.

Большинство названий огородных, зерновых и садовых культур в говоре заимствовано из русского языка. Например: *үгэрцэ* — огурец¹¹, *капуус* — капуста¹², *морхоог* — морковь¹³, *помидоор* — помидор¹⁴, *гороохо* — горох¹⁵, *турнеэсэ* (ЦДБ) — турнепс, *түрнеэпэс* (РББ) — тур-

¹ Местное русское население (семейские) Кяхтинского аймака картофель называют *бульба* (*гульба*). Отсюда у бурят, проживающих там, встречаем слово *буульва* (*гүүльвэ*). Русские же, проживающие в Селенгинском аймаке, говорят «картошка», а селенгинские буряты также эту культуру именуют *хортообхо* (*хортоошхо*). См.: Владимир Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 141: Бульба пск., смл. гульба, картошка. К «особым словам Псковской губернии» В. Даль относит слово «гульба» (картофель). Там же, стр. VI.

² Это слово заимствовано местным бурятским населением у русских давно. У русских оно вышло из употребления, у носителей цонгольского говора — сохранилось до сих пор. (Ср. *джаалаб* — жалованье и др.).

³ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1955, стр. 48.

⁴ Ул. Хилгантуй.

⁵ Ул. Мурочи. Носители данного говора цонгольских улусов Кяхтинского аймака свидетельствуют о том, что грабли у них иначе не называют (*тармуул гэккхи*). Ср. кях.-цонг. *морин гараавал* — конные грабли в. нох. *морин тармуул*.

⁶ См.: БСЭ. Изд. 2, т. 46, стр. 559: «Цеп — простейшее сельскохозяйственное орудие для обмолота главным образом зерновых. Состоит из длинной (до 2 м) деревянной ручки (держалень) и короткого (до 0,8 м) била (цепинка), соединенных сыромятным ремнем (гуж). При наименовании некоторых частей этого орудия в говоре использованы свои языковые возможности: сыромятный ремень (гуж), прикрепляющий било к деревянной ручке, называется *алиса* (в ул. Бурдун это слово произносят *алага*), ручка цепа называется *эшэ* (мольтиины *эшэ*).

⁷ См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. II, М., ГИС, стр. 250.

⁸ См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 143: «биток — то же, что бита, битка (обл.)».

⁹ См.: Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 100: «рогаль влгд., прмск казачка у сохи, рукоять». Эти лексические данные (ургааль, см. выше *буульва*, *гүүльвэ* и др.) подтверждают, что предками русских, живущих ныне в соседстве с носителями цонгольского говора, были выходцы из Псковской, Вологодской, Пермской и других губернии России.

¹⁰ Записано в ул. Хилгантуй. В одних цонгольских улусах говорят *иэниц*. в других — это слово употребляют наряду с *цагаан таряа*.

¹¹ Ср. монг. *хэмх* — огурец.

¹² Монг. *байцаа*. Ср. кит. *байцай* — капуста.

¹³ Ср. монг. *лууван* — морковь.

¹⁴ Ср. монг. *улаан лууль* — помидор.

¹⁵ Монг. *вандуй*. Ср. кит. *вандоу* (горох).

непс¹, овэос — овес², ячмезн — ячмень³, пороос (просо)⁴, гэрчүүх (гречиха)⁵, чесноог (чеснок)⁶, арвуудз (арбуз)⁷, гүрүүш (груша)⁸, лимоон — (лимон)⁹, мандариин (мандарин)¹⁰, явалка (яблоко)¹¹ и т. д.

Займствования в бытовой лексике: кях.-цонг. *дзавооджон*, сел.-цонг. *дзавууджан* — завозня, *онгоошко* — окно (от окошко). Ср. монг. *цонх.*, лит. бур. *сонхо* — окно, *пордуушниг* — окошечко (*дзаахан*, *ганца нюдө онгоошко*). ОХГ — маленькое окошечко в избе из одной клетки; продукция (*салти орд жэдагыг*; *доогуур*, *гэртэ баэдаг дзаахан нүхэ* (БНА) — небольшое отверстие под дом для протока воздуха), *матня* — матица (балка, прндерживающая потолок)¹², *дүүшкэ*¹³, *үрүүчкэ* (*үүдны*)¹⁴ — ручка двери; *колоод* — колода, притолка над дверью; *эслезэ* — слега¹⁵; *поол* — пол; *потлоог* — потолок, *хэрэлцээ* — крыльцо; *араама* — рама (оконная), *камезн* (ГРГ) — камин¹⁶, *пезчэн*¹⁷ — печь; подпооли — подполье; *хирпишс* — кирпич; *чуваал* — чувал (см.: В л а д и м и р Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 610; «Чувал, у русской печи — очелье с трубой; кожух, с частью трубы»); *турваа* — труба (железная у печи); *ачааг* (ср. монг. *дзуух*) — очаг, печка (последние два слова — *чуваал*, *ачааг* — заимствованы через русский язык из тюркских языков¹⁸); *дараанца* — драница (обл)¹⁹, дранка; *бривноо* — бревно; *сутүүнкэ*, изр. *эстүүнкэ* (в ул. Хилгантуй) — сутунок²⁰ (*бүдүүн модыг хага цохёод*, *палааха*, *поол*, *потлоог хишсныг* (ББГ) — делают из него плаху, пол и потолок); (*Бүдүүн модыг отлоод*, *поол*, *потлоог*, *хишхээр бэлэн болгосон модыг хэлэхэ*; *палаахач гэхэ*, *пбол потлоогы модоч гэхэ* (ЦДБ) — так называют толстое дерево, приготовленное для пола или потолка; называют его и плахой, а также лесоматериалом для пола или потолка); *дзавоор*²¹ кях.-цонг. — перегородка в доме; *санавар*, *самавар* — самовар;

¹ Ср. монг. *турнепс*, *бордооны том самраг* — турнепс.

² Монг. также *овес*.

³ Ср. монг. *арвай* — ячмень.

⁴ Ср. монг. *шар будаа* — просо.

⁵ Ср. монг. *сагаг*, *сагадаи* — гречиха.

⁶ Ср. монг. *саримсаг* — чеснок.

⁷ Монг. *шийгуа*. Ср. кит. *сигуа* — арбуз.

⁸ Монг. *лийр*. Ср. кит. *ли* — груша.

⁹ Ср. монг. *нимбэг* — лимон.

¹⁰ Ср. монг. *бэрсүүт джүрдж* — мандарин.

¹¹ Ср. монг. *алим* — яблоко.

¹² Местное русское население называет матицу «матня».

¹³ Улусы Кудара-Соман, Хилгантуй, Мурочи и др. Ср. русск. дужка-рукоятка, ручка в виде дуги (Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 810).

¹⁴ Ул. Цаган-Челутай: *үрүүчкэ гэхэ*, *барюул гэккүй*. — У нас говорят ручка, а *барюул* не скажут (со слов Б. Б. Ранжурова, 1884 г. рожд.). Ср. *барюул* (в ул. Ноехон), *барюубча* (в ул. Убур-Дзокуй) — ручка двери.

¹⁵ См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., ГИС, стр. 257. Слега — толстая жердь, брус. Слеги, положенные поперек стропил, служат основанием для кровли.

¹⁶ Камин — комнатная печь с широким открытым устьем и с прямым дымоходом (см.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I, стр. 1299). Ср. ноех. *эсвэтниг* — светник (то же, что камин).

¹⁷ В ул. Убур-Дзокуй — *пезчэ* (без конечного н) «печь» (записано мною со слов М. Ц. Вампилова, 1886 г. рожд.).

¹⁸ О происхождении слова «очаг» см.: Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 1030; о происхождении слова «чувал» см.: В л а д и м и р Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 611.

¹⁹ Отсюда в ул. Ноехон — *дарниш* (наряду с *дараанца*).

²⁰ См.: В л а д и м и р Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 365: сутунок — расколотое пополам бревно.

²¹ Ул. Хилгантуй и др. Ср. ноех. *үрөө* — перегородка (в квартире).

ухаваад — ухват; *чүгүүн* — чугу́н¹, *сумааг* — сумка, приспособление для переноски продуктов, сделанное из кожи (*хүнэс хүчээ хишгээд явха*² — в ней носят продукты и прочее); *хүүли* — куль (*хоолостоор хишсэн*³ — сделан из холста), *хууластан хүүли* (ББГ) — куль из холста); *мүшөөг* — мешок кожаный (*Мүшөөгычөнө аросоор хишхэ; мүнөөч хэн хишхэн дээ, урданил аросоор хиидэг сэн* (ОХГ)⁴ — Раньше мешок изготавливали из кожи; теперь кто же будет шить такие мешки, лишь раньше делали их из кожи); *пальтоо* — пальто; *лэнтэ* — лента; *баариг* кях.-цонг., *баарья* сел.-цонг. — варежки, *шалаяпка* — шляпа; *кураайша* — фуражка; *ксондор* (*кураайшканы*) — козырек (фурэгжка); *йичэг* — ичиги (*булгаэр, саарь, нимгэн аросоор* (РББ) — из ифти и тонкой кожи); *савах* — сапоги⁵, *батшинка* — ботинки; *түлүүг*⁶ — тулуп; *шаарп* (ул. Кудара-Сомон, записано от Р. Г. Гармаева, 1890 г. рожд.); *шаарф* (там же, от ученика — 4-го класса Коли) — шарф; *митлаа* — метла; *карсиин* — керосин (*Лаампандаа карсиин хи* (ГРГ) — Налей керосин в лампу), *бииниг* (улусы Мурочи, Ноехон), *бээнэг* (ул. Убур-Дзокуй)⁷ — веник; *коовшог*⁸ кях.-цонг. — ковшик; *кадуушка* — кадка (*уснуи кадуушка* — кадка для воды); *бидруу* (*түмөр*) — ведро (железное); *бэлүүдцэ* — блюдо; *полотезнцэ* — полотенце; *вишкэ* — вилка; *шоотко* — щетка; *баагса* — вакса, гуталин; *шээмпэл* — штемпель; этикетка (на материи); *мөөл* — мыло; *сармайдха* — сырмять; *хом* кях.-цонг., *хомууд* сел.-цонг. — хомут; *солоон* — супонь (для стягивания клешней хомута); *цыд жоолко* — седелка, *шилляа* — шлея, *сертеэлниг* — чересседельник; *кольцоо*⁹ — колесо (телеги); *шинэ* — шина (у колеса телеги); *түрбиидз* — трубица (сиб.)¹⁰; *түүлкэ* — втулка (*түрбиидз дотороо байха* (БНД) — находится внутри трубицы); *паальца* — пальцы колеса; *подоско* (*Түмөрөөр хишсэн, голыгоо элхкүүн тухай, түүлкэндээ баэха* (БНД) — Сделано из железа, чтобы не изнашивалась ось. Находится внутри втулки — подоска, подосина¹¹; *одоэр* — одер¹² (*гол дээрээ баэхэ* (БНД) — находится на оси, *коороб* — корпа (*одоэрон дээр коороб хишхэ* (БНД) — на одер ставят корпус); *оголёво* — оглобли (*Шаргандал*¹³ *оголёв баэха, тэргэндэ оголёв гэдж баэхкүи, одоэр гээл*

¹ Сосуд для варки пищи, сделанный из чугуна. Ср. ноех. *чүгүүнкэ* — чугу́нка (то же, что «чугун»).

² Ул. Кудара-Сомон. В Ноехоне также говорят *сумааг*.

³ Ул. Кудара-Сомон. Осведомитель Х. Г. Олдосонова.

⁴ В ул. Хилгантуй кожаный мешок, как и в Ноехоне, называется *тулам* (со слов осведомителя Б. Г. Ваннова, 1887 г. рожд.; *аросон тулам* — кожаный большой тулум); в ул. Мурочи мешок из холста называют *мүшөөг*, а мешок из кожи — *үхэр мүшөөг*, то есть коровий мешок (со слов Б. Б. Тобоева, 1898 г. рожд.).

⁵ Это слово первоначально было, видимо, заимствовано из персидского языка. Ср. сафьян (перс. *saxiijan* «saxi — крепкий) — тонкая, мягкая кожа из козлиных или бараньих шкур; употребляется на изготовление обуви, обивку мебели и т. д. (См.: Словарь иностранных слов, изд. 6, М., 1964, стр. 578).

⁶ Ул. Ноехон. Ср. *хучаасты дахо* — тулуп (в ул. Мурочи); *даха* — тулуп, *даха* (*Түлүүг гэккүи нэгэч хүн, дахал гэхэ* — «Никто здесь не скажет тулуп, скажут лишь даха. Со слов М. Ц. Вампилова, 1886 г. рожд., ул. Убур-Дзокуй).

⁷ Ср. *харганаа* — веник (в улусах Кудара-Сомон, Хилгантуй, Саган-Челутай).

⁸ Ср. лит. бур., монг. *шанага*.

⁹ Ул. Мурочи. В улусах Хилгантуй, Кудара-Сомон и Цаган-Челутай колесо телеги называют *дунгуруи*, в ул. Ноехон — *мөөр*.

¹⁰ См.: В л а д и м и р Д а л ь. Толковый словарь, т. IV, стр. 436: «трубица — сиб. колесная ступица. В некоторых цонгольских улусах (Кудара-Сомон, Ноехон) трубицу называют также *булуу* (наряду с *түрбиидз*).

¹¹ Узкая железная полоса, прибиваемая к нижней части деревянной оси (см.: Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 3, стр. 421).

¹² Кузов телеги, ящик без дров (см.: В л а д и м и р Д а л ь. Толковый словарь, т. II, стр. 650).

¹³ Характерно, что в улусах Цаган-Челутай, Усть-Дунгуй и нередко в Кударе-Сомоне вместо цонгольского звука *ч* произносят звук *ш*. Например: *шарга* — сани вместо цонг. *чарга* и т. д.

дүүрхэ (БНД) — Оглобли бывают лишь у саней; у телеги их нет, у нее есть только одер); *завертко*¹ — завертка (*Оглёво шаргандаа холбодог. Хусоор, бургаасаар хиухэ, аргамд жаарч.* (БНД) — Заверткой завязывают оглобли к саням. Делают ее из березы, шелюги, а также из веревки); *ходоог* — ходок (*дүрөөн дунгуруутуи тэргэ* (БНД) — телега с четырьмя колесами); *однокоол тэргэ* — одноколка² и т. д.

Как видно из приведенных примеров, наряду с прямыми заимствованиями в лексике и фразеологии исследуемого говора встречаются кальки (*улаан ачаа* — красный обоз; *түмөр харгуи* — железная дорога; *бүгэдын цугалаа*³ — общее собрание; *тэргүүлэгчи* — председатель) и полукальки с русского языка (*комсомолы гэшүүд* — члены комсомола; *мөөлы гэр* — футляр для мыла; *ногоон солоом* — зеленая солома, зеленка; *гахайн дзавээдэи* — заведующий свинофермой). Следует отметить, что заимствуются, главным образом, имена существительные. Из других частей речи заимствований мало. Например: *үсепэлхэ*⁴ — успевать, (ср. лит. бур. *үрдихэ*, которое в говоре отсутствует); *мааялха* — мучиться, маяться; *поольдзолхо* — пользоваться (*Тэрэ худог манаэхан үнөөч хүртөр поольдзоллоод бээдаг*⁵ — До сих пор наши пользуются тем колодцем. Ср. *ашаглаха* (пользоваться) — в говоре этого слова нет; *пушаэ* — пусть (сиб. пушшай); *биздээ* — везде, отовсюду (*Биздээ хүүхэд таскаалаад ацард ж хадтиха ем.* (ЧЦЧ) Ребятишки везде таскают и бросают (о слесарных инструментах); *хиитэр* — хитрый (наряду с *мэхэты*); *чичаас* — сейчас; *тааг-тааг* — так-так и некоторые другие.

Необходимо отметить, что в литературном бурятском языке заимствований из русского языка значительно больше, чем в исследуемом говоре.

Наблюдается и обратное влияние (хотя и незначительное). Но этот вопрос не входит в задачу данного исследования. Отметим лишь, что среди местного русского населения встречаются цонгольские слова, такие, как *зумбура* (вместо общерусского слова «суслик»⁶, *хургашка* — ягненок (ср. цонг. *хурга*, лит. бур. *хурьган* — ягненок), *бурун* — годовалый бычок; *ямануха* — коза, *качерик* — двухгодовалый телок, двухлетний бычок, *тарбаган* — сурок и некоторые другие⁷.

В цонгольском говоре наличествует некоторое количество лексических единиц, заимствованных также из других языков: тибетского, санскритского, китайского, тюркского и др. (примеры заимствований из этих языков см. ниже).

Переход лексических и фразеологических единиц в историзмы и архаизмы

Наряду с появлением новых слов и выражений в цонгольском говоре происходит и обратный процесс — переход их в разряд устаревших. Некоторые лексические и фразеологические единицы выходят из актив-

¹ Ср. русск. завертка — привязь оглобли к саням, веревочная скрена оглобли с копылом (см.: Владимир Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 559).

² Ср. русск. одноколка (разг.) — двухколесный, легкий, с одной осью экипаж (см.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. II, М., ГИС, стр. 765).

³ Ср. ноех. *цуглаар* — собрание.

⁴ Параллельно с данным словом в говоре иногда употребляется слово *амджиха*.

⁵ Записано в улусе Бурдун.

⁶ Слово *зумбура* мною зарегистрировано у русских села Верхний Шергальжин Красночико́йского района Читинской области летом 1960 г. Семейские с. Урлук это слово произносят *жумбура*. Слово «суслик» там не бытует. Характерно, что эти слова встречаются в селах, расположенных недалеко от бурятских улусов Кяхтинского аймака, где проживает основная масса цонголов.

⁷ Эти слова зарегистрированы в указанных выше селах Красночико́йского района Читинской области.

ного употребления в результате утраты соответствующих понятий и фактов действительности. Это историзмы. В исследуемом говоре находим также устарелые слова, которые обозначали не утраченные реалии, а лишь называемые по-другому. Это архаизмы.

Процесс перехода слов и словосочетаний в разряд историзмов и архаизмов идет по нескольким линиям.

В первую группу можно отнести историзмы идеологического характера, отражавшие дореволюционную действительность. Например: *хаан хар дзасаг*¹ — царская власть (досл. царя черная власть); *оросы хаан*² — русский царь (досл. царь русских); *хаан* — царь, хан; (*хааны хатан*³ — царица; *таршинаа* — старшина⁴, *гулваа* — голова рода (должность в дореволюционное время); *хүлөөсөнчө* — наемный работник; *барлаг*, *батрааг* — батрак; *үгүүнэр*, *бидняаг* — бедняки; *дунда часалта*, *сиридняаг* — середняк; *отог* — ясачник; *хасаг* — казак⁵; *тайшаа хэргэм* — чин тайши (ср.: 700 ондо Өхин Хонтогорт багатаар дзайсан хэргэм хайрлагдаба..., 701 ондо тайшаа хэргэмдэ хүртэбэ⁶ — В 1700 году Ухину Хонтогору был дарован чин зайсана батора..., в 1701 году — чин тайши).

Сюда же можно отнести некоторые малоупотребительные слова религиозного содержания, отражающие пережитки прошлого в сознании небольшой части носителей говора: *тарни* санскр. — молитва; закланье⁷, *хилэнцэг* уйг. — греховное деяние, грех; *нирваан* санскр. — нирвана⁸; *адис* санскр. — благословение; *аракшаас* санскр. — демон; *гүрөм* от тиб. *ску-рим* — ритуальная молитва⁹; *цам* от тиб. *чхам* — религиозные мистерии; *ундзад* от тиб. *дбумдзад* — кононарх, уставщик; *дуган* от тиб. *ду-кхан* — храм, церковь; *бунхан* от тиб. *спунгс-кханг* — гробница, усыпальница; *джанча* от тиб. *пхйам-чхэ* — накидка, мантия у лам; *шасар* от тиб. *жаа-сэр* — желтая ламская шапка, *гэлэн* от тиб. *дге-слонг* — буддийский монах; *ороолон* от тиб. *оро-лангс* — вампир, упырь; *дэншэг* от тиб. *тинг-шаг* — маленькие литавры (НСЖ) и др.¹⁰.

Вторая группа — это слова и выражения, отражавшие дореволю

¹ Ср.: *Урдана хаан хар дзасагы базахад үгыты ядуу дзон хар хүлөө хаядж явсан цаг базгаа* — Раньше при царской власти бедняки жили плохо, они жестоко угнетались (ул. Бурдун. Н. Д. Дылыгрова, 1883 г. рожд., цонг.). Или: *Би энэ нютогтоо ходо базсан. Хаан хар дзасагы базахад батраагч явадж үдзэлэ. Ядуугы нэгэн* — Я постоянно проживаю в этом улусе. При царской власти мне приходилось батрачить. Был я одним из самых бедных (ул. Цаган-Челутай. Н. Б. Батомункуев, 1885 г. рожд., шарнут).

² Ср.: *Ухин тэндээс дзугади гарчасэн ем гэдэг. Хозноосон намноод хуцээгүй. Ухин эндэ оросы хаанд ерч, бээз тушаагаа* — Оттуда Ухин убежал. За ним была погоня, но его не догнали. Ухин прибыл сюда и принял подданство у русского царя (ул. Мурочи. Б. Б. Тобоев, 1898 г. рожд., цонг.).

³ Слово хатан и сейчас иногда употребляется в шуточной форме в значении «жена».

⁴ См.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. IV. М., ГИС, стр. 490; «Старшина — выборное лицо, руководящее делами какой-нибудь сословной организации, профессионального объединения (дореволюц.).»

⁵ Ср.: *Анканд Хоньши Нёгын хагад дзоньни вол отог дзон, хагад дзоньни хасаг дзон базсан ем* — Раньше половина улуса Бараний Луг состояла из ясачников, другая половина — из казаков. Записано в ул. Бараний Луг Селенгинского аймака со слов Д. Г. Галданова, 1885 г. рожд.

⁶ Из сочинения, начинающегося словами: «*Өхин Хонтогорыхь...*» (Об этом документе см. выше).

⁷ См.: Краткий монгольско-русский словарь, под ред. проф. Г. Д. Санжеева. М., 1947, стр. 198.

⁸ Там же, стр. 142.

⁹ См.: Намхайн Жамбал Сурэн. Тибетские слова в монгольском языке (автореферат канд. диссертации). М., 1961.

¹⁰ Санскритские и тибетские заимствования, связанные с номенклатурой буддийского религиозного культа, перешли в лексику говора в связи с распространением ламаизма в Монголии (XVI в.) и Бурятии (XVII—XVIII вв.).

ционную отсталую экономику и быт. Приведем примеры: *модон андас* — деревянная соха; *саваан* — соха с одним лемехом; *орсоохо* — рассоха, раздвоенная соха; *падтяашка* — часть сохи, регулирующая глубину пахоты; *ургааль* — ручка деревянной сохи; *мольтишино* — цеп; *бодоог* — бита, биток цепа; *алига* кях.-цонг¹. — ремень цепа, прикрепляющий биток к ручке (в ул. Хилгантуй его называют *бодоогы хом*, досл. хомут битка); *ладуун* — гумно, ток (для молотбы зерна цепями), *сээрлэ* — серп; *камезн* кях.-цонг. — камин, *эсвэтниг* сел.-цонг. — светник; *чэмхэмэл* — женская обувь (для работы); *тозробчи* — конусообразная шапка; *шудордого* кях.-цонг.² — приспособление для выделки кожи (отсюда *шудордогохо* — обработка кожи при помощи этого приспособления); *мушкалаа* — палочка-закрутка для ручной выделки шкуры овцы или козы; *хувин* — посуда для заварки чая; *бортого* — маленькое деревянное ведерочко, *гоэмон*³ кит. — вермишель, *гампандза*⁴ кит. — доска для резания мяса, *галуудза*⁵ кит. — каталка для лапши; *тайд жи* кит. — князь, дворянин, тайжи; *янкан* кит. — проститутка; *лонхо* кит. — глиняная посуда; *джиншэ* кит. — шарик на головном уборе⁶ и пр.

К третьей группе можно отнести такие архаизмы, которые заменены уже полностью или еще заменяются другими словами и выражениями. Так, слово *тархи* (самка тарбагана) вытеснено аналитическим образованием *эмэ таравга*; слово же *тархи* в указанном смысле носителями цонгольского говора⁷ в настоящее время совершенно забыто. Фразеологизмы *ниигэм д журам* — социализм (досл. общий порядок) и *гал тэргэ* — автомобиль (досл. огонь-телега), употреблявшиеся до начала 1930-х годов, уступили место соответственно терминам *сацалиидзам*, *абтамавишил*⁸. Некоторые старые наименования продуктов питания, как *гоэмон* — вермишель, *шэхэр* (перс.⁹) — сахар, почти перестали употребляться и заменяются словами *вермишээль*, *саххар*. Слова *дугуи* кях.-цонг. (*самхаадка* сел.-цонг.) — велосипед, *гуурса* — ручка (школьная) вытесняются другими — *вилоспезд*, *үрүүчкэ*, которые становятся среди носителей говора более распространенными, чем предыдущие.

Часть архаизмов отражает смену предметов и понятий (*комоод* — комод, вм. арх. *үхэг* — низенький шкафчик для складывания вещей, *буфезд* вм. *эргэнэг* — посудный шкаф; *мэртэр* (*миштэр*) — метр вм. *аршан* (*аршам*) — аршин¹⁰; *гаа* — гектар, вм. *диситшин* — десятина¹ и т. д.

¹ В ул. Бурдун это слово произносят *алага*. В переводе на русский язык оно обозначает «ладонь» (эта часть цепа названа, очевидно, по ее сходству с ладонью руки).

² Ср. сел.-цонг. *шодоруул* (то же).

³ Зарегистрировано мною в ул. Бурдун Кяхтинского аймака у осведомителей Д. Б. Гунтупова и Б. Н. Цыренова.

⁴ То же.

⁵ То же.

⁶ См.: Краткий монгольско-русский словарь, под ред. проф. Г. Д. Санжеева, М., 1947.

⁷ О происхождении данного слова см. несколько ниже.

⁸ Кстати, в первый период Советской власти общественно-политическая и научно-техническая терминология нередко передавалась средствами самого говора (например: *халтын ад жилин хөтөлөгчи* — председатель колхоза, *дзээн гал* — электричество). Однако эти слова не всегда точно передавали смысл обозначаемых предметов и понятий, поэтому многие из них впоследствии были заменены прямыми заимствованиями.

⁹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 407.

¹⁰ Аршин (от перс. *ars* — локоть). 1. Русская мера длины, равная 0,711 метра, применявшаяся до введения метрической системы. 2. Линейка длиной в один аршин с нанесенными на ней делениями, служащая для измерения. (см.: Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. 1, М., стр. 62).

¹¹ Русская единица земельной площади до введения метрической системы мер, равная 1,092 гектара (там же, стр. 698).

Иногда архаизации подвергаются и неологизмы, созданные после Октябрьской революции. Такие слова и выражения с новой семантикой, как *улаан ачаа* — красный обоз, *угтамд жын тусөб* — встречный план, *камуун* — коммуна (сельскохозяйственная), *тоодз* — ТОЗ, *шэкэм* — ШКМ, *арфааг* — рабфак, *камбуудз* — комвуз, *астахаанаб* — стахановец и некоторые другие при изменении общественных условий отошли в разряд устарелых.

В историзмы отошли и такие аббревиатуры, как *наркамаад* — наркомат, *эркжаа* — РККА, ВЦИК, *Вэжэлбээ* — ВКП(б), *Коминтээрэн* — Коминтерн и т. д.

Особый разряд архаизмов встречается в топонимике в связи с переименованием городов, населенных пунктов и т. д. Примеры: *Дээдэ Үдэ* или *Үдын Базшан* (ныне Улаан-Үдэ), *Сэлэнгын Базшан*¹ (ныне Ново-Селенгинск), *Хүл нуур* (ныне *Галуута нуур*) — Гусиное озеро и др.

Некоторые топонимические названия со временем меняются как бы стихийно. Например, село Шоргоольжо. Раньше это был бурятский улус, называемый Шара гол (досл. Желтая речка — по названию речки, имеющей дно желтого цвета). Затем сюда переселились русские, которые и стали произносить «Шарагол» (делая ударение на «о» в соответствии с нормой русского произношения). Бурятское население согласно закону сингармонизма произносило *Шоргоол*, но так как в данном говоре подобного слова нет, то оно стало называться *Шоргоольд жо* — Муравей. Теперь только люди старшего поколения помнят, что когда-то этот населенный пункт назывался *Шага гол*. Таким образом, название *Шарагол* (Желтая речка) с течением времени превратилось в *Шоргоольд жо* (Муравей).

Приведем другой пример. По словам местных жителей, село Цаган-Челутай (в буквальном переводе на русский язык: Белокаменный) раньше называлось Улаан Хада (дословно: Красная Гора). Недалеко от этого населенного пункта высятся две горы: с восточной стороны находится гора под названием Цагаан Чулуута, с юго-западной стороны — Улаан-Хада. До революции улус назывался по названию одной горы, после революции — другой. Коренной житель улуса Бадмацырен Бадмаевич Ранжуров, 1876 года рождения, (между прочим, упомянутый осведомитель оказался родным дядей известного бурятского революционера Цыремпила Ранжурова) рассказал об этом следующее: «*Урдайд хайд энэ нютог Улаан Хада гэд ж нэрти базаа. Баруун урдмназ бэр-бэр улаан шулууты хада би. Эрволюэнээс хоёшол Сагаан Шулуута* (оросоор — Цаган-Челутай) *нэрти болоо емэл. Дзүүн тээмназ Сагаан Шулуута гэд ж нэрти ехэ уула вазна*». Смысловый перевод: «Раньше этот улус назывался Улаан-Хада, то есть Красная гора, так как на юго-востоке от нас стоит гора с совершенно красного цвета камнями. Только после революции эта местность стала называться Цаган-Челутай — Белокаменный. На востоке от нас стоит высокая гора под названием Цагаан-Челута — Белокаменная».

Семантика некоторых слов в исследуемом говоре совершенно стерлась и забылась. Для объяснения значения устаревших лексических единиц одним из лучших способов является подыскивание для них соответствующего слова из словарного состава других, родственных языков и диалек-

¹ Ср.: «*Гурбан зуун жэлэй наада тээхэнэ Сэлэнгэ мүрэнэй эрье шадар Байгалай үмэнэхи хуушанай городуудай нэгэн Сэлэнгын Байшан би болгогдоһон байна*» (Ч.-Ц. Санжиев, Түүхэтэ 300 жэл. «Буряад үнэн», 1965 оной августын 22). Перевод: «Около трехсот лет назад на берегу реки Селенги был основан один из старейших городов Забайкалья — Селенгинский город».

тов. Попытаемся объяснить сравнительным методом значение некоторых архаизмов.

Т а р х и. В 1959 году, будучи в научной командировке в улусе Средний Харлун Бичурского аймака БурАССР, я записал со слов местного жителя Ц. А. Раднатарова (1895 года рождения, цонгол) сказку «Далан худал» (Семьдесят небылиц). В сообщении осведомителя имеется такое место: *Нэгэ тарваганы бутан дээр очооб. Харан гэхэдэм бурхи тархи хоёр ноос цохьчазаа* — «Подошел я к одной тарбаганьей норе. Смотрю: бурхи и тархи так сильно дерутся, что клочья летят».

Слово *бурхи* понятно — это самец тарбагана. Неясно значение слова *тархи*. Правда, в некоторых бурятских говорах, в том числе и в цонгольском, данное слово обозначает «голова» или «головной мозг». Но почему же самец тарбагана бился с какой-то головой или головным мозгом? Разгадать эту загадку помогло изучение другого говора — хамниганского, близкого цонгольскому. В 1960 году во время диалектологической экспедиции в улусе Тарбальджей Кыринского района Читинской области из уст местного жителя Г. Б. Барадеева (1884 г. рожд., хамниган) мною было записано слово *тархи* в значении «самка тарбагана». Я выяснил, что тарбаганчик (детеныш) у них называется *мөндөлө*, самец-тарбаган — *бурки*, самка — *тарки*. В цонгольском говоре они также называются соответственно: *мүндөли*, *бурхи*, но слово *тарки* (по-цонгольски *тархи*) в обычной речи цонголов ныне не употребляется. Оно, видимо, давно вытеснено другим наименованием — *эмэ тарвага*. Так случайно уточнилось значение интересовавшего нас слова *тархи*. Здесь, по-видимому, *тар-* — омертвелый корень, *-хи* — суффикс, который уже не выделяется.

Итак, архаизм *тархи* (в смысле «самка тарбагана»), встречающийся лишь в устном творчестве цонголов, бытует в говоре хамниган Читинской области. Этот факт лишний раз подтверждает большое сходство цонгольского и хамниганского говоров, носители которых являются выходцами из Монголии.

Хэрсүүтэн (от *Хэрсүү*) — название одного из ответвлений цонгольских родов. Оно дано по имени родового предводителя Хэрсу Батор (*Хэрсүү*¹ Баатар). Семантика слова *хэрсүү* неизвестна. В исследуемом говоре и бурятском литературном языке оно отсутствует. Однако, обратившись к халхаскому диалекту, узнаем, что слово *хэрсүү* обозначает «осмотрительный»².

Тухэм — местность в Ноехонском, Убур-Дзокуйском и других сомсоветах Селенгинского аймака. Это слово в халхаском диалекте обозначает «котловина, низина». Но в исследуемом говоре слово *тухэм* в значении «котловина, низина» теперь не функционирует. Оно сохранилось только в топонимических названиях и в монгольском языке (см.: Монгольско-русский словарь, под общ. ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957, стр. 420).

Ц а й д а м — названия улусов в Селенгинском и Кяхтинском аймаках БурАССР. Под таким названием находим и населенный пункт

¹ В сообщении осведомителя Б. Ц. Жигмытцыренова из улуса Харлун Бичурского аймака (1896 г. рожд., цонгол) говорится: «*Баян Бард жигар, Номин, Хэрцүү* (в других улусах произносят *Хэрсүү* — Ц. Б.), *Бидэр (ганц хүүхэнты базагад, тэрээгээрээ дүүрчсэн), Хогсо Баатар, Ухйн эмэ тэрэ үеэр Монголоос цугтоо гараа ем*. Перевод: «Баян Барджигар, Номин, Хэрцу, Бидэр (у него была одна дочь, и тем кончилось его потомство), Хогсо Батор, Ухин и другие вышли из Монголии в одно время».

² См.: Монгольско-русский словарь, под общей ред. А. Лувсандэндэва, стр. 590. «*Хэрсүү* — 1) осторожность; 2) осторожный, осмотрительный, тщательный, пронизательный».

на территории Монголии. Ц а й д а м в халхаском диалекте обозначает «солёный водоем, солончаковая болотистая местность»¹. И действительно, улусы, имеющие такое название, обычно расположены в болотистой местности или недалеко от озер. Слово *цайдам* в значении «солёный водоем, болотистая местность» ныне в цонгольском говоре отсутствует. Оно сохранилось лишь в топонимических названиях и в монгольском языке. Таким образом, нарицательные имена, переходя в топонимические названия и собственные имена, сохраняются очень долго.

Следует отметить, что процесс архаизации лексики и фразеологии в последнее время по сравнению с дореволюционным периодом значительно ускорился. Случаев перехода слов и выражений из активного запаса в пассивный значительно меньше и происходит он медленнее, чем появление новых лексических и фразеологических единиц. Благодаря этому словарно-фразеологический состав говора постоянно пополняется и обогащается.

Приобретение словами нового содержания

В лексическом составе говора происходят и семантические изменения. Более заметным из них является переосмысление слов и терминов.

За советскую эпоху изменился смысл ряда лексических единиц. Возьмем, например, слово *ноён*—*нойон*. До революции оно употреблялось в смысле «феодальный князь, господин». Ср.: *урда Монгол гадзар аа ноён хэргэмтэй Баян Бард жигар арван цагаан тогтай Бихар хагаан эггшин дөрвөн хөбөгүүдүүн нэр ануу...*² Перевод: имена четырех сыновей нойона из южной Монгольской земли Баян Барджигара, имевшего десять белых знамен Бихар хагана. Теперь это слово получило совершенно иной смысл — «руководитель, начальник». Ср.: *Ноёд хаанаб?*³ — Где (наши) руководители?

По-новому используется и слово *багша*. Раньше это слово обозначало монашескую степень у ламантов. Теперь оно имеет другое значение — «учитель» (ср. *Лезнин багша* — багши Ленин), «преподаватель» (*сургуулин багша* — преподаватель школы). Слово *шави* в дореволюционный период обозначало «ламский послушник», сейчас оно употребляется в значении «ученик» (*сургуулин шави* — ученик школы), «последователь» (*Лезнины шави* — последователь учения Ленина). В первые годы Советской власти слова *багша* и *шави* в новом значении не употреблялись. Например, понятия «преподаватель» и «ученик» (школы) обозначались соответственно *сургагчи* — преподаватель (досл. учащий), *сурагчи* — ученик (досл. учащийся). С тридцатых годов неологизмы *сургагчи* и *сурагчи* стали уступать свое место словам *багша* и *шави*, которые получили переосмысление.

Раньше слово *аршаан* имело религиозное значение — «святая вода», теперь — «источник».

Слово *дзасан* употреблялось в смысле «младший административный чин в дореволюционной Бурятии, передававшийся по наследству». Ср.: *Дзасан Дзаргачын ехэ хувуун Дондог состниг, удаадти хувуун Галдан эд жэ багзаа ем сэн база. Тэрэ хоёр авынгаа хэрэгыг, дзасаныг булясалдаа база*⁴. Перевод: «Старший сын зайсана Дзаргачи был Дондок сотник, следующий его сын — Галдан. Они начали борьбу между собой за овладение отцовским чином зайсана».

¹ Происхождение слова *цайдам* — тибетское: *ца* — соль, *дам* — грязь (*цаи* — родительный падеж, определение к *дам*), досл. соляная грязь.

² Из сочинения «Эртын уг галивар минуу» (Моя родословная). Об этом документе см. выше.

³ Записано в ул. Большелуг Кяхтинского аймака.

⁴ Ул. Ноехон. Г. Г. Будаев, 1876 г. рожд., номоход.

После революции слово *дзэсан* получило переосмысление: в говоре оно встречается в значении «председатель» (сомсовета).

В цонгольском говоре произошли семантические преобразования ранее известных слов в процессе их метафорического изменения. Так, слово *үүр* (*үгүүр*) сначала имело значение «гнездо» (птичье). Затем это слово приобрело новое значение — «небольшая организационная группа» (*намын үүр* или *зүүр* — партийная ячейка). Как наименование первичной партийной организации слово *үүр* (*зүүр*) употреблялось до XVII съезда партии (1934 г.), то есть до момента принятия решения о преобразовании партийной ячейки (*намын үүр*) в первичные парторганизации (*эхин партарганизациа*).

Возьмем слово *гасна*. До периода коллективизации носители исследуемого говора при обработке земли пользовались деревянной сохой, имеющей название *гасна*¹. До того периода, когда цонголы стали заниматься земледелием, слово *гасна* у них, очевидно, означало как и у халхасцев, «лопаточка для выкапывания саранок» (см. Монгольско-русский словарь, под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 116). Позже это слово стало применяться для обозначения деревянной сохи по внешнему и функциональному сходству данных предметов (заостренной лопаточки и деревянной сохи), а лопаточку для выкапывания саранок цонголы стали называть *хадхуур* (по-видимому, во избежание омонимии),

Изменилось также значение слов *апицээр*, *погоон* и некоторых других. До революции офицерами называли лиц командного состава старой армии и флота. Офицерские чины тогда присваивались преимущественно лицам дворянского происхождения. После победы Октября командный и начальствующий состав Советской Армии назывался *камандиир* (командир), *политрүүг* (политрук) и т. д. С 1943 года они стали именоваться снова офицерами (цонг. *апицээр*), а в качестве знаков различия вместо нарукавных знаков и петлиц (цонг. *пэтлийс*) были установлены погоны (цонг. *погоон*).

Коренным образом изменилась семантика слов *мэниистэр*, *мэнистеэрэствэ*. До Октябрьской революции, например, слово *мэнистеэрэствэ* (министерство) обозначало эксплуататорский государственный аппарат, который был ликвидирован социалистической революцией 1917 г. Министерства² же в Советском Союзе являются нераздельной частью единого социалистического государственного аппарата, выполняющего задачи и функции государства, нового, высшего типа. Отсюда слова *мэниистэр*, *мэниистеэрэствэ* у нас наполнены совершенно новым содержанием.

Таким образом, преобразования, которые произошли в общественной, экономической и культурной жизни цонгольских улусов, особенно после Великого Октября, привели к существенным изменениям в лексико-фразеологической системе говора. Эти изменения ярко проявляются в образовании новых слов и выражений, в вытеснении из активного употребления ряда устаревших лексических и фразеологических единиц, в переосмыслении ряда слов и терминов, которые приобрели совершенно иное, новое содержание.

¹ Зафиксировано в Мурочах и других улусах Кяхтинского аймака.

² Начиная с первого периода существования Советского государства до 1946 г., центральные отраслевые органы государственного управления назывались народными комиссариатами или наркоматами (цонг. *наркамаад*). В 1946 году наркоматы были преобразованы и переименованы в министерства (см.: Закон, принятый на 1-й сессии Верховного Совета СССР «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик — в Советы Министров союзных и автономных республик»).

Л. Д. ШАГДАРОВ

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТУГНУЙСКИХ И АГИНСКИХ БУРЯТ И СТЕПЕНИ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В 1936 г. на лингвистической конференции, состоявшейся в г. Улан-Удэ, было принято решение перебазировать бурятский литературный язык с селенгинского (или сартуло-цонгольского) диалекта¹ на хоринский, как на наиболее компактный и ведущий диалект бурятского языка. Носителями этого диалекта считаются буряты, занимающие обширную часть Забайкалья, в частности, территорию бывших Хоринского, Еравнинского, Кижингинского, Заиграевского, Мухоршибирского, Бичурского, Иволгинского и частично Селенгинского аймаков Бурятской АССР. На этом же диалекте говорит все бурятское население Читинской области, включая Агинский бурятский национальный округ, а также буряты, проживающие в МНР.

До недавнего времени считалось, что на всем этом огромном пространстве бытует единый говор или диалект, имеющий лишь небольшие фонетико-лексические отклонения, наблюдаемые в Аге. Однако в последнее время в результате экспедиционного обследования хоринского диалекта исследователи все больше склоняются к мнению, что хоринский диалект не един, а состоит из нескольких говоров. Так, Д.-Н. Доржиев и У.-Ж. Ш. Дондуков в хоринском диалекте выделили наряду с собственно хоринским и агинским говорами также мухоршибирский говор². Ц. Б. Цыдендамбаев в составе хоринского диалекта выделяет 4 говора: «...собственно хоринский, агинский, тугнуйский и иволгинско-оронгойский (этот говор еще не уточнен)»³. Нам кажется, что намечающееся деление хоринского диалекта (на нынешнем этапе его изученности) на 4 говора является более приемлемым.

Хоринский диалект относится к одним из наиболее изученных бурятских диалектов. Первая диалектологическая монография о бурятском языке, изданная в 1913—1914 гг. А. Д. Рудневым, была посвящена

¹ Следует отметить, что в литературе данное языковое подразделение называется то говором, то диалектом. Так, Д. А. Алексеев и Т. А. Бертагаев называют его говором, а Г. Д. Санжеев и Ц. Б. Цыдендамбаев — диалектом. Нам кажется более обоснованным мнение, согласно которому это языковое образование является самостоятельным диалектом, объединяющим ряд говоров.

² См.: Д.-Н. Доржиев и У.-Ж. Ш. Дондуков. К изучению говора мухоршибирских бурят. «Уч. зап. Бур.-Монг. пединститута», вып. XI, серия истор.-филол. Улан-Удэ, 1957, стр. 261.

³ Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, стр. 116.

языку хоринских бурят. В советское время в районы распространения хоринского диалекта неоднократно снаряжались специальные лингвистические экспедиции. В 1930 г. Институт культуры БМАССР совместно с Академией наук организовал экспедицию к агинским бурятам. Участники экспедиции обследовали восточную часть Агинского округа — нынешние Агинский и Могойтуйский районы. В 1937 г. большая экспедиция, в составе которой приняли участие известные советские монголисты Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, К. М. Черемисов и другие, охватила Хоринский и Еравнинский аймаки Бурятской АССР. После этого в Хоринский аймак еще дважды были организованы экспедиции (в 1952 и 1964 гг.). В 1965 году диалектологи Бурятского КНИИ СО АН СССР работали в Агинском национальном округе. В 1956 и 1959 гг. отряды диалектологической экспедиции исследовали тугнуйский говор. Однако материал, собранный экспедициями по говорам хоринского диалекта, обобщен лишь в отдельных статьях и заметках¹.

В настоящее время, когда подробные описания в виде кандидатских диссертаций имеются по тункинскому, боханскому, эхирит-булагатскому, баргузинскому, цонгольскому и качугскому говорам, состояние изученности основного бурятского диалекта следует признать совершенно неудовлетворительным. Хоринский диалект в целом, а также его говоры в отдельности заслуживают детального изучения. Некоторым лингвистам кажется, что в литературном бурятском языке нашли отражение специфические особенности говоров хоринского диалекта. Поэтому сравнительное изучение хоринских говоров с литературным бурятским языком, выяснение, в какой степени получили отражение в нем специфические особенности этих говоров позволят получить более конкретные представления о живой народно-разговорной основе литературного языка. Кроме того, на основе выявления особенностей каждого из хоринских говоров следует изучить взаимоотношение хоринских говоров между собой.

Автор данного сообщения в 1955 г. записал некоторый материал по агинскому говору, а в 1959 г. участвовал в работе мухоршибирского отряда диалектологической экспедиции, охватившего восточную часть распространения тугнуйского говора в районе совхоза «Эрдэм». На основе собранного материала в данной статье сопоставляются некоторые фонетико-грамматические и лексические особенности тугнуйского говора с агинским говором и литературным бурятским языком.

Этнически тугнуйские и агинские буряты относятся к одиннадцати хоринским родам и до недавнего прошлого переживали одинаковую историческую судьбу. В настоящее время территориально они разобщены и не имеют каких-либо массовых контактов. Тугнуйцы живут к юго-востоку от г. Улан-Удэ в Бурятской АССР. Агинский же округ расположен на южной окраине Читинской области, вблизи советско-монгольской границы.

Тугнуйский говор испытывает сильное влияние со стороны территориально граничащего с ним селенгинского диалекта и в настоящее время, как указывает У.-Ж. Ш. Дондуков, распадается на две части — западную и восточную. Восточный тугнуйский говор близок к остальным

¹ См.: Т. А. Бертагаев. Заметки лингвиста о хоринском говоре. «Зап. БМ НИИЯЛИ», вып. 1, Улан-Удэ, 1936; Г. Д. Санжеев. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. «Зап. БМ НИИЯЛИ», вып. 1, Улан-Удэ, 1939; Д.-Н. Доржиев и У. Ж. Ш. Дондуков. К изучению говора мухоршибирских бурят. «Уч. зап. Бур.-Монг. пединститута», вып. XI, серия истор.-филол., Улан-Удэ, 1957; У.-Ж. Ш. Дондуков. Предварительный отчет о работе Мухоршибирского отряда диалектологической экспедиции БМ НИИК (июль 1956 г.), «Зап. БМ НИИК», вып. XXIII, Улан-Удэ, 1957.

хоринским говорам. Западные же тугнуйцы, испытывающие в своей речи влияние селенгинского диалекта, в большей степени цакают, то есть вместо общебурятского звука *c* произносят аффрикату *ц*, а также употребляют аффрикаты *ч*, *дж*, *дз* вместо общебурятских спирантов *ш*, *ж*, *з*. В нашей заметке для сравнения привлекаются данные о восточной части говора.

Агинский говор испытал лишь небольшое влияние со стороны монгольского языка и хамниганского говора. В языке западных и восточных агинцев также имеются незначительные лексико-семантические различия. Например, на востоке Аги старшую сестру называют *абжаа*, ключ от замка — *хилүүсэ*, понятие «плакать» обозначают словом *орилхо*, петь — *бөөлэхэ*, сон — *ноэр* и т. д. А на западе вместо них соответственно употребляются слова *абгаэ*, *түлт'үүр*, *барх'урха*, *дуулаха*, *үргээн*.

Сопоставление тугнуйского и агинского говоров показывает, что тугнуйский говор по сравнению с литературным языком обладает большим количеством особенностей, чем агинский. При этом некоторые специфические формы существуют параллельно с формами, бытующими в литературном языке.

Фонетические особенности: 1. Под влиянием селенгинского диалекта в тугнуйском говоре в абсолютном начале и первом слоге слова развилось оканье вместо общебурятского уканья: тугн. *оһон*, агин. *уһан*, лит. *уһан*, (вода); тугн. *онохо*, агин. *унаха*, лит. *унаха* (садиться на коня); тугн. *х'оруу*, агин. *х'уруу*, лит. *х'уруу* (иней). Первослоговой звук *о* ассимилирует краткие гласные последующих слогов и долгий звук *а*: тугн. *тогол*, лит. *тугал* (теленок); тугн. *оргомол*, лит. *ураамал* (растение); тугн. *оноод*, лит. *унаад* (сев на коня); тугн. *оһоор*, лит. *уһаар* (водой).

Оканье в этом говоре носит регулярный характер. В собственно хоринском и агинском говорах, а также в говорах добайкальского и прибайкальско-саянского диалектов¹ оно отсутствует и потому не отражается в литературном языке.

2. В тугнуйском говоре бытует краткий гласный *ө*, отличный от гласного звука *у*; но, в качестве самостоятельной фонемы, как нам кажется, он не выступает, поэтому может употребляться и *ө* и *у*: *өдөр* и *үдэр* (день). В агинском говоре краткие *ү* и *ө* как самостоятельные звуки не различаются.

В тугнуйском говоре в положении после первослоговых *ү*, *үй* в большинстве случаев употребляются как долгий гласный *ээ*, так и *өө*, но более предпочтительным является звук *ээ*. В агинском говоре в указанных условиях звуки *ээ* и *өө* имеют такое же употребление, но предпочтение дается обычно звуку *өө*: тугн. *хүсээ* || *хүсөө*, агин. *хүсөө* || *хүсээ* (догнал); тугн. *бүхэжээ* || *бүхэјөө*, аг. *бүхэјөө* || *бүхэјээ* (силу свою). После первослогового долгого *ү* в тугнуйском говоре встречается только звук *ээ*, тогда как в агинском употребляется и звук *өө*: тугн. *һүүлээр*, агин. *һүүлээр* || *һүүлөөр* (после), тугн. *шүүрээ*, агин. *шүүрээ* || *шүүрөө* (схватил).

Таким образом, в обоих говорах краткие гласные *ө* и *ү* в первом слоге и долгие *өө* и *ээ* в положении после первослоговых *ү*, *үй* не различаются. Правило орфографии литературного языка о написании в непер-

¹ В отношении наименований бурятских говоров и диалектов применяется терминология, предложенная Ц. Б. Цыдендамбаевым в статье «О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке» (см.: «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, Улан-Удэ, 1960), ибо классификация бурятских диалектов и говоров, сделанная в статье Ц. Б. Цыдендамбаева, отражает точку зрения Улан-Удэнской лингвистической конференции 1953 г.

вых слогах только *өө* после *ү*, *үй* не отражает специфической особенности какого-либо из этих говоров.

3. В тугнуйском и агинском говорах в ряде случаев наблюдается замещение гласных *ү* и *э* друг другом. Это явление в литературном языке не отражается: тугн. *гүдэһэн*, агин. *гэдэһэн*, || *гэтэһэн*, лит. *гэдэһэн*, (живот, брюхо); тугн. *хүдэн*, агин. *хэды* || *хэд'уи* (сколько); тугн. *түды*, агин. *түсы* || *тэды*, лит. *тэды* (столько); тугн. *бэ* || *бү*, агин. *буу*, лит. *бүү* (не); тугн. *мүтэ*, агин. *мүтэ* || *мэтэ*, лит. *мэтэ* (подобно); тугн. *бэрэ*, агин. *бэр'и* || *бүр'и*, лит. *бүри* (еще более; совсем, совершенно); тугн. *мэл'т'ихэ*, агин. *мүл'т'ихэ*, лит. *мүл'т'ихэ* (орф. *мүлхихэ*) (ползать); тугн. *хэдэрхэ* || *хүдэрхэ*, агин. *хэдэрхэ*, лит. *хэдэрхэ* (накидывать, набрасывать); тугн. *бэл'т'и* агин. *бүл'тин* || *бэл'тин*, лит. *бүл'тин* (орф. *булхин*) (утолщенное сухожилие); агин. *бүмбэгэ* || *бэмбэгэ*, лит. *бүмбэгэ* (мяч); агин. *эбэр*, *эбэртэлхэ* лит. *үбэр*, *үбэртэлхэ* (пазуха; положить за пазуху); агин. *бэһэ* || *бүһэ*, *бэһэлхэ* || *бүһэлхэ*, лит. *бүһэ*, *бүһэлхэ* (пояс, кушак; опоясываться; окружать); тугн. *мэшэн*, агин. *мүшэн*, лит. *мүшэн*, (звезда).

4. В тугнуйском говоре в единичных случаях вместо звуков *о*, *а* первого слога употребляются узкие *у*, *ү*: тугн. *уран*, || *орон*, агин. *орон*, лит. *орон* (кровать); тугн. *пулаат'и*, агин. *палаат'и*, лит. *плаат'и* (платье); тугн. *пулааха*, агин. *палааха*, лит. *палааха* (пол); тугн. *пүл'т'ээнсэ*, агин. *пол'т'шинса*, лит. *полот'ээнцэ* (полотенце); тугн. *хүп'ээхэ* (копейка).

5. Долгим гласным агинского говора в тугнуйском говоре в некоторых случаях соответствуют дифтонгондные звуки: тугн. *хураэха*, агин. *хур'аахаэ*, лит. *хур'аахаэ* (муж старшей сестры, зять); тугн. *бур'аад* || *бур'ад*, агин. *бур'аад*, лит. *бур'аад* (бурят); тугн. *олоэрхо*, агин. *улуурха*, лит. *олоэрхо* (бредить); тугн. *зор'оэн*, агин. *зор'оон*, лит. *зор'оон* (нарочно, намеренно); тугн. *орозхо*, агин. *ор'оохо*, лит. *ор'оохо* (обертывать, заворачивать, завертывать), тугн. *хороз*, агин. *хор'оо*, лит. *хор'оо* (ограда, изгородь); тугн. *маэлаха*, агин. *маараха*, лит. *маараха* (блеять); тугн. *мар'ээүи*, агин. *мар'аагүи*, лит. *мар'аагүи* (сухощавый, худой, сухопарый).

Как видно из приведенных примеров, долгий гласный в тугнуйском говоре переходит в дифтонговый звук в положении после мягкого звука *р* или после и перед сонантом *л*. Причем в большинстве случаев звук *р* теряет свою палатализованность: *хор'оо* — *хороз*, *ор'оохо* — *орозхо*, *хур'аахаэ* — *хураэха*. И, наоборот, когда долгим гласным тугнуйского говора в агинском говоре соответствуют дифтонгоиды, звук *р* становится палатализованным: тугн. *даэраха*, агин. *даэраха* || *даар'иха*, лит. *даэраха* (задевать); тугн. *тоэрохо*, агин. *тоэрохо* || *тоор'ихо*, лит. *тоэрохо* (обходить кругом); тугн. *хууха*, агин. *хуиха*, лит. *хууха* (кожа на голове); (тугн. *хуухалха*, агин. *хуихалха*, лит. *хуухалха* (палить, опаливать).

6. В двух-трех словах кратким гласным агинского говора в тугнуйском говоре соответствуют долгие гласные: тугн. *хуун*, || *хүн*, агин. *хүн*, лит. *хүн*, (человек); тугн. *дооро* || *дор*, агин. *доро*, лит. *доро*, *дооро* (внизу, ниже).

7. В тугнуйском говоре, а частично и в агинском, в середине слова в комплексах типа *-ла-*, *-рга-*, *-гла-*, *-рла-* наблюдается перестановка (метатеза) кратких гласных: тугн. *буулааха*, агин. *буулагха* || *буулааха*, лит. *буулгаха* (снимать, разгружать); тугн. *рбуулааха*, агин. *буслагха* || *бусалгаха*, лит. *бусалгаха* (кипятить); тугн. *мү эгэхэ*, агин. *мүрэгэхэ* || *мүрэгэхэ*, лит. *мүрэгэхэ* (жаловаться); тугн. *хэрэгэлхэ*, агин. *хэрэгэлхэ*, лит.

хэрэглэхэ (применять, использовать); тугн. *даралха*, агин. *даралха* || *дарлаха* (притеснять; унижать, угнетать).

8. В рассматриваемых говорах редуцированные гласные непервых слогов, находящиеся между согласными, имеют тенденцию к исчезновению, в связи с этим наблюдаются ассимилятивные изменения согласных. В тугнуйском говоре слабая заднеязычно-увулярная фонема *г* уподобляется по глухости предыдущему сильному звуку и слышится как *х*: тугн. *эсхэ*, агин. *эсэгэ*, лит. *эсэгэ* (отец); тугн. *басхан*, агин. *басаган*, лит. *басаган* (девушка); тугн. *хутха* || *хутэга*, агин. *хутага*, лит. *хутага* (нож); тугн. *үсхэлдэр*, агин. *үсэгэлдэр*, лит. *үсэгэлдэр* (вчера); тугн. *батханаан*, агин. *батаганаан*, лит. *батагана* || *батаганаан*, (муха); тугн. *мантхар*, агин. *мантагар*, лит. *мантагар* (большой, огромный); тугн. *зихэн*, агин. *зизэгэн*, лит. *зизэгэн* (козленок).

В тугнуйском и агинском говорах слабые фонемы *б*, *д*, *г* уподобляются по глухости последующему сильному звуку: тугн. *мэтхэ*, агин. *мэтхэ* || *мэдэхэ*, лит. *мэдэхэ* (знает); тугн. *ялтараа*, агин. *ялтараа* || *ябатараа* (когда шел); тугн. *уртхануур*, агин. *урдахануур* || *уртхануур*, лит. *урдахануур* (значительно впереди; довольно рано).

Слабый смычный звук *д* уподобляется по глухости предыдущему сильному согласному: тугн. *бусаштаг*, агин. *бусаштаг* || *бусашэдаг*, лит. *бусашадаг* (быстро возвращается); тугн. *зштэг*, агин. *зшэбэг*, лит. *зшэдэг* (стыдится).

В рассматриваемых говорах при быстрой речи звуки *ш* и *д*, сочетаясь при выпадении редуцированных гласных с шипящими, образуют аффрицированный звук с долгим смычным элементом: тугн., агин. *бэтчэ*, лит. *бэшэжэ* (записывая); тугн., агин. *үтчэлэн*, лит. *үдэшэлэн*, (вечером), тугн., агин. *јатча*, лит. *јадэжа* (страдающая); тугн., агин. *абаатча*, лит. *абаашажа* (унося); тугн., агин. *наатча*, лит. *наадажа* (играя), тугн., агин. *отчо*, лит. *ошожо* (уходя).

В глагольных формах прошедшего времени, образовавшихся из сочетания соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *ошохо*, обычный звук *ш* дает аффрицированный звук с удлинённым смычным элементом: тугн., агин. *ябатчоо*, лит. *ябашоо* (ушел); тугн., агин. *шэргэтчоо*, лит. *шэргэшоо* (высох); тугн., агин. *дууһатчоо*, лит. *дууһашоо* (кончился); тугн., агин. *дутаатчоо*, лит. *дуташоо* (не досталось), тугн., агин. *үнгэгэдэтчоо*; лит. *үнгэгэдэшоо* (измялся). Однако в некоторых словах, особенно когда звук *ш* сочетается с *р*, *л*, *б*, в агинском говоре аффрицированного звука не образуется: тугн. *норчоо*, агин. *норишоо*, лит. *норшоо* (промок); тугн. *таһарчаба*, агин. *таһаршаба*, лит. *таһаршаба* (оборвался); тугн. *абчоо*, агин. *абишоо*, лит. *абишоо* (взял); тугн. *эмдэрчхэ*, агин. *эмдэршхэ*, лит. *эмдэршэхэ* (сломаться), тугн. *болчоо*, агин. *болшоо*, лит. *болшоо* (перестал).

В глагольных формах, образованных из сочетания соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *орхихо*, в обоих говорах наряду с исчезновением редуцированного гласного наблюдается выпадение звука *р*, а в тугнуйском говоре — и звука *ж* и образование сильного долгого мягкого аспирированного звука: тугн. *сот'т'и*, агин. *сох'о жх'и* || *сох'о жорх'и*, лит. *сох'о жорх'и* (избей); тугн. *эт'т'ибэ*, агин. *эд'и жх'ибэ*, лит. *эд'и жэрх'ибэ* (съел); тугн. *март'х'ооб*, агин. *марта жх'ооб*, лит. *марта жарх'ооб* (забыл); тугн. *хат'т'аха*, агин. *хаја жх'иха*, лит. *хаја жарх'иха* (выбросить); тугн. *үлгэх'х'и*, агин. *үлгэ жх'и*, лит. *үлгэ жэрхи* (повесь); тугн. *таб'х'и*, агин. *таб'и жх'и*, лит. *таб'и жарх'и* (поставь).

9. В обоих говорах в некоторых словах встречается выпадение начальных, конечных кратких гласных и конечных слогов: тугн., агин. *н'ээхэ*, лит. *эн'ээхэ* (смеяться); тугн. *баашха*, агин. *баашха* || *абаашха*, лит.

абаашаха (унести); тугн. *шэргэнээ*, лит. *эшэргэнэ* (сыпь; оспа); тугн., агин. *наадтээ*, лит. *наада тээ* (с этой стороны); тугн., агин. *хоэдтээ*, лит. *хоэ-то тээ* (с северной стороны); тугн., агин. *уртээ*, лит. *урда тээ* (с южной стороны); тугн. *хахаддөр* (полдень); тугн., агин. *аса* || *асара*, лит. *асара* (принеси); тугн., агин. *үхэ* || *үгэхэ*, лит. *үгэхэ* (отдать).

10. В тугнуйском и агинском говорах перед различными глагольными аффиксами, присоединяемыми к основам, краткие гласные, как правило, отпадают. Например, тугн., агин. *орно*, *орбо*, *орхо*, *ордог*, *оржо*, *орһон*, *орхолоор*, *орбол*, *ортор*, *орһоор* и т. д. Ср. лит. (полный стиль): *ороно*, *оробо*, *орохо*, *ородог* и т. д. В производных основах слов редуцированные гласные имеют тенденцию к исчезновению в положении после или перед сонантными и некоторыми слабыми согласными: тугн., агин. *нарнаэ*, *шүднээ*, *олноэ*, *одноэ*, *баатраэ*; *машында*, *ханда* и т. д. Ср. лит. (полный стиль); *нарснаэ*, *шүдэнээ*, *олоноэ*, *одоноэ*, *баатараэ*; *машишнада*; *ханада*.

11. В обоих говорах в потоке речи конечные *н* (устойчивый) и *г* в положении перед словами, начинающимися на *ј*, *һ*, *м*, *н*, *л*, отпадают: тугн., агин. *номго морин*, лит. *номгон морин* (смирная лошадь); тугн., агин. *хүүгэн'үдэн*, (зрачок); тугн., агин. *һаз һазн баатарнууд*, лит. *һазн һазн баатарнууд* (лучшие богатыри); тугн. *алта һыхэ*, агин. *алтан һыхэ*, лит. *алтан һыхэ* (золотые серьги); тугн. *дүты нүхэр*, агин. *дүтын нүхэр*, лит. *дүтын нүхэр* (близкий друг); тугн., агин. *јаагаа хүитэ јүм*, лит. *јаагаа хүитэн јүм* (Как холодно); тугн., агин. *хэлдэ јүмһэн*, лит. *хэлэдэг јүмһэн* (рассказывал); тугн. *баја һамган*, агин. *бајан һамган*, лит. *бајан һамган*, (богатая женщина).

12. Хоринскому диалекту характерна довольно широкая распространенность палатализации согласных. Между тем в тугнуйском говоре встречается много случаев, когда палатализированным согласным, в частности, агинского говора соответствуют твердые согласные: тугн. *бэдэрхэ*, агин. *бэд'ирхэ*, лит. *бэдэрхэ* (искать); тугн. *бэрэ*, агин. *бэр'и*, лит. *бэр'и* (невестка); тугн. *тымэ*, агин. *т'иимэ*, лит. *т'иимэ* (такой); тугн. *тэрлэг*, агин. *тэрл'иг*, лит. *тэрл'иг* (бурятский халат); тугн. *дылэхэ*, агин. *д'иилэхэ*, лит. *д'иилэхэ* (одолеть; победить); тугн. *эрэхэ*, агин. *эр'ихэ*, лит. *эр'ихэ* (просить); тугн. *хар'та*, агин. *хар'т'и*, лит. *хар'т'и* (берцовая кость); тугн. *бы*, агин. *бы*, лит. *б'иш* (есть, имеется); тугн. *эрэ*, агин. *эр'и*, лит. *эр'и* (острие); тугн. *хатхалаа*, агин. *хадхал'аа*, лит. *хадхалаа* (пневмония); тугн. *төөрхэ*, агин., лит. *төөр'хэ* (заблудиться); тугн. *тэнгэр*, агин., лит. *тэнгэр'и* (небо); тугн. *пээшэн*, агин., лит. *п'ээшэн* (печь); тугн., лит. *эбэлгэхэ*, агин. *эб'илгэхэ* (доить, подпустив теленка). Кроме того, в тугнуйском говоре встречается палатализованный согласный там, где в агинском имеется твердый согласный: тугн. *хэл'ин*, агин., лит. *хэлэн* (язык); тугн. *зүр'хэн*, агин. лит. *зүрхэн*, (сердце); тугн., агин. *үр'һэн*, лит. *үрэнэ*, (семя); тугн. *хүр'гэхэ*, агин., лит. *хүргэхэ* (проводить; сопровождать); тугн. *н'ээхэ*, агин., лит. *нээхэ* (открывать); тугн. *бар'аз'гар*, агин., лит. *баразгар* (рис); тугн. *эл'һэн*, агин., лит. *элһэн* (песок); тугн. *эл'ихэ*, агин., лит. *элэхэ* (изнашиваться).

Морфологические особенности. В области морфологии между сравниваемыми говорами и литературным языком нет каких-либо существенных расхождений. Различия в оформлении одних и тех же морфологических единиц в сравниваемых языковых подразделениях бывают обусловлены главным образом некоторыми фонетическими процессами, имеющими место на стыке основы слова и аффиксов; присоединением к основам разных вариантов одного и того же аффикса.

1. При присоединении к именам, оканчивающимся на *г*, окончания винительного падежа с притяжением звук *г* заменяется йотом (*ј*): тугн. *н'отојын*, агин. *н'утајын*, лит. *н'утагын'* (его родные места); тугн.,

агин. *сајын*, лит. *сагын'* (его время); тугн., агин. *хэрэјын*, лит. *хэрэгын'* (его дело); тугн., агин. *сэрэјын*, лит. *сэрэгын'* (его войска).

2. В хоринском диалекте при присоединении суффикса совместного падежа *-таэ* к основе с мягким согласным в конечном слоге согласный *т* аффикса подвергается прогрессивной палатализации. В тугнуйском говоре это явление наблюдается реже, чем в агинском; тугн. *мор'тоэ* || *мор'т'ээ*, агин. *мор'т'ээ*, лит. *мор'тоэ* (с конем, конный); тугн. *зөөр'тээ*, агин. *зөөр'т'ээ*, лит. *зөөр'тээ* (имуший). При присоединении к суффиксу совместного падежа окончания возвратного притяжания *-јаа* в результате выпадения редуцированного гласного согласный *т* падежного аффикса палатализуется и становится долгим: тугн. *абат'т'аа*, агин., лит. *абатајаа* (с отцом); тугн. *хүбүүт'т'ээ*, агин., лит. *хүбүүтэјээ* (с сыном); тугн. *Үамат'т'аа*, агин., лит. *Үаматајаа* (с Лхамой).

Следует отметить, что прогрессивная палатализация конечного согласного основы или согласного аффикса, присоединяемого к основе с мягким согласным в конечном слоге, довольно распространенное явление в агинском говоре: агин. *хон'н'ээ*, лит. *хон'иноэ* (овцы), агин. *мор'н'ээ*, лит. *мор'иноэ* (лошади); агин. *бэр'д'ээ*, лит. *бэр'идээ* (невестке); агин. *бур'т'иха*, лит. *бур'итаха* (заплесневеть); агин. *хахуул'д'иха*, лит. *хахуул'идаха* (удить); агин. *нэмэр'л'ихэ*, лит. *нэмэр'илхэ* (прибавить, добавить); агин. *мор'л'ихо*, лит. *мор'илхо* (прибыть); агин. *ам'ио'и*, лит. *ам'иды* (живой).

3. Более значительные различия между говорами наблюдаются в звучании разных частиц.

В тугнуйском говоре частицы личного притяжания 1-го лица *-мн'и*, *-мнаэ*, присоединяясь к словам, оканчивающимся на согласный, сохраняют начальный *-м*. При этом во избежание стечения трех согласных вставляется соединительный гласный между основой и частицей: тугн. *гарамн'и*, *гарнуудамнаэ*, агин., лит. *гарн'и*, *гарнууднаэ* (рука моя, руки наши); тугн. *н'отогом*, *н'отогуудамнаэ*, агин., лит. *н'утагн'и*, *н'утагууднаэ* (родное кочевье мое; родные кочевья наши); тугн. *гарбаламн'и*, агин., лит. *гарбалн'и* (происхождение мое); тугн. *хүбүүдэмнаэ*, агин., лит. *хүбүүднаэ* (ребята наши).

Частицей 3-го лица личного притяжания в тугнуйском говоре является звук *н*, присоединяемый к словам, оканчивающимся на согласный посредством соединительной гласной, которая иногда претерпевает метатезу: тугн. *јабатаран*, *јабатарна*, агин. *јабатарын*, лит. *јабатарын'*, *јабатарн'* (пока шел), тугн. *гаран*, агин. *гарын*, лит. *гарын'* (рука его).

В агинском говоре отсутствует утвердительная частица *-гүбэ* (*-гүб'и*, *-гүбши*), имеющаяся в тугнуйском говоре: *јабаа гүбэ* (пошел он), *јабаа-гүб'и* (пошел я), *јабаа гүбши* (пошел ты). В агинском говоре и литературном языке используются утвердительные частицы *-хајам* (*-хајүм*), *-бишэ-гүү*, *-гүи-гүү*, *-бишуу*: агин. *јабаа хајам*, *јабаабишэ-гүү*, *јабаагүи-гүү*, лит. *јабаа ха јүм* (или *хајам*), *јабаабишуу* (он ведь пошел).

В обоих говорах в тех случаях, когда вопросительная частица *гү* принимает лично-предикативные частицы 2-го лица *-и*, *-т*, происходит метатеза *ү*. Оказавшись в конце слова, этот гласный делабиализуется в тугнуйском говоре и частично в агинском, в котором становится долгим: тугн. *јабаагши* (*гши* < *гүи*), агин. *јабаагшии* || *јабаагшиуу*, лит. *јабаа гүи* (Ходил ли ты?), тугн. *јабаагта* (*гта* < *гүт* < *гүта*), агин. *јабаагтүү* || *јабаагтүүу*, лит. *јабаа гүт* (Ходили ли вы?). То же самое происходит в агинском говоре в отношении частицы 1-го лица *б'и* при его сочетании с частицей *гү*: *Б'и и хэлээб'и*, лит. *Б'и хэлээгүб* (Я сказал, что ли?).

В тугнуйском говоре вопросительная, а также лично-предикатив-

ная частица 1-го лица *б* иногда замещается звуком *м*: тугн. *Тоголомнаэ хаанам даа*, агин., лит. *Тугалнаэ хаанаб даа* (Где наш теленок?); тугн. *Гара гэнэм*, агин., лит. *Гара гэнэб* («Выходи!»— говорю); тугн. *Б'иш баанам*, агин. *Б'иш баэнаб*, лит. *Биш баэнаб* || *баэнам* (Я здесь). В этом же говоре к звуку *м* изредка наращивается лично-предикативная частица *-б'и*: тугн. *Јаба гэнэмб'и*, агин., лит. *Јаба гэнэб* (Говорю: «Иди!»); тугн. *Јабанамби*, агин., лит., *јабанаб* (Я иду).

При сочетании формы прошедшего времени служебного глагола *гэ*- (говорить, произносить) с модальной частицей *бы* в речи старых людей иногда долгое *ээ* замещается долгим *оо* или дифтонгоидом, а звук *б* палатализуется: *јабаха болоо гооб'ишдаа* || *гэб'иш даа*, лит. *јабаха болоо гээбы даа* (Придется идти). В агинском говоре в данном случае звук *б* также смягчается, когда речь идет о первом лице: *јэрхэ гээб'иш даа* (Наверное, приду). Ср.: *Баэтэраа тэрэш јэрхэ гээбы даа* (Погода, наверное, он придет). В тугнуйском говоре в таком сочетании гласный частицы *бы* часто опускается: *Тоголнаэ јабаа гээб даа* (Теленок наш, наверное, где-то тут ходит).

В агинском же говоре лично-предикативные частицы 2-го лица при употреблении слова с каким-либо модальным оттенком или вопросительной интонацией удлиняют свой гласный: *Хэлээбтаа* || *хэлээбты* («А-а»,— сказали вы!), *Мэдээбиши* (Ты уже узнал?!).

В тугнуйском говоре при сочетании частицы отрицания *-гүи* с глагольной формой на *-ха* редуцированные гласные глагола исчезают, звуки *х* и *г* сливаются и дают смычный глухой *к*, а предшествующий им слабый согласный полностью оглушается: тугн. *Мэткүүл'б'и*, лит. *Мэдэхгүүл'б'и*; (Я не знаю); тугн. *Шаткүйб*, лит. *Шадахагүйб* (Не умею); тугн. *Ошгкүйш*, лит. *Ошохогүйш* (Ты не пойдешь).

В обоих говорах частицы, сочетаясь между собой, в отличие от литературного языка имеют тенденцию к слиянию: тугн., агин. *һаабдаа*, лит. *һэн ааб даа*; тугн., агин. *һаал*, лит. *һэн аал*; тугн., агин. *һаабза*, лит. *һэн аабза*; тугн., агин. *һалдаа*, лит. *һэн лэ даа*; тугн., агин. *мүнэл'д'аа*, лит. *мүн лэ б'и даа*; тугн., агин. *хүл'б'идаа*, *хүл'д'аа*, *хүн элд'аа*, лит. *хүн лэ б'и даа*; тугн., агин. *хајаһуул'д'аа*, лит. *хајаһуулб'и даа* (выброшукая); тугн., агин. *јум һэлэ*, лит. *јум һэн лэ*.

Особенностью агинского говора является факультативное замещение лично-предикативной частицы *б* (*б'и*) звуком *ј* или опущение ее: агин. *Хэлхэји*, лит. *хэлэхэб'и* (Скажу я); агин. *мэдэхэји*, лит. *мэдэхэб'и* (Знаю я); агин. *Хэээ ошхоб'ишд'и*, лит. *Хэээ ошхоб'ишд'и* (Когда пойдем?).

В тугнуйском говоре употребляется модальная частица *аалам*, отсутствующая в агинском говоре: *Моожо мүнөө јэржэ јабаалам* (Может быть, они едут сейчас); *Хэрэгтээ болхо аалам* (Возможно, пригодится).

В отличие от агинского говора частица *-лэ* в тугнуйском говоре и в литературном языке употребляется в сравнительно-предположительном значении: *Тэрэши багша јанзын хүндэл һэн* (Он был похож на учителя); *Тэдэши эндэ һуһандаа хајам даа* (Они как-будто бы жили здесь).

В тугнуйском говоре частица *-шье* произносится как *-шха*: тугн. *залуушхаһаа*, лит. *залуушјэ һаа* (хоть и молод); тугн. *Б'ишишэ ошкүйб*, лит. *Б'ишишэ ошхогүйб* (Я-то не пойду), тугн. *Бэшишхэ ондоо јүүмэ хэнэгүйб* (Больше ничего не делаю).

Особенностью тугнуйского говора является употребление лично-предикативных частиц 1-го и 2-го лица множественного числа со словом *хүн* (человек), находящемся в форме единственного числа: тугн. *Хазшан гээд гоород ошхо хүнб'ишд'и?* агин. *Хазшан гээд гоород ошхо зонб'ишд'и?* (Как мы должны поехать в город?); тугн. *Гурбан хүн јэрээ хүмты*, агин. *Гурбан хүн јэрээ зомты* (Значит, вы втроем пришли?); тугн. *ыжэ*

баэжа хэхэ хүмд'и, агин. Иижэ баэжа хэхэ зомд'и (Значит, так мы должны сделать).

4. В тугнуйском говоре чаще, чем в агинском, употребляются причастия на -ааша: тугн. *Һаја алааша үхрээ м'ахан*, агин. *Һаја алагша үхрээ м'ахан* (мясо забитой недавно коровы).

5. В языке тугнуйцев изредка наблюдается неоправданное употребление звука *н* перед падежным аффиксом: *Энэ м'ээстэндэ б'иш һуухаб* (На это место сяду я); *Энэ саянаа хээд уугараэ* (Наливай и пей этого чая).

6. В агинском говоре суффикс множественного числа -нууд иногда присоединяется к некоторым несклоняемым глагльным формам, т.е. наблюдается формальное согласование подлежащего и сказуемого в числе: *Һајанаэ эдэи ииш т'ишиээ таранхаэнууд* (Не так давно все они разошлись туда-сюда); *Манаэх'ин булта б'инхаэнууд* (Все наши дома); *Хүүгэднээ үрөөгтөө хо жомдохоо бол'оонууд агша* (Дети наши перестали опаздывать на уроки).

7. Различия между рассматриваемыми говорами наблюдаются в отношении слов и частиц, применяющихся для выражения усиления признака прилагательных. В тугнуйском говоре в качестве усилителя признака выступают слова *тэнсэлгүи, болзоргүи, ајуулаэ, мүргүи, хэмгүи*, не употребительные в этой функции в агинском говоре и, наоборот, специфичными для Аги являются слова-усилители *нам жар, дүрсэгүи, пооромгүи, оромгүи, одоо, уугараэ, муухаэ* и т. д. Примеры: тугн. *тэнсэлгүи бүхэ хүн* (очень сильный человек), *болзоргүи јэхэ олзо* (очень большой доход), *Мүргүи хөөрөөшө үбгэн* (Старик — исключительно хороший рассказчик), *ајуулаэ томо бухал* (ужасно большая копна); агин. *муухаэ томо бухал* (ужасно большая копна), *нам жар гојо үдэр* (исключительно (хороший день), *оромгүи хүитэн* (ужасно холодно) и т. д. Большинство слов, передающих усиление признака, ввиду своей сниженной стилистической выразительности не находят широкого применения в литературном языке. К таким относятся слова *бузар, булаэ, зутар, зүд, оэгоргүи* и др.

Лексические особенности. Между тугнуйским и агинским говорами наблюдаются некоторые лексико-семантические расхождения. Наиболее типичным в этом отношении является обозначение одного и того же понятия разными словами, хотя эти слова, как правило, наличествуют в обоих говорах. Кроме того, в говорах иногда не совпадает объем значений слов. Для иллюстрации приведем примеры:

тугн.	агин.	лнт.	значение
<i>талхан</i>	<i>тар'аан</i>	<i>тар'аан</i>	хлеб, зерно
<i>баабаз</i>	<i>абгаэ</i>	<i>абгаэ</i>	старшая сестра
<i>хээтээ</i>	<i>абгаэ</i>	<i>абгаэ</i>	жена брата
<i>харша</i>	<i>хашаа</i>	<i>харша, хашаа</i>	забор (из плах)
<i>дохо</i>	<i>сохо</i>	<i>духа</i>	люб
<i>һууха</i>	<i>баэха</i>	<i>һууха, баэха</i>	жить, проживать
<i>тээмэндэ</i>	<i>тээсгэн</i>	<i>тээмэндэ, тээсгэн</i>	недавно, на днях
<i>бүшмэг</i>	<i>үдхэн</i>	<i>бүшмэг, үдхэн</i>	густой
<i>мохър'уулга</i>	<i>ган жан</i>	<i>мухар'уухаэ</i>	скалка для раскатывания теста
<i>һаднаг</i>	<i>гасуу</i>	<i>һаднаг, гасуу</i>	кол
<i>онгоошхо</i>	<i>сонхо</i>	<i>сонхо</i>	окно
<i>дууһан, хуу</i>	<i>булта, хуу</i>	<i>булта, хуу</i>	все
<i>арһан аргамжа, эрмэр</i>	<i>мушхамал</i>	<i>арһан аргамжа</i>	кожаная веревка

олдууд	хүнүүд, зон	хүнүүд, зон, уладууд	люди
заб'жаа, гүсэ	гүсэ	гүсэ	чайник
мөөр'и	түхэр'өөн	мөөр	колесо (телеги)
зуур'гха	халаха ханда- хагүй	халахагүй	назойливо приста- вать
тоһоноэ аэраг	шилгэдэһэн	шилгэдэһэн, аэраг	пахта
зүлэхэ	һанаха	һанаха	намереваться
гээгдэхэ	хо жомдохо	гээгдэхэ, хожомдохо	отставать
үни	удаан	үни, удаан	долго.

В указанных выше говорах отмечаются небольшие расхождения в фразеологии. Например, понятие «шалить» в Аге обозначается устойчивым сочетанием *тоомоо таһарха*, а в Мухоршибири это понятие выражается словосочетаниями *тоомо аашалха*, *тоомо гарха*, *тоомо таһарха* (редко).

Здесь также наблюдаются небольшие расхождения в оформлении и составе заимствованных из русского языка слов. В тугнуйском говоре заимствованные глаголы оформляются посредством суффикса *-л*, а в агинском — без этого суффикса: тугн. *забад'ишлха*, агин. *забад'иша* (заводить); тугн. *аздабаалха*, агин. *аздабааха* (сдавать); тугн. *шихтүү-ри'лхэ* || *шихтүүридлэхэ*, агин. *шахатуурдаха* (штукатурить). В тугнуйском говоре встречаются заимствованные слова, которые отсутствуют в агинском: *сумстишлха* (смущать, подбивать), *түүмнэ* (темный; невежда), *солбоодно* (свободный), *заимха* (заимка), *ладуун* (ток), *бүүл'бэ* (картофель), *шэмээшэг* || *сэмээшэг* (семейский). Одни и те же заимствованные слова довольно часто оформляются по-разному: тугн. *хорорто*, агин. *хүрөөртэ* (курорт), тугн. *собоото*, агин. *сүбөөтэ* (суббота), тугн. *хартаабха* (наряду с *бүүл'бэ*), агин. *хортообхо* (картофель), тугн. *ороог*, агин. *үрөөг* (урок), тугн. *синотоор*, агин. *сонотоор'и* (санаторий), тугн. *харс'иин*, агин. *харшын* (керосин), тугн. *мэшээг*, агин. *м'ишоог* (мешок), тугн. *п'ээнзэ*, агин. *п'ээнсэ* (пенсия), тугн. *сүпхөөн*, агин. *сүпөөн* (супонь), тугн. *сэд'оолхо*, агин. *шо жуулха* (седелка) и т. д.

Между тугнуйским и агинским говорами наблюдается несоответствие также в обращении к старшим. В Аге при обращении к старшему к его имени прибавляют слова *ахаэ* (старший брат) и *абаэ* (старшая сестра): *Батахаэ* (дядя Бато), *Дулма абаэ* (сестра Дулма). В Мухоршибири же старших не называют по имени, а обращаются к ним косвенно, через имена их детей. Например: *Сэдбээ э жы*, *наашаа һуугты* (Мать Цыдыпа, садитесь сюда); *Бунгараэ аба* (отец Бунгара), *Шодбоон аба* (отец Шодбона), *Дамбаахаэн баабаэ* (отец Дамбахая) и т. д.

Приведенный выше материал показывает, что между тугнуйским и агинским говорами, а также между этими говорами и литературным языком имеются некоторые различия. Наличие какой-либо специфической особенности в этих говорах не исключает параллельного бытования в них формы, принятой в литературном языке. Например, наряду с *хэрэжын*, *сажын* в них также употребляются литературные *хэрэжын'*, *сажын'*. Таким образом, говорам присуща многовариантность форм, а в литературном языке довлеющей является тенденция к унификации.

Как видно из приведенного же здесь материала, тугнуйский и агинский говоры получили отражение в литературном языке лишь частично, то есть в той их части, в которой они совпадают с остальными хоринскими и другими бурятскими говорами.

Ц. Б. ЦЫДЕНДАМБАЕВ

К ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОВОРОВ ДОБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ

Отдел языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, продолжая сбор диалектологических материалов, в 1962, 1963 и 1964 гг. провел работу по экспедиционному обследованию говоров добайкальских бурят. В октябре — ноябре 1962 г. велась работа среди унгинских и аларских бурят с охватом также усть-удинских, китайских и частично зиминских бурят. В мае 1963 г. небольшой отряд на короткое время посетил нежнеудинских, тулунских и зиминских бурят. В июне этот отряд занимался сбором диалектологического материала среди бурят Осинской и Идинской долин. В мае — июне 1964 г. мы охватили экспедиционной работой бурятское население Эхирит-Булагатского, Качугского и Ольхонского районов. Таким образом, за три года были обследованы все те места Иркутской области, где в данное время буряты являются постоянными жителями.

В результате поездок к добайкальским бурятам нами собран довольно значительный исследовательский материал¹. В данной статье использован он не полностью, поэтому настоящее сообщение будет носить предварительный характер². В нем, во-первых, указывается на наиболее заметные языковые признаки, отличающие говоры западных бурят, взятые в целом, от других бурятских говоров; во-вторых, приводятся отдельные моменты расхождений между самими западнобурятскими говорами; в-третьих, освещаются данные, которые в известной мере дают основание говорить об иных границах бытования западных говоров в целом и по частям; в-четвертых, выдвигаются предложения о возможности разнопланового подхода при классификации бурятских диалектов; и, наконец, в-пятых, кратко излагаются предстоящие задачи изучения бурятских диалектов.

Говоры добайкальских бурят наряду с общей основой с другими бурятскими говорами существенно отличаются от последних по ряду лексических, фонетических и морфологических признаков.

Особенно значительными являются лексические расхождения. Они в той или иной степени имеют место почти во всех областях и пластах словарного состава.

Так, например, названия частей тела человека и термины родства

¹ Материалы хранятся в рукописном отделе БФ СО АН СССР.

² Публикуемая статья представляет собой отредактированный доклад, сделанный автором на IV межвузовской зональной конференции языковедов Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в г. Улан-Удэ в сентябре 1964 г.

относятся к одним из древних пластов лексики. Тем не менее, если основные названия частей тела человека, употребительные в западнобурятском наречии, в основном соответствуют как восточнобурятским, так и южнобурятским названиям¹, а разнятся лишь в отдельных деталях, то в терминах родства уже наблюдаются различия в некоторых даже основных понятиях. «Мама» по-западнобурятски будет *маама* || *ибии* || *ибиин*, по-восточнобурятски *эжы*, по-южнобурятски *эджиин*; «дед» по-западному *төө баабаэ*, по-восточному *үшгэн баабаэ*, по-южному *үшгэн аша*; при обращении к старшей сестре по-западному ее называют *гаагаэ* и *ахадаэ*, по-восточному *ашгаэ*, по-южному *ахаэ*. Правда, более общие термины родства, такие как *эхэ* (мать), *эсэгэ* (отец), *аха* (старший брат), *эгэишэ* (старшая сестра), *дуу* (младший), *хүшүүн* (сын), *басаган* (дочь) общепотребительны.

Основные названия домашних животных в общем идентичны во всех бурятских наречиях. Вместе с тем имеются различия в частности. Например, в западных говорах слово *үхэр* употребляется в значении «бык», тогда как в восточных — «рогатый скот». В некоторых местах Добайкаль вместо общего названия *хур'ган* || *хурган* (ягненок) или наряду с ним бытуют *бугшаа* (в некоторых местах Боханского района, в селах Икинат и Балтуй Аларского района), *хурwэ* (в Курумчинском кусте Эхрит-Булагатского района); вместо общего названия *јамаан* || *н'амаан* (коза) — *шоогэ* (в восточной части качугских и ольхонских бурят). Однако когда дело касается понятий, связанных с оседлым образом жизни: названий дома и его частей, домашних пристроек и т. п., мы наблюдаем серьезные различия не только между наречиями, но и между отдельными говорами. Достаточно напомнить, что в западных говорах слово «дом» (русского типа) имеет названия *соол*, *тура*, *базиан*, *гооронсо* и другие, тогда как в восточных говорах употребительно слово *гэр* и лишь отчасти *базиан*.

Большая пестрота наблюдается в бытовой лексике. Если названия наиболее крупных вещей и значительных явлений, а также обобщающие родовые понятия имеют более или менее единую основу, то названия мелких вещей и несущественных явлений, а также видовые понятия нередко имеют расхождения как по наречиям, так и по говорам. Так, например, слово *дэгэл* (шуба) известно всем, но *хунаат'и* (женский халат) знают только западные буряты, а *уужа* (безрукавка для женщины) — восточные. Сочетание *сагаан эо'ээн* (молочная пища) общеизвестно, тогда как *хүрэнгэ* (кислое квашенное молоко) бытует только в западнобурятских говорах, а *аэраг* в восточнобурятских.

Многочисленные расхождения в бытовых названиях и иногда даже в бытовых понятиях, разноречивостью в некоторых животноводческих терминах и тем более в названиях продуктов животноводства, отдельные случаи несовпадения в терминах родства — все это свидетельствует о том, что носители бурятских наречий в свое время жили в разных условиях. В этом отношении особенно показательно различие между бурятскими наречиями в области заимствованной из других языков лексики.

Если исключить общие для монгольских и тюркских языков слова, то тюркизмы обнаруживаются главным образом в западных говорах: *баран* (все), ср. древнетюрк. *bary* (все)²; *будан* в фольк. (народ), ср. древ-

¹ Под восточнобурятскими названиями здесь и далее подразумеваются названия, употребительные в восточном, или хоринском в широком смысле слова, наречии; под южнобурятскими — названия, употребительные в южном наречии, иначе говоря, в говорах селенгинских цонголов и сартулов, а также олонских хамниган.

² См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (словарь).

нетюрк. *bidun* (народ)¹; *ибии* || *ибиши* (мама), ср. башк. *эбей* (старшая сестра отца или матери), тат. *эби* (бабушка), якут. *эбэ* (бабушка)²; *таа-в таабаз* алар. и *төө* (или *тоо*) в сочет. *төө баабаз* (дедушка), ср. кирг. *тага* (дядя со стороны матери)³, узб. *тога* (дядя по матери)⁴; *хүрвэ* курамч. (ягненок), ср. азерб. *кэрпэ* (десятидневный ягненок), казах. диал. *көрпөздөш* (ягненок раннего приплода)⁵; *хүүр* (слово), ср. древнетюрк. *kü* || *kür* (молва, слух)⁶; *шахмаар* (деревянная колотушка) и др.

Но некоторые китайско-маньчжурские слова, вошедшие, должно быть, через монгольское посредство, а также тибетизмы, проникшие в связи с распространением ламаизма, употребительны в говорах восточных бурят, но носителям добайкальских бурятских говоров они не известны или почти не известны. Если слово «окно» по-восточнобурятски наряду с *онгоошхо* значит еще *сонхо* (от кит. *шонхо*), то по-западнобурятски — *шагаабар* || *шабаагар*; «подушка для седла» по-восточнобурятски *майууза* (от кит.), а по-западнобурятски *огдо* устар. || *будуушха* совр. Для восточных бурят понятны такие тибетизмы, как *худар* (сутра), *жаса* (фонд), *жаган* (кухня) и много других, которые не известны западным бурятам.

Займствования же из русского языка широко бытуют во всех бурятских говорах (западных, восточных, южных). Более того, по количеству займствований из русского языка они давно начали подравниваться: если раньше западные говоры в своем словарном составе имели заметно большее количество русизмов, чем восточные и южные, то теперь последние усиленно догоняют западные.

Говоры бурят, населяющих Иркутскую область, в фонетическом плане стоят значительно ближе к восточным говорам, но весьма ощутимо отличаются от южных, то есть сакающих, говоров, в которых отмечается иной состав фонем: употребляются спирант *с* вместо фарингального *h*, аффрикаты *дж*, *дз*, *ц* и *ч* вместо согласных *ж*, *з*, *с* и *ш*, встречаемых в других бурятских говорах.

Все бурятские наречия в основном находятся в одном русле, когда дело касается действия таких фонетических явлений, как гармония гласных в основе слова, оглушение звонких согласных перед глухими и в конце слова, редукция кратких гласных в непервых слогах. Однако в отношении фонематичности и позиционного употребления отдельных звуков, степени палатализации звуков встречаются различия как между отдельными наречиями, так и между говорами.

Так, например, краткий гласный звук *ө* в смысле его фонематичности выглядит по-разному: в южнобурятском наречии он не претерпел изменения, в основном сохранился в западнобурятском и потерял самостоятельность в восточнобурятском наречии.

В западных говорах фариингальный согласный звук *h* имеет тенденцию к потере самостоятельности. В Добайкалье это явление довольно ярко выражено в Нельхайском кусте Аларского района (село Балтуй), где так же, как и в Байкало-Кударе, говорят *хаэн* вм. *һаэн* (хорошо), *хурьха* вм. *һураха* (спрашивать), *хуури* вм. *һуури* (место для сидения).

¹ См.: там же.

² См.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, стр. 32.

³ См.: там же, стр. 48.

⁴ См.: там же, стр. 50.

⁵ См.: там же, стр. 144. С казах. диал. *көрпөздөш* ср. бур. лит. *хүрбэдхэ* (шкура ягненка зимнего, то есть раннего, приплода).

⁶ См.: С. Е. Малов. Указ. соч., словарь. В бурятском фольклоре употребителен глагол с общим со словом *хүүр* корнем *хүү-* в парном сочетании — *хэлэн хүүнэн байба* (рассказывал подпевая, говорил речитативом).

Употребление заднеязычного звука *x* вместо фарингального *h* встречается изредка также по Унге, Алари, Иде, Куде и Качугу. На западе довольно распространенным является выпадение интервокального *h*, особенно в конце слова. У осино-идинских и аларо-унгинских бурят, наоборот, отмечается употребление *h* вместо *x*. Например, *хүүргэ* в.м. *хүүргэ* (мост), *хамаабүэ* в.м. *хамаабүэ* (ничего; безразлично), *Хүндээ* в.м. *Хүндээ* (Хундуй — название местности) и т. п.

В употреблении начального щелевого *ж* и отчасти *з* в западном наречии наблюдается большой разноречивостью: нижеудинцы вместо *ж* употребляют мягкий *д'*, аларские и унгино-балаганские буряты — *ж*, а далее на восток — щелевой сонант *ј*. Представители же восточного наречия употребляют только согласный *ж*, а южного наречия — только аффрикату *дж*. Приведем пример: «год» по-нижеудински будет *д'ил*, по-аларо-унгино-балагански *жил*, по-бохано-эхиридскому *јил*, по-восточному *жил*, по-южному *джил*.

Общим для всех наречий является то, что переднеязычный *и* палатализует предшествующий ему согласный. Однако в западных говорах, так же как и в южных, имеет место ассимиляция гласного *и* с другими гласными в слове, в силу чего нередко исчезает и палатализация. В восточных говорах палатализация не только не теряется, но палатализирующую роль играет и среднеязычный узкий гласный *е*. Из сказанного выше видно, что в исследуемых наречиях имеется значительное различие в палатализации согласных.

Кроме фонетических различий, в бурятских местных наречиях обнаруживаются и различия грамматического характера.

Количество и содержание падежей имен одинаково во всех бурятских наречиях, но падежные окончания в них варьируются. Прежде всего, отмечается различие в окончаниях родительного падежа имен. В западном наречии после слов, оканчивающихся на согласный, повсеместно употребительно окончание *-и* вместо, *аэ*, а иногда и наряду с ним. Например, говорят *гал* — *гал'и* (огонь — огня), *мор'ин* || *м'орон* — *мор'ин'и* || *м'орѣн'и* (конь — коня), тогда как в восточном наречии употребляются только *галаэ*, *мор'иноэ*, в южном — *галын*, *мор'ины* и т. п. Слова, оканчивающиеся на краткий гласный, в западном наречии получают окончание *-эн (-ин)* вместо *-ын*, наблюдаемом в восточном и южном наречиях: на западе, например, говорят *хада* — *хадаэн* (гора — горы), а на востоке — *хадын* и т. п. На западе sporadически, но почти повсеместно отмечается тенденция к выпадению фарингального *h* в окончании исходного падежа. Например, можно услышать и *гэрнээ гараа* и *гэрѣээ гараа* (вышел из юрты). В эхирит-булагатском говоре формант исходного падежа употребляется с кратким гласным: *эндэнэ* вместо обычного *эндэнээ јагаа* (ушел отсюда). В западнобурятских говорах соединительный согласный между дифтонгом основы и формантом орудного падежа *-аар* служит сонант *ј* вместо согласного звука *г* на востоке. Например, *минаајаар сот'ихо* (ударять бичом), *хололоорѣн ууха* (пить через горлышко) и т. п.

Суть реализации категории числа имен однотипна во всех бурятских наречиях, но в употреблении формантов множественности в них имеется некоторое различие. В западных говорах после основ с конечной долготой употребляется суффикс *-һууд*: *буу* — *бууһууд* (ружье — ружья), *тах'аа* — *тах'ааһууд* (курица — куры) и т. п. Между тем в говорах восточных бурят такого суффикса нет. В свою очередь на западе отсутствует суффикс *-нар*. Имеются и некоторые другие явления, которые мы не имеем возможность осветить в силу краткости предлагаемого вниманию читателей сообщения.

В остальных случаях категории и разряды именных частей речи в общем совпадают во всех бурятских наречиях.

Категории и разряды глаголов также в основном идентичны во всех наречиях. Однако в употреблении отдельных глагольных форм наблюдаются известные расхождения, в частности употребление деепричастия предела: в западнобурятском наречии употребляется аффикс *-са*, в восточнобурятском — *-тар*, в южнобурятском — *-сар*. На западе употребительно причастие на *-ааша*, на востоке более в ходу причастие на *-даг*. Причастие прошедшего времени на *-нхээ* широко бытует на востоке, но вовсе не известно как на западе, так и на юге этнографической Бурятии. В западных говорах, в особенности эхиритских по происхождению, употребительна форма обращения 2-го лица множественного числа на *-туун* вместо более употребительной в бурятском языке *-гты*. В западном наречии, в противовес восточному, весьма распространено слияние вспомогательного глагола *баэ* (быть, становиться), превратившегося в формант *-аэ*, с соединительным деепричастием основного глагола, в результате чего возник новый аффикс *-жаэ* (из *жа* + *-аэ*), образующий глагол изъявительного наклонения.

Таковы наиболее значительные расхождения между западным, восточным и отчасти южным бурятскими наречиями в области морфологии. При более тщательном рассмотрении эти расхождения в большинстве своем оказываются фонетическими вариациями, каковыми, по-видимому, являются падежные окончания, формант множественного числа *-һууд* || *-сууд* || *-дууд*, аффикс предельного деепричастия *-са* || *-сар* || *-тар*, форма обращения на *-туун* || *-гтун* || *-гты*. Тем не менее приведенные факты говорят о том, что между бурятскими наречиями имеются не только лексические и фонетические различия, но и грамматические.

Различия, наблюдаемые внутри наречия, то есть между говорами и подговорами, оказываются сравнительно менее значительными. Несмотря на то, что родоплеменной состав носителей добайкальских бурятских говоров очень разношерстный (состоит из 22 булагатских и присоединившихся к ним родов, 9 эхиритских, 13 хонгодоровских и присоединившихся к ним, 5 зунгаровских, 5 хоринских, 13 мелких ответвлений монгольского происхождения, 6 тюркских и 6 прочих, всего 79 родов)¹,

¹ Согласно сведениям, полученным от знатоков старины Западной Бурятии, причисляются:

а) к булагатским родам: алагуевцы (алагуй), куркуты (хүрхүүд), готольцы (готол), к булановцы (буян), шаралдаевцы (шаралдай), бубеевцы (бүүбэйн дүрбэн), бабаевцы (бубайн найман), харануты (харанууд), курамчинцы (хурамша), ашибагаты (ашабгад), онгоевцы (онгой), онхотоевцы (онхотой), хогоевцы (хоогой), нойоты (ноёд), дурлаевцы (дурлай), янгуты (енгүүд), олзоевцы (олзой), кульменговцы (хүлмэйнгэ), муруевы (муруй), булуты (булууд), бузгаты (бузгад) и мансаевы (мансагтан);

б) к эхиритским родам: хадаловцы (хадаалайн долоон), буровцы (буурайн найман), харбадавцы (харбада), абаевцы (абзай), шоноевцы (шоно), ользоновцы (олзон), баяндаевцы (баяндай), балтаевы (балтай) и токтоевы (тогтоо);

в) к хонгодоровским родам: ашхаевцы (ашхай), тайбажановцы (тайбжан), хактуевцы (хагта), дуритынцы (дүрэтэн), долонгуты (долоонгууд), бадархановцы (бадархан), болдоевцы (болдой), шарануты (шаранууд), наймангуты (наймангууд), хабарнуты (хабарнууд), дардаевы (дардайтан), шошолоки (шошоолог) и бурюткинцы (бурюудха);

г) к зунгаровским родам: цыгенуты (сэгээн), быкоты (бүхэд), икинаты (икинаад), мунхалюты (мунхалюуд) и барунгарцы (баран гар);

д) к хоринским родам: шарайты (шарайд), нохойруки или галзуты (нохойругу, али галзууд), нагатаевцы (нагатэй), нохоевцы (нохой) и боронуты или гучиты (боронууд гу, али гушад);

е) к родам монгольского происхождения: хангинцы (хангин), хара-монголы (хара монгол), харията-монголы (харьяата монгол), хойхи (нойно), хара-хоршинцы (хара хоршон), цаган-хоршинцы (сагаан хоршон), янтай-хоршинцы (янтай хоршон),

а также несмотря на то, что они расселены на большой, местами разрозненной территории — от Нижнеудинска до Кулинги, от Кизи и Мольки Усть-Удинского района до Кочерково Ольхонского района и Голоустное Иркутского сельского района, — наречие западных бурят, как показывают материалы, в общем по своей основе едино и состоит из ряда говоров и подговоров, между которыми имеются лексические и фонетические расхождения, но нет (или почти нет) морфологического разнобоя.

Для окончательного установления говоров и подговоров, входящих в западнобурятское наречие, мы не располагаем достаточным материалом, тем не менее хотелось бы указать на некоторые контуры намечающихся локальных группировок с учетом, разумеется, не только собранного нами материала, но и известных в литературе данных по бурятским диалектам.

По всей вероятности, выделение языка нижнеудинских бурят в особый говор¹ сомнению не подлежит. Следует отметить, что на этом говоре говорит не только население сел Кушун и Мунту-Булку, то есть собственно нижнеудинские буряты, но и население сел Кукшанай и Подсочка Тулунского района. Первые два села имеют 105 дворов, последние — 17. Преобладающая часть бурят, проживающих в этих селениях, по своему происхождению является монгольскими элементами, среди которых преобладают хоршинцы. Однако в составе нижнеудинско-тулунских бурят имеются и представители собственно бурятских (или давно обурятившихся) родов ашибагат и кульменга.

Самой разительной особенностью языка нижнеудинских бурят является наличие в нем смычного звука *к* и аффрикативного *кх*. Например, они говорят *куур* вм. *хуур* (слово), *кхада* вм. *хада* (гора) и т. д. В лексическом и особенно в фонетическом отношении этот говор серьезно отличается от других западнобурятских говоров, но значительных грамматических отличий от последних не обнаружено.

В диалектологической литературе под аларским говором принято подразумевать в одних случаях говор только аларцев², в других — говор аларцев и унгинцев, взятых вместе³. Мы будем придерживаться последнего мнения, но с некоторыми уточнениями. Во-первых, считаем более приемлемым называть данный говор, как это иногда встречается в литературе, аларо-унгинским. Во-вторых, основываясь на материалах Аларо-унгинской диалектологической экспедиции БКНИИ СО АН СССР 1962 г., вносим коррективы в территорию, охватываемую этим говором:

тымешины (тэмээшэ), турялаки (туряалаг), курдуть (хурдуут гү, али хуурдад), кулдуты (хулдууд гү, али хулдад), хара-дархаты (хара дархад) и ко-дарханы (хөө дархан); ж) к родам тюркского происхождения: котобцы (котоб), малжаруки (маалжарар), хан-киргизовцы (хан киргис), хатан-киргизовцы (хатан киргис), сойоты (хоёд) и сартулы (хартуул);

3) к прочим родам: нараты (нараад), кунькены (күнэкэн), харимагины (хари-маган), зудеевы (зудэй), санхайруки (санхайруг) и сажаруки (саажаруг). Сюда отнесены те роды, о которых мы не смогли добыть сколько-нибудь определенные данные. Возможно, что первый из этих шести родов (нараад) по своему происхождению является звенкиским, а последние два (санхайруг, саажаруг) — ответвлениями (поколениями), происшедшими от каких-то бурятских родов.

Следует отметить, что приведенная здесь группировка западнобурятских родов носит во многом условный характер.

¹ О говоре нижнеудинцев см.: Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930; А. А. Дарбеев а. Предварительные данные о языке нижнеудинских бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 118—125.

² См.: «Аларский говор». Ч. I, Л., Изд-во АН СССР, 1930.

³ См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Ученые записки ЛГУ», № 98, серия востоковедных наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 191—195.

с одной стороны, из территории данного говора следует исключить, условно называя, Нельхайский куст, куда входят села Бахта, Хадахан, Ундур-Хуан, Нельхай, Абхайта, Заңгей и Кундулун, в которых употребляются в начале слов среднеязычный щелевой сонант *j* вместо щелевого мягченного звонкого согласного звука *ж*, употребительного в языке других аларо-унгинских бурят; с другой стороны к территории аларо-унгинского говора следует отнести бурятские села Норы (Ноэр) и Баргидай (Баргадаэ) Зиминского района, а также Кижя (Хэжэ), Молька (Моэлто), Халютай (Хал'уута) и Лобагой (Лобгоэ) Усть-Удинского района, находящиеся на правом берегу Ангары.

Наиболее существенным отличием языка аларо-унгинцев от языка соседних боханских бурят является употребление в начале слова согласного *ж* вместо *j*. Кроме того, имеются и некоторые другие фонетические и лексические расхождения.

Говоря как бы о едином аларо-унгинском говоре, нельзя пройти мимо некоторых фактов, противоречащих такому пониманию. Прежде всего, по своему происхождению унгинцы и аларцы явно отличаются друг от друга: унгинцы в основном состоят из трех булагатских (олзой, кульменга, муруй), двух зунгаровских (икинат, быкот) и двух обогоновских (онгой, хогой) родов, тогда как аларцы состоят в основном из хонгодоровских родов. Возникает вопрос: действительно ли между ними нет значительных языковых различий, как кажется, судя по имеющимся у нас данным? Нельзя не задать такого вопроса еще и потому, что даже говор собственно аларцев, как удалось заметить, имеет внутри себя не только лексические, но в известной мере и грамматические различия: в селах Бурков и Бадархан говорят *јэраа* (пришел), *ошаа* (ушел) и т. д., западнее же этих мест окончание причастия прошедшего времени подчиняется закону гармонии гласных; кроме того, в с. Ныгде и вокруг него сильно окают. Следовательно, подлежит дальнейшему выяснению вопрос о цельности говора самих аларцев, которые по своему происхождению состоят из конгломерата родов, в большинстве своем называемых хонгодоровскими¹.

В нашей диалектологической литературе выделяется боханский говор, под которым подразумевается язык бурят, населяющих Идинскую и Осинскую долины². Но эта территория должна быть расширена за счет

¹ Проф. Г. Д. Санжеев пишет, что «В аларском диалекте можно установить говоры собственно аларский (носители — преимущественно хонгодоры), бурковский (главным образом сартулы) и алятский (в основном икинаты), первый из которых оказывается ведущим и постепенно вытесняющим собой последние». (Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 53). Если не иметь в виду отмеченное по другому поводу о языке бурковцев (см.: там же, стр. 51), то приведенное деление аларского «диалекта» на три «говора» основано только на родовом различии их носителей. Вообще говоря, нет сомнения в том, что родовые различия бурят продолжают сильно сказываться на их языковых своеобразиях. Но в данном случае вызывают сомнения сообщаемые проф. Санжеевым сведения о родовой принадлежности бурковцев и алятцев. По нашим данным, в селах Бурков и Бадархан, расположенных рядом, имеется 85 дворов, преобладающую часть жителей которых (процентов 70) составляют наймангуты и бадарханцы, а к сартулам относятся всего лишь 1 двор. О с. Аляте наши сведения неточны. По весьма приблизительным данным, в нем имеется 180 дворов, относящихся, насколько удалось установить, к 7 родам. Наиболее многочисленными здесь считаются ашхаевцы и хабарнуты (харгана), но вовсе не упоминаются икинаты. Кроме того, следует заметить, что Г. Д. Санжеев, утверждая о наличии трех аларских говоров, совершенно обходит вопрос об их границах бытования. Вот почему думается, что в диалектном отношении территория Алары еще недостаточно расследована.

² См.: Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 185—190; М. П. Хомонов. Некоторые данные о говоре боханских бурят. «Сб. трудов по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 277—282; Е го же. Боханский говор. «Исследование

Нельхайского куста, находящегося на левобережье Ангары, села Саягуты Иркутского сельского района, а также улусов Идан, Чебагор, Кяхта и Шарасун Усольского района, в которых живут китойские буряты.

Как уже отмечалось выше, боханцы отличаются от западных своих соседей тем, что вместо щелевого согласного *ж* в начале слова они употребляют сонант *ј*. Существенным различием является также то, что носители боханского говора в качестве окончания родительного падежа имен с конечным согласным употребляют только *-и*, тогда как аларунгинцы и эхирит-булагаты — как *-и*, так и *-аэ*. Боханский говор имеет и другие фонетические и лексические своеобразия.

Носители боханского говора по своему родоплеменному составу на 9/10 являются булагатцами. К ним относятся индинские буряты — в основном готольцы и шаралдаевцы; осинские — представители трех обогоновских родов: онгой, онхотой и хогой, также янгуты, готольцы и нойоты, проживающие по Осе; китойские — в основном куркуты, нельхайские — нойоты.

В современной литературе по бурятской диалектологии выделяются эхирит-булагатский говор, носителями которого считаются буряты, проживающие по Куде и Баяндаю¹, и качугский говор, носителями которого признаются буряты, проживающие по бассейну реки Лены². По нашему мнению, достаточных оснований для выделения так называемого качугского говора не имеется. Материалы наших экспедиций показали, что на всей территории Эхирит-Булагатского и Качугского районов Иркутской области говорят в общем на одном эхирит-булагатском говоре.

На этой территории йокают, что вполне понятно, так как Эхирит как раз и есть родина этого явления на бурятской почве. В говоре эхирит-булагатов гласные по своему месту образования под влиянием последующего гласного *и* или палатализованного согласного передвигаются вперед и нередко палатализуют предшествующий согласный: *даар'и* → *даэръ* (натертое место на спине лошади), *аал'аар* → *азлаар* (тихо), *мор'ин* → *м'орон* (лошадь), *байха* → *б'азха* (стоять) и т. п. Исходный падеж имен получает окончание с кратким гласным, то есть вместо обычного для бурятского языка *-һаа* имеем *-һа*, в котором фарингальный *аиш* (*h*) или (довольно часто) превращается в предыхание (хиатус), или выпадает. Родительный падеж имен с конечным согласным получает окончание как *-и*, так и *-аэ*: например, говорят и *гар* — *гар'и*, и *гар* — *гараэ* (рука — руки). В эхирит-булагатском говоре наблюдаются довольно значительные лексические своеобразия. Как один из характерных примеров приведем бурятское название дома, которое является весьма динамичным: в Аларо-Унге говорят *соол*, в Бохане — *тура*, в Эхирит-Булагате — *баэшан*.

Указанные выше и подобные им черты свойственны в той или иной степени языку всех эхиритцев, особенно верхоленским (качугским) бу-

бурятских говоров» [Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 17, серия языковедческая, вып. 1], Улан-Удэ, 1965, стр. 35—70.

¹ См.: Б. В. Матхеев. Эхирит-булагатский говор (краткое сообщение об особенностях фонетики, лексики). „Зап. БМ НИИК“, вып. XXII, Улан-Удэ, 1956, стр. 106—125; Его же. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 142—156; Его же. Очерк эхирит-булагатского говора. См. настоящий сборник.

² См.: А. Г. Митрошкина. О некоторых фонетических особенностях говора качугских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 283—295; Ее же. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских) бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, стр. 134—141; Ее же. Говор качугских (верхоленских) бурят. См. настоящий сборник.

рятам, которые по своему происхождению почти полностью относятся к эхиритским родам (в их числе, правда, есть лишь незначительное количество — процентов 7 — хоринских элементов). Современный Эхирит-Булагатский район в родоплеменном отношении распадается на две части: западную — булагатскую и восточную — эхиритскую, из которых последняя численно лишь немного превалирует над первой. Тем не менее в языковом отношении нет серьезных оснований делить их на разные диалектные единицы. Правда, в булагатской части несколько особняком выглядят курамчинцы, проживающие в семи-восьми селах. В своем языке они имеют некоторые лексические своеобразия (например, «ягненок» у них не *хурган*, а *хурwэ*). Конечно, и на Качуге имеются некоторые языковые различия. Здесь местами окажут: например, говорят не *угаа*, а *огоо* (очень); изредка встречаются слова, звучащие по-монгольски: пожилые люди порою говорят *одохо* вм. *ошохо* (идти) и т. д.

В нашем многодиалектном языке вообще очень часты факты лексических, фонетических расхождений. Они бесспорно подлежат тщательному выявлению и всестороннему рассмотрению. Однако при выделении территориальных говоров должны быть приняты во внимание широко распространенные, по возможности охватывающие весь массив того или иного говора, явления как лексического, так и в особенности фонетического и грамматического характера, взятые в их совокупности. При этом следует учитывать и историко-этнические факторы. Важно также, чтобы языковые данные были соотнесены с территориальной целостностью расселения их носителей.

С этой точки зрения заслуживает внимания язык бурят, проживающих в Ольхонском районе Иркутской области. По этническому составу они в основном (должно быть, процентов на 80) относятся к эхиритским и присоединившимся к ним родам, остальная их часть — к булагатским и присоединившимся к ним родам. Таким образом, ольхонские буряты по своему происхождению мало чем отличаются от бурят Эхирит-Булагатского района.

Основное ядро ольхонцев, по их преданиям, живет на местах нынешнего своего расселения 10—12 поколений, то есть лет 300—350. Между прочим, примерно столько же времени живут в отрыве от своих эхиритских сородичей баргузинские и байкало-кударинские (кабанские) буряты, абсолютное большинство которых также является эхиритцами, и лишь небольшая их часть — булагатами. По-видимому, нельзя считать случайностью поразительное сходство родового состава бурят, живущих в Ольхонском, Кабанском и Баргузинском районах: здесь всюду встречаются представители эхиритских родов шоно, хэнгэлдэр, абзай, баяндай и присоединившихся к ним цыгенутов и нохойруков (галзутов), представители булагатского рода алагуй и некоторые другие.

До сих пор по существу мы не имели сведений о языке ольхонских бурят. Только в 1964 г. наш отряд занимался сбором языковых материалов по северному побережью Байкала и на острове Ольхон. Правда, данных, собранных отрядом, мало. Но и они свидетельствуют о том, что язык бурят, живущих по северному побережью Байкала, западнее села Курмы, и на острове Ольхон, в основном тот же, что и язык байкало-кударинских бурят. Например, там можно встретить *загъуун* вм. *заган* (рыба), *дуи б'а́рха* вм. *дуу бариха* или *дуулаха* (петь песни), *м'орон* вм. *мор'ин* (лошадь) и т. п. Язык же бурят, живущих в более восточной части северного побережья Байкала и острова Ольхон, сильно напоминает язык баргузинских бурят. Здесь говорят *загъуун* (рыба), *шоогоэ* вм. *ямаан* (коза), употребляется модальная частица *браз* — *ар'илаа браз* (кажется, ушел) и т. п.

Вполне возможно, что между этими частями байкальского прибрежья имеются некоторые языковые различия. Тем не менее для нас стало ясно, что в рабочем (стало быть, пока в предварительном) порядке уже можно говорить, во-первых, о включении в территорию баргузинского говора сел Кочерково, Онгорены и Зама Ольхонского района¹; во-вторых, о выделении ольхоно-кударинского говора².

Таким образом, экспедиционные материалы отдела языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института показывают, что западнобурятское наречие простирается вплоть до Баргузина и Байкало-Кудары. Более того, язык бурят, населяющих Тунку, Оку и Закамну³ (ввиду того, что в лексико-фонетико-грамматическом отношении он представляет собой известное единство, при определенной этнической и относительной территориальной общности его носителей), можно считать возможным выделить в один тункино-закаменский говор, который следует отнести также к западному наречию, поскольку этот говор вполне подходит под общую характеристику названного наречия, данную в начале настоящего сообщения; к тому же не следует забывать, что основные носители тункино-закаменского говора — это хонгодоры, как и носители собственно аларского говора.

Итак, западнобурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижнеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры.

Чем объяснить предложение объединить некоторые говоры в один говор и многие говоры в одно наречие? По нашему мнению, это объясняется довольно просто. Раньше тот или иной исследователь брал заранее заданный, нередко в административном, географическом или в каком-либо другом отношении очерченный участок, исследовал его, часто не зная и не имея возможности знать то, что лежит за этим кругом. Нами же экспедиционным путем были обследованы все перечисленные выше места, в результате чего обзор был более широким. Изучив описания прежних исследователей, а также наш материал, мы пришли к выводу, что к размежеванию говоров необходимо подходить несколько шире.

Бурятские диалектные явления сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сложились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из

¹ О баргузинском говоре и его носителях см.: Э. Р. Раднаев. О лексических особенностях баргузинского говора. «Зап. БМ НИИК», вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 146—162; Е. Г. Ж. О фонетических своеобразиях баргузинского говора. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 296—301; Е. Г. Ж. Баргузинский говор. «Исследование бурятских говоров» [Труды БКНИИ СО АН СССР, вып. 17. серия языковедческая, вып. 1], Улан-Удэ, 1965, стр. 71.

² До этого принято было говорить о кабанском или байкало-кударинском говоре. См.: К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку, IV. О кабанском подговоре. «Зап. БМ НИИКЭ», вып. VII, Улан-Удэ, 1947, стр. 125—136; Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 179—181; Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят. «Зап. БМ НИИК», вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 132—145; Ц. Б. Цыдендамбаев. Краткая характеристика говора кударинских бурят. «Краткие сообщ. Ин-та народов Азии», № 83, монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 57—68.

³ О тункинском говоре и его носителях см.: К. М. Черемисов. Заметки по бурят-монгольскому языку, III. Несколько замечаний о тункинском диалекте. «Зап. БМ ГИЯЛИ», вып. III—IV, Улан-Удэ, 1941, стр. 121—140; Д. А. Абашеев. Краткие замечания по говору тункинских бурят. «Сб. тр. по филологии», вып. III, Улан-Удэ, 1958, стр. 269—276; Е. Г. Ж. Тункинский говор. «Исследование бурятских говоров» (Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 17. серия языковедческая, вып. 1), Улан-Удэ, 1965, стр. 3—34.

них своими корнями уходят в далекое прошлое, другие — обусловлены более поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов, как собранных ранее, так и предполагаемых собрать, быть может, возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству, как бы существующие наряду с территориальными наречиями, но далеко не совпадающие с ними; с другой — подговоры, находящиеся в составе тех или иных говоров и имеющие, наряду с общими моментами, частные особенности.

С точки зрения сказанного заслуживают внимания те диалектные черты, которые остаются присущими языку потомков больших бурятских племен. Есть известное основание говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах. Но имеется ли такое же основание говорить о родстве хонгодоровского и цонголо-сартульского диалектов?

Что же касается подговоров, то здесь имеется в виду не распадение говора на подговоры¹, то есть на какие-то равные по значимости части, а та его часть, которая с некоторого времени или попала под влияние говора, или стала выделяться от говора, от его ядра. По нашему мнению, например, эхирит-булагатский говор не делится на равнозначные подговоры: ни на эхиритский и булагатский, ни на собственно эхирит-булагатский и качугский, а в его составе находится верхоленский (качугский) подговор, который по отношению к говору занимает подчиненное положение. Допустимо предположить, что в состав аларо-унгинского говора могут входить унгинский и ныгдинский подговоры, а в состав тункино-закаменского говора — закаменский и окинский подговоры и т. д.

О возможности более усложненного диалектного членения языка бурят здесь говорится лишь в порядке постановки вопроса. Дальнейшая диалектологическая работа покажет, будет ли это соответствовать реальной действительности.

В послевоенный период довольно интенсивно стало разворачиваться изучение бурятских говоров: а) отдел языка и письменности БКНИИ СО АН СССР своим экспедиционным обследованием охватил почти всю этнографическую Бурятию; б) бурятские диалектологи монографически описали тункинский, боханский, баргузинский, эхирит-булагатский, цонгольский, качугский, сартульский и хамниганский говоры; ими написаны статьи об этих, а также о байкало-кударинском, мухоршибирском и нижнеудинском говорах. Тем не менее надо признать, что изучение бурятских говоров идет не столько вглубь, сколько вширь. Для того, чтобы диалектологические работы стали более содержательными, необходимо улучшить как методы записи, так и методы исследования диалектных материалов.

Следует продолжить и усовершенствовать экспериментальное изучение фонетического состава бурятских говоров, начатое в 1960 г. При экспериментальном исследовании надо использовать не только приборы, производящие статические записи (рентгеноаппарат, кимограф и др.), но и приборы, дающие динамическую запись (осциллограф и др.).

Нам представляется, что предыдущие исследования, проведенные бурятскими диалектологами, вполне подготовили условия для лингвогеографического изучения очень интересного в диалектологическом отношении языка бурят. Отдел языка и письменности КНИИ СО АН СССР планирует начать такую работу с 1966 г. Для выполнения этой работы

¹ См.: Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. «Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров». Улан-Удэ, 1961, стр. 23.

прежде всего должны быть составлены вопросники (программа) и планы проведения диалектологической работы по методу лингвистической географии. Цель такого исследования — создать диалектологический атлас бурятского языка.

Тщательно анализируя собранный материал и умело используя передовые методы исследования, бурятские диалектологи должны резко повысить уровень своих работ. Следует уже перейти от обычного описания фактов к их осмыслению и обобщению, от обычного синхронного к ним подхода — по возможности к диахронному (историческому) их объяснению.

Л. Д. ШАГДАРОВ, В. И. РАССАДИН

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТОФАЛАРАМИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

В Нижнеудинском районе Иркутской области у снежных вершин Восточных Саян, среди высоких гор и хребтов, покрытых девственной тайгой, живет тюркоязычная этническая группа — тофы, или тофалары². По языку и родовому составу тофалары близки к своим южным соседям — тувинцам-тоджинцам. Само название тофаларов «тофа» (дубо~туба) встречается в родоплеменных названиях тувинцев, хакасов и алтайцев. По данным переписи 1959 года, тофаларов насчитывается около 560 человек.

Авторы, изучавшие историю и этнографию тофаларов, считают, что они имеют южносамодийское происхождение³. Однако следует отметить, что эта гипотеза еще не подтверждена материалами языка.

Раньше тофалары кочевали в тайге, занимались охотой и разведением оленей. Их кочевья находились в верховьях рек Уды, Бирюсы, Кана, Гутары, Ии и частично Оки. Жили они в конусообразных чумах, сделанных из жердей и покрытых шкурами или берестой.

В конце двадцатых годов нашего века в одной из долин Саянских гор, где в царское время располагалась пограничная застава, было основано селение Алыгджер (в переводе — широкая долина), в нем образован колхоз «Красный охотник». Сюда были собраны тофалары. В дальнейшем населенные пункты основаны также в местностях Нерха и Верхняя Гутара, где образованы колхозы им. С. М. Кирова и «Кызыл тофа». В настоящее время колхоз им. С. М. Кирова объединен с колхозом «Красный охотник» (центр — с. Алыгджер). В 1932 году был завершен переход тофаларов к оседлости.

Осенью и зимой они уходят в тайгу, добывают белку, соболя и других зверей и сдают их на приемные пункты. Летом заготавливают сено для лошадей, которых вместе с оленями за определенную плату сдают на время геологоразведочным экспедициям. При этом тофы обычно сами работают в экспедициях в качестве проводников, новаров и т. д. Тофалары занимаются и оленеводством. Летом стада оленей находятся высоко в горах на обильных ягельниках, осенью и зимой они используются

¹ В статье использован материал, собранный у тофаларов Ц. Б. Цыдендамбаевым и И. Д. Бураевым.

² В старой литературе тофаларов обычно называли карагасами.

³ См.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Егоров. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

в основном как вьючные и верховые животные. Коров в колхозе нет, но в индивидуальном владении они имеются. Сено для коров колхозники заготавливают на специально отведенных для этого участках.

Поселения тофаларов — современные благоустроенные села, имеющие среднюю школу, детский сад, ясли, клуб, почту и т. д. Все тофалары живут в рубленых избах. Сохранившиеся чумы служат подсобным помещением. Почти каждая семья имеет свой огород. В селениях много детей. Тофалары, как малочисленная группа, пользуются большими льготами. Например, на полном государственном обеспечении находятся дети дошкольного и школьного возраста.

Летом 1965 года отряд диалектологической экспедиции отдела языка и письменности БКНИИ СО АН СССР в составе Ц. Б. Цыдендамбаева (руководитель), И. Д. Бураева, Л. Д. Шагдарова и инженера А. Р. Бадмаева побывал у тофаларов в селах Алыгджер и Нерха с целью выявления специфики употребления бурятского языка тофаларами. В данной статье в предварительном порядке сообщаются некоторые наблюдения, сделанные во время поездки.

Как свидетельствуют старики, раньше тофаларов, владеющих бурятским языком, было довольно много.

До революции, а затем в двадцатых-тридцатых годах тофалары часто общались с нижеудинскими, тулунскими и окинскими бурятами, обменивали у них пушнину, панты на хлеб, муку, кремневое оружие, ножи, огнива, конскую сбрую, предметы украшения, овчинные одеяла и т. д.

Среди тофаларов был распространен шаманизм, а некоторые из них были православными или буддистами. В дацан или к шаманам они ездили в бурятские места.

В настоящее время необходимости в подобных поездках не стало, поэтому общение тофаларов и бурят носит случайный, единичный характер. Тофаларов, знающих бурятский язык, ныне осталось мало. Владящие бурятским языком отражают в своей речи особенности говоров нижеудинских и окинских бурят. Кроме того, довольно сильное влияние, особенно в произношении, оказывает на бурятскую речь тофаларов их родной язык. Поэтому бурятский язык в устах тофалара представляет собой смесь элементов указанных бурятских говоров и некоторых произносительных особенностей тофаларского языка. Причем в речи тех или иных лиц в зависимости от того, с какими бурятами они больше общались, наблюдается преобладание особенностей то нижеудинского, то окинского говора.

Фонетические особенности

1. В бурятской речи тофаларов четко различаются гласные переднего ряда *õ* и *y*: *jeõen* (девять), *кун* (человек), *кõбуу* (сын; мальчик), *укур* (корова), *шõдõ* || *шõдõн* (зуб).

После нервослоговых *õ* и *y* встречаются долгие *өө* и *ээ*, но более применимо после *о* долгое *өө*, а после *у* первого слова — *ээ*: *кõдлөөб* (работал), *õбõд жөөб* (заболел), *мунгээр* || *монгөөр* (деньгами), *үшөө* (еще), *үн'ээн* || *н'ээн* || *ин'ээ* (корова), *өглөө* (завтра), *кул'ээкэ* (ждать), *үгээ* (нет, не), *мургээд* (помолившись), *мүнөө* || *мүнээ* || *м'инээ* || *м'инөө* (сейчас), *кхара гөрөөһөн* (медведь).

2. В позиции после заднеязычных *к*, *г* и губных *м*, *б* часто употребляется закрытый оттенок мягкорядной широкой неогубленной фонемы *э* в результате чего предыдущие согласные палатализуются. Это явление характерно первому слогу, но может наблюдаться и в непервых слогах: *г'энэ* (говорит), *к'эдзээ* (когда), *б'ээлээ* (рукавицы), *м'эдэкэб* (знаю),

к'э́рмэ (белка), к'э́нэ (делает), б'э́ркээр (сильно), к'э́бтэкэ (лежать), түр-г'ээр (быстро), эм'ээлэкэ (оседлать). В то же время некоторые дикторы в этих словах дают твердый звук: кэрмэ (белка), кэбтэнэ (лежать) и т. д.

3. В словах, содержащих в первом слоге узкие огубленные монофтонги, наблюдается прогрессивная лабиальная ассимиляция: булгун, лит. булган (соболь), гушун, лит. гушан (тридцать), күүргү, лит. хүүргэ (мост), хулгуна, лит. хулгана (мышь), гудуһун || го'һон (ичиги) и нек. др.

В некоторых словах в подобном фонетическом положении вместо *у* и *у* произносятся широкие огубленные звуки: бухол, бухоллохо, лит. бухал, бухаллаха (копна, конноть), н'урго, лит. н'урган (спина), н'үдөн н'үдө, лит. н'үдэн (глаз), шүдө, лит. шүдэн (зуб).

В основах слов в непервых слогах могут факультативно встречаться узкие огубленные гласные после широких звуков: бацуган, лит. ба-саган (девушка), модун, лит. модон (дерево).

В то же время в некоторых словах наблюдается делабиализация узких гласных: м'инээ || м'инөө, лит. мүнөө (сейчас; теперь), инээ || н'ээн, лит. үн'ээн (корова), тармыр, лит. тармуур (грабли).

4. В ряде случаев широкий огубленный монофтонг замещается огубленным же, но узким гласным: тума, лит. томо (большой), хурхэ, лит. хорхэ (червяк), Булгаг'эраад, лит. Волгограад (Волгоград), туфалаар'и, лит. Тофалаар'и (Тофалария), бүрэ (<бура, боро), лит. боро (серый).

Иногда имеет место замена твердоядного узкого огубленного монофтонга соответствующим мягкорядным звуком: үјүн, лит. ун'ин (дым); дуу гар'аха, лит. дуу гарха (издавать звук).

5. Вместо литературного *ы* употребляются долгие гласные или дифтонги: бүкээкэ || бүхээхэ, лит. бүхыхэ (нагибаться), дэм'ээрхэ, лит. дэмьрхэ (бредить), харан'һоэ, лит. хар'а'хы (темно; темный); хар'гу, лит. х'ргы (дорога).

В некоторых словах твердоядные долгие широкие монофтонги *аа* и *оо* главным образом под влиянием предыдущих палатализованных согласных приобретают мягкорядную артикуляцию: бур'ээд, лит. бур'-аад (бурят), тар'ээ, лит. тар'аан (зерно, хлеб), аэлаар, лит. аал'аар (тихо; медленно), Моск'эваэ, лит. Москваа (Москва), ногоэ, лит. ногоон (трава).

6. В бурятской речи тофаларов наряду с щелевыми *ш*, *ж*, *з* и *с* встречаются аффрикаты *ч*, *дж*, *дз* и *ц*: шүдө (зуб), һөгчөн, лит. хүгшэн (старый), джил || жил (год), джилааһан (мошкара), дзугаалжа зугаалха (говорить, сказать, разговаривать); гадзар газар (земля); цагаан сагаан (белый).

В глагольных формах, образуемых в бурятском языке из сочетаний соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом *орохо*, при выпадении звука *р* стекающиеся согласные с предыдущим кратким гласным дают долгий аффрицированный мягкий *т* с сильным или слабым смычным элементом: хат'т'иха || хаяд жаха, лит. хая жархи'ха (выбросить), сууд'т'оо, лит. зуу' арх'оо (укусил), сот'т'об, лит. сох'и жорх'и-боб (набил я), баэлад'т'ина баэлад'д'ина, лит. баэла жарх'ина (останавливает, ставит).

Подобный же, но краткий звук образуется из заднеязычного щелевого сильного мягкого глухого звука *х'*: т'уруу, лит. х'уруу (иней), тамт'а, лит. тамх'ин (табак), саб'ит'и || сабт'и, лит. сабх'и (сапоги).

Процесс слияния составного глагола в одну простую форму имеет место во многих бурятских говорах и носит вполне закономерный характер. Развитие этого процесса представляется в следующем виде: зуу-жарх'иба — зуу жх'иба — зуут'т'ба. В этом отношении характерным является, в частности, тункинский говор. Например: алатт'оо (убил),

зуут'оо (укусил), унагаат'оо (уронил)¹. То же самое, как видим, имеет место и у тофаларов.

В диалектологической литературе по бурятскому языку сообщалось, что согласному *x* хоринского диалекта в нижеудинском говоре соответствует звук *m* в любой позиции². Бурятская речь тофаларов в этом плане совпадает с нижеудинским говором лишь частично — в отношении соответствия мягкому звуку *x* мягкого *m*.

В глагольных формах, образуемых из сочетания соединительного деепричастия с вспомогательным глаголом *ошоо*, процесс слияния компонентов в одно целое также завершился, согласные *ж*, *ш* дали аффрикату *дж* с долгим смыком, мягкий *д'* или *т'*, а также аффрикату *ч* с предшествующим *m* или *д*: *болд жиба* || *болт'иба* (< *боло жо ошоо*), лит. *болошобо* (сделался), *јабад жана* (< *јаба жа ошоно*), лит. *јабашина* (уходит), *дүүрд'эбэ* (< *дүүрэжэ ошоо*), лит. *дүүрэшэбэ* (закончилось; заполнилось), *бусалд'оо* (< *бусал жа ошоо*), лит. *бусалишоо* (вскипел), *өбөдөчөө* (< *өбөдөжө ошоо*), лит. *үбэдэшоо* (заболел), *өтлөтчөө* (< *өтөлөжө ошоо*), лит. *үтэлэшоо* (постарел).

В нижеудинском говоре эта форма бытует в виде *үхэт'м'оо* (умер), *гарт'м'оо* (вышел)³.

7. В мягкорядных словах наличествует смычный *к*, наряду с которым в речи людей, владеющих окинским говором, встречается и обычный бурятский звук *x*: *көбүү*, лит. *хүбүүн* (сын; мальчик), *к'эбтэхэ* || *хэбтэхэ*, лит. *хэбтэхэ* (лежать), *к'элэ* || *кэлэ* || *хэлэн*, лит. *хэлэн* (язык).

В твердорядных словах употребляется глухой слабый заднеязычный *к* (^г), наряду с которым имеются также аффрикативный *кx* и щелевой сильный *x*: *кара*, лит. *хара* (черный); *ака* || *акха*, лит. *аха* (брат), *катуу*, лит. *хатуу* (твердый), *кот'уго*, лит. *хутага* (нож), *алака*, лит. *алха* (молоток), *уулздакхадаа* || *уулзахандаа* (встречаясь).

Как известно, в нижеудинском говоре имеются смычный *к* в мягкорядных словах и более задний *к* и аффрикативный *кx* в твердорядных словах: *көбүүн* (дитя), *талкан* (мука), *дакака* (следовать), *кхуруган*, (палец)⁴. Но заднеязычно-увулярный звук *x* в этом говоре, по-видимому, не встречается.

Одной из ярких особенностей бурятской речи тофаларов, которая несомненно появилась под влиянием их родной речи, является факультативная замена бурятских заднеязычно-увулярных звуков звонким или иногда глухим фарингальным звуком *h*: *хандагаэ*, лит. *хандагаэ* (сохатый), *халбага* || *кхалбага* || *халбага*, лит. *халбага* (ложка), *үхэтчөө*, лит. *үхэшөө* (умер), *шиһэн* || *шикэн* || *шихэн*, лит. *шэхэн* (ухо), *эл'һэн*, лит. *эл'гэн* (печень).

8. Под влиянием своего языка звонкие оттенки фонем *г*, *д* тофаларами произносятся иногда с оглушением: *гар* || *гар* (рука), *халбага* (ложка), *доогтор* (доктор). В отдельных случаях вместо сильного смычного *m* встречается звонкий оттенок звука *д*, произносимый с оглушением: *г'эрдэ*, лит. *гэртэ* (дома), *далха*, лит. *талхан* (мука), *газарда*, лит. *газарта* (на земле).

¹ См.: Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», № 98, 1949.

² См.: А. А. Дарбеева. Предварительные данные о языке нижеудинских бурят. «Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 3, серия востоковедная». Улан-Удэ, 1960, стр. 122.

³ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 49.

9. Под влиянием тофаларского языка обычно в начальной позиции слова переднеязычный дорсальный щелевой слабый *з* произносится с сильным оглушением и слышится как *с*: *сээһэн*, лит. *зээгэн* (росомаха), *сөөхэи*, лит. *зөөхэй* (саломат), *сугаа* (беседа), лит. *зугаа* (веселье), *сагаһан*, лит. *загаһан* (рыба), *савхоос*, лит. *завхооз* (завхоз).

10. Другой особенностью бурятской речи тофаларов является замещение в интервокальной позиции в середине слова переднеязычного смычного мягкого носового сонанта *н* среднеязычным щелевым мягким сонантным звуком *ј*: *хојон* || *һојон*, лит. *хон'ин* (овца), *үјүн*, лит. *үн'ин* (дым), *көбүүјин'*, лит. *хүбүүн'иин* (его сын), *тэрээн'и мор'ијин*, лит. *тэрээнээ мор'ин'иин* (его конь).

Однако в некоторых словах вместо начального звука *ј* употребляется мягкий *н'*: *н'эмаан* || *н'амаан*, лит. *јамаан* (коза), *н'амар*, лит. *ја-мар* (какой).

В слове *джилааһан* (мошкара) начальная аффриката соответствует литературному *и* (лит. *илааһан* || *ал'ааһан*).

Лингвисты, изучавшие нижеудинский говор, отмечают, что в нем общемонгольские звуки *г*, *ј* и иногда *дж* отражаются в виде палатализованного *д'* в положении перед гласным *и*. В бурятской речи тофаларов подобного явления не наблюдается: *јөһөн*, нижеуд. *д'иһэн* (девять), *јэрэн*, нижеуд. *д'ирэн* (девяносто), *джилааһан*, (мошкара, муха), нижеуд. *д'илааһан* (муха).

11. В интервокальном положении губно-губной слабый *б* произносится иногда со смычной преградой: *көбүүјин* (его сын), *јабагаар* (пешком).

12. В интервокальном же положении обычно после долгого гласного или после сонантных фарингальный звук *һ*, как и в нижеудинском говоре¹, выпадает: *кхара гөрөөн* (медведь), *јэрээ'ан* (приходил).

Из других единичных фонетических особенностей бурятской речи тофаларов следует отметить: а) выпадение звука *л* в середине слова (*көдмөр* || *көдмөр'и*, лит. *хүдэлмэр'и* — работа; *сэмэд жэбэ*, лит. *сэлмэ-шэбэ* — прояснилось); б) выпадение кратких гласных в конце слова (*һар*, лит. *һара* — месяц, луна; *ошкоол* — школа); (*һур* < *һурга* — палец); в) несоответствие с литературным языком в отношении палатализованности согласных в отдельных словах (*мөлһөн*, лит. *мүл'һэн* — лёд; *хар'ааха*, лит. *харааха* — ругать; *түлээ*, лит. *түл'ээн* — дрова; *хэл'ээмэ*, лит. *х'илээмэн* — хлеб; *төкөөркэ*, лит. *түх'ээрхэ* — собираться); г) переход фарингального *һ* в глухой увулярный звук *х* (*ханаха*, лит. *һанаха* — вспомнить; *хурчаха*, лит. *һурашаха* — начать спрашивать).

Некоторые слова, полностью или частично совпадая семантически со словами литературного языка, имеют иной внешний облик: *джоргоон*, лит. *зургаа* (шесть), *джорон* || *жорон*, лит. *жара* (шестьдесят), *мэт'иш*, лит. *миш* (просто так), *күүзэ*, лит. *хоозор'и* (kozyрь), *котиго* || *хот'и-го*, лит. *хутага* (нож), *дуудаха*, лит. *дууһаха* (закончить, завершить), *абаадаха*, лит. *абаашаха* (унести), *мэндэхэ*, лит. *мэгдэхэ* (торопиться, спешить), *н'однон*, лит. *н'одондо* (в прошлом году), *сүгсүг*, лит. *түгсэгэ* (пень) и др.

В области морфологии большая часть особенностей объясняется фонетическими причинами.

1. Родительный падеж имен имеет окончания *-аэн* (после кратких гласных), *-и* (после согласных), *-ји* (после долгих гласных): *Уда* — *Удаэн* (Уда — Уды), *күдэр* — *күдэр'и* (кабарга — кабарги), *булган* — *булган'и* (соболь — соболя), *сагаа* — *сагаји* (олень — олени).

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

2. Множественное число образуется посредством суффикса *-һүүд* (*-һүүд*), причем конечный согласный основы или выпадает, или же к нему наращивается краткий гласный: *бур'аад — бур'ааһүүд* (бурят — буряты), *г'оолог — г'оологоһүүд* (геолог — геологи), *нојон — нојоһүүд* (начальник — начальники), *көбүү — көбүүһүүд* (сын — сыновья), *э'ээ — ээ'ээһүүд* (жена — жены), *солон'эцкэ — солон'эцкэһүүд* (солонецкий — солонецкие).

В орудном падеже конечный *д* основы замещается фарингальным *һ*: *бур'аад — бур'ааһаар* (бурят — по-бурятски).

3. В ряде случаев долгие гласные аффикса имеют лишь твердую, неогубленную огласовку, то есть не зависят от состава вокализма корня. Это особенно характерно формативу винительного падежа, осложненного частицей безличного притяжания, но может наблюдаться и в других аффиксированных формах: *моријаа*, лит. *моријоо* (свою лошадь), *кэл'ијаа*, лит. *хэлээ* (свой язык), *көбүүјаа*, лит. *хүбүүгээ* (своего сына), *толгөзјаа*, лит. *толгөзөөо* (свою голову), *орохојаа*, лит. *орохојоо* (чтобы войти), *жил-һаа*, лит. *жэлһээ* (от года), *тэндэ'аа*, лит. *тэндэһээ* (оттуда), *өзлгааб*, лит. *дэлгооб* (понял), *хонааша*, лит. *хоноошо* (ночевавший), *һандарджаа*, лит. *һандаршоо* (разрушился; распоролся), *т'ииггаад*, лит. *т'иигээд* (так), *гарајаа*, лит. *гараа* (руку свою).

Как видно из приведенных примеров, показатель винительного падежа с безличным притяжением не зависит от характера конечного звука основы, то есть в любом случае имеем *-јаа*. Поэтому между конечным согласным основы и этим аффиксом инфиксируется краткий гласный: *гар — гарајаа* (рука — руку свою), *н'уур — н'уурајаа* (лицо — лицо свое), *кол — колојаа* (нога — ногу свою).

Таким образом, в данном случае имеет место нарушение гармонии гласных. Твердая же огласовка характерна некоторым частицам: *мэдээш һам* (я знал), *јэрээ'ан* (приходил).

4. Личные местоимения *б'идэ*, *м'ин'ии*, выполняя в постпозиции функции предикативных и притяжательных частиц, иногда не претерпевают структурных изменений: *сабшаа б'идэ*, лит. *сабшаабд'и* (мы косили); *һокөм'ин'и* || *һокөмни'*, лит. *һүхэмн'и* (мой топор), *һураа һамб'идэ*, лит. *һураа һэмд'и* (учились мы), *м'ин'ии дзоркөмин'и*, лит. *зүрхэмн'и* (мое сердце).

В тех случаях, когда имеет место слияние местоимения *б'идэ* с предыдущим словом, согласные частицы некоторыми дикторами произносятся твердо: *јэркэбдэ*, лит. *јэрхэбд'и* (мы придем), *өгөөбдэ* || *өгөөбд'и*, лит. *үгөөбд'и* (мы отдали). А при наращении *м'ин'ии*, *манаэ* к слову с конечным согласным в некоторых случаях выпадения начального *м'* частицы не наблюдается: *гарамн'и* (*гар < м'ин'и*), лит. *гарн'и* (рука моя), *гарамнаэ* лит. *гарнаэ* (руки наши).

5. В отличие от литературного языка в качестве вопросительных частиц употребляется *ј* с узкой огласовкой (*ји, јы, јуу, јүү, ју, јү*): *Руучка ји* (Ручка эта?); *Таа саэ уухајт* (Вы будете пить чай?); *Уухаа ју, үгээ јүү* (Выпьет или не выпьет?). Наряду с этим можно встретить и литературную частицу *гу*: *Асараа гу* (Принес ли?).

При выражении вопроса обычно избегается вопросительная частица *б*: *Һаана дүү гарна*, лит. *хаана дуугарнаб* (где кричит?), *Хкаана ошхошн'и* || *ошхош*, лит. *Хаана ошхошн'иб* (Куда идешь?), *К'эдзээ јэрээт*, лит. *Хээээ јэрээбта* (Когда вы приехали?).

6. В нижнеудинском говоре в качестве частицы отрицания обычно употребительны *үбээ*, *боэ¹*, а в бурятской речи тофаларов — *үгээ*, *-гуи*.

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 124.

Причем при присоединении к слову в частице *-гүи* узкий дифтонг факультативно разогубляется: *дуулаагээб*, лит. *дуулаагүйб* (не слышал), *таарнагыи*, лит. *тааранагүй* (не подходит).

В речи осведомителя Ивана Сергеевича Баканаева, жителя села Алыгджер, зафиксирована архаичная частица отрицания *эһэ*: *Мөнөө аннаһан улад тэрээн'и эһэ мэдгэнэл даа баран* (Все, кто охотится ныне, не знают того обычая).

Из модальных частиц частое употребление имеет частица *биз* || *б'изэ* || *бээ*: *м'эдэкэ б'изтэ* (наверное, знаете), *jэрхэ б'иизэ* (придет, наверное), *б'ии бээ* (есть, наверное).

Иногда употребляются частицы *-гшам* и *һан жгши*: *Солон'ээцкэ бур'ааһууд ондоогаар дуулнагшам* (Ведь солонецкие буряты поют по-другому); *Тэрэ муу күн һан жгши* (Он оказался плохим человеком).

7. Частица третьего лица личного притяжания *н* факультативно палатализуется: *абха арган'и үгээ* (не имеет он возможности взять), *кхојорын* (два из них), *һанаан'и* || *һанаајэн* (его нрав, характер).

8. При притяжательном употреблении личных местоимений или слова *кун* в родительном падеже к ним наращивается аффикс *-т'и* (*-х'и*). При этом между основой и аффиксом инфиксируется согласный *н*: *манаэн'т'и* (наш), *танаэн'т'и* (ваш), *күнээн'т'и* (чужой).

В качестве личных местоимений третьего лица употребляются *өөһэн* (он), *өөһөд* (они), отсутствующие в литературном языке.

Как отмечалось выше, в нижнеудинском говоре местоимения *манаэ* (наш) и *танаэ* (ваш) представлены в виде *ман'аэн'т'и* и *тана'эн'т'и*¹. Такой же облик, как видим, имеют эти местоимения и в бурятской речи тофаларов. Однако в отличие от нижнеудинского говора первый согласный *н* в них не палатализован. Кроме того, тофалары употребляют местоимения *м'ин'ии* (мой) и *шин'ии* вместо нижнеудинских *мин'т'ээ*, *мин'т'ээк'и* и *шин'т'ээ*, *шин'т'ээк'и*, а также местоименные основы *түүн-тэрүү* наряду с литературной основой *тэрэ*: *түүн'и* (ту), *тэрүүгээр* (тем; там).

9. Порядковые числительные образуются, как и в нижнеудинском говоре², при помощи суффикса *-аатк'и* (*-оотк'и*, *-өөтк'и*, *-ээтк'и*). Правда, в нижнеудинском говоре согласный *к* суффикса не палатализован. Примеры: *гурбаатк'и* || *гурбаатка* (третий), *дөрбөөтк'и* || *дөрбөөткө* (четвертый), *джоргоотк'и*, нижнеуд. *јургоотка* (шестой), *долоотки* (седьмой), *јэһытк'и*, нижнеуд. *д'иһөөткэ* (девятый).

При определительном употреблении некоторых из этих числительных к ним иногда может наращиваться звук *н*, который также появляется у некоторых имен прилагательных и существительных в родительном падеже: *табаатк'ин клааста* (в пятом классе), *гурбааткин һарда* (третий месяц), *гушааткан жилдэ* (в тридцатом году); *колхоосоэн мор'и* (колхозная лошадь), *залуун күн* (молодой человек), *норон түлээ* (сырые дрова).

Суффикс *-аатк'и* разлагается на *-аат* (*-аад*) и *-к'и* (*-х'и*): *табаатк'и* || *табаад+хи* (пятый).

При счете количественные числительные в бурятском языке обычно произносятся без конечного *н*, в речи же тофаларов этот звук сохраняется: *нэгэн*, *хојор*, *гурбан*, *дөрбөн*, *табан*, *джоргоон*, *долоон*, *наэман*, *јөһөн*, *арбан*, *хорин* (один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать и т. д.).

Конечный *н* в количественных числительных сохраняется и в неко-

¹ См.: А. А. Дарбеева. Указ. соч., стр. 123.

² См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 49.

торых других случаях их употребления. Ср. *арбан дөрбөн болт'обо* и лит. *арбан дүрбэ болибо* (уже четырнадцатое число).

Однако этот звук проявляет свою устойчивость не во всех случаях. Многие имена могут употребляться и без *н*: *Цагаа көбкөн, хал'аар эд'инэ* (Олень питается ягелом и черемшой); *Энэ джил ногдэ хаэн ургаа* (В этом году трава выросла хорошая). Ср. также: *өмөдө*, лит. *үмдэн* (штаны), *н'урго*, лит. *н'урган* (спина), *шүдө*, лит. *шүдэн* (зуб), *улаа арт'и*, лит. *улаан арх'и* (красное вино), *сагаа морин*, лит. *сагаан мор'ин* (белая лошадь).

В то же время, когда слово с конечным *н* выступает в качестве прямого дополнения, в отличие от литературного языка этот звук в ряде случаев сохраняется: *саархан суруху* (писать), *көбкөн эд'икэ* (есть мох), *саархан тоолоко* (читать). *Г'оологоһууд алта олд жо јаджа базна* (Геологи не могут найти золото).

10. Предельное деепричастие образуется посредством аффикса *-са*: *хүрсэ*, лит. *хурэтэр* (до, по), *болсо*, лит. *болотор* (до тех пор, пока).

11. В бурятской речи тофаларов очень редко встречается многократное причастие на *-даг*. Вместо него со значением действия, совершаемого часто или неоднократно, употребляются изъяснительная форма настоящего времени (суффикс *-на*), постоянное причастие на *-ааша* и однократное причастие на *-гша* (редко): *Сојод зар'ман'шин б'эркээр бур'аа-һаар зугаалааша јэмэ. Ахаэн бур'ааһууд сојооһоор зугаална, т'ишгаад баһа тофалаараар зугаална зар'ман'шин* (Некоторые сойоты хорошо говорят по-бурятски. Окинские буряты говорят по-сойотски, а некоторые из них также и по-тофаларски). *Зар'ма өлөгшөн к'илограамда хүрсэ нэгэ өдөр өг ө ө ш ө јэмэ* (Некоторые олени матки дают до килограмма молока в день). *Ураэ нүүжэ баэхдаа мангад эв'ээ абаашагыи һан* (Раньше, когда жили в кочевьях, русских жен не брали). *Т'ишгаад Маријаа гэжэ гол б'иш, тэндэ хонааша* (Затем имеется река Мария, там обычно ночуют). *Ураэ б'и мэдээшэ һам* (Раньше я знал). *Мөнгөн'ийн'иш т'ээ бага үгэгши базна* (Да и денег-то дают мало).

В литературном языке постоянное причастие почти не употребляется в предикативной функции и не сочетается с утвердительными частицами.

12. Изъяснительная форма настоящего времени (аффикс *-на*) иногда используется со значением прошедшего времени: *Намаэ шкоолһоо каркад жк'ина һан тэрэ жилдэ. Хоэт жил јэркэш г'энэ* (Меня в том году исключили из школы. Сказали, прийти в следующем году).

13. В нижнеудинском говоре со значением обычного прошедшего времени часто употребляется форма интенсива типа *гарт'т'оо* (вышел), которая в литературном языке имеет значение мгновенности, неожиданности совершения действия. Это же наблюдается и у тофаларов: *Хор'ин долоотк'и жилдэ Алыгд жээр болд жаа* (В двадцать седьмом году был основан Алыгджер). *Хојор јакууһууд н'одһон јэрэв'ан: 50 цагаа өгөөбд'и, самол'оодоор абаад јабад жана* (Двое якутов приезжали сюда в прошлом году: им мы дали 50 оленей, которых они увезли на самолетах).

В литературном языке употребление условного деепричастия (аффикс *-бал*) ограничено. У тофаларов же оно применяется часто: *Шоно албал, зуһн сөлхөөб абха* (Если убьют волка, получают сто рублей). *Хара гөрөн'эн поһаалбал, тэрэ хаэн даа* (Если попадется медведь, — еще лучше).

В условных конструкциях иногда применяется служебное слово *болбол*: *Б'идэ хоюуһандаа болбол саһша жал хэптэхэ һэмдэ* (Если бы мы были вдвоем, — много накопили бы).

14. Служебный глагол *болохо* сочетается с отрицательной формой

причастия будущего времени, что не характерно литературному языку: *Эрхүүнээ сааша мэтхэеүи болхо тофалаар'и* (Дальше Иркутска тофаларов не знают). *Н'амарьши мэтхэеүи болхоб* (Ничего не знаю). *Лэкэ шуһан гараад, јүүмэ ханахагүи болиооб* (Из-за потери крови память у меня стала худая).

При отрицательных формах глаголов, а также при частицах отрицания *-гүи, үгээ*, присоединяемых к именам, часто употребляется утвердительная частица *јүмэ: газ'ээд тан'ихгээ јүмэб* (Газеты читать не умею). *Грааматна үгээ јүмэб даа* (Я неграмотный).

15. В единичных случаях русский суффикс *-ка-* присоединяется к бурятским словам: *хахуул'ка* (удочка), *чүлүүскэ* (ключ, отмычка).

В синтаксическом плане обращает на себя внимание копирование в некоторых случаях порядка расположения слов в русском предложении, употребление русских союзов и оформление сказуемых той глагольной формой, которая обычна в соответствующих русских предложениях: *Т'ишгаад амбулатоор'идо ошооб. Тэндэ јэкэ доогтор г'энэ: шамэји опэ'рааци г'экэ наада, а тоо г'энэ өкөд жөкөши. Срааза јэрэнэ — н'ээрвэ поомош машина. И намаэји Кузн'эцовск'и бол'н'ишцада абаадна. Тэндэ отлоод хаяд жана* (Затем я пошел в амбулаторию. Там врач говорит: «Тебя оперировать надо, а то, — говорит, — умрешь». Сразу приходит машина первой помощи, и меня увозят в Кузнецовскую больницу. Там меня оперировали). В отличие от литературного языка у тофаларов сказуемые *г'энэ, јэрэнэ* занимают место в середине предложения, употреблены русские союзы и модальные слова (*а то, и, надо*), сказуемые оформлены изъявительной формой настоящего времени. Вместо литературного *шамда оп'эрааца хэхэ* управляемое слово, как и в русском языке, стоит в винительном надеже: *шамэји оп'эрааца к'экэ* (будут оперировать тебя). В литературном языке приведенное выше высказывание имело бы такой вид: *Т'ишгээд амбулатоор'идо ошооб. Тэндэ доогтор: «Шамда оп'эрааца хэхэ хэрэгтээ, үгы наа үхэшэхэши», — гээ. Тишгээд түргэн туһалам жын машина тэрэ дороо јэрээ. Намаэји Кузн'эцовско больн'ишцада абаашаад, отолоод хаяа һэн.*

В тех случаях, когда тофалары затрудняются выразить какую-нибудь мысль на бурятском языке, они употребляют слова и выражения из русского языка: *Т'ишгээд на н'ээрвий крајэвэз сјээд Эрхүүдэ б'и д'эл'згаат базгааб и тан'а улад тэндэ јэрээ'ан* (Затем я был делегатом первого краевого съезда в Иркутске. И ваши люди туда приезжали). *Намаэји раэсполкоомдо л'икбээстэ баэлгадт'ина. Таам дваа с половиною годо б'и пр'эподаваат'эл базгааб* (Меня назначили в райисполком — на ликбез. Там состоял преподавателем два с половиной года). *Тэндэ'аа абаад, стааршиим статии'ст'иком Сэцүү раэсполкоомдо баэлгадт'ина. Т'ишгээд Эрхүүдэ ошооб — күүрсэдэ, четыр'оох м'ээс'ачна — сов'эетсковоо стрөйт'эл'стваа. Коончил, с'удаа отп्राав'ил'ши. Тэрэ күүрсэјээ дуудаад, б'иш эндэ јэрээб, с'экр'этар'оом с'эл'сов'этаа хкојор жил баэгааб* (Оттуда взяли, назначили старшим статистиком ЦСУ в райисполкоме. Затем поехал в Иркутск на четырехмесячные курсы советского строительства. Кончил курсы, сюда отправили. Два года работал секретарем сельсовета).

Д'этдоомдо Унгуштаајэв Н'иколаэ С'эрг'эјэв'ич б'иш. Бур'аад к'элэ мэдэкэ. Дазн'и бэр'ээм'идэ јэкэ нојон болоо даа, грааматна кун. Тэрэшэ мүнөө сп'итаат'эл штоо л'и (В детдоме есть Унгуштаев Николай Сергеевич. Знает бурятский язык. Во время войны был большим начальником. Грамотный человек. Сейчас он воспитателем, что-ли).

Туфалаар түв'иинһээ, бур'аадһаа үлэһэн јүүмэн. Јэхэнт'ин' түв'иин'и однааха. Мал'ээн'ха ондоо јазык (Тофалары образовались из смеси

бурят и тувинцев. Большинство, однако, из тувинцев. Язык лишь немножко отличается).

Тофалары в бурятскую речь часто вставляют вводные и служебные русские слова: *к о г д а а г р'эб, улад ороз болсо көдөлнө* (Когда гребля, люди работают допоздна). *Үглөө самол'оод жабад жа баэха о д н а а к о* (Завтра, однако, самолеты будут летать). *М о о ж э, улаа арт'и ацараа гү?* (Может, привезли красное вино?). *Унтабал муу, п о т о о м толгоэ өбөд жөкө* (Спать плохо, потом голова болит). *Т о о л ь к о эндэ бур'аад үгээ, татаар жуу, мангад олуун эндэ* (Здесь только бурят нет. Татар и русских много). *Шоно албал, Эрхүүдэ саарһа эл'гэхэ. Собаака л и , шоно л и гэжэ үзэхэ н а а д а* (Если убьют волка, надо бумагу отправлять в Иркутск. Проверить — собака это или волк).

Твердый порядок в предложении имеют лишь определение и определяемое. Остальные члены могут в нем располагаться вполне свободно: *Мангаһууд баһа абана — ман'и басгаһи. Нэгэ арбаад б'ии бээ кхојор гурбан кхолхооздо* (Русские тоже женятся на наших девушках. В двух-трех колхозах таких, наверно, будет около десяти). *Эндэ застаава базгаа јум һэн — даалдаан вр'ээм'идэ. Тэрэ застаава табан жил базгаа эндэ* (Во время войны здесь была застава. Эта застава простояла пять лет). *Иркүүдэ, ав'ацоонно шкоолдо илгээкэб көбүүјаа* (Сына отправлю в Иркутск, в авиационную школу). *Удаэн бур'аадта оло жабааб — далха*

абха г'эжэ (К удинским бурятам за мукой ездил много раз). *Кхојор жил аннангүи к'эбтээб гэртээ, п'ээрвэ грүүнэ инвал'иид болоод* (Два года лежал дома, не охотился: инвалидом первой группы стал). *Гурбан жил гаршба — Ахада жабаһанаа хошио* (Прошло три года с тех пор, как я был в Оке).

В деепричастных оборотах изредка субъект выражается личным местоимением в именительном падеже (в литературном языке — в родительном): *Б'ии арт'и ууд жа базбал, сукхалдад жаха, ханаајэн муу* (Если я буду пить вино, она рассердится, — вредная).

В ряде случаев управление глаголов отличается от литературного языка: *Сојоод зар'ман'ин б'эркээр бур'ааһар зугаалааша јэмэ в.м. лит. сојоодоз зар'ман'ин* (Некоторые сойоты хорошо говорят по-бурятски). *Б'ии унтаку дурум б'ии в.м. лит. унтахајаа ханааб* (Я хочу спать). *Тэрэ стар'иик даланһаа гаршоол даа в.м. лит. дала гараа* (Тому старику перевалило за 70 лет). *Залууһууд даа жи бур'аад үзөөгүи даа в.м. лит. бур'аад-дыја* (Молодые даже не видели бурят). *Б'ии зугаалкхајаа шадакгөб* (Я не умею говорить). *Бооханска бур'аад мангад адл'и базгаа в.м. лит. мангадта* (Боханские буряты были похожи на русских).

Бурятская речь тофаларов по составу лексики носит смешанный характер. В ней встречаются слова, употребляемые как нижеудинскими, так и окинскими бурятами. Например, как и нижеудинцы, понятие читать тофалары обозначают словом *тоолоко: саарһан тоолоко* (читать). В литературном языке *тоолохо* означает «считать». В западных диалектах в значении «читать» обычно употребляется слово *дуудаха*.

В литературном языке слово *үлэгшэн* обозначает лишь «самка собаки или волка». А окинцы это слово употребляют в значении «самка любого зверя». Тофалары самку оленя называют также *өлөгшөн*.

Слово *б'эркээр* употребляется со значением «сильно; много»: *Б'эркээр үјүн ушарна* (Сильно идет дым). *Эндэр б'ич б'эркээр эсэд жөвөб, јадаа гэд жэ күрд жэ јэрээб* (Сегодня я сильно устал, кое-как добрался).

Смешанный характер лексики бурятской речи тофаларов обуславливает переплетение в ней черт, свойственных западным и восточным говорам бурятского языка. В качестве примера приведем слова, которые

в указанных значениях преимущественно употребляются в западных говорах: *зугаа* (беседа, разговор), лит. *зугаа* (веселье, гулянье); *зугаалха* (говорить, рассказывать, разговаривать), лит. (веселиться, развлекаться, гулять); *мангад*, лит. *ород* (русский); *куур*, лит. *үгэ* (слово); *утаркаэ*, лит. *хахад* (половина); *шикэлкэ*, лит. *үбшэхэ* (сдирать кожу); *жаабалка*, лит. *хартаабха* (картофель); *һүлүүбши*, *чүлүүскэ*, лит. *түл'т'үүр*. (ключ, отмычка); *нооһон*, лит. *үһэн* (волосы), *иб'ээ || эб'э || эб'ии*, лит. *эжы* (мать), *цагааэ*, *сагаан || сагаа*, лит. *оро* (олень). Из восточнобурятских слов можно отметить: *мүргэхэ* (молиться), *шабһанца* (старушка), *сомохо* (стоговать), *тугаар* (недавно, только что), *сүлөө* (свободное время), *г'эр* (изба, дом), *сухалдаха* (сердиться, гневаться, возмущаться), *балаэ* (не очень, не так уж), *хүүгэд* (дети), *һөнөһө* (провизия, провиант), *г'э-дэһэн* (брюхо, живот) и т. д.

Довольно часто для обозначения одного и того же понятия употребляются как западнобурятские, так и восточнобурятские слова: *над жар* и *зун* (лето), *өглөө* и *маргааша* (завтра), *јабаха* и *мордохо* (выехать).

Из краткого обзора особенностей бурятской речи тофаларов видно, что в ней фонетико-грамматические и лексические особенности носят, как правило, факультативный, непоследовательный характер, так как на эту речь оказывают влияние самые различные источники: 1) нижнеудинский говор, относящийся к западному диалекту бурятского языка; 2) окинский подговор, относящийся к саянско-прибайкальскому или промежуточному диалекту; 3) родной тофаларский язык, входящий в состав тюркских языков и, наконец, 4) русский язык, принадлежащий индоевропейской семье языков.

В. И. РАССАДИН

БУРЯТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТОФАЛАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Тофалары, представляющие собой малочисленную тюркоязычную группу, в настоящее время проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области, в селениях Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара. Они объединены в колхозы и занимаются в основном охотничьим промыслом и отгонным оленеводством. В недалеком прошлом тофалары вели кочевой образ жизни. Их кочевья занимали обширные таежные пространства до северным склонам Восточных Саян, в верховьях рек Уды, Бирюсы, Кана, Гутары, Ии и отчасти левых притоков Оки, то есть в непосредственной близости от мест расселения нижнеудинских и окинских бурят. Села же нижнеудинских бурят (Солонцы и Сангарок) находились в районе зимних кочевков тофаларов. В этих селах, по сообщениям стариков-тофаларов, раньше жили буряты-купцы, специализировавшиеся на торговле с тофаларами. В обмен на пушнину тофалары получали верховые седла для езды на оленях, ремennую сбрую, войлок, обработанные овчины, кустарные охотничьи ножи и топоры, различные ткани, украшения и продукты питания. Иначе говоря, тофалары покупали у своих соседей-бурят предметы, необходимые им для их кочевого охотничье-олeneводческого хозяйства, которые они не могли производить сами.

Тесные связи были у тофаларов и с окинскими бурятами. В старину тофалары ездили в Оку, где при буддийском дацане каждое лето проводился религиозный праздник. Хотя тофалары сами и не были приверженцами ламаистской религии, бурятские ламы все-таки оказывали на них некоторое влияние. Эти ежегодные летние сборы при дацане во время хурала привлекали тофаларов, круглый год кочевавших в глухой безмолвной тайге, своим многолюдьем, религиозными представлениями, а главное, возможностью тут же купить необходимые предметы, в которых нуждались таежные охотники-олeneводы и которые были представлены здесь в большем ассортименте и выборе, чем у нижнеудинских бурят-купцов. В Орлике тофалары покупали у бурят лошадей, которыми пользовались только летом и осенью, а на зиму отдавали их на выпас нижнеудинским бурятам и русским крестьянам.

Все эти хозяйственные, торговые и культурные связи тофаларов и западных бурят не могли не отразиться на языке тофаларов, особенно на их лексике, как наиболее подвижной и восприимчивой части языка. Анализ материалов по лексике тофаларского языка, собранного автором во время летних лингвистических экспедиций в 1964 и 1965 годах, подтвердил это, дав целую группу слов, являющихся бурятскими лекси-

ческими заимствованиями в тофаларском языке. Об этом красноречиво говорят и фонетический облик слов, и их морфологическая структура, и семантика. Эти слова приведены ниже в порядке латинского алфавита, являющегося основой транскрипционных знаков, использованных для записи тофаларских слов. Для сравнения, кроме слов бурятского языка, нами привлечены монгольские и калмыцкие, фонетически несколько отличающиеся от бурятских. Из тюркских языков привлечены слова алтайского и тувинского, которые также претерпели в области лексики большое влияние монгольских языков: алтайский — ойратского, тувинский — собственно монгольского. Об этом свидетельствуют фонетический облик заимствованных слов, их морфологическая структура и значение.

Бурятизмы, в силу своеобразия их фонетического оформления, сравнительно легко отличаются от аналогичных монголизмов в этих тюркских языках, а также от других монголизмов в тофаларском языке. Итак, приведем список замеченных бурятизмов в тофаларском языке¹.

batagana (комар) < бур. алар. *батаганаа* (комар, комары). Ср. бур. лит. *батаганаан* (муха, мухи), монг. *батагана* (муха), калм. *батхн* (муха), но алт. *томонок*, *бѳкѳнѳк* (комар), тув. *ымыраа* (комар).

biʒa (браслет) < бур. *бугааг* (браслет). Ср. монг. *бугуйвч* (браслет), калм. *буһу* (браслет), алт. *билектууш* (браслет), тув. *билектээш* (браслет).

bulsun (мышцы голени) < бур. *булшан* (икры ног; мускулы, мышцы). Ср. монг. *булчин* (мышца), калм. *бульчн* (мышца), алт. *балтыр* (мышцы ног, икры), тув. *балдар* (икры ног).

buru:tʰi (виновный) < бур. *буруута* (виновный). Ср. монг. *буруут* (виновный), калм. *бурут* (виновный; и неверный), алт. *бурулу* (виновный), тув. *буруулуг* (виновный).

sik (хитрость) < бур. алар. *жэг* (хитрость). Ср. монг. *жиг* (что-либо непонятное), калм. *жиг* (что-либо странное), алт. *меке*, *суме* (хитрость), тув. *меге* (хитрость).

siktɛ (хитрый) < бур. алар. *жэгтэ* (хитрый). Ср. бур. лит. и монг. *жигтэй* (странный), калм. *жигтэ* (странный), алт. *сумелу* (хитрый), тув. *меге* (хитрый).

had'zu:r (коса — для сенокошения) < бур. *ха жуур* (коса — для сенокошения). Ср. монг. *хадуур* (коса), калм. *ха ж*, *шалһ* (коса), алт. *чалгы* (коса), тув. *кадыыр* (коса).

haɣ (казан) < бур. *һан(г)* (казна; казначейство). Ср. монг. *сан(г)* (казна), калм. *шанһа* (казна), алт. *казна* (казна), тув. *сан* (казна).

harsy (плаха, доска) < бур. *харша* (плаха, колотая доска). Ср. монг. *банз* (доска), калм. *харһа* (доска), алт. *доско* (доска), тув. *манза* (доска).

haza:r (узда — конская) < бур. *хазаар* (*хаза:r*) (узда). Ср. монг. *хазаар* (*hadza:r*) (узда), калм. *хазар* (узда), алт. *уйген* (узда), тув. *чуген* (узда).

hel'be (весло) < бур. *һэльбэ* (весло). Ср. монг. *сэлбүүр* (весло), калм. *хээв* (весло), алт. *эшки* (весло), тув. *эшки(иш)* (весло).

hemnɛ:r (мерить, измерять) < бур. зап. *хэмнэхэ* (мерить, измерять, взвешивать). Ср. бур. лит. *хэм жэхэ* (мерить, измерять), монг. *хэм жиx* (измерять), калм. *кем жэлх* (мерить), алт. *кемјиур* (мерить), тув. *хемчээр* (мерить)

¹ Бурятские слова взяты из Бурят-монгольско-русского словаря Е. М. Черемисова (М., 1951). Монгольские, калмыцкие, алтайские и тувинские слова — из словарей, имеющих по этим языкам. Все сравниваемые слова приводятся в орфографии, принятой в соответствующих языках.

² См.: Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, стр. 70, 91.

hl'ε:тэ (печеный хлеб) < бур. зап. *хэлээмэ* (печеный хлеб)² < русск. *хлеб*. Ср. бур. лит. *хилээмэн* (хлеб), монг. *талх* (хлеб), калм. *өдмг* (хлеб), алт. *калаш* (хлеб), тув. *хлеб* (хлеб).

hǔbǎl (желоб, паз) < бур. *хобол* (желоб, паз; канава водосточная). Ср. монг. *ховил* (паз, желобок; канавка), калм. *жолв* (желоб), алт. *чорго* (желоб), *чертик* (паз), тув. *ховул* (желобок, паз).

hǎra (яд, отравка) < бур. *хоро* (яд, отравка; вред, зло). Ср. монг. *хор* (яд; вред, зло), калм. *хорн* (яд), алт. *корон* (яд), тув. *хора* (вред, зло).

hо: (мелкие холодные угли) < бур. *хөө* (уголь; сажа). Ср. монг. *хөө* (сажа), калм. *кө* (сажа), алт. *кб̄* (сажа), тув. *хөө* (сажа).

hǔdʒu (всегда) < бур. нижнеуд. *хужа* (всегда)¹. Ср. бур. лит. *хүжэ* (сплошной), монг. *хэээд*, *үргэлж* (всегда), калм. *үргэлж* (всегда), алт. *јаантайын* (всегда), тув. *үргүлчү* (всегда).

hu:l'i (закон) < бур. *хуули* (*хи:l'i*) (закон). Ср. монг. *хууль* (*хо:l'*) (закон), калм. *закан* (закон), алт. *закон* (закон), тув. *хоойлу* (закон).

hǔr'ε: (изгородь, ограда) < бур. зап. *хүрээ* (изгородь, ограда). Ср. бур. лит. *хорёо* (изгородь, ограда), монг. *хүрээ* (монастырь; ограда), калм. *күрен* (монастырь), алт. *чеден* (ограда, изгородь), тув. *херим* (изгородь), *хүрээ* (монастырь).

ǰhǔ (уважение, честь, почет) < бур. *ёho* (правила, традиция; приличие, церемонии, почести). Ср. монг. *ёс* (обычай, традиция, церемония), калм. *йос* (церемония, обряд), алт. *кунду* (почет, почести), тув. *ёзу* (обряд, обычай; нрав, характер, дух).

k'er'el (стекло) < бур. зап. *гэрэл* (стекло; очки). Ср. бур. лит. *гэрэл* (свет, луч), монг. *гэрэл* (свет, луч) калм. *герл* (свет), алт. *шили* (стекло), *чок* (луч), тув. *шил* (стекло), *херел* (луч; фара).

tǎndur (крупный град) < бур. нижнеуд. *мондор* (град)². Ср. бур. лит. *мүндэр* (град), монг. *мөндөр* (град), калм. *мөндр* (град), алт. *мөндөр* (град), тув. *долу* (град).

nǎhε:r (догонять) < бур. *нэхэхэ* (догонять, преследовать, гнаться; требовать, разыскивать). Ср. монг. *нэхэх* (требовать, разыскивать; преследовать, догонять), калм. *некх* (требовать), алт. *некеер* (требовать), тув. *негээр* (требовать).

qu:l'i (желтая медь, латунь) < бур. *гуули* (*qu:l'i*) (латунь, желтая медь). Ср. монг. *гууль* (*qо:l'*) (латунь, желтая медь), калм. *зэс* (латунь), алт. *куулы* (желтая медь), тув. *хола* (латунь).

sataq (затвор ружья) < бур. *замаг* (*затаq*) (затвор ружья) < русск. (архаизм) *замок* (затвор ружья). Ср. монг. *замаг* (*dzataq*) (затвор ружья), калм. *затвор* (затвор), алт. *чактырма* (затвор); тув. *чамык* (затвор).

sǎrg'ε (коновязь) < бур. *сэргэ* (коновязь). Ср. монг. *морины уя(н)* (коновязь), калм. *мөр уйдг һазр* (коновязь), алт. *чакы* (коновязь), тув. *баглааш* (коновязь).

sǎ:hǎr (пестрый — о масти лошади) < бур. *соохор* (пестрый, чубарый — о масти). Ср. монг. *цоохор* (рябой, пятнистый — о масти), калм. *цоохр* (пестрый), алт. *чоокыр* (пестрый), тув. *шокар* (пестрый).

sǎ:l (печь любого типа) < бур. алар. и бох. *соол* (печь). Ср. монг. *зуух* (печь), калм. *беш* (печь), алт. *печке* (печь), тув. *суугу* (печь).

sǎ:k'ej (саламат, вареная сметана) < бур. нижнеуд. *зо:ке* (сметана)³. Ср. бур. лит. *зөөхэй* (сметана), монг. *зөөхий* (сметана), калм. *өрм* (сливки, сметана), алт. *каймак* (сливки, сметана), тув. *өреме* (сливки, сметана).

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Л., 1930.

² Там же.

суула:n (съезд пяти тофаларских родов) < бур. *суулаан* (собрание). Ср. монг. *цуглаан* (митинг, сходка), калм. *цуглран* (собрание), алт. *јуун* (собрание), тув. *чыыш* (собрание).

сула (свеча, лампада) < бур. *зула* (*зула*) (свеча, лампада). Ср. монг. *зул* (*dzul*) (лампада), калм. *зул* (*zul*) (лампада); алт. *свеча* (свеча), тув. *чула* (свеча, лампада).

^{v.}
сүдэр (пути для лошадей) < бур. *шүдэр* (пути). Ср. монг. *чөдөр* (пути), калм. *туша* (пути), алт. *тужак* (пути), тув. *душак* (пути).

табын сауа:n (название цветка с пятью белыми лепестками) < бур. *табан сагаан* (пять белых). Ср. монг. *тавн цагаан* (пять белых), калм. *тавн цаһан* (пять белых), по-тюркски *беш ак* (пять белых).

таһалҫа (перегородка) < бур. *таһалга* (перегородка, комната). Ср. монг. *тасалгаа(н)* (комната), калм. *өрэ* (комната), алт. *бөлүнти* (перегородка), тув. *өрээлдээшкин* (перегородка).

торһо (бочка) < бур. *торхо* (бочка, кадка). Ср. монг. *торх* (бочка, кадка), калм. *бочк* (бочка), алт. *бочко* (бочка), тув. *доскаар* (бочка, кадка).

тууул (теленос коровы — устар. слово) < бур. *тугал* (теленос). Ср. монг. *тугал* (теленос), калм. *туһл* (теленос), алт. *бозу* (теленос), тув. *бызаа* (теленос).

уйдар (грустить) < бур. *уйдаха* (грустить тосковать, кручиниться). Ср. монг. *уйдах* (грустить, скучать), калм. *уйдх* (грустить), алт. *эригер* (грустить), тув. *мунгараар* (грустить).

ур'э: (трехлетняя лошадь) < бур. *үрээ* (четырёхлетняя лошадь). Ср. монг. *үрээ* (трех-четырёхгодовалый жеребос, мерин), калм. *гунн* (трех-четырёхлетний жеребос), алт. *кунан* (трехлетний жеребос), тув. *кунан* (трехлетняя лошадь).

Приведенные выше примеры в тофаларском языке являются бурятизмами. Основными критериями для такого утверждения послужили: фонетический облик слов, морфологическая структура, семантика и отсутствие аналогичных монголизмычных заимствований в соседних тюркских языках, от которых тофалары могли бы в свою очередь заимствовать эти слова. Так как буряты являются непосредственными монголизмычными соседями тофаларов, некоторые общемонголизмыские слова, например, такие, как *тугал*, *уйдах*, могли прийти в тофаларский язык от бурят, ибо с монголами и ойратами у тофаларов не было непосредственных контактов.

Из приведенных выше примеров видно, что бурятские лексические заимствования в тофаларском языке в отношении своего фонетического оформления не очень отходят от оригинала. Тофаларский язык отразил бурятские звуки, сохранив в заимствованных словах специфику фонетической системы бурятского языка. Ее отличие от фонетических систем других монголизмычных языков — наличие звука *h* вместо *c*, *c* вместо *ц*, *ш* вместо *ч*, а также отсутствие аффрикат.

Бурятские слова, проникнув в тофаларский язык путем непосредственного живого общения народов, конечно, в известной мере подверглись фонетическому изменению согласно действующим в тофаларском языке фонетическим законам. Из фонетических особенностей передачи бурятских звуков в тофаларском языке следует отметить следующие: 1) совмещение в тофаларском звуке *s* бурятских начальных *c* и *з*; 2) совмещение в тофаларском звуке *h* бурятских *h* и *х*; 3) передача тофаларскими ^v *ä'* ^v *z* и *c* бурятского звука *ж*; 4) передача тофаларскими *k* и *q* соответственно бурятских начальных заднеязычного *g* (*q*) и увулярного *g* (*G*); 5) сохранение долгих гласных, особенно долгого узкого *уу* (*u:*). В монголизмыском

языке этот гласный произносится широко и не так огубленно, акустически приближаясь к тюркскому долготному *oo* (о:), что получило отражение в их заимствованиях из монгольского языка. Например, монг. *буу* (bo:) (ружье) > тув. *боо* (ружье) > тоф. *bo:* (ружье).

Следует отметить, что тофалары сохранили морфологический облик заимствованных ими слов. Заимствованные бурятские имена существительные и прилагательные, наречия и глаголы в тофаларском языке так и остаются в соответствующих лексико-грамматических разрядах. Заслуживает также внимания заимствование прилагательных с сохранением бурятских аффиксов и лексико-грамматического значения этих слов: бур. *буруу* (вина) + *-та* — *буруута* (виноватый) > тоф. *buru:t:u* (виноватый), бур. *жэг* (хитрость) + *-тэ* — *жэгтэ* (хитрый) > тоф. *ciktə*^v (хитрый). Сохранили свои формы и другие заимствования: наречие *hud'zu*^v (всегда) и ряд глагольных основ — *hemne*- (мерить), *nehe*- (догонять) и *ujud*- (грустить).

От многих заимствованных бурятских имен существительных образованы глаголы посредством уже тофаларской морфологии. Например, *hɔ:lɛ:r* (чертить углем) от слова *hɔ:* (уголек), *hel'belɛ:r* (гresti веслом) от *hel'be* (весло), *hɔrala:r* (отравлять) от *hɔra* (яд) и др. Эти факты говорят о том, что бурятские лексические заимствования прочно вошли в лексику тофаларского языка, органически вросли в нее. Но в количественном отношении они занимают сравнительно незначительное место.

Бурятизмы в тофаларском языке — это в большинстве своем названия тех предметов и явлений, с которыми тофалары-кочевники познакомились у своих оседлых соседей-бурят. Языковой материал позволяет указать на то, что эти заимствования пришли к тофаларам от западных, или иначе говоря, от добайкальских бурят. Как отмечалось уже выше, именно с этими бурятами тофалары и имели хозяйственные, торговые и культурные связи. О том, что эти связи существовали сотни лет, говорят исторические документы, грамоты русских землепроходцев, которые в XVII веке называли карагасов (предков современных тофаларов) данниками бурят¹.

Приведенный лексический материал о бурятских заимствованиях в тофаларском языке лишний раз подтверждает мысль, что в лексике любого языка может быть зафиксировано историческое прошлое народа, носителей этого языка. Дальнейший сбор материалов по лексике тофаларского языка и их изучение наверняка вскроют дополнительные данные, которые смогут расширить круг сведений об истории взаимоотношений и связей тофаларов и бурят.

¹ См.: Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 137.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- агин.* — агинский
агин. бур. — агинские буряты
адекв. — адекватный
азерб. — азербайджанский
акад. — академик
алар. — аларский
алт. — алтайский
алт. подгов. — алтайский подговор
арх. — арханзм
барг. — баргузинский
башк. — башкирский
бич. — бичурский
бл. — блокнот
Б ЛМЯ — Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков (диссертация), М., 1946
БНД — ул. Цаган-Челутай. Осведомитель Бадмаев Н. Д., рождения 1905 года
БНЮ — ул. Цаган-Челутай. Осведомитель Батомункуев Н. Ю., 1885 года рождения, шарнут
бох. — боханский
БРП — Т. А. Бертагаев. К вопросу о внутренних законах развития полисемии. «Изв. АН СССР», ОЛИЯ, вып. 6, М., 1951
Б УФС — Т. А. Бертагаев. Устойчивые фразеологические сочетания. «Сб. трудов по филологии». Улан-Удэ, 1949
бул. — булагатский
бур. — бурятский
бур. окин. — бурятский окинский
бур. разг. — бурятский разговорный
бур. хор. — бурятский хоринский
бур. яз. — бурятский язык
ВББ — ул. Хилгантуй Кяхтинского аймака. Осведомитель Вампилов Б. Б., 1883 г. рожд., цонгол
вет. — ветеринарный
вин. п. — винительный падеж
вм. — вместо
ВМЦ — ул. Убур-Дзокуй Селенгинского аймака. Осведомитель Вампилов М. Ц., 1886 г. рожд., арвантан
вост.-монг. — восточно-монгольский
Г МС — Монгольско-русский словарь, составленный К. Ф. Голстунским, т. III, СПб., 1893
гов. — говор
ГРГ — ул. Кудара-Сомон Кяхтинского аймака. Осведомитель Гармаев Р. Г., 1890 г. рожд., абагад
дагур. — дагурский
ДАН — В № 7 Докл. АН, 1929
дарх. — дархатский
Д БХГ — Дугар-Жабон. Бурят-монгол хэлэнэй грамматика. Улан-Удэ, 1952
дат.-м. п. — дательного-местный падеж
ДГЦ — ул. Кудара-Сомон. Осведомитель Доржиев Г. Ц., 1888 г. рожд., абагад
дер. — деревня
д жид. — джидинский

- диал. — диалектный
 доревол. — дореволюционный
 досл. — дословно
 древнетюрк. — древнетюркский
 ед. ч. — единственное число
 заг. — загустайский
 заим. — заимствованный
 закам. — закаменский
 зап. — западный
 зап.-бур. — западно-бурятский
 зап.-монг. — западно-монгольский
 зап.-халх. — западно-халхаский
 ЗБД — ул. Усть-Дунгуй Кяхтинского аймака. Осведомитель Занданов Б. Д., 1884 г. рожд., ашабагад
 им. п. — именительный падеж
 исх. п. — исходный падеж
 каб. — кабанский
 казах. — казахский
 калм. — калмыцкий
 капс. — капсульский
 кач. — качугский
 кирг. — киргизский
 кит. — китайский
 К РБС — Русско-башкирский словарь. Составила Г. Р. Каримова, под редакцией проф. Н. К. Дмитриева, около 14 000 слов. М., 1954
 курамч. — курамчинский
 кях.-цонг. — кяхтинско-цонгольский
 лит. — литературный
 лит. бур. — литературный бурятский язык
 лит.-орф. — литературно-орфографический
 лит. яз. — литературный язык
 маньч. — маньчжурский
 межд. — междометие
 мн. ч. — множественное число
 МСМ — монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. М.-Л., АН СССР, 1938
 монг.-письм. — монгольско-письменный
 монг. яз. — монгольский язык
 М ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951
 мух.-шиб. — мухор-шибирский
 нар. — наречие
 НЖС — Намхайн Жамбал Сурэн. Тибетские слова в монгольском языке (автореферат). М., 1961
 ни жнеуд. — нижеудинский
 ноех. — зафиксировано в ул. Ноехон Селенгинского аймака
 обус. — обусинский
 ойрат. — ойратский
 ойрат.-халх. — ойратско-халхаский
 окин. — окинский
 он. хамн. — ононско-хамниганский
 оронг. — оронгойский
 ор. п. — орудный падеж
 орф. — орфографический
 ОХГ — ул. Кударса-Смог. Осведомитель Олдоссыва Х. Г., 1895 г. рожд., абагад
 парн. — парный
 перен. — переносный
 перс. — персидский
 ПНСБ — Присвядения народной словесности бурят, вып. III.
 РБВ — ул. Цаган-Челутэй Кяхтинского аймака. Рагжурв Б. Б., 1884 г. рожд., шарнут
 рел. — религиозный
 РКМС — Ринчинэ. Краткий монгольско-русский словарь, под ред. проф. Г. Д. Санжеева, М., 1947
 РО НИИК — 1725 ДД — Материалы Рукописного отдела Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры¹, собранные Держиевым Да-

¹ В дальнейшем: „Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры будет обозначаться сокращенно БМ НИИК.

- ши-Нима Доржиевичем, инв. № 1725
РО НИИК — 1728 ШЛ — Материалы Рукописного отдела БМ НИИК, собранные Шагдаровым Лубсаном, инв. № 1728
РО НИИК — 2704 ХБ — Материалы Рукописного отдела БМ НИИК, собранные Хажеевым Борисом, инв. № 2704
Р ХБГ — А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. СПб., 1913—1914
РО НИИК — 2704 АА — Материалы Рукописного отдела БМ НИИК, собранные Алтаевым Афанасием, инв. № 2704
РТС — Русско-тувинский словарь, под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1955
род. п. — родительный падеж
руск. — русский
санскр. — санскрит
СДБ — ул. Хилгантуй Кяхтинского аймака. Самбуев Д. Б., 1889 г. рожд., цонгол.
С ДГФ — Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., АН СССР, 1931
С НГ — Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., АН СССР, 1930
сел. — селенгинский
сел.-заг. — селенгинско-загустайский
сел.-оронг. — селенгинско-оронгойский
сел.-цонг. — селенгинско-цонгольский
сиб. — сибиризмы
син. — синоним
С НГ — Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., АН СССР, 1930
сол. — солонский
совм. п. — совместный падеж
совр. — современный
Сокров. сказ. — Сокровенное сказание
соч. — сочинение
С РКС — Русско-казахский словарь, под редакцией Н. Т. Сауранбаева, 50 000 слов. М., 1954
С СГМЯ — Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков
стмп — старомонгольско-письменный
Тарб. — Тарбальджей
тат. — татарский
токл. подгов. — токчинский подговор
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский
тугн. тугнуйский
тунк. — тункинский
тюркс. — тюркский
узб. — узбекский
унг. — унгинский
У.-П. — Ульхун-Партия
урульг.-хам. — урульгинско-хамниганский
устар. — устаревший
У ТС — Д. Н. Ушаков. Толковый словарь
фольк. — фольклор
халх. — халхаский
хамн. — хамниганский
хор. — хоринский
ЦГБ — ул. Мурочи. Цыденов Г. Б., 1926 г. рожд., цонгол
ЦДБ — ул. Мурочи. Цыдыпов Д. Б., 1876 г. рожд., цонгол
ЦНД — ул. Мурочи. Цыдынова Н. Д., 1915 г. рожд., цонгол
цонг. — цонгольский
Ц РБС — Русско-бурят-монгольский словарь, под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954
Ч БС — Бурят-монгольско-русский словарь. Составил К. М. Черемисов. М., 1951
ЧЦЧ — ул. Кудара-Сомон. Чойбсонов Ц. Ч., 1892 г. рожд., абагад
эвенк. — эвенкийский
ЭСГ — ул. Цаган-Челутай. Эрдынеев С. Г., 1895 г. рожд., батад
эх.-бул. — эхирит-булагатский
эхир. — эхиритский
якут. — якутский

Замеченные опечатки

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
17	14		хојөр	хојор
87	15		чинаха	чигнаха
157		2	рбуслагха	буслагха
157		1	мү эгхэ	мүрэгхэ
161		22	кая);	ка я);

О Г Л А В Л Е Н И Е

Б. В. М а т х е е в. Очерки эхирит-булагатского говора	3
Общие замечания	3
Фонетические особенности	5
Морфологические особенности	8
Об аффиксах множественности	9
О суффиксах собирательности	12
Об особенностях аффиксов падежей	13
О степени качества имен прилагательных	15
Местоимения	17
О лично-притяжательных частицах	19
О частицах возвратного притяжания	19
Имя числительное	19
Глагол	20
О служебных словах	21
Лексические своеобразия	23
Названия частей тела человека	23
Болезни и их лечение	24
Человек, названия родства, пола, возраста	25
Названия, относящиеся к физиолого-психическому действию, состоянию и свойству человека	28
Названия некоторых элементарных действий	30
Названия некоторых понятий, относящихся к общественной сущности человека	31
Названия кушаний и напитков	31
Названия утвари, предметов домашнего обихода	32
Названия одежды, украшений	33
Названия построек, жилищ	33
Названия средств передвижения	34
Термины земледелия	35
Термины животноводства	35
Терминология ремесла	36
Названия зверей и птиц. Терминология охоты	37
Названия рыб терминология рыболовства	38
Названия насекомых	38
Названия растений, ягод	38
Названия рельефа местности	39
Астрономические и метеорологические названия	39
Названия месяцев и времен года	40
Изобразительные (или образные) слова, междометия	40
Названия локально-пространственных и временных понятий	41
Фразеологические обороты и идиомы	41
Субстанционально-глагольные сочетания	41
Адъективно-субстанциональные сочетания	42
Адвербиально-глагольные сочетания	43
Характер лексических расхождений	43
З а к л ю ч е н и е	45
А. Г. М а н т р о ш к и н а. Говор качугских (верхоленских) бурят	47

Фонетические особенности	49
О вокализме говора	49
Соответствия гласных мягкого ряда	50
Соответствия гласных твердого ряда	50
Редукция и выпадение гласных	51
Метатеза	51
О консонантизме говора	52
Выпадения согласных	53
Факты чередования звуков внутри говора	54
Морфологические особенности	55
Употребл. пие форм множественного числа	55
О падежных аффиксах	57
О формах субъективной оценки качества	58
О некоторых глагольных формах	58
О служебных словах	59
Лексические особенности	59
Собственно-лексические расхождения	60
Параллельные слова	61
Люди, их родственные и другие отношения	61
Животный мир	63
Земледелие и огородничество	64
Материальная культура	66
Названия светил, явлений природы	69
Расхождения внутри говора	69
Лексико-семантические расхождения	70
Выпадение слов из словаря исследуемого говора и заимствование из русского языка	71
Д. Г. Дамдинов. Этно лингвистический очерк хамниганского говора	
Введение	74
Фонетические особенности	79
Лексические особенности	88
Морфологические особенности	100
Имя существительное	100
Имя прилагательное	105
Имя числительное	106
Местоимение	108
Глагол	108
Наречие	111
Послелог	112
Частицы	113
Союзы	114
Междометия	114
Заключение	115
И. Д. Буряев. Некоторые фонетические особенности говора аларунгинских бурят	117
Ц. Б. Будаев. Изменения в лексике и фразеологии цонгольского говора	
Пополнение лексики и фразеологии говора неологизмами	136
Переход лексических и фразеологических единиц в историзмы и архаизмы	147
Приобретение словами нового содержания	152
Л. Д. Шагдаров. О некоторых языковых особенностях тугнуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке	156
Ц. Б. Цыдендамбаев. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят	164
Л. Д. Шагдаров, В. И. Рассадин. Об употреблении тофаларми бурятского языка	176
Фонетические особенности	177
В. И. Рассадин. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке	187
Условные сокращения	192

Цена 1 р. 29 к.

УЛАН-УДЭ 1968